А. И. ЕРЕМЕНКО

СТАЛИНГРАД

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
А. И. ЕРЕМЕНКО

СТАЛИНГРАД

Записки командующего фронтом

★

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1961

Настоящая книга посвящена одному из грандиозных событий Великой Отечественной войны — Сталинградской битве в 1942/43 году.

Автор, ее непосредственный участник в роли командующего фронтом, раскрывает эту большую тему на основе личных воспоминаний, документальных материалов с привлечением работ ряда советских и иностранных авторов.

В труде широко показаны большой размах, напряжение боевых действий, составлявших содержание Сталинградской битвы, суровые испытания, которые стойко выдержали советские войска, боевое мастерство и героизм, проявленные в ожесточенных боях советскими воинами.

По своему содержанию книга охватывает Сталинградскую битву в целом, освещая оба ее периода — оборонительный и контрнаступление, завершившееся ликвидацией сталинградской группировки гитлеровцев (6-й и 4-й танковой армий); по каждому разделу, а также по отдельным вопросам военного искусства даются теоретические выводы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Еременко Андрей Иванович

Сталинград

Редактор *А. Г. Афанасьев*
Технический редактор *Р. Л. Соломоник*
Корректор *М. Н. Артамонова*

Сдано в набор 8.4.60 г. Подписано в печать 19.1.61 г.
Формат бумаги $84 \times 108^{1}/_{32}$ — $15^{3}/_{4}$ печ. л. = 25,83 усл. печ. л.+7 накидок—$^{7}/_{8}$ п. л.= =1,43 усл. п. л. + 24 вкл.—$2^{1}/_{4}$ п. л. = 4,51 усл. п. л. 29,326 уч.-изд. л. Тир. 100 000
Г-72528.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, Центр, Тверской бульвар, 18

Изд. № 7/1139 Зак. № 272

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 1 р. 45 к.

ОТ АВТОРА

Книга «Сталинград» охватывает в основном действия войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов в период Сталинградской битвы. Чтобы читатель имел более широкую общую картину событий того периода, даются, но весьма кратко, сведения о действиях соседних фронтов. Эта краткость ни в коей мере не должна умалить значительный вклад в общее дело победы воинов этих фронтов. Фотоиллюстрации также даются по двум названным фронтам.

Книга создана главным образом на основе личных воспоминаний. При ее написании использованы архивные материалы, военно-исторические труды отечественных и зарубежных авторов, фронтовая печать.

Отдельные участники битвы по просьбе автора любезно предоставили в его распоряжение имевшиеся у них материалы. В связи с этим автор приносит сердечную благодарность: Маршалу Советского Союза К. С. Москаленко, генералу армии Ф. И. Голикову, генерал-полковнику М. С. Шумилову, Маршалу авиации Н. С. Скрипко, генерал-лейтенанту авиации Н. Г. Селезневу, генерал-лейтенанту Н. П. Анисимову, генерал-майору Е. А. Райнину.

Искренняя признательность выражается майору В. К. Печоркину за большую помощь в обработке материалов и подготовке рукописи к печати, полковнику Ф. В. Орлову, который помог автору восстановить в памяти многие детали боевой жизни и принял участие в обработке некоторых материалов, а также полковнику В. С. Петрухину за помощь при изготовлении схем и В. А. Дружкову за подготовку фотографий.

☆

Участникам великой битвы под Сталинградом в знак глубокого уважения посвящает свой труд автор.

Сталинград является символом нашей великой победы над фашизмом.

Н. ХРУЩЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Чем дальше от наших дней отодвигаются события минувшей Великой Отечественной войны, тем зримее становится их непреходящее историческое значение, тем нагляднее вырисовывается величие нашей победы, оказавшей громадное воздействие на ход мировой истории, тем ярче проявляется величие и значение бессмертного подвига советского народа, спасшего миллионы и миллионы людей Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения.

Великая Отечественная война перед всем миром продемонстрировала несокрушимое могущество нашего социалистического государства, мудрость и дальновидность ленинской политики Коммунистической партии, единство и выдержку советского народа.

Разгромив наголову фашистских захватчиков, сокрушив самую мощную по тому времени армию капиталистического мира, советский народ и его Вооруженные Силы покрыли себя неувядаемой славой. Ведь действительно в истории не было еще завоевателя, который обладал бы такой чудовищной военной машиной, предназначенной для завоевания мирового господства, какую создала гитлеровская Германия. До ее нападения на СССР гитлеровцы, как известно, оккупировали чуть ли не всю Западную Европу. В капиталистическом мире не нашлось силы, способной остановить фашистскую агрессию. Это оказалось по плечу Советской Армии. Потому-то заслуги нашего народа перед человечеством в этой войне являются предметом законной гордости советских людей.

Если до войны Советский Союз был единственным социалистическим государством, то теперь существует ряд социалистических государств. Образовался мировой социалистический лагерь.

Наша победа во второй мировой войне положила начало эпохе, когда в результате все возрастающей мощи миролюбивых сил во главе с Советским Союзом войны перестали быть фатальной неизбежностью.

Вооруженная борьба советского народа против германского фашизма вылилась в ряд битв и крупных сражений. В цепи этих битв и сражений выдающееся историческое место принадлежит битве под Сталинградом.

Сталинградская битва явилась поворотом в ходе великой борьбы всего прогрессивного человечества против смертельной угрозы фашистского варварства.

Как заря предвещает окончание ночи, так и величественная победа нашего народа в битве под Сталинградом предвещала конец гитлеровской тирании, приближение полной победы над ненавистным врагом.

В Сталинградской эпопее с необычайной силой проявились высокие, благородные качества советского народа и его героической армии: горячий советский патриотизм, преданность делу Коммунистической партии, боевое содружество воинов всех национальностей, несгибаемое мужество и самоотверженность, непреклонная стойкость в обороне и дерзостная доблесть в наступлении, нерушимая связь и взаимопомощь фронта и тыла, солдат и тружеников заводов и полей.

В героике сталинградских сражений особенно зримо проявилась руководящая, направляющая и вдохновляющая сила великой партии коммунистов — носительницы бессмертных ленинских идей.

В предлагаемой вниманию читателя книге автор попытался показать боевые дела воинов-сталинградцев — солдат, офицеров и генералов, которые без остатка отдавали свои знания, умение, энергию, волю, свою кровь и даже самую жизнь делу победы над врагом, делу освобождения священной земли нашего социалистического Отечества. Битва под Сталинградом, несомненно, останется самой неизгладимой страницей в жизни каждого ее участника, страницей, которая оставила множество самых ярких, глубоких впечатлений, потребовала напряжения всех моральных и физических сил, укрепила высокую гордость за наших советских людей, безыменных и скромных героев, отдававших делу защиты города, а затем и разгрома врага у стен его все силы души

и разума. Битва под Сталинградом — это действительно золотая страница военной истории нашего народа.

Многое написано об этой битве, многое хранится в памяти ее участников и еще не нашло отражения в нашей военной литературе. Как непосредственный участник этой битвы, считаю долгом поделиться своими воспоминаниями о ней с нашими читателями, в меру своих возможностей рассказать им о знаменательных событиях и славных людях суровых дней Сталинградского сражения, наконец, высказать свое мнение по ряду военно-теоретических вопросов. Эти теоретические суждения находятся на уровне минувшей войны, и их нельзя было не коснуться при изложении событий того или иного периода. Для автора этой книги участие в битве явилось своеобразным экзаменом перед народом и партией на право носить высокое звание советского военачальника.

Прежде чем приступить к непосредственному рассказу о битве, я позволю себе очень коротко отметить те изменения в обстановке на советско-германском фронте, которые произошли в связи со Сталинградской битвой, а также некоторые аспекты ее оценки.

* * *

В тот период наиболее развитые во всех отношениях области восточного полушария с огромными сырьевыми ресурсами, высоко развитой промышленностью и сельским хозяйством находились в руках германских монополистов и их союзников. Огнем и мечом они насаждали здесь «новый порядок», при котором все ставилось на службу войне. Освободительное движение в порабощенных странах в то время не приобрело еще сколько-нибудь значительного размаха. Как чудовищный спрут на теле Европы, разбух в этот период фашизм, высасывая соки с огромных пространств от Донских степей на востоке до Бискайского залива на западе и от Баренцева моря на севере до Средиземноморского побережья Северной Африки на юге. Одновременно огромные территории в Азии были захвачены партнером фашистской Германии — Японией. Инициатива в ведении боевых действий на Дальневосточном театре, несмотря на то что США и Англия уделяли ему почти все внимание, находилась в руках их противника. Империалистическая

Япония выжидала удобного момента, чтобы нанести удар в спину советскому народу, ведущему единоборство с гитлеровским райхом [1].

Однако после летне-осенней кампании 1941 г. и последующего поражения фашистских войск на советско-германском фронте в результате советского контрнаступления под Москвой правящей верхушке гитлеровской Германии стало ясно, что взлелеянный ею план «молниеносной» войны против Советского Союза окончательно провалился и что вместо скорой победы на Востоке Германия стала перед необходимостью вести затяжную войну со всеми ее последствиями. Для успешного ведения длительной войны гитлеровские стратеги считали необходимым прежде всего дальнейшее увеличение сырьевых ресурсов, а значит, и захват важнейших районов нашей страны, богатых стратегическим сырьем (фашистская Германия терпела острую нужду в горючем [2]). Такими районами, по их мнению, являлись Советское Закавказье с его нефтяными месторождениями и богатейшие сельскохозяйственные районы Юга, в том числе Дон, Кубань, Северный Кавказ. В перспективе гитлеровская верхушка рассчитывала при этом втянуть в войну против Советского Союза Турцию и развязать боевые действия на Ближнем Востоке. При успешном развитии этих операций предполагалось начать наступление на восточном направлении с целью разгрома центральной группировки наших войск и захвата важнейших центров в этом районе.

Говоря о предшествующих Сталинграду событиях, кратко коснусь неудач, постигших нас весной 1942 года.

Как известно, в мае противник захватил Керченский полуостров, после чего главные силы 11-й армии гитле-

---

[1] Открытая подготовка Японии к нападению на СССР заставляла Советское правительство, несмотря на исключительно тяжелую военную обстановку на советско-германском фронте, держать крупные сухопутные, морские и военно-воздушные силы на Дальнем Востоке.

[2] В показаниях Паулюса Международному Военному Трибуналу 11 февраля 1946 года говорится: «1 июня 1942 г. на совещании командующих армейской группировки «Юг» в районе Полтавы Гитлер заявил, что если он не получит нефть Майкопа и Грозного, то он должен будет покончить с этой войной». («Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I. Издательство юридической литературы, 1945, стр. 378).

ровцев были переброшены в район Севастополя с целью овладения последней твердыней Крыма. До июля продолжалось самоотверженное сопротивление города-героя.

Одновременно с действиями в Крыму развернулись и события под Харьковом. На харьковском направлении Ставка Верховного Главнокомандования запланировала наступательную операцию войск Юго-Западного фронта. Целью операции ставился разгром харьковской группировки противника и овладение важнейшим промышленным центром Украины — Харьковом. В последующем намечалось нанесением ударов в направлениях Днепропетровск и Синельниково лишить противника важнейших переправ на Днепре.

Наступление наших войск на харьковском направлении началось 12 мая. Но уже 17 мая танковая группировка противника под командованием генерала Клейста нанесла сильный удар по войскам правого крыла Южного фронта. Вскоре наша оборона здесь была прорвана, противник захватил Барвенково и в последующем нанес крупное поражение нашим войскам.

В результате поражения советских войск на Керченском полуострове и под Харьковом противник добился изменения соотношения сил и средств в свою пользу. Советские войска вынуждены были перейти к оборонительным действиям, а немецко-фашистские войска вскоре — в конце июня 1942 года — начали крупные наступательные операции на южном крыле советско-германского фронта.

Для проведения этих операций противник ввел в действие большие силы. Так, если на 1 мая 1942 года из общего количества 227 дивизий, которые враг имел на советско-германском фронте, в группе армий «Юг» находилось 74 дивизии и одна бригада, или около одной трети всех сил, то в дальнейшем упорная борьба Советской Армии вынуждала врага подтягивать на южное крыло все новые и новые силы. К началу августа количество вражеских дивизий, действовавших против Советской Армии, уже возрастает до 242 дивизий, из них 101 дивизия (более 40%) сосредоточивается на южном крыле фронта (на воронежском, сталинградском и кавказском направлениях). К началу же ноября 1942 года количество дивизий противника достигает 266, из кото-

рых южное крыло советско-германского фронта поглощает 111 дивизий. Таким образом, если за полгода напряженной борьбы общее количество вражеских войск на советско-германском фронте увеличилось на 40 дивизий (или на 17%), то за то же время группировка противника (группы армий «Б» и «А»), действовавшая на южном крыле фронта, увеличилась на 36 дивизий, или на 48%. Эти данные наглядно показывают, что летом и осенью 1942 года значительная часть стратегических резервов противника направлялась на южное крыло советско-германского фронта.

Планируя летнюю кампанию 1942 года, гитлеровское командование ставило перед своими вооруженными силами далеко идущие политические и стратегические цели [1]. Захват Сталинграда являлся первым этапом в осуществлении этих целей и должен был послужить сигналом для нападения Японии на наши дальневосточные границы, а Турции — на южные. Для гитлеровцев овладение Сталинградом должно было послужить своеобразным доказательством их военно-политической кредитоспособности. Не трудно представить себе, какую опасность для нас представляло в то время ведение войны одновременно на двух или даже трех театрах военных действий. Победа под Сталинградом избавила нашу страну от этой смертельной опасности.

Победа Советской Армии под Сталинградом способствовала подъему национально-освободительной борьбы во всех порабощенных гитлеровцами странах Европы, особенно в Югославии, Болгарии, Греции и Франции, усилению национально-освободительного движения народов Востока. Народы поняли, что заложен фундамент общей победы над врагом.

Огромный подъем охватил, естественно, и наших советских людей как на фронте, так и в тылу. Победа под Сталинградом была воспринята ими как начало массового изгнания захватчиков из пределов нашей страны.

Разгром огромной вражеской армии (330 тысяч окруженных войск плюс те силы, которые были выведены из строя в период оборонительного сражения и контрнаступления) не мог не сказаться на моральном состоянии

---

[1] Подробно планы гитлеровцев на лето 1942 года рассматриваются в главе I.

как личного состава немецко-фашистской армии, так и всего населения гитлеровской Германии. Немцы все больше стали понимать, что гитлеровский режим ведет страну к катастрофе. Даже Гитлер понял масштабы своего поражения, объявив траур по всей «империи». Действительно, фашистская армия, потерпев поражение в этом решающем сражении, понесла колоссальные потери: около миллиона людей, свыше 2000 самолетов, около 3000 танков, более 6000 орудий.

После Сталинграда начался процесс распада гитлеровской коалиции. Поражение итальянских войск на советско-германском фронте ускорило затем выход из войны Италии — крупнейшей в Европе союзницы Германии. Разгром румынских соединений в этом сражении был причиной начала внутриполитического кризиса в этой стране. Основательно поколебался также германский престиж в Венгрии и Финляндии, не говоря уже о Болгарии.

Вот как характеризует последствия Сталинградской битвы генерал-майор фон Бутлар в своей статье «Война с Россией»:

«Уничтожение 6-й немецкой армии под Сталинградом, разгром союзных армий на Дону вместе с огромными потерями в живой силе и в технике на Кавказе и в большой излучине Дона отрицательно сказались не только на боеспособности немецких и союзных войск, но и на настроении народов Германии, Италии, Венгрии и Румынии. У русских же итоги этих боев вызвали огромный подъем, что привело к усилению их экономики, к росту и укреплению их вооруженных сил, к еще большей смелости и гибкости их оперативных планов и, наконец, к укреплению морального духа всего советского народа» [1].

Все эти факторы политического и военно-стратегического характера позволяют нам уверенно говорить о Сталинградской битве как о коренном переломе в ходе второй мировой войны, так как совершенно очевидно, что решающим ее исход фронтом был советско-германский фронт.

---

[1] Мировая война 1939—1945 гг. Сборник статей. Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 208.

Сталинградское сражение было действительно грандиозно по своим масштабам: оно длилось шесть с половиной месяцев.

Боевые действия на сталинградском направлении охватывали площадь свыше 100 тысяч квадратных километров, а протяженность линии фронта колебалась в пределах от 400 до 850 километров. Немецко-фашистское командование сосредоточило здесь крупные силы, отлично вооруженные новейшей по тому времени боевой техникой. Так к 19 ноября, т. е. к началу контрнаступления, силы немецко-фашистских войск под Сталинградом достигли 658 тысяч.

Противостоявшие им войска Советской Армии к осени 1942 года все в бо́льшем масштабе стали получать танки, самолеты, артиллерию, минометы и другое вооружение.

Все перечисленное позволило советскому народу, его друзьям за рубежом, всему прогрессивному человечеству оценить Сталинградскую битву как решительный поворот в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны в целом, как окончательный переход инициативы в руки Советской Армии.

Сталинградское сражение дает богатейший материал для изучения опыта организации и ведения операций в условиях, которые были характерны для прошлой войны. Основные ударные группировки, использовавшиеся для развития успеха и для вторжения на большую глубину, как с той, так и с другой стороны состояли преимущественно из танковых и механизированных соединений, а все боевые действия характеризовались маневренными, подвижными формами.

Лучшим подспорьем для научного анализа сражения и характеристики его масштабов, несомненно, может быть исторически правильная его периодизация. По этому поводу нельзя не высказать некоторых соображений. Это тем более, к сожалению, необходимо, что в нашей военно-исторической литературе о великой битве нет еще единства в этом вопросе.

Историческую битву под Сталинградом обычно подразделяют на два крупных периода: оборонительный (с 17 июля по 18 ноября 1942 года) и наступательный (с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года). Уста-

новление таких двух крупных периодов каких-либо возражений не вызывает, так как каждому из них действительно присущи свои специфические черты. Однако нельзя эти периоды разрывать: оба периода неразрывно связаны между собой. Кроме того, каждый из этих периодов как по содержанию, так и по продолжительности в свою очередь требует разделения его на промежуточные этапы. Каждый этап представляет собой либо законченную операцию, либо даже несколько взаимосвязанных операций. По нашему мнению, разделение периодов Сталинградской битвы на этапы имеет своей целью так показать основные боевые события, чтобы, с одной стороны, полнее и точнее выразить особенности в действиях войск и командования, а с другой стороны, дать возможность советским читателям глубже изучить эту битву.

В нашей же военно-исторической литературе не всегда обоснованно и убедительно определяются этапы оборонительного периода Сталинградской битвы.

Нельзя, например, согласиться с Б. С. Тельпуховским, который в своей книге «Великая победа Советской Армии под Сталинградом» оборонительный период Сталинградской битвы разделяет на два самостоятельных сражения: «оборонительное сражение Советской Армии на подступах к Сталинграду» и «героическую оборону Сталинграда» [1]. Столь искусственный разрыв событий невольно создает впечатление, что оборонительная операция по удержанию крупного города начинается с выходом противника к его окраинам, а боевые действия войск на дальних подступах к городу не связаны с обороной самого города.

Героическая оборона Сталинграда началась еще с завязкой авангардных боев войск Сталинградского фронта, развернувшихся в излучине Дона. Уже тогда все боевые оборонительные действия войск на сталинградском направлении были направлены на оборону крупного города и важного промышленного центра, каким являлся Сталинград. Организация обороны города в 130—150 километрах западнее от него преследовала следующие цели: во-первых, создать нормальные условия для работы го-

---

[1] Б. С. Тельпуховский. Великая победа Советской Армии под Сталинградом. Госполитиздат, 1953, стр. 24, 48.

родской промышленности на оборону; во-вторых, обеспечить необходимую глубину обороны на подступах к городу, которая бы своей активностью и устойчивостью измотала и обескровила вражеские войска, вынуждая их к лобовым атакам, и, в-третьих, надежно защитить город от обхода и охватов. Да и сами оборонительные обводы, созданные на большом удалении от города, были предназначены для обороны Сталинграда. Борьбу на этих обводах нельзя отрывать от обороны города.

В свое время Ф. Энгельс писал, что города представляют средоточие военно-экономического потенциала страны и поэтому с давних пор привлекают к себе пристальное внимание воюющих сторон. Тем более это верно в наш век, век колоссального развития промышленного производства в городах и бурного роста самих городов.

Даже при современных средствах поражения, легко превращающих города в развалины, ни в коем случае нельзя отказываться от обороны крупных городов, но также нельзя и организовывать эту оборону с выходом противника к окраинам города.

Несомненно, все оборонительные бои под Сталинградом следует рассматривать как единый комплекс оборонительных операций стратегического значения, проводившихся, несмотря на наличие двух фронтовых управлений на этом направлении, фактически под единым руководством.

Кроме того, оборону Сталинграда нельзя рассматривать в свете предвзятых схем, в отрыве от действий войск, сдерживавших противника на других направлениях. Следует исследовать эти вопросы в соответствии с исторической правдой, во всей их реальной сложности, учитывая героические действия войск севернее и южнее Сталинграда. Упорной обороной и контрударами они сковывали врага, держали его, что называется, за фалды, не давали ему возможности сосредоточить все свои усилия непосредственно против самого города, чем оказывали большую помощь войскам, оборонявшим районы города.

Из изложенного ясно видна необходимость при периодизации Сталинградской битвы установить один общий оборонительный период.

Спорна также попытка Б. С. Тельпуховского подразделить бои в городе на четыре этапа. Нет оснований выделять здесь этапы, ибо налицо единство как в характере боевых действий, так и в задачах, решавшихся войсками.

В этой связи целесообразно остановиться еще на одной довольно распространенной точке зрения, согласно которой оборонительный период Сталинградской битвы подразделяется на три этапа: оборонительные операции на дальних подступах (17 июля — 17 августа 1942 года), оборонительные операции на ближних подступах (18 августа — 12 сентября 1942 года), бои на окраинах Сталинграда и внутри города (13 сентября — 18 ноября 1942 года). Такое деление оборонительных операций (на три этапа) нам представляется недостаточным, оно вольно или невольно напоминает предвзятую схему, под которую легко подогнать любой случай.

Длительную и упорную оборону многих городов во время Великой Отечественной войны можно рассматривать как состоявшую из боев на дальних подступах, на ближних подступах и в самом городе. Однако в обороне каждого города были свои особенности. Так и под Сталинградом оборонительные операции имели свою специфику и, конечно, не могут быть включены лишь в эти три этапа. При определении этапов оборонительного периода Сталинградской битвы некоторые авторы недостаточно учитывают еще и то обстоятельство, что инициатива в действиях в то время принадлежала в большинстве случаев не советским войскам, а противнику. В соответствии с его ударами менялась и обстановка, которая всякий раз заставляла советское командование несколько видоизменять задачи войск и менять их группировку. Из этого, конечно, не следует, что нам не удавалось в оборонительный период битвы за Сталинград время от времени на отдельных участках навязывать свою волю врагу.

Исходя из конкретного анализа боевых действий, нам представляется более целесообразным оборонительный период Сталинградской битвы рассматривать подразделенным на следующие основные этапы.

Первый этап — с 17 июля по 7 августа 1942 года — бои в районе большой излучины Дона. Основным со-

держанием этого этапа было сдерживание продвижения противника, нанесение ему возможно большего поражения в живой силе и технике. В течение этого этапа советскому командованию удалось выиграть время для осуществления необходимых оборонительных мероприятий (подтягивание резервов, подготовка рубежей обороны). Вместо запланированного гитлеровцами захвата в июле Сталинграда с ходу, основные силы их 6-й армии были втянуты в ожесточенные бои на дальних подступах к городу в большой излучине Дона. Но положение оборонявшихся войск оставалось также крайне напряженным.

Второй этап — с 8 по 18 августа 1942 года — бои на внешнем обводе сталинградской обороны. В связи с поворотом 4-й танковой армии Гота на Сталинград противнику удалось пробить нашу оборону на внешнем обводе и продвинуться на одном участке за этот рубеж. Враг находился в 30 километрах от Сталинграда. Над городом нависла смертельная угроза. Надо было во что бы то ни стало остановить врага, сорвать его намерение с ходу захватить Сталинград и одновременно организовать стойкую оборону на заранее подготовленных рубежах. Этот этап характеризовался дальнейшей активизацией действий обеих сторон, а также существенным изменением группировки советских войск и войск противника, поскольку к этому моменту бывший Сталинградский фронт был разделен на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный. Силы врага в это время значительно увеличились: подошедшая 4-я танковая армия генерала Гота приступила к активным действиям также на сталинградском направлении. Важнейшим событием этого этапа явился первый с начала битвы контрудар наших войск в районе Абганерово, увенчавшийся полным успехом. Войска противника (армия Гота), прорвавшие внешний обвод, были отброшены назад: части 64-й армии 10 августа выбили противника с разъезда «74 км» и овладели им. Однако враг не унимался. Он вынудил 62-ю армию после кровопролитных боев на правом берегу Дона отойти к 14 августа на левый берег Дона; здесь 62-я армия организовала оборону по внешнему обводу на участке Вертячий, Ляпичев. Предприняв в то же время перегруппировку сил, противник 15 августа ударил по слабой 4-й танковой армии. Однако наши

Н. С. Хрущев, член Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Сентябрь 1942 г.

войска, сдерживая врага, в порядке отошли за Дон к внешнему обводу, где остановили гитлеровцев на участке Иловля, Вертячий, Калач. Таким образом, враг был остановлен на внешнем обводе сталинградской обороны.

Третий этап продолжался с 19 августа по 3 сентября. Главное содержание этапа — бои на внешнем и среднем обводах сталинградской обороны и выход противника к Волге.

Фашистское командование решает овладеть городом посредством одновременных концентрических ударов обеих армий: из района Трехостровской на восток — силами 6-й армии и из района Абганерово на север — силами 4-й танковой армии. 6-я германская армия, передав участок от Павловска до устья реки Хопер 8-й итальянской армии, собирая мощный кулак, нацеливала теперь удар на форсирование Дона в районе Вертячего и рассчитывала ворваться в Сталинград с северо-запада. Одновременно 4-я танковая армия, подтянув свои силы на правый фланг и обеспечив свой левый фланг двумя румынскими дивизиями, должна была нанести главный удар на Сталинград с юга и также ворваться в Сталинград.

В начале этого этапа противнику удалось форсировать Дон в районе Вертячего и прорвать внешний обвод обороны города. 23 августа немецкие войска вышли к Волге на участке Ерзовка, Рынок. В результате этого 62-я армия оказалась отрезанной от других соединений Сталинградского фронта (куда она входила), и поэтому она была передана в состав Юго-Восточного фронта. Город в то время подвергался ожесточенной бомбардировке с воздуха. Враг бросил на Сталинград всю авиацию своего 4-го воздушного флота. С выходом к Волге немецкое командование предприняло удар с юга, стремясь отрезать от Сталинграда 62-ю армию и часть сил 64-й армии, находившихся еще на внешнем обводе в районе города Калач. Чтобы спасти 62-ю армию от разгрома, а Сталинград от захвата, советское командование приняло решение об отводе 62-й армии на средний обвод. Этот маневр, успешно осуществленный в ночь на 31 августа, не только сохранил силы 62-й армии, но и сорвал замысел врага захватить город с юга. Следует иметь в виду, что в самом Сталинграде в это время войск почти не было.

Четвертый этап продолжался с 4 по 13 сентября 1942 года. Основным содержанием этого этапа были бои на внутреннем обводе сталинградской обороны. Боевые действия наших войск на данном этапе характеризовались проведением многочисленных контрударов и контратак с юга и особенно с севера по наступавшим и вышедшим к Волге войскам противника. Эти активные действия наших войск отвлекли значительные силы противника с направления его главного удара, а также позволили продолжать усиление обороны самого города.

Пятый этап — с 14 сентября по 18 ноября 1942 года — бои в черте города. Это был тяжелый этап, когда с исключительным упорством оборонялся каждый рубеж, каждый квартал города, а часто и отдельные дома. Одновременно на флангах наступавшей группировки противника — севернее и южнее Сталинграда — велась подготовка наших войск к переходу в контрнаступление. Наши части стремились окончательно остановить противника и нанести ему максимальные потери. Особенностью этапа явилось большое количество контратак, проведенных нашими войсками в ответ на все усиливавшиеся удары противника, а также ряд контрударов, нанесенных с целью оттягивания сил противника от направления его главного удара и маскировки готовящегося контрнаступления.

Как известно, наступательный период Сталинградской битвы охватывает контрнаступление фронтов, завершившееся окружением и уничтожением сталинградской группировки немецко-фашистских войск. С точки зрения задач, последовательно решавшихся войсками в ходе контрнаступления, этот период имел три отчетливо выделяющихся этапа.

Первый этап — с 19 ноября по 11 декабря 1942 года — окружение сталинградской группировки немецко-фашистских войск и сжимание кольца окружения. Задачи войск на этом этапе сводились к тому, чтобы прорвать фронт противника северо-западнее и южнее Сталинграда и окружить основные силы его сталинградской группировки, а затем сжать кольцо вокруг окруженных, создать внешний фронт окружения с целью предотвратить попытки деблокады. Наступление советских войск на этом этапе характеризовалось решительностью, стремитель-

ностью, а также широкими маневренными **действиями** подвижных соединений.

Второй этап охватывает боевые действия, протекавшие с 12 декабря 1942 года по 1 января 1943 года. Главным в действиях наших войск на этом этапе был разгром войсками Сталинградского фронта ударной группировки Гота — Манштейна, пытавшейся деблокировать окруженные немецкие войска; продолжалось также дальнейшее сжимание кольца вокруг окруженных войск противника. Одновременно войска Юго-Западного и частично Воронежского фронта разгромили основные силы 8-й итальянской армии и так называемую оперативную группу «Холлидт».

Третий этап — с 1 января по 2 февраля 1943 года — окончательное уничтожение окруженной под Сталинградом группировки немецко-фашистских войск. Этап характеризовался наступательными действиями войск Донского фронта, в который вошли основные армии Сталинградского фронта (62, 64, 57-я); это были действия, сначала направленные на рассечение окруженной группировки противника, а затем на уничтожение ее по частям. После произведенных перегруппировок наши войска на направлении главного удара превосходили противника как в живой силе, так и в технике.

Таким образом, в каждом из периодов Сталинградской битвы можно выделить ряд этапов. Каждый из них отличается группировкой войск, определенным содержанием боевых действий и, главное, задачами, возникавшими перед командованием и войсками. Исходя из этого, мы считаем, что данная нами выше периодизация Сталинградской битвы наиболее правильна: она отвечает действительному развитию исторических событий под Сталинградом.

Строго придерживаясь изложенной периодизации, мы, однако, в данном труде не связывали себя академическими рамками, так как не преследовали цели дать только военно-историческое описание.

Крупные военные события, развернувшиеся под Сталинградом, внесли немало ценного в сокровищницу боевого опыта наших вооруженных сил, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие советского военного искусства.

Боевой опыт оборонительного и наступательного пе-

риодов Сталинградской битвы дал очень многое для правильного планирования, подготовки и проведения последующих операций Великой Отечественной войны.

Здесь в крайне сжатые сроки под непрерывными и мощными ударами противника была создана оперативная оборона, устойчивость которой затем стала примером подражания. Целью этой обороны было не только истощение превосходящих сил врага, но и создание условий для последующего перехода в контрнаступление.

Оборонительное сражение под Сталинградом убедительно показало значение глубоко эшелонированной обороны на важных стратегических направлениях. Так как ранее построенные укрепления не отвечали требованиям складывавшейся обстановки, пришлось в ходе боев создавать такую глубоко эшелонированную оборону, которая была бы эластичной и могла бы поглотить мощные таранные удары наступавшего противника и не допустить развития тактического прорыва в оперативный, а тем более в стратегический.

Сталинградское оборонительное сражение показало также, что возможность прорыва противником обороны на отдельных участках полностью сохраняется. В условиях такого прорыва задача обороны заключается в сохранении устойчивости обороняющихся войск на соседних участках; в этом случае необходимо упорным сопротивлением, соответствующим умелым загибом флангов в стороны прорыва и парированием попыток противника организовать обход и окружение обороняющихся войск, подготовить контратаки и контрудары вторых эшелонов и резервов для уничтожения прорвавшегося противника.

Упорная оборона на флангах прорыва противника с использованием подготовленных или заново созданных отсечных позиций заставляет противника сильно растягивать свой фронт и тем самым поглощает силу его наступательного удара. Это положение отчетливо выявилось в ходе оборонительных боев на правом берегу Дона, а также в оборонительных боях на реках Аксай и Мышкова в декабре 1942 года с рвавшейся к Сталинграду группировкой Манштейна.

Устойчивость и упорство обороны под Сталинградом в условиях значительного превосходства противника, особенно в авиации и танках, достигались прежде всего путем широкого маневра резервами и войсками, сня-

тыми с неатакованных участков. Здесь, пожалуй, впервые практически была осуществлена идея создания сильных артиллерийско-противотанковых резервов. В основном именно эти резервы в течение месяца боев на рубеже реки Дон только на фронте двух армий уничтожили несколько сот немецких танков.

Необходимость массирования огня артиллерии по крупным силам атакующего противника потребовала по-новому поставить и вопросы управления артиллерией. В составе фронта и некоторых его армий были созданы фронтовая и армейские артиллерийские группы, массированный огонь которых сыграл серьезнейшую роль в отражении вражеских атак. Такой характер управления артиллерией при обороне Сталинграда был одной из причин того, что так стойко держались малочисленные и утомленные беспрерывными боями сталинградские войска.

В условиях Сталинградской битвы опыт создания в руках командующего фронтом и командующих армиями сильных артиллерийских групп оправдал себя. Таким образом, при обороне больших городов наряду с децентрализованным использованием артиллерии в батальонах и полках целесообразно на решающих направлениях создавать мощные артиллерийские группы в армиях и фронтах для массированных ударов по противнику.

Много нового внесло сталинградское сражение и в вопрос об организации и проведении контрудара.

Под Сталинградом также едва ли не впервые была широко применена артиллерийская и авиационная контрподготовка с целью срыва готовящегося наступления противника. В дальнейшем, в оборонительном сражении на Курской дуге, она нашла применение в значительно большем масштабе. Сталинградский опыт был здесь хорошо использован.

Контрнаступление под Сталинградом, примененное впервые в истории войн в таком масштабе, с таким массовым использованием танков, привело к совершенно новому, небывалому явлению: к окружению хорошо вооруженной и оснащенной 330-тысячной группировки противника.

История до второй мировой войны знает буквально единичные примеры успешно проведенного окружения и уничтожения целых вражеских армий. При этом все

они относятся в основном к весьма отдаленному прошлому и представляют собой по большей части окружение пассивного противника, который бездействовал, отсиживаясь в лагере. При этом окружавшие войска действовали в тактическом взаимодействии в пределах небольшого пространства. Нечего и говорить, что вооружение армий того времени не может идти ни в какое сравнение с современной боевой техникой.

Поэтому окружение немецко-фашистских войск под Сталинградом не сравнимо, конечно, ни с Каннами, ни с Седаном [1]. Единственно общим для них является идея решительного и полного окружения противника. Но практически эта идея осуществлялась в совершенно различных условиях, совершенно различными силами и методами.

Как известно, в октябре и первой половине ноября была проведена огромная работа по подготовке и организации контрнаступления. К намеченным участкам прорывов в обороне противника сосредоточивались значительные силы за счет как резервов Ставки, так и внутренних перегруппировок фронтов. Сосредоточение большой массы войск и техники представляло серьезные трудности, тем более что все это производилось в условиях открытой местности, слабо развитой сети дорог, осенней распутицы и постоянного интенсивного воздействия авиации противника. Тем не менее это сосредоточение было так искусно проведено, что для немецко-фашистского командования начало контрнаступления 19 ноября 1942 года явилось полной неожиданностью.

В этой связи следует разоблачить утверждения Манштейна (см. его книгу «Утерянные победы», Бонн, 1955) и Бутлара («Мировая война 1939—1945 гг.». Издательство иностранной литературы, Москва, 1957) о

---

[1] Битва при Каннах произошла в ходе второй Пунической войны между Римом и Карфагеном (216 год до н. э.). В результате битвы 86-тысячная армия римлян была окружена и разгромлена войсками карфагенского полководца Ганнибала.

С 1 по 2 сентября 1870 года в районе Седана (город на северо-западе Франции) в период франко-прусской войны 1870—1871 годов французская Шалонская армия (до 120 тысяч человек) была окружена, разгромлена и пленена 3-й и 4-й германскими армиями. Вместе с этой армией находился и французский император Наполеон III. Поражение при Седане ускорило крах прогнившей Третьей империи.

том, что немецко-фашистскому командованию якобы было известно о готовившемся нами контрнаступлении. Это их утверждение начисто опровергает Иодль — генерал, более всех других бывший в курсе дел главного фашистского командования. Вот что он показал суду Международного Трибунала: «Мы полностью просмотрели сосредоточение крупных русских сил на фланге 6-й армии (на Дону). Мы абсолютно не имели представления о силе русских в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение».

Оперативная маскировка, проведенная при подготовке этой крупной наступательной операции трех фронтов, явилась большим достижением нашего командно-начальствующего состава, готовившего контрнаступление. Опыт подобной маскировки широко применялся во всех последующих операциях Великой Отечественной войны, но, к сожалению, так и остался почти необобщенным, что грозит утратой многих приемов оперативной маскировки, созданных и проверенных под Сталинградом.

Успех Сталинградского контрнаступления во многом предрешался правильным выбором направления главных ударов и временем перехода в контрнаступление войск Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов. При выборе направлений учитывались конкретные слабые места фланговых группировок противника, отсутствие у него необходимых резервов, а также наличие в наших руках специально подготовленных выгодных плацдармов (на южном берегу Дона в его среднем течении и в районе межозерных дефиле южнее Сталинграда) для развертывания ударных группировок в исходном положении для наступления.

При выработке плана Сталинградской наступательной операции особое внимание было обращено на достижение высоких темпов прорыва обороны противника. Высокие темпы позволяли наносить поражение неприятельским войскам в тактической зоне обороны еще до подхода соединений, снятых с неатакованных участков фронта, и тем более до прибытия подкреплений из глубины. Быстрота прорыва тактической зоны обороны стрелковыми соединениями при этом обеспечивалась массированным применением артиллерии и авиации.

Высокий же темп развития прорыва в оперативной глубине обеспечивал окружение крупной группировки противника в короткие сроки. Этот замысел основывался на эффективном использовании сильных подвижных соединений, находившихся в составе вторых эшелонов армий, и ударных групп и своевременном вводе их в прорыв. Танковые и механизированные соединения включались в действия после преодоления стрелковыми войсками, поддержанными танками непосредственной поддержки пехоты, основных оборонительных противотанковых рубежей противника, что сохраняло их силы для быстрого продвижения в оперативной глубине.

Подобный способ прорыва подготовленной обороны противника, характеризовавшийся быстротой его осуществления, а также максимальным использованием всех средств поражения и всех возможностей подвижных механизированных соединений, был впервые успешно применен именно под Сталинградом.

Эти способы, разработанные и успешно примененные под Сталинградом, постоянно совершенствовались в последующих наступательных операциях Великой Отечественной войны. Следует при этом заметить, что вплоть до появления оружия массового поражения основные принципы прорыва обороны противника, успешно примененные под Сталинградом, были жизненны. Суть этих принципов сводится к тому, что укрепленные и наиболее насыщенные противотанковыми средствами позиции и полосы врага прорываются с помощью стрелковых соединений, усиленных танками, при массированной поддержке артиллерии и авиации и уже после этого для развития тактического прорыва в оперативный, для завершения окружения и образования прочного внутреннего фронта окружения вводятся в сражение механизированные и танковые соединения из второго (оперативного) эшелона.

Практически прорыв обороны противника под Сталинградом так и осуществлялся.

Конечно, попытки перенести в современные условия эти принципы, оправдавшие себя в прошлом, будут являться серьезной ошибкой. Превращение любого хорошего метода в шаблон вредно. Ясно, что теперь, когда военная техника идет вперед семимильными шагами, эти принципы претерпевают существенные изменения.

Сталинградская битва положительно повлияла и на совершенствование организационной структуры наших войсковых соединений и объединений. Дальнейшее улучшение организации и наращивание огневой мощи стрелковых дивизий происходило в ходе Сталинградской битвы и продолжалось, естественно, и после ее окончания. В декабре 1942 года на основе укрепления военно-экономической базы и роста производства вооружения и боевой техники, а также использования сталинградского опыта был введен новый штат стрелковой дивизии (гвардейской и не гвардейской), который наиболее соответствовал условиям того времени и сохранился до конца 1944 года.

С конца 1942 года в связи с ростом военной экономики и возможностей усиления наступающих войск новыми соединениями и техникой, когда в руках командующих армиями стало сосредоточиваться большое количество войск, вооружения и т. д., возникла необходимость возродить корпусную организацию. Этому содействовал и рост офицерских кадров. Восстановление корпусной организации в то время было правильным шагом. Это подтвердилось всем дальнейшим ходом боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны.

Претерпела известные изменения и структура армии. Многие из этих изменений были связаны в той или иной степени с опытом, полученным на полях Сталинградской битвы. Естественно, что проводившиеся изменения осуществлялись по мере того, как социалистическая промышленность обеспечивала для этого материальную базу.

Под Сталинградом был получен значительный опыт организации и ведения прорыва подготовленной обороны противника при взаимодействии всех родов войск сухопутных сил и авиации, а также опыт разработки и осуществления наступательной операции группы фронтов с целью окружения и уничтожения крупной группировки вражеских войск.

Основным выводом из накопленного в период контрнаступления опыта можно считать необходимость: а) быстрейшего соединения окружающих группировок и одновременного создания внутреннего и внешнего фронтов окружения; б) активных наступательных действий на внешнем фронте окружения с целью полностью

устранить возможность деблокирования окруженного противника; в) расчленения окруженной группировки на части еще в ходе окружения или, по крайней мере, создания условий для ее расчленения и уничтожения. Особенно показательны боевые действия войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов по созданию прочного внешнего фронта окружения и разгрому немецко-фашистских войск, пытавшихся деблокировать окруженных.

Очень важен в этой битве опыт родов войск и специальных войск (действия артиллерии, танков, кавалерии, инженерных частей, частей тыла), который был в значительной мере использован в последующих сражениях Великой Отечественной войны.

Не малый интерес представляет и то обстоятельство, что на сталинградском направлении в течение довольно продолжительного срока, с начала августа до конца сентября 1942 года, руководство войсками двух фронтов было сосредоточено в руках единого командования. По существу это было руководство действиями войск на стратегическом направлении, лишь с той особенностью, что командующий и член Военного совета не имели какого-либо специального аппарата для управления войсками, а вынуждены были осуществлять руководство через два равнозначных штаба, что затрудняло работу по планированию операций и практическому управлению войсками. Вместе с тем наличие общего командования для двух фронтов, имевших в конечном счете единую цель — не допустить врага в Сталинград, сыграло положительную роль, так как такая сложная задача могла быть решена лишь при самом тесном взаимодействии войск обоих фронтов.

Громадную роль в победоносном исходе Сталинградской битвы сыграли наши советские командные кадры всех степеней. В сражениях у стен Сталинграда с необычайной отчетливостью проявилась партийная закалка наших командных кадров, их высокая идейность, патриотизм, высокая оперативно-тактическая подготовка, боевая зрелость и, наконец, превосходство их над командными кадрами немецко-фашистских войск.

Решающая роль в Сталинградской победе принадлежит руководству партии, партийно-политической работе

в войсках, которая была мощной цементирующей силой, укреплявшей монолитность наших войск, их веру в победу.

В ходе все усложнявшейся обстановки еще более закалились и укрепились моральные качества советских воинов: выше стало чувство патриотизма, с каждым днем возрастала ненависть к врагу, каждый воин острее стал сознавать свой долг перед народом, перед Родиной. Все это было результатом огромной, ни на минуту не прекращавшейся политической работы партийных организаций в войсках, направлявшейся на укрепление дисциплины, на воспитание в них стойкости и упорства, на разъяснение военного и политического значения сражения под Сталинградом. Такая работа с каждым днем увеличивала энергию сталинградцев, укрепляла их организованность, вселяла уверенность в свои силы, в неизбежность разгрома обнаглевшего врага. Политическая работа была поставлена так, что требования партии доводились до сознания каждого бойца. Вся эта благородная и кропотливая работа проводилась при непосредственном участии и руководстве члена Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов Н. С. Хрущева. Огромную работу проделали сталинградские коммунисты, проявившие большую организационную гибкость и высокую идейность перед лицом грозной опасности, нависшей над городом.

В битве под Сталинградом ярко проявились непоколебимый дух советского народа и его армии, единство советского фронта и тыла. Воины-сталинградцы чувствовали, что весь советский народ поддерживает их словом и делом, морально и материально. Нескончаемым потоком шли в Сталинград письма, телеграммы, посылки от простых советских людей, коллективов заводов и шахт, колхозов и совхозов, от городов и советских республик. Так, послание туркменского народа было подписано более чем 200 тысячами граждан республики. Сталинград — это величайшая победа всего советского народа, достигнутая под руководством Коммунистической партии и Советского правительства. Советский народ мобилизовал все свои силы для того, чтобы снабдить армию могучей первоклассной техникой и всем необходимым для победоносного наступления. Великая победа под Сталинградом вызвала у всех советских людей огромный

подъем, вдохнула в них новые силы, укрепила уверенность в неизбежном и окончательном разгроме вражеских полчищ.

Потому-то так глубоко запечатлелась Сталинградская битва в памяти нашего народа. Она явилась вдохновляющим примером высокого патриотизма, на котором будут воспитываться все новые поколения нашей советской молодежи.

☆

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБОРОНА СТАЛИНГРАДА

ГЛАВА I
НАЗНАЧЕНИЕ

Звонок «кремлевки»[1] раздался в начале 12-го ночи, когда я уже почти перестал его ожидать. Волнение, обуревавшее меня весь день, вспыхнуло с новой силой. Сдерживая его, я отвечал спокойно.

Из приемной Наркома Обороны сообщили, что мой рапорт рассмотрен. Мне надлежало немедленно прибыть в Кремль.

Повешена телефонная трубка. В голове с кинематографической быстротой и четкостью промелькнули все детали ушедшего дня.

Это было 1 августа 1942 года. Рано утром произошла не совсем приятная беседа с лечащим врачом — профессором, хирургом товарищем Коганом. Как только профессор вошел в палату, я сказал ему, что чувствую себя совершенно здоровым и поэтому решил подать рапорт Верховному Главнокомандующему с просьбой направить меня в действующую армию. Профессор чуть вспылил, заявив, что не больным, а врачам положено решать вопрос о выписке из госпиталя. «Оставьте эту мысль по меньшей мере на месяц — полтора», — заключил он тоном, не терпящим возражений.

Улыбаясь, я возразил, что у медиков есть один большой недостаток: они могут установить болезнь, довольно успешно лечить больного, но, к сожалению, они почти никогда не могут точно установить момент выздоровления. Шутка несколько смягчила доктора.

---

[1] Внутренний кремлевский телефон. В палате госпиталя, где я лечился после второго ранения, было три телефона: внутренний госпитальный, городской и «кремлевка».

— Что же, — проговорил он, — сейчас мы практически проверим ваше состояние; кладите палку и пройдитесь по палате.

Напрягаю все силы, чтобы твердо ступать на раненую ногу. Первые пять — шесть шагов сделаны удачно. Но дальше пришлось захромать, на лбу выступил холодный пот, нога заныла. Хотя к этому времени кости уже и срослись, но рана окончательно еще не закрылась и дала себя знать. Прошло еще только десять дней, как я отказался от костылей и стал ходить с тростью.

— Довольно, довольно! — воскликнул Коган, как будто заранее ожидавший этого момента. — Теперь ясно, многоуважаемый генерал-полковник, кто ошибается в моменте выздоровления. Еще основательно придется лечиться.

Пришлось выложить все начистоту и сказать, что рапорт уже отправлен.

— Тем хуже для вас, — невозмутимо продолжал доктор, — все равно без справки лечащего врача ваш рапорт не будет рассматриваться.

Поскольку разговор принимал нежелательный оборот, обращаюсь к чувствам врача. Поблагодарив доктора за заботу о моем здоровье, я просил его понять, что нельзя мне сейчас, в тяжелейший период войны, сидеть сложа руки, что хромота не помешает мне руководить боевыми действиями на фронте, ведь я не просто солдат. В заключение спокойно спросил:

— Скажите, профессор, положа руку на сердце, смогли бы вы, страдая болезнью, подобной моей в ее теперешней стадии, спокойно отсиживаться, зная, что сотни людей, изнемогая от ран, ждут вашей помощи, именно вашей, профессор?

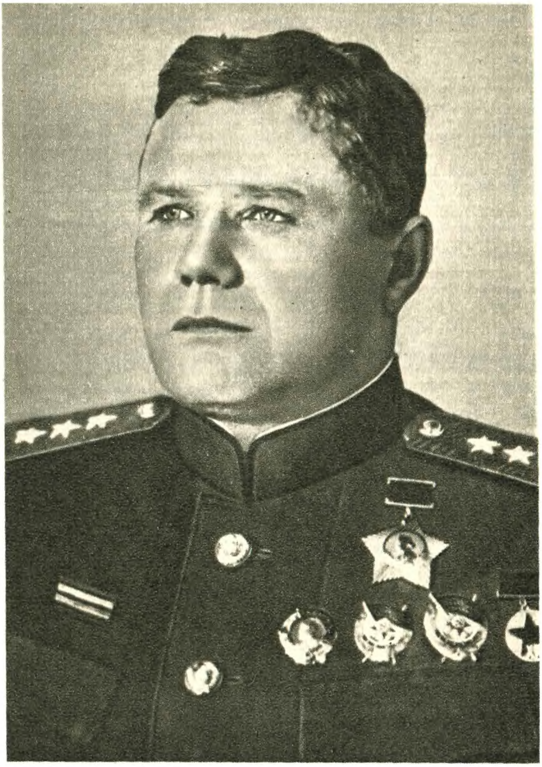
Врач задумался. Видимо, лед тронулся. После продолжительной паузы уже совсем мирным тоном, не отвечая прямо на вопрос, он сказал:

— Что же, если вы дадите мне честное слово, что будете строжайше соблюдать режим, который я предпишу, то не стану возражать против вашей выписки.

Я пообещал доктору свято соблюдать все его советы. Решение о выписке из госпиталя было принято. Коган ушел.

Целый день я тренировался в ходьбе без трости и достиг немалого успеха. При медленном, расчетливом

Зак. 272

А. И. Еременко, командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами. Сентябрь 1942 г.

движении хромота становилась почти незаметной. Во всяком случае, думал я, во время приема в Кремле сумею держаться хорошо.

Приемная Верховного Главнокомандующего. О моем приезде было доложено немедленно. Оставив свою подпорку-палку в приемной, я осторожно, но бодро вошел в кабинет председателя Государственного Комитета Обороны (ГОКО). Большая, несколько продолговатая комната. Мягкий матовый свет. Иосиф Виссарионович, стоя за своим рабочим столом, только что закончил разговор по телефону. В кабинете находились и несколько членов ГОКО.

Выслушав доклад о прибытии, И. В. Сталин подошел ко мне, поздоровался и, пристально посмотрев мне в лицо, спросил:

— Значит, считаете, что поправились?

— Так точно, подлечился, — ответил я.

Кто-то из присутствовавших заметил: «Видимо, рана еще беспокоит, ходит-то товарищ прихрамывая».

— Прошу не беспокоиться, у меня все в порядке, кости срослись отлично, — несколько поспешно, но уверенно возразил я.

— Что же, — снова заговорил И. В. Сталин, — будем считать товарища Еременко возвратившимся в строй. Вы очень нужны сейчас нам. Перейдем к делу, — обращаясь прямо ко мне, закончил он.

Как будто тяжелый груз упал с моих плеч; мучавшие меня сомнения о возможном демарше доктора рассеялись.

Мой рапорт пришелся кстати. В ГОКО решался вопрос об оргмероприятиях, которые необходимо было срочно осуществить, чтобы выправить положение на сталинградском направлении. Обсуждались возможные кандидатуры на должность командующего новым фронтом.

Заключая обсуждение, И. В. Сталин обратился ко мне:

— Под Сталинградом сейчас так сложились обстоятельства, что нельзя обойтись без срочных мер по укреплению этого важнейшего участка фронта, без мер, рассчитанных на улучшение управления войсками. Сталинградский фронт, образованный недавно, решено разделить на два. Возглавить один из них Государственный Комитет Обороны намерен поручить вам.

Пристально взглянув на меня, Иосиф Виссарионович спросил:

— Как вы на это смотрите?

— Готов нести службу там, куда сочтете необходимым послать, — ответил я.

Мне было приказано, не теряя времени, поехать в Генеральный штаб, ознакомиться там с обстановкой на Сталинградском фронте, с указаниями, которые даны Государственным Комитетом Обороны Генеральному штабу по оперативным и организационным вопросам, и вечером вместе с товарищем Василевским снова прибыть в Государственный Комитет Обороны, где и будет принято окончательное решение.

— Рассчитывайте свою работу так, чтобы послезавтра вылететь в Сталинград, — заключил Иосиф Виссарионович, подавая мне руку. Прощаясь, я как-то невольно задержал свой взгляд на Ленине, портрет которого висел здесь над рабочим столом; живые прищуренные глаза Ильича смотрели подбадривающе.

Около четырех часов утра я вернулся в госпиталь, располагавшийся в здании сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Прилег, но заснуть не мог, да и не пытался. В голове уже созрел подробный план работы в Генеральном штабе. Дополнительно к указанному включил в него вопрос об ознакомлении с кадрами начальствующего и командного состава, предназначенными для вновь создаваемого фронта.

В 8 часов уехал в Генеральный штаб и работал там весь день. Уяснив себе обстановку под Сталинградом весьма схематично, насколько это возможно по оперативным документам, я узнал следующее. Сталинградский фронт был образован 12 июля 1942 года (схема 1) [1]. В момент образования в него вошли армии: 62-я, выдвинутая из района Сталинграда на запад с задачей не допустить выхода противника к реке Дон; сосредоточенные здесь из резерва Ставки 63-я, развернувшаяся на рубеже по северной излучине Дона, и 64-я — на фронте Суровикино, Верх. Курмоярская (южнее 62-й армии). Сталинградский фронт граничил на севере с Воронежским фронтом (по линии Камышин, Ново-Анненский,

[1] Схемы даются отдельной тетрадью.

Бабка) и на юге с Северо-Кавказским фронтом (по линии Астрахань, Кетченеры, Верх. Курмоярская).

Во второй половине июля в состав Сталинградского фронта были включены армии: 21 и 57-я (из бывшего Юго-Западного фронта), а также 51-я (из Северо-Кавказского). К 23 июля войска Сталинградского фронта развернулись и заняли оборону.

Ознакомившись также с последующими событиями на фронте (после 23 июля), а также с указаниями ГОКО, связанными с реорганизацией этого фронта, я вместе с начальником командного управления подобрал необходимые для фронта руководящие кадры и к вечеру был готов для доклада[1]. Прием у Верховного Главнокомандующего состоялся вечером 2 августа. На приеме, кроме меня, были начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский, генерал-майор В. Д. Иванов, тоже из Генерального штаба, и генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, вызванный в связи с назначением его под Сталинград на должность командующего 1-й гвардейской армией (эта армия формировалась из воздушнодесантных дивизий, располагавшихся под Москвой).

И. В. Сталин после обычных приветствий, обратившись к товарищу Василевскому, приказал ему доложить проект решения о разделе фронтов.

---

[1] Одна мысль, возникшая в итоге изучения географии района и оперативной обстановки, складывавшейся под Сталинградом, не давала мне покоя. С ней связывалась надежда на возможность с нашей стороны крупных контрмероприятий, чреватых для гитлеровцев серьезным поражением. Уже тогда было ясно, что гитлеровцы, имея задачу выйти к Волге и перерезать ее у Сталинграда, вынуждены будут сосредоточить основную ударную массу своих войск на той ограниченной полосе Волго-Донского междуречья, где две реки ближе всего сходятся между собой и Волга, образуя здесь почти прямой угол, далеко вдается на запад. Поэтому, при реализации уже частично выявившегося тогда плана немцев, фланги нашего фронта почти в любом случае должны были занять нависающее положение относительно ударных группировок противника. Особенно это касалось северного или правого фланга наших войск, ибо здесь, во-первых, легко было сохранить соответствующие плацдармы для контрдействий на левом берегу Дона, а во-вторых, налицо были прочные связи со стратегическим тылом, что способствовало лучшему сосредоточению войск, их материальному обеспечению. Вместе с тем условия южного (левого) фланга способствовали прочной обороне с последующим нанесением отсюда вспомогательного, но достаточно сильного удара.

Пока товарищи Василевский и Иванов развертывали для доклада карту, И. В. Сталин подошел ко мне вплотную и, потрогав две золотые полоски на кителе, сказал:

— Правильно, что мы ввели знаки ранения. Народ должен знать тех, кто пролил свою кровь, защищая Отечество.

Лаконично, вместе с тем четко и ясно доложил товарищ Василевский об организационных вопросах образования двух фронтов, привел цифры состава их сил и средств.

По окончании доклада товарища Василевского И. В. Сталин обратился ко мне с вопросом:

— Вы познакомились с обстановкой под Сталинградом, вернее сказать на сталинградском направлении, и нашими наметками по Сталинградскому фронту?

Я ответил, что почти сутки занимался в Генштабе этим вопросом, что оперативную обстановку, которая является весьма тяжелой, уяснил. Ответил также, что наметки Ставки по реорганизации Сталинградского фронта понял. Выслушав мой ответ, И. В. Сталин заключил:

— Значит, вошли в курс дела? Это и требовалось. Все ли вам ясно, товарищ Еременко?

— Мне все ясно, но, пока вами не принято окончательное решение, позвольте мне доложить некоторые свои соображения, — несколько возбужденным голосом ответил я.

— Хорошо! Докладывайте.

Коротко остановившись на обстановке, сложившейся в большой излучине Дона, я подчеркнул, что придерживаюсь несколько иного мнения (по сравнению с проектом директивы) в отношении разделения Сталинградского фронта на два фронта с границей по реке Царица и далее на Калач. При таком решении Сталинград разрезается на две части. Стык между фронтами и армиями — всегда уязвимое место обороны. Поэтому целесообразно оборону города возложить целиком на один из фронтов.

После этих слов я сделал паузу, чтобы выслушать возможные замечания, если они будут. Неожиданно для меня, да и, по-видимому, для всех присутствующих И. В. Сталин несколько нервно реагировал на предложение. Весьма вероятно, что эта раздражительность

явилась следствием телефонного разговора, который Иосиф Виссарионович вел в нашем присутствии с рядом фронтов. Он несколько раз говорил по телефону ВЧ; чувствовалось, что ему докладывали о тяжелом положении, просили помощи. Положение было действительно напряженным. Наши войска продолжали отход. Я невольно подумал о той великой ответственности за судьбы Родины, о той тяжелой ноше, что была возложена на плечи Иосифа Виссарионовича, как главы правительства, как Верховного Главнокомандующего.

Пройдясь по кабинету несколько раз, он остановился и, обратившись к товарищу Василевскому, перед которым на столе лежали карта и проект директивы, раздраженным тоном сказал:

— Все оставить, как мы наметили. Сталинградский фронт разделить на два фронта; границу между фронтами провести по реке Царица и далее на Калач.

Товарищ Василевский, сидевший с противоположной стороны длинного стола, за которым находились также и члены ГОКО, начал вносить поправки, касавшиеся сроков исполнения, сил и средств.

И. В. Сталин еще раз прошелся по кабинету и, как бы обращаясь ко всем, сказал:

— Так как же мы назовем фронты?

Кто-то предложил: фронт, который будет действовать в северной части Сталинграда и севернее, наименовать Сталинградским, т. е. сохранить старое название, а фронту, действующему в южной части Сталинграда и южнее, дать наименование Юго-Восточный. И. В. Сталин согласился с этим. Сейчас же это и было записано в директиве.

Когда разделение фронтов стало совершившимся фактом, возник вопрос о назначении командующих фронтами. Были названы кандидатуры: моя и генерал-лейтенанта В. Н. Гордова (Сталинградским фронтом в то время уже командовал Гордов, назначенный две недели тому назад вместо маршала С. К. Тимошенко).

И в этом случае я попросил разрешения изложить свои соображения. И. В. Сталин с заметной улыбкой спокойным тоном сказал:

— Ну что же, доложите ваши соображения.

Ободренный этим, я старался изложить их как можно убедительнее. В моем кратком докладе было ска-

зано, что, изучив вчера оперативную обстановку на сталинградском направлении, я пришел к определенному выводу, что в будущем левое крыло Сталинградского фронта, закрепившись на западных и юго-западных подступах к городу, будучи усилено свежими частями, обеспечит активную оборону в то время, как его правое крыло, также получив пополнение, будет в состоянии нанести с севера удар по противнику на западном берегу Дона и во взаимодействии с «левым» (Юго-Восточным) фронтом уничтожить противника под Сталинградом. С севера — главный удар, с юга же — вспомогательный, фланговый удар, отвлекающий противника от направления главного удара. Заканчивая изложение своих мыслей, я просил назначить меня, если моя наметка будет принята, на «правый» (Сталинградский) фронт, добавив, что моя «военная душа» больше лежит к наступлению, чем к обороне, даже самой ответственной.

Все присутствующие выслушали меня внимательно. Наступила пауза. И. В. Сталин, снова пройдясь по кабинету, сказал:

— Ваше предложение заслуживает внимания, но это — дело будущего, а сейчас нужно остановить наступление немцев.

Набивая табак в трубку, он сделал паузу. Я воспользовался этим, вставив реплику: «Я и предлагаю на будущее, а сейчас нужно задержать немцев во что бы то ни стало».

— Правильно понимаете, — утвердительно сказал он, — поэтому мы и решили послать вас на Юго-Восточный фронт, чтобы задержать и остановить противника, который наносит удар из района Котельниково на Сталинград. Юго-Восточный фронт нужно создавать заново и быстро. У вас есть опыт в этом: вы заново создали Брянский фронт. Так что поезжайте, вернее летите, завтра же в Сталинград и создавайте Юго-Восточный фронт.

Для меня стало ясно, что вопрос уже решен, и я ответил кратким «слушаюсь».

Должен сказать, что в тот момент я знал обстановку, естественно, лишь «теоретически». Довод о том, что необходимо сосредоточить все силы и средства для пре-

кращения наступления противника с юго-запада из района Котельниково, казался достаточно веским.

Итак, я был назначен командующим войсками вновь созданного фронта, получившего название Юго-Восточного. Сталинградский фронт сохранил прежнее свое название.

Разграничительная линия между фронтами прошла от Калача на Сталинград, а в черте города по реке Царица (сейчас Пионерка), рассекая таким образом основной объект обороны на две части. Штабы обоих фронтов было приказано разместить в самом Сталинграде.

В духе принятых решений была окончательно откорректирована директива, тут же утвержденная Верховным Главнокомандующим.

В заключение беседы И. В. Сталин, обращаясь ко мне, особо подчеркнул, что необходимо повысить требовательность, поднять дисциплину, навести строжайший порядок в войсках, принимая для этого самые решительные меры.

К трем часам ночи все вопросы были решены, директива подписана. Прощаясь с нами, И. В. Сталин пожелал боевого успеха. Я ответил коротко: «Доверие, оказанное мне партией, оправдаю, задачу по обороне Сталинграда выполню». Все мы вышли с мыслями о глубочайшей ответственности за выполнение порученного нам дела. Было ясно, что от развития боевых действий под Сталинградом будет зависеть в какой-то, вероятно в значительной, степени успех нашей борьбы против гитлеризма.

Здесь нелишним будет напомнить читателю о сложившейся тогда для нашей страны военно-политической обстановке. Оговариваюсь, что в то время я не мог, естественно, представлять ее в полном объеме.

Но, прежде чем говорить об обстановке, фактически сложившейся тогда на советско-германском фронте, необходимо коснуться планов сторон на летнюю кампанию 1942 года.

Сейчас это сделать несколько легче, поскольку опубликован ряд документов, проливающих свет на этот вопрос.

Как уже отмечалось выше, долгое время считалось, что основным в планах врага на лето 1942 года было овладение Москвой путем обхода ее с востока, в этих

целях якобы и производился вражеский удар на Сталинград. Наступление гитлеровцев на юг к нефтяным районам Кавказа расценивалось как имеющее вспомогательную цель — отвлечь наши резервы от московского стратегического района. Однако такое толкование немецко-фашистских планов не выдерживает сопоставления с фактами, зафиксированными в документах.

Так, 11 ноября 1941 года в директиве главному командованию германских сухопутных сил указывалось: «...при соответствующем состоянии погоды будет целесообразно использовать все имеющиеся в распоряжении силы для того, чтобы в результате нанесения удара на юге на Сталинград или путем быстрого выхода на линию Майкоп, Грозный улучшить снабжение армии нефтью, поскольку наши ресурсы в этой области ограничены».

По свидетельству генерала Гальдера Гитлер 19 ноября 1941 года следующим образом определил цели на 1942 год. «Задачи на будущий год: в первую очередь Кавказ, цель — русская южная граница...»

Общий замысел всей кампании 1942 года был сформулирован следующим образом: «...Окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся еще в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества важнейших военно-экономических центров. Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении германских вооруженных сил и вооруженных сил союзников» [1].

Но наиболее обстоятельно гитлеровский план летней кампании излагается в его директиве № 41 от 5 апреля 1942 года.

Каковы ее основные положения?

«I. ...Главная задача состоит в том, чтобы при сдерживающих действиях центральной группы армий на севере добиться падения Ленинграда и установления наземной связи с финнами, а на южном фланге добиться прорыва в районе Кавказа, придерживаясь при всем этом первоначальных принципов относительно восточного похода. Осуществление этой цели должно производиться не одновременно по всему фронту, а только по

---

[1] ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 682, лл. 436—437.

отдельным участкам и в соответствии со сложившейся обстановкой в итоге зимних боев, а также в соответствии с имеющимися силами, средствами и транспортными условиями.

Поэтому первоначально необходимо объединить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтяные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Окончательное блокирование Ленинграда и захват Ингерманландии могут быть произведены, как только позволит обстановка в районе окружения или высвободятся какие-либо другие силы, которых будет достаточно для проведения данного мероприятия...

II. Проведение операций.

А...

Б. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы очистить от противника Керченский полуостров и захватить Севастополь... В южном районе, на линии реки Донец, необходимо отрезать и уничтожить неприятеля, прорвавшегося по обе стороны Изюма.

В. Главная операция на Восточном фронте. Цель этой операции, как уже указывалось, заключается в том, чтобы для обеспечения овладения Кавказом разбить и уничтожить русские войска, расположенные в районе Воронежа и к югу от него, а также западнее и севернее реки Дон.

По причинам, связанным с порядком прибытия предназначенных для этого частей, данная операция может быть проведена только в виде целого ряда отдельных наступлений, следующих непосредственно одно за другим, взаимно связанных между собой и восполняющих друг друга.

Поэтому они должны быть проведены, начиная с севера к югу, в такой временной последовательности, чтобы можно было на решающих участках каждого отдельного наступления в цепи этой общей операции обеспечить максимум концентрации как сухопутных, так и военно-воздушных сил... Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении Воронежа. Из двух группировок танковых и моторизованных соеди-

нений, предназначенных для охвата, наиболее сильной должна быть северная группировка. Цель этого прорыва — захват города Воронежа.

В то время как часть пехотных дивизий имеет задачу немедленно построить мощный фронт обороны на линии от исходного пункта наступления Орел в направлении Воронеж, перед танковыми и моторизованными соединениями стоит задача своим левым флангом продолжить наступление от Воронежа в южном направлении для поддержки второго прорыва, который должен быть предпринят из района Харькова в восточном направлении. И в этом случае первоочередная цель заключается не в том, чтобы подавить русский фронт как таковой, а в том, чтобы во взаимодействии с моторизованными соединениями, наступающими вниз по Дону, уничтожить русские силы.

Третье наступление в рамках этой операции должно быть проведено с таким расчетом, чтобы силы, наступающие вниз по Дону, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск, между нижним течением Дона и Ворошиловградом через Донец в восточном направлении. И в завершение последние должны соединиться с танковой армией, наступающей на Сталинград.

Если в ходе этих операций, особенно благодаря захвату неповрежденных мостов, представится возможным образовать предмостные плацдармы восточнее и южнее Дона, то этим необходимо воспользоваться. Во всяком случае следует пытаться дойти до самого Сталинграда или по крайней мере вырвать его из числа промышленных центров и узлов сообщений, подвергнув его действию нашего тяжелого оружия... И далее, принимая во внимание условия, связанные с временем года, необходимо форсировать наступательное движение через Дон в южном направлении для достижения оперативных целей».

Таким образом, немецко-фашистское командование летом 1942 года уже не могло развернуть наступление одновременно на всех направлениях, как это было летом 1941 года, поэтому для достижения поставленных целей намечалось провести ряд последовательных наступательных операций. При этом основные усилия сосредоточивались на юго-западном направлении с целью уничто-

жения наших войск за Доном, чтобы затем захватить нефтяные районы в пределах Кавказа и перерезать коммуникации СССР с внешним миром, идущие через Кавказ и Иран. Кроме главной операции на юге, планировалось провести еще несколько операций на северо-западном и западном направлениях и создать выгодную обстановку для последующего развития наступления на западном направлении с целью разгрома центральной группировки советских войск и выхода на широком фронте на Волгу в ее среднем течении. С выполнением этих задач предполагалось, что СССР будет вынужден капитулировать. Однако конкретных оперативных планов на решение этих конечных задач немецким командованием не было разработано.

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии о планах летней кампании 1942 года говорил, что «выход на Волгу сразу на широком участке не планировался, предполагалось выйти к реке в одном из мест, чтобы в дальнейшем захватить стратегически важный центр — Сталинград. В дальнейшем предполагалось, в случае успеха и изоляции Москвы с юга, предпринять поворот крупными силами к северу. Я затрудняюсь сказать какие-либо сроки для проведения этой операции».

Стремление противника во что бы то ни стало овладеть югом объяснялось главным образом «нефтяными» соображениями. Нефть была самым больным местом в экономике фашистского райха. На совещании высшего командного состава Восточного фронта, проведенном 1 июня 1942 года в Полтаве, Гитлер заявил об этом весьма недвусмысленно: «Моя основная мысль — занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной». Как увидим дальше, немецко-фашистское командование с присущим ему упорством стремилось осуществить этот план.

Таким образом, становится совершенно ясным, что основным объектом вожделений Гитлера и его подручных летом 1942 года был юг нашей страны с его огромными богатствами: сельскохозяйственными районами благодатной Кубани, углем Донбасса, промышленностью Украины, Азово-Черноморья, а главное, нефтью Майкопа, Грозного, а затем и Баку.

Однако устремления Гитлера на юг диктовались не только чисто экономическими потребностями райха, здесь были налицо весьма определенные политические цели. Встав перед необходимостью вести длительную войну, руководители фашистской Германии не могли не заботиться о расширении круга своих сателлитов за счет стран Ближнего Востока. Здесь они встречали поддержку своим намерениям прежде всего со стороны реакционного турецкого правительства, которое к весне 1942 года сосредоточило в непосредственной близости от южных границ нашей Родины около двух с половиной десятков своих дивизий. Втягивание Турции в войну, естественно, явилось бы первым шагом на пути к овладению Ближним и Средним Востоком.

В ходе летней кампании, однако, главную роль приобрел Сталинград, а не Кавказ. Причины этого станут ясны из последующего изложения.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что решающим моментом в планах Гитлера на лето 1942 года было то, что после поражений, понесенных им зимой, немецко-фашистская военная машина не могла уже действовать одновременно на всем тысячекилометровом советско-германском фронте и была вынуждена фактически ограничиться действиями лишь на южном участке этого фронта [1].

Посмотрим, каковы были планы советской стороны на этот период. Прежде всего они обусловливались стремлением удержать захваченную зимой 1941/42 года стратегическую инициативу.

Исходя из общей военной и политической обстановки, сложившейся к весне 1942 года, Ставка Верховного Главнокомандования решила провести весной и летом 1942 года ряд наступательных операций на северо-западном, западном и юго-западном направлениях и в Крыму с задачами: снять блокаду Ленинграда, разгромить демянскую, ржевско-вяземскую, харьковскую и крым-

---

[1] Небезынтересно отметить, что если в ноябре 1941 года, в период наступления на Москву, Гитлер рассчитывал в ближайшем будущем овладеть на юге Кавказом, а в центре Вологдой или Горьким, то весной 1942 года в цитированной выше директиве № 41 о наступлении на центральном направлении уже не упоминается; речь идет лишь о необходимости добиться падения Ленинграда и овладеть Кавказом.

скую группировки противника и создать тем самым благоприятные предпосылки для полного освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков. Причем серьезные усилия советских войск сосредоточивались на юго-западном направлении. В соответствии с этим наибольшее усиление из резервов Ставки получили войска юго-западного направления (более половины стрелковых дивизий, до 45% стрелковых бригад и 80% танковых бригад, направленных Ставкой в действующие фронты).

Одновременно, поскольку считалось, что угроза столице не миновала, весьма значительные резервы были сосредоточены на московском направлении севернее линии Борисоглебск, Саратов. Резервные армии, находившиеся в распоряжении Ставки, дислоцировались в районах Тулы, Люблино, Тамбова, Борисоглебска, Мичуринска, Саратова, Горького, Иванова, Орла.

Основные наступательные действия в летней кампании планировались на харьковском направлении. Предусматривалось окружить и уничтожить крупную группировку войск противника, находившуюся на этом направлении, и вернуть крупнейший промышленный центр Украины — Харьков. Далее, после перегруппировки, предполагалось продолжать наступление в направлении Днепропетровска и Синельниково; имелось в виду лишить противника главных переправ на Днепре.

Проведение харьковской наступательной операции планировалось осуществить в основном силами двух фронтов: Юго-Западного и Южного.

Юго-Западный фронт начал наступление 12 мая 1942 года. Первоначально события развивались по плану. В течение пяти дней войска фронта прошли с боями до 40—50 километров. Но неожиданный удар сильной танковой группировки генерала Клейста утром 17 мая поставил наше наступление под угрозу срыва.

Немецкие танки, нацеленные на южный фас так называемого Барвенковского выступа, прорвались в глубь обороны Южного фронта. Противник захватил Барвенково. Таким образом, враг вышел в тыл ударной группировки наступающего Юго-Западного фронта. Почти одновременно противник нанес удар из района Балаклея силами двух танковых и одной пехотной дивизий.

Особенно тяжелое положение сложилось, когда противник 21—22 мая нанес удар: а) силами двух танковых дивизий из района Андреевка на Червонный Донец навстречу группе Клейста, б) силами до четырех дивизий из района Протопоповка, Загородная в северном направлении на Чепель и в) из Чугуевского выступа также навстречу Клейсту. Прорвав нашу оборону, танки противника отрезали наши войска от переправ на реке Северный Донец. 23—26 мая была сделана отчаянная попытка прорвать кольцо окружения, но успеха она не имела. До конца месяца из окружения вышли лишь разрозненные отряды наших войск. Наступательной операцией в районе Харькова (ее условное наименование «Фредерикус») противник добился ликвидации нашего плацдарма в районе Барвенково, Лозовая и захвата выгодного рубежа для развития наступления на левобережье Северного Донца.

Основная причина поражения наших войск под Харьковом кроется в том, что нашему командованию не удалось добиться внезапности в нанесении удара; в то же время контрнаступление противника явилось для нас неожиданным, так как наша разведка не сумела своевременно обеспечить командование необходимыми данными о группировке противника и планируемых им направлениях ударов. В связи с этим и решение оказалось не соответствующим обстановке и поэтому неудачным. Но при всех этих обстоятельствах возможно было избежать поражения под Харьковом. Для этого после первого же удара врага 17 мая следовало прекратить наступательные действия [1].

Как же начала осуществлять свои планы немецко-фашистская сторона? Гитлеровская ставка занялась прежде всего обеспечением наиболее уязвимых мест своей обороны, какими были Крым и район Харькова (о котором мы только что сказали).

Что касается действий в Крыму, то там мы понесли потери в мае. 8 мая противник перешел в наступление на Керченском полуострове. Основной удар, нанесенный силами трех пехотных дивизий при поддержке морского десанта, привел к прорыву фронта. Была оставлена

---

[1] Разрешение на это тщетно просил у Ставки член Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущев.

Феодосия. Наши войска начали отход к Керченскому проливу. 19 мая организованное сопротивление наших войск в этом районе прекратилось. Основной причиной поражения на этом участке было неудачное построение нашей обороны и отсутствие резервов. Захват Керченского полуострова позволил противнику перебросить главные силы 11-й армии (командующий Манштейн) в район Севастополя, что в значительной степени обусловило падение этого важнейшего стратегического пункта, несмотря на выдающийся героизм его защитников (Севастополь был оставлен 3 июля).

Закончив довольно успешно подготовку к главной операции, гитлеровская ставка приступила к выполнению своего основного плана. Но здесь-то фашистских стратегов и ждало жестокое разочарование.

Сравнительно подробное изложение этих событий сделано генерал-майором бывшей немецко-фашистской армии Гансом Дёрром в его книге «Поход на Сталинград», изданной в Западной Германии в 1955 году. Для осуществления плана летней кампании 1942 года предусматривалось проведение четырех операций:

«1. Прорыв на Воронеж (2-я армия и 4-я танковая армия).

2. Разгром противника перед фронтом 6-й армии, западнее Дона.

Для выполнения этой задачи: а) 6-я армия осуществляла прорыв из района восточнее Харькова на восток; б) одновременно 4-я танковая армия, наносившая удар на Воронеж, поворачивала вдоль Дона на юг с задачей во взаимодействии с 6-й армией уничтожить противника западнее Дона.

3. Наступление на Сталинград:

силами группы армий «Б» (6-я армия и 4-я танковая армия) вниз по течению Дона на юго-восток;

силами группы армий «А» (17-я армия и 1-я танковая армия) из района восточнее Таганрог, Артемовск через нижнее течение Донца и затем на северо-восток вверх по течению Дона.

Обе группы армий должны были соединиться в районе Сталинграда и путем захвата или обстрела лишить этот город его значения как центра военной промышленности и узла коммуникаций.

4. Завоевание Кавказа»[1].

Мнение Дёрра о том, что операция по овладению Сталинградом была наиболее важной из ближайших задач летней кампании, соответствует действительности.

В конце июня, т. е. в начале летней кампании 1942 года, расположение группы армий «Юг», разделенной впоследствии на группы армий «А» и «Б», представлялось в следующем виде: 11-я армия — в Крыму; 14-й танковый корпус — несколько севернее Таганрога; 17-я армия вместе с итальянским экспедиционным корпусом — в районе Сталино (восточнее); 1-я танковая, 6-я и 4-я танковая армии — в районе Изюм, Харьков, Курск. 2-я венгерская и 2-я немецкая армии были расположены под Курском: первая — юго-восточнее, вторая — севернее города; эти армии вместе с 4-й танковой составляли армейскую группу генерал-полковника фон Вейхса. В резерве оставалось восемь дивизий, из них две немецкие.

Началом комплекса летних операций 1942 года послужило начавшееся 28 июня наступление 2-й, 4-й танковой и 2-й венгерской армий (группа Вейхса) из района восточнее Курска на Воронеж. Целью этого удара было обеспечить северный фланг всей наступающей группировки немецко-фашистских войск и создать предпосылки для поражения наших войск западнее Дона. Главный удар приходился южнее железной дороги Курск — Воронеж в восточном направлении; осуществлявшая его 4-я танковая армия имела задачей выйти к Дону. В связи с упорным сопротивлением наших войск эта задача была выполнена к назначенному сроку (до 6 июля) лишь в основном: врагу не удалось овладеть всем городом, в частности университетским городком, не была форсирована река Воронеж и, главное, железнодорожная линия Москва — Ростов не была перерезана; все это — при наличии явного преимущества в силах и средствах на стороне гитлеровцев.

Генерал Дёрр, описывая эти события, стремится отнести неудачи группы Вейхса на счет непоследовательности Гитлера, который якобы проявил колебания в вопросе о захвате Воронежа. Это, конечно, стремление обелить своего шефа фон Вейхса, которому Дёрр и посвя-

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 17—18.

тил свой труд. В действительности дело здесь в том, что враг допустил просчет в оценке наших сил в районе Воронежа и их способности к сопротивлению.

Вслед за этой операцией началась реализация второго акта общего плана действий: попытка ликвидировать советские войска в районе западнее Дона. Врагу и на этот раз не удалось достигнуть поставленной цели: наши войска успели организованно уйти за Дон[1]. 9 июля немецкие части вышли к Кантемировке. Перед этим была произведена перегруппировка: группа армий «Юг» разделилась на группы армий «А» и «Б», о чем уже упоминалось выше. Войска противника изготовились к наступлению на Сталинград. Главная роль в этой операции отводилась первоначально группе армий «А» в составе 17-й, 1-й танковой, а позднее (с 14 июля) и 4-й танковой армий. Одновременно группа армий «Б» в составе 6-й, 2-й венгерской и 8-й итальянской армий получила задачу продолжать движение на восток и создать оборону по рубежу реки Дон.

Так в основном развивались события на фронтах в предавгустовские дни 1942 года.

☆

---

[1] С этим шагом германского командования связан грубый стратегический просчет. Дело в том, что гитлеровская ставка считала, что в районе севернее Ростова сосредоточены наши главные силы. Желая устроить «котел», т. е. окружить и уничтожить эти «главные силы», вражеское командование повернуло 4-ю танковую армию, двигавшуюся на Сталинград, и в частности ее 40-й танковый корпус, достигший к 9 июля рубежа реки Чир у Боковская, круто на юг. Авангардные же части 6-й армии вышли сюда лишь через неделю, 17 июля.

Немецкие военные писатели, в частности Дёрр, этим моментом обусловливают провал всего так называемого похода на Сталинград; самый просчет приписывается целиком Гитлеру. Несомненно, дальнейшее продвижение на Сталинград 4-й танковой армии поставило бы наши войска, получившие задачу оборонять дальние подступы к городу, в тяжелое положение. Однако это, конечно, ни в коем случае не означает, что Сталинград был бы взят с ходу. Дело в том, что уже 8 июля 62-я армия заняла оборону на рубеже Клетская, Суровикино; кроме того, навстречу наступавшему врагу также выдвигалась 64-я армия. Что касается просчета, то его следует отнести на счет фашистской разведки, которая фальшивыми данными ввела, видимо, в заблуждение и германский генеральный штаб, и самого фюрера.

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ ШАГИ В СТАЛИНГРАДЕ

Ранним утром 4 августа, еще до восхода солнца, серебристый «Дуглас» вырулил, поднимая тучи пыли, к старту, яростно взревел моторами и, пробежав по бетонной дорожке центрального аэродрома, взмыл в ясную голубизну московского неба. Его курс лежал на юго-восток, к городу, который дорог теперь всем честным людям на земле, — к Сталинграду.

Пассажиров было человек десять, в большинстве командиры, назначенные в штаб вновь создаваемого фронта.

Меня целиком поглотили планы предстоящей борьбы с сильным, наглым и жестоким врагом, известным мне по опыту боев на западе и северо-западе: под Смоленском и Ярцевом, а затем под Брянском, Пено, Андреаполем, Торопцом, Велижем. Но если подумают, что я строил всеобъемлющие «стратегические» расчеты на продолжительные сроки, это будет ошибкой. Нет. Я рассчитывал каждый свой шаг на ближайшие несколько дней, быть может, неделю; занимали мысли, как сформировать штаб, как разместить его, как надежнее взять управление войсками в свои руки, как быстрее изучить оперативную обстановку, как расставить своих непосредственных подчиненных. Мысли одна за другой фиксировали план по дням и даже часам: поездки в войска, на оборонительные обводы, встречи с руководителями партийных и советских органов города и области, меры по налаживанию службы тыла. В моих размышлениях было много «прозаических деталей», о которых мало говорят, но которые отнимают уйму времени при их осуществлении.

В основном же мысли сосредоточивались на главном, на том, как лучше, эффективнее и полнее практически провести в жизнь решения, которые были приняты накануне, с чего лучше начать эту работу.

В полной мере я отдавал себе отчет в сложности дела, порученного мне партией. Предстояло возглавить фронт, оборонительная линия которого на дальних подступах к городу, по реке Дон, была уже прорвана врагом в нескольких местах. Было известно, что неприятель там сосредоточил свои отборные силы, пытаясь в короткий срок овладеть важнейшим стратегическим центром юга нашей страны. На стороне опытного, сильного и изворотливого врага было превосходство как в численном отношении, так и в технике.

Однако, несмотря на чрезвычайную сложность положения, сомнений в успешном для нас развитии Сталинградской операции не было. Уверенность эта возникла у меня еще во время первой беседы в Кремле, когда я понял, что Сталинградская операция по решению партии должна явиться важной вехой на пути к нашей победе. Это было одно из тех решений партии, на выполнение которых мобилизуется весь советский народ. Воля советских людей к победе, их мужество и самоотверженность направлялись партией к одной цели — остановить врага у Сталинграда.

Мысленно не раз строго проверял себя, насколько я, как военачальник, готов к выполнению полученного важнейшего боевого задания, насколько собраны и мобилизованы мои душевные силы, знания и умение — словом, все, что необходимо для борьбы и победы.

После четырехчасового полета мы вышли к Волге, попав в прифронтовую полосу; отсюда наш корабль сопровождало несколько истребителей. Самолет взял курс на юг над серебристо-голубой полосой реки. С небольшой высоты (500—600 метров), на которой мы шли, видимость была прекрасная. Внизу сменялись одна за другой чудесные картины русской природы с их необычайным богатством красок. Ключом била в тяжелые военные дни кипучая, трудовая жизнь нашего народа в городах и селах, раскинувшихся по обеим сторонам реки. Необъятные просторы, открывавшиеся перед нами, наполняли наши сердца чувством высокой гордости за

нашу Родину, за ее людей, вступивших в беспримерное в истории единоборство с коварным врагом.

Чем дальше продвигались мы на юг, тем все больше и больше чувствовалась близость фронта: большими и малыми группами устремлялись наши самолеты за передний край для выполнения боевых задач; оживленнее стали дороги, по которым сплошной лентой двигались войска, за ними тянулись обозы; по берегам и руслу самой реки в разных местах дымились пожары; одни из них уже угасали, другие разгорались. Вот показались густые клубы черного дыма, высокими столбами вздымавшегося к небу. До них еще далеко, но прозрачность воздуха, скрадывая расстояние, приближала их. Это был Сталинград. Севернее его горели нефтеналивные суда, зажженные авиацией противника.

При подходе к городу самолет, не снижая высоты, направился к северной его части. Здесь уже действительно по-настоящему запахло фронтом. В стороне от нас то здесь, то там в воздухе возникали облака дыма, и, заглушаемые ревом наших моторов, раздавались разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии, обстреливавшей самолеты противника.

Величественная панорама раскинувшегося вдоль Волги на десятки километров Сталинграда — города, дорогого сердцу каждого советского патриота, города, у стен которого советскому народу суждено было дважды отражать врагов нашего государства. Около трех столетий прошло со времени основания Царицына. Однако Сталинград казался совсем молодым: в предвоенные пятилетки он пережил свое второе рождение, превратившись в мощный индустриальный центр. В ясной синеве летнего неба четко вырисовывались бесчисленные трубы заводов и фабрик. Громады производственных корпусов перемежались с кварталами многоэтажных благоустроенных жилых домов рабочих поселков. Яркие пятна зелени садов и парков и серо-голубая лента Волги, обрамлявшая город, делали картину еще более привлекательной.

Видны уже движущиеся трамваи, автомашины, обозы, отдельные колонны войск. По реке скользят пароходы, речные трамваи, множество лодок. Трудовое оживление бурлило всюду; оно чувствовалось на пристанях, вокзалах, заводских и фабричных территориях. Большой со-

циалистический город жил напряженной жизнью военного времени.

Сделав круг над северной частью города, наш самолет пошел к центральному аэродрому на посадку.

Хотя раньше в Сталинграде я не бывал, город показался мне давно знакомым, родным, и не только потому, что я тщательно изучил его по картам, планам, рассказам очевидцев и описаниям в справочниках и книгах, но главным образом, по-видимому, потому, что в течение последних дней я мысленно жил жизнью этого города, заботами и нуждами его граждан и войск.

Солнце стояло еще высоко, когда мы вышли из кабины самолета. Поблагодарив летчиков за удачный перелет, я на автомашине Н. С. Хрущева отправился к нему на квартиру. Быстро промчались мы по улицам города от северной окраины к центру.

Труженики города как в незабываемую эпоху гражданской войны, так и в годы социалистических пятилеток с невиданной самоотверженностью боролись здесь за победу своего правого дела. Сейчас население города и прилегающих районов вновь грудью встало на борьбу против жестокого врага, угрожавшего самому существованию социалистической державы; большинство жителей города трудились на возведении оборонительных сооружений на сталинградских обводах.

Товарищ Хрущев жил в центре города вместе с тогдашним командующим войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенантом В. Н. Гордовым. Здесь и произошла наша встреча с Никитой Сергеевичем Хрущевым, которого я знал ранее лишь по его необычайно плодотворной работе в Москве и на Украине, видел много раз, но лично не был с ним знаком. Никита Сергеевич в свою очередь знал меня лишь понаслышке.

Войдя в дом, я сразу же встретился с Никитой Сергеевичем. Мы познакомились, обменявшись обычными в таких случаях приветствиями и фразами о здоровье; Никита Сергеевич указал отведенную мне комнату, куда я и прошел. Это была небольшая комната; в ней кровать, два стула, раскладной стол, стоявший в углу. Не успел я войти, как резко загудел зуммер полевого телефона на столе. Подняв трубку, по привычке ответил: «Первый слушает», — то был мой позывной в 4-й ударной армии. Проверяли линию.

На столе лежала карта с обстановкой под Сталинградом по состоянию на вчерашний день. Наскоро умывшись, я сразу же взялся за нее; ее данные были, конечно, более свежими, чем те, с которыми я ознакомился в Генеральном штабе. За этим занятием и застал меня Никита Сергеевич, зашедший ко мне через несколько минут.

Никита Сергеевич незадолго до моего приезда возвратился из поездки по войскам. Вместе с товарищем Гордовым они были в районе города Калач на участках 64-й и 62-й армий, где начиная с конца июля шли особенно напряженные бои.

Наша беседа сразу же, естественно, сосредоточилась на положении, сложившемся на фронте. Никита Сергеевич кратко, но с глубоким знанием действительной обстановки рассказал о поездке, о тяжелом положении, создавшемся на участках обеих армий. Он подчеркнул:

— Положение на участках 62-й и 64-й армий требует форсировать оборонительное строительство с максимальной энергией. Противник нас теснит, а причина этого, к сожалению, не только в превосходстве его сил, но и в недостаточной организованности среди части наших войск, в неумении отдельных командиров и политработников привить каждому солдату упорство и стойкость в бою. Не все обстоит благополучно и в отношении руководства войсками со стороны командования фронтом, я имею в виду товарища Гордова. Полагаю, что эти недостатки нам удастся изжить в самое ближайшее время. Уверен, что в Сталинграде мы расквитаемся с фашистами за Харьков и Крым.

С первого взгляда Н. С. Хрущев показался мне утомленным, усталым, но озабоченность, взволнованность, с которыми он вел беседу, говорили о другом, о том, что он полон энергии: его голос, жесты были исполнены бодрости и решительности. Рабочая простота, душевность сразу же располагали к нему собеседника. Он производил впечатление человека одаренного, человека большого ума, который знает что-то такое, особенно важное, что дает ему возможность решать самые трудные задачи.

Никита Сергеевич сказал, что ему вчера позвонили из Москвы и сообщили о цели моего приезда.

— Но пока об этом ничего определенного я никому не говорил, — добавил он. — Правда, штаб сейчас готовит необходимые материалы для осуществления организационных мероприятий, анализирует и обобщает обстановку на всех участках фронта, обрабатывает данные разведки о силах противника и его намерениях.

Я с удовольствием принял приглашение Никиты Сергеевича к чаю, сделанное им в заключение.

За столом завязалась оживленная беседа, главным в которой оставалось положение на участках 62-й и 64-й армий; делились свежими впечатлениями о поездке в Калач. Помня замечание Никиты Сергеевича, я внимательно прислушивался к товарищу Гордову, у которого, как мне показалось, в результате этой поездки поколебалась уверенность в возможности остановить наступление противника; некоторая растерянность и нервозность в его поведении насторожили меня. Его дальнейшее поведение удивило меня еще больше. Бегло ознакомившись с привезенной мной директивой о разделении фронтов, он молча возвратил ее и, сославшись на усталость, ушел к себе. Он даже не спросил, какая помощь потребуется с его стороны для осуществления очень большого срочного организационного мероприятия.

На командном пункте фронта я посчитал целесообразным поделиться с Никитой Сергеевичем своим первым впечатлением от знакомства с Гордовым. Выслушав меня, товарищ Хрущев ответил, что пока еще мало знает Гордова, но стиль его работы и отношение к людям оставляют желать лучшего. В свете последних событий на фронте проявилась и недостаточность его опыта и знаний для командования крупными оперативными объединениями в сложных условиях войны.

Командный пункт, где была оперативная группа и узел связи, размещался в подземелье, вырытом в виде штольни, вблизи от дома, в котором мы жили. Вход в нее находился со стороны русла Царицы. В штольне, приготовленной под командный пункт заранее, свободно размещались главные узлы управления штаба фронта. Все это сооружение было устроено в виде буквы «П» и имело два выхода, оба в сторону реки Царицы. К подземному сооружению имелось также два подхода; один из них — пеший — шел прямо от домика, где находились мы, и представлял собой многоколенчатую деревянную

лестницу, примерно с двумя сотнями ступеней, укрепленную на почти отвесном скате оврага; второй, служивший подъездом, вел кружным путем, начинаясь там, где более пологие берега оврага позволяли постепенно свернуть к ровному и широкому дну этой громадной балки. Так как с больной ногой трудно было преодолеть почти отвесную дорогу, я воспользовался машиной, а Никита Сергеевич спустился по лестнице.

Никита Сергеевич, несмотря на усталость (поездка в Калач была сопряжена с большими трудностями), до глубокой ночи работал в штабе и в политуправлении над разрешением вопросов, связанных с подготовкой к разделению фронтов.

Придя на командный пункт, я прежде всего заслушал доклад начальника штаба генерал-майора Д. Н. Никишева об обстановке на фронте, на что получил разрешение от Гордова еще на квартире.

Доклад товарища Никишева ввел меня в курс дела, хотя не во всех вопросах он был достаточно конкретен, что следовало отнести за счет недостаточно четкой работы нашей разведки.

Чтобы составить более полное представление о происходящем, пришлось поработать дополнительно.

Постараюсь коротко изложить ход событий, относящихся к первому этапу обороны Сталинграда, с учетом и тех данных, которых я тогда не мог знать в полном объеме.

В начале июля, как отмечалось выше, Ставка Верховного Главнокомандования спешно выдвинула из своего резерва три армии (62, 63 и 64-ю) в составе четырех — пяти стрелковых дивизий каждая. В целях координации их действий 12 июля был создан Сталинградский фронт. Его оборонительная линия проходила по рубежу Павловск, Серафимович, Суровикино, Верх. Курмоярская. В конце июля фронт был пополнен еще рядом соединений, в том числе вновь формируемыми танковыми армиями.

В 20-х числах июля войска фронта развернулись и заняли оборону по левому берегу Дона от населенного пункта Бабка до станиц Цимлянская, Константиновская. В Сталинграде сосредоточились небольшие оперативные резервы.

В это же время развернулось строительство оборонительных рубежей — обводов. Немалую помощь в этом деле оказал Сталинградский областной комитет ВКП(б) и городской комитет обороны, по призыву которых на помощь 5-й саперной армии в строительстве оборонительных рубежей ежедневно выходило от 100 до 180 тысяч человек гражданского населения города и области. Тем не менее к началу боев в излучине Дона сооружение их было произведено лишь на 50%.

Когда вражеские войска вышли в район Кантемировки (9 июля), их основной дальнейшей задачей было концентрическими ударами в направлении Сталинграда уничтожить наши войска и захватить город (схема 2).

Боевые действия на сталинградском направлении открылись 17 июля выходом гитлеровцев на рубеж реки Чир.

В результате героических действий передовых отрядов 62-й и 64-й армий на реках Чир, Цимля и ударов нашей авиации по колоннам и скоплениям врага его наступление в период с 17 по 22 июля развивалось медленно и он смог выйти к рубежу, занимаемому главными силами войск Сталинградского фронта, лишь 22 июля, что дало возможность советскому командованию выиграть время для усиления обороны войск 62-й армии и выдвинуть 64-ю армию на западный берег Дона. Героическое сопротивление передовых отрядов вынудило немецкое командование начать усиление своих войск на сталинградском направлении, и к концу июля враг имел здесь до 30 дивизий и более 1200 самолетов. В результате усиления войск, наступавших на Сталинград, противник на направлениях своих ударов превосходил войска 62-й и 64-й армий в людях более чем в 1,5 раза, в артиллерии и минометах — в 2—3 раза и в авиации более чем в 3 раза.

23 июля враг атаковал правый фланг 62-й армии (схема 3). В итоге боев, продолжавшихся почти трое суток, противник прорвал фронт армии, зажал в кольцо ее правый фланг (две дивизии) и вышел в район Верхне-Бузиновка, Манойлин. Здесь развернулись ожесточенные бои, длившиеся до начала августа. Советские воины проявили исключительную стойкость. 24 июля на одну из дивизий наступало до 150 танков, из них 35 было выведено из строя простейшими противотанковыми сред-

ствами. В результате предпринятых командованием фронта двух контрударов положение в известной степени было выправлено. Противнику не удалось окружить 62-ю армию, и он не был допущен к переправам через Дон в районе Вертячий, Калач. Первый контрудар был нанесен 25 июля из района Калача в северо-западном направлении силами 1-й танковой армии, а второй — силами 4-й танковой армии 27 июля из района Трехостровской в западном направлении. Эти армии были переданы из резерва Ставки в состав Сталинградского фронта с целью разгрома прорвавшейся группировки и восстановления положения на участке 62-й армии.

Однако следует отметить, что задача разгрома противника, прорвавшегося в район Верхне-Бузиновки, и восстановления утраченного положения 62-й армии не была полностью выполнена. Главными причинами этого было то, что 1-я и 4-я танковые армии еще не закончили своего формирования и были слабыми по своему составу; сыграла отрицательную роль и неодновременность их контрударов, что позволило врагу последовательно отразить их.

25—26 июля враг повел наступление и против 64-й армии. Противник потеснил ее войска, которые отошли на рубеж Суровикино, Рычковский, но дальше враг продвинуться не смог. Стойкость и активность личного состава армии стабилизовали здесь фронт.

Несмотря на то что оборонительные бои в силу сложившихся обстоятельств нам пришлось вести в очень тяжелых условиях, немецко-фашистское командование не смогло осуществить взаимодействия между своими северной и южной группировками, а значит, и окружить наши войска, оборонявшиеся на западном берегу Дона. Переправиться через Дон в это время враг не смог. Первая попытка врага взять Сталинград с ходу кончилась провалом. Вражеское наступление свелось к фронтальным действиям. Основные силы 6-й немецкой армии были вынуждены втянуться в затяжные бои на правом берегу Дона и до подхода свежих сил перейти к обороне. Однако положение советских войск, оборонявшихся в излучине Дона, оставалось сложным. Оба фланга 62-й армии оказались глубоко охваченными противником. Отход части сил 64-й армии за Дон в районе Нижне-

Чирская и выход противника в этот район создавали угрозу нанесения вражеского удара на Сталинград с юго-запада.

Кто же возглавлял армии фронта, противостоявшие противнику?

63-я армия, действовавшая на правом фланге, возглавлялась опытным и волевым генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым, которого я знал еще в мирное время. 4-я танковая армия, части которой оборонялись на самом восточном участке излучины Дона, примыкавшем к Иловлинской долине, вела борьбу под руководством генерал-майора В. Д. Крючёнкина. О нем, к сожалению, я не имел достаточного представления, хотя и встречался с ним в мирное время, но первые впечатления говорили о том, что он справится со своими обязанностями. В дальнейшем эта оценка полностью подтвердилась: товарищ Крючёнкин оказался способным и храбрым командармом.

Генерал-лейтенант А. И. Лопатин, армия которого действовала на западном берегу Дона у города Калач, был моим подчиненным в мирное время. Это как раз та знаменитая 62-я армия, которая приняла на себя вместе с 64-й армией первый удар гитлеровцев, а затем в период всей Сталинградской битвы находилась в центре событий. Генерал Лопатин был командиром 6-й Чонгарской имени Буденного дивизии в то время, когда я командовал 6-м казачьим корпусом в Белоруссии. Под моим же командованием он оказался потом и на Дальнем Востоке в 1-й Краснознаменной армии в качестве командира корпуса. Это был требовательный, энергичный, храбрый, хорошо подготовленный командир.

Здесь следует отметить, что 62-я армия, взаимодействуя с частями генерал-майора К. С. Москаленко (1-я танковая армия) [1], в течение нескольких последних дней вела упорные бои с превосходящими, главным образом танковыми, силами противника, который, понеся большие потери (нам эти бои также стоили очень дорого), вынужден был отойти и перенести свой удар на новый участок, южнее первоначального.

В то время когда генерал Никишев докладывал об-

[1] 1-я и 4-я танковые армии почти не были укомплектованы танками.

становку, 62-я армия, загнув фланги, вела бои западнее Дона, в районе города Калач.

К юго-западу от Сталинграда, южнее 62-й армии, от Калача до Верхне-Курмоярской и южнее действовала 64-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова. По этой армии в то время противник наносил свой главный удар силами 4-й танковой армии генерала Гота, который уже четко обозначился вдоль железной дороги Котельниково — Аксай — Абганерово — Сталинград.

Товарищ Шумилов обладал хорошими военными способностями, сильной волей, здравым смыслом и глубокими знаниями в области оперативного искусства. Уже в первых сражениях Великой Отечественной войны он показал себя как военачальник, который в самой сложной и угрожающей обстановке не теряет присутствия духа и не поддается панике.

На участке от Котельниково и далее на юг на широком фронте отходили остатки 51-й армии, понесшей большие потери в предыдущих боях. Обязанности командарма 51-й исполнял генерал-майор Т. К. Коломиец, заместитель командующего армией. Учившийся вместе со мной в академии имени М. В. Фрунзе, он запечатлелся в моей памяти как компанейский, покладистый, веселый товарищ, обладающий нужными организаторскими навыками и волевыми качествами.

Таким образом, из всех командующих армиями фронта я не имел никакого представления лишь о двух: о генерал-майоре А. И. Данилове, части которого (21-я армия) обороняли второстепенное направление, левее 63-й армии, и генерал-майоре Н. И. Труфанове, командующем 51-й армией (в это время генерал Труфанов находился в госпитале).

Кстати сказать, применявшийся в наших Вооруженных Силах в мирное время принцип перемещений, периодические учебные сборы и другие методы общения командного состава по службе имели очень большое практическое значение, поскольку позволяли нам узнавать друг друга, получать личное впечатление о качествах товарищей, с которыми затем пришлось вместе делить страдные дни войны.

Вывод, сделанный мной по докладу генерала Никишева, заключался в необходимости принять самые сроч-

ные меры по организации обороны, налаживанию управления и взаимодействия войск; совершенно очевидному численному превосходству противника необходимо было сейчас противопоставить организованность, инициативу и стойкость.

Два слова о численном превосходстве противника над нашими силами под Сталинградом. У изучающего этот вопрос возникает недоумение: ведь соединений, именуемых армиями, у нас было больше, чем у гитлеровцев. Это несоответствие явилось результатом организационных мероприятий, проведенных незадолго до описываемого периода.

В начале войны, как известно, структура наших Вооруженных Сил выглядела следующим образом: во главе всех Вооруженных Сил стоял Верховный Главнокомандующий, ему непосредственно подчинялись командующие фронтами, им подчинялись командующие армиями, последним подчинялись корпуса, командирам корпусов — дивизии, командирам дивизий — полки и командирам полков — батальоны. Это — командная лестница, по которой шло управление.

Естественно, что с началом войны наша армия начала развертываться по штатам военного времени. Произошло большое выдвижение новых кадров, которые передвигались на одну или даже на две ступени выше. Наши командные кадры, в основном хорошо подготовленные, не имели ни опыта войны, ни опыта управления большими массами войск. Это, как только началась война, стало заметно ощущаться: то запоздают боевые распоряжения в связи с медленной обработкой их в штабах, то возникнут пробелы в организации боя и управлении войсками. Командарм же зачастую «не доходил» до дивизии, являвшейся основной тактической единицей, самостоятельно организующей и ведущей общевойсковой бой.

В начале войны для упрощения управления войсками корпусное звено было упразднено. Структура управления имела следующую схему: полк — дивизия — армия. В армиях было четыре — пять, а иногда и более дивизий.

В составе же каждой немецко-фашистской армии было четыре корпуса, а в каждом из них — от трех до пяти дивизий. Таким образом, наша армия того времени по своему составу равнялась немецкому корпусу, нередко уступая ему по численности.

Доклад товарища Никишева насторожил меня, поскольку в нем были высказаны неприемлемые наметки действий, заключавшиеся в том, чтобы значительно усилить правофланговую армию и с ее помощью нанести фланговый удар по войскам противника, наседавшим на 62-ю и 4-ю танковую армии, и тем самым помочь им удержать занимаемый рубеж. Идея этого намерения на первый взгляд была хорошей, но при складывавшейся обстановке попытки осуществить его могли сыграть на руку врагу.

Подобный замысел мог быть осуществлен с успехом лишь в том случае, если бы мы располагали свободными оперативными резервами и временем; мы же не имели ни того, ни другого. В сложившихся условиях для реализации этого замысла пришлось бы снимать войска и средства усиления с направления главного удара противника.

По изложенному замыслу действий я, как завтрашний сосед Сталинградского фронта с юга, высказал свои замечания. Суть их сводилась к следующему.

Планы маневра на север и удара оттуда по противнику через переправы на реке Дон были чреваты двумя весьма опасными последствиями:

а) активные действия авиации при ее подавляющем господстве могли сковать действия войск, наносивших контрудар, или даже обескровить их, и тогда, естественно, 62-я и 4-я танковая армии не получили бы никакой помощи при ослаблении войск, оборонявшихся на направлении главного удара противника;

б) при нанесении врагом удара в ближайшие дни, в чем не было особых сомнений (если иметь в виду активность гитлеровцев в районе Калача), противник, находившийся в 100 км от Сталинграда, упредил бы контрудар с севера и прорвал бы нашу оборону ранее, чем северная группировка, находившаяся в 120—130 км от Сталинграда, смогла бы что-либо предпринять.

Сделав эти замечания, я, к своему удивлению, узнал, что автором критикуемых мною соображений является командующий фронтом генерал Гордов. Хуже всего было то, что его намерения уже были частично осуществлены. Теперь мне стало понятным, почему Никита Сергеевич говорил о недостаточности опыта у командующего Сталинградским фронтом.

Будучи уверен в том, что попытка исполнить этот замысел в данный момент нанесет большой ущерб делу обороны Сталинграда, я попросил начальника штаба доложить мое мнение товарищу Гордову, подчеркнув, что активность сейчас нам нужна на главном направлении удара врага.

Товарищ Никишев обещал доложить своему командующему мое мнение и поддержать его.

Несмотря на хорошо устроенную вентиляцию, на командном пункте дышалось все-таки тяжело. Намереваясь освежиться на воздухе, я вышел из помещения. Хотя солнце уже давно зашло, было душно; при полном безветрии термометр показывал +35°. У подошвы обрыва вился небольшой ручеек, который назывался Царицей. В крутых берегах этого ручья (речушки) и в прилегающих к нему районах размещался штаб Сталинградского фронта. Штаб вновь образовавшегося Юго-Восточного фронта в ходе его формирования предполагалось разместить в южной части Сталинграда с центром в здании одной из школ.

Возвратившись в домик, я встретился с ожидавшими меня товарищами из обкома партии и облисполкома.

В моей комнате сидел секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов с несколькими товарищами из обкома и облисполкома. Положение Сталинграда с каждым днем становилось все более напряженным. Враг приближался к городу. Товарищи хотели из первых рук узнать о решении ГОКО, касающемся Сталинграда, с тем чтобы соответственно строить свою работу, носившую теперь более военный, чем гражданский характер в связи с переводом заводов и фабрик на рельсы военного производства, а в последнее время и в связи с создавшейся угрозой военного нападения непосредственно на Сталинград, где у нас находились большие запасы военного сырья и полуфабрикатов. Я рассказал товарищам коротко о том, какое значение придает Центральный Комитет событиям под Сталинградом. Подробно остановился на создавшейся обстановке. Поделился с ними также опытом, накопленным мною за истекший период войны, подчеркнув, что войска стойко будут защищать город. Сейчас главное — в укреплении обороны города. Это в данной обстановке является первоочередной задачей. Секретарь обкома сказал, что все силы и средства

мобилизуются на защиту города. Продолжается возведение в нем и вокруг него укреплений, однако следовало бы подготовить некоторые объекты к эвакуации из города. Я ответил, что если мы начнем эвакуацию Сталинграда, то это может быть истолковано как решение оставить город, а нам следует приготовиться к самым ожесточенным и длительным боям. Кое-что, конечно, придется вывезти из города, но не в порядке эвакуации заводов и фабрик, а в порядке удаления того, что будет мешать боевым действиям; это — детские учреждения, многодетные семьи рабочих и служащих, которые необходимо перевезти за Волгу. Подобная мера улучшит положение в городе и сократит наши потери при бомбежках. Ведь Сталинград сейчас находится уже в зоне большого сражения. Кто-то из присутствующих заверил, что сейчас население работает с полным напряжением сил, комитет местной обороны, областные и городские органы власти создали на заводах дружины и отряды из рабочих, усиливаются пожарные команды и, главное, на заводах возрос выпуск военной продукции.

Беседа наша подходила к концу, когда в комнату вошел только что вернувшийся из штаба фронта Никита Сергеевич Хрущев.

Узнав о содержании нашей беседы, он твердо заявил: «Сталинград не будет сдан: таково решение Партии, таков приказ Ставки, нужно всемерно усиливать мобилизацию всех сил на помощь фронту, на укрепление города и прилегающих к нему районов».

Товарищи прошли в комнату Никиты Сергеевича, чтобы решить текущие вопросы.

Я был очень доволен, что сразу же установился тесный контакт с руководителями Сталинградской партийной организации. Надо сказать, что местные партийные и советские органы под руководством Сталинградского областного и городского комитетов ВКП(б) совместно с Военным советом фронта, прежде всего с товарищем Н. С. Хрущевым, на протяжении всей битвы проводили широкую организаторскую и агитационно-пропагандистскую работу, поднимая население на укрепление города, на упорный труд на заводах и фабриках.

Первую ночь, несмотря на большую усталость, я заснуть не мог. Дни в Сталинграде стояли жаркие, ночи — душные. Но не жара тому была причиной. В голове не-

К. С. Москаленко

А. И. Лопатин

Г. Ф. Захаров

Н. М. Бубнов

А. И. Казарцев

А. Д. Зубанов

А. И. Родимцев

В. А. Горишный

прерывно рождались новые мысли. Придумываешь, примеряешь, подсчитываешь, сравниваешь, расставляешь силы. Часто встаю с койки, сажусь за стол, чтобы записать четко отложившуюся мысль, оформившееся решение. К утру был готов план организационной работы на ближайшие дни. В числе других вопросов наметил вызвать из Калача в Сталинград командующего 1-й танковой армией генерал-майора К. С. Москаленко с его штабом. Войска этой армии были переданы в состав 4-й танковой армии, так как обе армии в еще недоукомплектованном состоянии понесли значительные потери в предыдущих боях.

Весь день 5 августа потратил на то, чтобы изучить все, что должно было составить Юго-Восточный фронт, чтобы сколотить рабочий аппарат штаба фронта. Прибыли К. С. Москаленко и его начальник штаба полковник С. П. Иванов. Штаб 1-й танковой армии и составил костяк штаба Юго-Восточного фронта. Раньше я не встречался с товарищем Москаленко. Среднего роста, сухощавый, подтянутый, исполненный энергии. Внешний вид говорил о том, что человек этот немало пережил невзгод, но мужественно выдержал их удары. Полковник Иванов внешне был полной противоположностью своему командарму: плотный, высокий, краснощекий.

Ознакомившись с личным составом штаба, весьма малочисленным, я приказал к утру следующего дня, т. е. к 6 августа, развернуть этот штаб в Сталинграде и именовать его впредь штабом Юго-Восточного фронта.

Утром 6 августа я работал уже в «своем штабе», продолжая организацию, собирание, расстановку и подготовку сил и средств для отпора врагу.

Передо мной большая карта оперативной обстановки. На ней во всех подробностях изображена местность, на которой уже идет или в ближайшем будущем будет вестись жесточайшая борьба за каждую пядь советской земли. Глядя на эту карту, в силу выработавшейся привычки как-то невольно в своем воображении трансформируешь условности картографии в реальные ландшафты со всеми их «земными» особенностями. Все видишь как бы в «натуре»: улицы Сталинграда, заводские кварталы, сады, степи, раскинувшиеся вокруг, с выжженными травами, красновато-желтыми балками, глинобитными хатами, людьми, населяющими их.

Район, ставший театром военных действий, был обширен. Его условные границы проходили на западе по линии железной дороги Россошь — Ростов; на востоке — по железнодорожной линии от Палласовки до озера Баскунчак; на севере — по линии Россошь — Камышин и на юге — от Ростова по рекам Дон, Сал, далее Зимовники, Заветное, Никольское, что на Волге (схема 4).

В этих границах находились боевые линии переднего края, боевые порядки наших и вражеских войск, районы сосредоточения армейских и фронтовых резервов, а также районы расположения тылов. Боевые действия в основном развернулись сначала в большой излучине Дона, а затем между Доном и Волгой, в районе, ограниченном с севера условной линией устье реки Иловля, Дубовка (на Волге), а на юге — река Сал, озеро Сарпа. Этот район охватывал территорию площадью свыше 70 тысяч квадратных километров.

Район крайне беден лесами. Открытый характер местности, естественно, сильно затруднял маскировку войск и путей их снабжения. Рельеф местности центральной части района и особенно юго-восточной степной части не представлял каких-либо значительных препятствий для передвижения частей любого рода войск. Лишь ближе к Сталинграду известную трудность представляли многочисленные овраги, как их здесь называют, балки.

Для организации упорной обороны рельеф местности не создавал благоприятных условий, мало помогали этому и водные преграды.

Дон против Сталинграда описывает большую дугу, обращенную своей выпуклой частью к Волге. Ширина Дона колеблется от 140 до 400 метров, глубина — от 2 до 15 метров. Скорость течения очень небольшая. Правый берег Дона командует над левым, что создавало для противника большие преимущества. В ряде мест береговое превышение достигает 100 и более метров, откуда местность левобережья Дона просматривается на глубину до 25 километров. Левый, песчаный берег, совершенно открытый, спускается к реке отлого и по этим причинам крайне неудобен для организации упорной обороны. К тому же в летние месяцы на Дону открывается много бродов, удобных для форсирования реки.

Из мелких рек и речушек между Волгой и Доном сле-

дует отметить такие, как притоки Дона Чир (правый приток), Карповка, Мышкова, Червленная и Аксай (левые притоки), а также правые притоки Волги Мокрая Мечетка, Царица, впадающие в реку в черте Сталинграда. Летом эти реки похожи на ручьи. Текут они в глубоких балках с обрывистыми берегами, что помогало использовать их в качестве естественных противотанковых препятствий.

В восточной части района протекает крупнейшая в Европейской части СССР река — Волга, описывающая здесь дугу, обращенную своей выпуклой частью к Дону. Обрывистый правый берег высок; левый, луговой берег сразу же переходит в песчаные степи Заволжья. Волга разделяется здесь на многие рукава, образуя ряд больших и малых островов. Ширина реки у Сталинграда от 1 до 2 километров, а глубина от 5 до 24 метров. Мостов через Волгу в этом районе не было. Сообщение поддерживалось главным образом паромными переправами, пароходами и катерами.

Во всех отношениях театр военных действий для нас был неблагоприятным; для успеха обороны требовались большие усилия, высокое мужество и огромное упорство войск.

В ходе борьбы за Сталинград известную роль сыграли сталинградские рубежи обороны, которые подготавливались заранее. Оборонительные рубежи, или, как тогда их называли, обводы, создавались еще в июне, но работы вначале проводились крайне медленно, и лишь в июле, с развитием боевых действий, они были ускорены и развернуты в широком масштабе.

Так как в западной военно-исторической литературе нередко преувеличивается степень инженерного оборудования местности под Сталинградом, необходимо сказать несколько слов о системе оборонительных сооружений, о сталинградских обводах.

Советским командованием велось строительство четырех оборонительных обводов вокруг города [1] (схема 5).

Внешний обвод «О» проходил по линии от Горной Пролейки на Волге по рекам Бердия, Иловля, Дон до устья его притока Мышкова, затем по реке Мышкова на

---

[1] Архив МО СССР, ф. 413, оп 71928, д. 3, лл. 1—35.

Абганерово, озеро Цаца, Райгород. Протяжение обвода достигало 500 километров.

Средний, или второй, обвод «К» от Пичуги на Волге шел на запад. огибал с северо-запада Самофаловку, направляясь далее по рекам Россошка, Червленная к станции Тундутово, откуда повертывал на Красноармейск. Его протяжение составляло около 150 километров.

Внутренний обвод «С» проходил по линии от Рынка на Волге через Орловку, станцию Гумрак, Алексеевку, Елхи, Красноармейск. Протяжение обвода — до 70 километров.

И, наконец, городской обвод «Г», непосредственно окаймлявший город, проходил по его окраинам от Рынка до Купоросного. Длина этого обвода равнялась 45 километрам.

Все эти оборонительные рубежи своими флангами упирались в Волгу.

К началу боевых действий сооружение обводов не было закончено. На внешнем обводе, например, лишь на отдельных участках были подготовлены ротные и частично батальонные районы обороны, на некоторых участках этого обвода строительные работы лишь начинались, во многих местах была произведена только трассировка будущих сооружений. Готовность важнейших участков колебалась от 15 до 60%. Готовность рубежей обороны на среднем и внутреннем обводах не превышала 50%. Рубежи, представлявшие собой четыре тонкие ниточки, конечно, не могли обеспечить прочной обороны; оборонительные средства были разбросаны на широком фронте. Надо признать, что выбор рубежей на местности не везде был произведен удачно. Прежде всего малопригодным к длительной обороне являлся рубеж по левому берегу Дона: позиции противника на противоположном берегу реки абсолютно господствовали над нашими позициями и давили нашу оборону. Это позволило противнику сравнительно легко во многих местах форсировать Дон. Да и протяжение внешнего обвода, составлявшее 500 километров, было чрезмерно большим, совершенно несоразмерным с количеством войск, которые могли быть выставлены на этот рубеж. Чтобы создать сколько-нибудь прочную оборону, нам необходимо было

иметь не менее 20 дивизий первой линии только на главном направлении, а чтобы сделать оборону прочной и на других направлениях, требовалось много больше войск.

Создавая средний обвод на участке Самофаловка, устье реки Россошка по ее левому берегу, строители стремились использовать реку как естественное противотанковое препятствие. Но очень досадно, что не были использованы преимущества господствующих высот, которые расположены на правом берегу. Создание здесь обвода дало бы нашей обороне хорошее наблюдение и позволило бы по-настоящему организовать систему огня перед передним краем.

На южном фасе среднего обвода, прямо к югу от Сталинграда, противнику оставлялась линия озер. Эта линия с узким межозерным дефиле, очень выгодная для построения обороны, также первоначально не была использована. Только в дальнейшем, уже в ходе боевых действий, эта ошибка была исправлена.

В процессе сражения приходилось выправлять и некоторые другие ошибки такого же порядка; однако не все оказалось возможным исправить.

Городской обвод совершенно не был сделан. Городские же здания вообще остались не приспособленными к обороне. Слабость инженерного оборудования обводов заключалась еще и в том, что устойчивость их мы строили на системе дзотов и дотов; практика же военных действий заставила нас ввести траншейную систему обороны, многополосную, с развитыми ходами сообщения, с опорными пунктами и узлами сопротивления.

Временами в печати тех дней появлялись материалы об укреплениях Сталинграда. Многие зарубежные газеты характеризовали эти укрепления как неприступные рубежи обороны. К сожалению, это не соответствовало действительности. Готовность сталинградских рубежей в инженерном отношении была, как мы видим, недостаточной; это и понятно, поскольку временем для создания совершенной обороны мы не располагали.

Таким образом, ясно, что сталинградская оборона не базировалась на каких-либо мощных укреплениях, как об этом трубили на весь мир немецко-фашистские заправилы, пытаясь оправдать провал своих планов.

Дело здесь, конечно, не в укреплениях. Мы ведь

знаем, что и первоклассные укрепления, даже такие, как линия Мажино, линия Маннергейма, линия Зигфрида, железобетонный пояс по прежней границе Чехословакии и Германии в районе Моравской Остравы, создававшиеся, укреплявшиеся и совершенствовавшиеся годами, не устояли перед наступавшими войсками.

Сила Сталинградской обороны была в уверенности в победе и твердости, в решительности и организованности действий наших войск, беспримерной стойкости и героизме, в умелом управлении этими войсками. Короче говоря, успех обороны Сталинграда решили не инженерные укрепления, которые, будучи усовершенствованы в ходе сражения, бесспорно, сыграли существенную роль в защите города, а советские люди, воины нашей армии, вставшие на́смерть на правом берегу Волги, с честью и доблестью выполнившие свой долг перед Родиной, проявившие невиданные дотоле упорство и активность в бою.

Уместно привести здесь свидетельство представителя немецко-фашистской стороны, уже упоминавшегося нами генерала Ганса Дёрра.

Вот что он пишет[1] о сталинградских оборонительных сооружениях:

«Противник начал организовывать оборону Сталинграда, наскоро оборудуя позиции. Южная линия позиций проходила у верхнего течения р. Мышкова и примыкала к господствующим над местностью высотам в районе высоты с отметкой 169, севернее станции Абганерово. Ближе к Сталинграду строились позиции полевого типа по линии проектируемого Волго-Донского канала (по течению р. Червленная) от Красноармейск через Ивановка и Цыбенко на р. Карповка, опорой которых были высоты южнее Красноармейск и Бекетовка.

Немецкая пропаганда называла эти полевые позиции «внутренним и внешним крепостным поясом» и создала у многих впечатление о Сталинграде как о крепости. Этот термин даже часто применялся к Сталинграду. Это все не соответствовало действительности и привело лишь к тому, что главное командование германской армии сделало из падения этой «крепости» point d'honneur[2]».

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 37.
[2] Вопрос престижа (*франц.*)

Воины-сталинградцы навсегда сохранят чувство горячей благодарности к жителям Сталинграда и Сталинградской области, главным образом женщинам, девушкам, подросткам, которые своими слабыми, подчас не привыкшими к лопате руками в условиях авиабомбежки, а часто и артналетов создавали эти оборонительные сооружения. Пусть не обидит их критика в отношении расположения рубежей. Она направлена, конечно, в адрес не тех, кто работал, а тех, кто планировал.

☆

ГЛАВА III

УДАРОМ НА УДАР

Директива Ставки, привезенная мной, предписывала вступить в командование Юго-Восточным фронтом с 9 августа. Первые четыре дня предполагалось использовать для организационной работы. Но обстановка с каждым днем осложнялась. Противник изо всех сил рвался к Сталинграду, нанося в это время главный удар с юго-запада вдоль железной дороги Котельниково — Аксай — станция Тингута. Ставка потребовала немедленного образования фронта и моего вступления в командование войсками. Поэтому, несмотря на нехватку средств связи, на отсутствие заместителей, начальника штаба, члена Военного совета, с утра 7 августа я вступил в командование войсками и утром отдал первый приказ по Юго-Восточному фронту. Это был приказ политического характера, направленный главным образом на поднятие морального духа наших воинов. Здесь была указана основная задача, стоявшая перед фронтом: это — разгром и уничтожение рвущихся к городу гитлеровских орд. Приказ был обращен к высоким патриотическим чувствам защитников города, он призывал русских и украинцев, белорусов и грузин, армян и азербайджанцев — представителей всех народов нашей необъятной Родины, посланных сюда, чтобы остановить врага, — самоотверженно и упорно отстаивать честь социалистического Отечества.

«Пусть под Сталинградом будет положено нашими руками начало конца гитлеризма! Пусть скажут о каждом из нас, что он был в великой битве под Сталинградом! Ни шагу назад — таков приказ Верховного Главнокомандующего, таков приказ Родины!»

Этими словами заканчивался первый приказ по фронту, воинам которого буквально завтра нужно было ценой своей крови, а быть может и жизни, остановить яростный напор превосходящих сил врага и отбросить его прочь от стен Сталинграда.

Помня ленинский завет о решающем значении морального фактора, я, естественно, обращался к духовным силам нашего советского воина. Не секрет, что в то время эти могучие силы у многих воинов таились еще под спудом житейских привычек мирного времени. Задачей было пробудить их, и как можно скорее. Первый приказ по Юго-Восточному фронту имел целью не только дать воинам общие перспективы борьбы на этом участке советско-германского фронта, но должен был помочь решить задачу и сегодняшнего дня. Обстановка требовала от нас самых решительных действий.

В этот первый период моей работы в Сталинграде серьезную помощь оказал мне полковник С. П. Иванов, назначенный начальником оперативного отдела штаба фронта и исполнявший обязанности начальника штаба фронта. Он проявил недюжинные организаторские способности и громадную работоспособность.

Однако прежде чем перейти к рассказу о последующих действиях в районе Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, я позволю себе еще раз остановиться на событиях более широкого масштаба, относящихся к этому моменту. Лишь в свете их можно правильно оценить развитие борьбы под Сталинградом.

Обстановка на юге страны становилась все более угрожающей. Крым был теперь полностью в руках оккупантов. Наши армии понесли серьезные потери под Феодосией, Керчью, Севастополем. Войска Южного фронта поспешно отходили на Северный Кавказ. Были оставлены Новочеркасск, Ростов-на-Дону. Сосредоточив основную массу своих войск на участке фронта от Курска до Азовского моря, враг создал огромный перевес в силах и средствах на юге. Более чем тысячекилометровая линия фронта, выгнувшаяся огромной дугой на восток между Курском и Ростовом в направлении на Сталинград, требовала организации жесткой обороны. Выше (во вступлении) мы уже отмечали, как интенсивно враг усиливал южное крыло советско-германского фронта. К началу августа, т. е. к тому моменту, о котором идет речь, здесь

действовало более 40% вражеских сил (101 дивизия из 242).

23 июля Гитлер издал новую директиву (№ 45) о продолжении кампании 1942 года.

В соответствии с этой директивой войска противника получили следующие задачи (цитирую документ)[1].

«I. Во время кампании, продолжавшейся менее трех недель, большие задачи, поставленные мной перед южным флангом Восточного фронта, в основном выполнены. Только небольшим силам противника, оборонявшимся в этом районе, удалось уйти от окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе.

Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять.

II. ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШИХ ОПЕРАЦИЙ

А. Сухопутные силы

1. Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова.

Для этого использовать крупные силы танковых и моторизованных войск, которые должны наступать с плацдармов в районе Константиновская, Цимлянская (эти плацдармы должны быть заблаговременно захвачены нашими войсками) в общем направлении на юго-запад (примерно на Тихорецк), а также пехотные, егерские и горные дивизии. Реку Дон форсировать в районе Ростова.

Наряду с этим остается в силе задача передовых частей оседлать железную дорогу Тихорецк — Сталинград.

Два танковых соединения группы армий «А» (в том числе 24-ю танковую дивизию) передать группе армий «Б» для продолжения операций в юго-восточном направлении...

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий «А» яв-

---

[1] Г. Дёрр. «Поход на Сталинград». Воениздат, 1957, стр. 131—132.

ляется овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего черноморские порты и Черноморский флот противника будут парализованы.

Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий «А», чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкоп и Армавир.

В ходе дальнейшего продвижения этой группировки, которая должна быть своевременно усилена горными частями, в направлении на Кавказ и через его западную часть должны быть использованы все его доступные перевалы. Задача состоит в том, чтобы во взаимодействии с войсками 11-й армии захватить Черноморское побережье.

3. Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, имеет задачу захватить район Грозный и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку.

Группе армий «А» будет передан итальянский альпийский корпус. Для этих операций группы армий «А» вводится кодированное название «Эдельвейс». Степень секретности: сов. секретно.

4. На долю группы армий «Б», как указывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там также движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер» («Серая цапля» — *А. Е.*). Степень секретности: сов. секретно.»

Авиации в числе прочих задач указано, что «особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение города Сталинграда».

Гитлер одновременно требует прибегать к бомбардировке с воздуха Баку и Грозного лишь в случае крайней необходимости.

Из директивы следует, что расстановка сил для исполнения плана летней кампании была существенно изменена [1].

По первоначальному замыслу немецко-фашистского командования для захвата Кавказа намечалось использовать 1-ю, 4-ю танковые и 17-ю армии. После овладения Севастополем гитлеровское командование намеревалось направить на Кавказ также и 11-ю армию из Крыма. На сталинградском направлении должна была наступать лишь 6-я армия. Однако в ходе развития операций этот замысел претерпел существенные изменения. Упорное сопротивление и частые контрудары советских войск под Сталинградом вынудили немецко-фашистское командование, опасавшееся за фланги и тыл своей кавказской группировки, в конце июля повернуть с кавказского на-

---

[1] Изменение Гитлером своего первоначального плана объясняется отчасти тем, что он в то время особенно грубо недооценивал наши силы. Он действительно считал, что Советское государство существует последние месяцы. Достойно внимания то, что такую переоценку собственных сил вызвал у фюрера известный приказ Верховного Главнокомандующего «Ни шагу назад!». В объективной оценке наших поражений и потерь, изложенной в этом документе, значение которого для нашей армии было действительно огромным, авантюристу Гитлеру, никогда не признававшему своих ошибок, и почудились доказательства скорого краха социалистического государства. Он понял смысл приказа таким образом, что если-де русские сделают еще хоть один шаг назад, то для СССР наступит конец.

Большую роль сыграли здесь и экономические цели: алчное стремление овладеть богатейшими источниками сырья и одновременно лишить этих источников Советскую страну. В этом отношении поддержал Гитлера и весь генералитет, которому давно снилось получение горючего для танковых и механизированных частей не с запада за тысячи километров, а с юга: из Баку, Грозного, Майкопа. Имели значение, конечно, и политические расчеты, главным образом давление на Турцию с целью втянуть ее поскорее в войну.

правления на сталинградское 4-ю танковую армию, а в последующем выдвинуть сюда 3-ю и 4-ю румынские армии. Кроме того, к Дону была выдвинута и 8-я итальянская армия.

Таким образом, для наступления на Кавказ вместо четырех армий фактически могли быть использованы лишь две армии: 17-я и 1-я танковая. Такое резкое уменьшение немецких сил на кавказском направлении облегчало положение войск Закавказского фронта. В то же время значительное увеличение войск противника на сталинградском направлении чрезвычайно осложнило борьбу советских войск, действовавших под Сталинградом и в среднем течении Дона. Нашим довольно малочисленным войскам предстояло выдержать натиск двух германских армий (6-й и 4-й танковой) усиленного состава.

План действий группы армий «Б» (т. е. 6-й и 4-й танковой армий) был, на первый взгляд, прост и надежен: 4-я танковая и 6-я армии наносили удар южнее и севернее Сталинграда, поворачивали в сторону города и брали в «клещи» весь район Сталинграда с обороняющими его войсками (схема 6). С воздуха их поддерживал 4-й воздушный флот (усиленный 8-м авиационным корпусом), имевший задачу стереть Сталинград с лица земли.

Во исполнение этого плана 31 июля 4-я танковая армия открыла наступление с плацдарма в районе Цимлянская (см. схему 1).

Начинался новый этап боев у Сталинграда на его внешнем оборонительном обводе, причем обстановка, сложившаяся к этому времени на левом фланге Сталинградского и правом фланге Северо-Кавказского фронтов, благоприятствовала осуществлению планов противника.

64-я армия была вынуждена отойти за Дон. Слабая 51-я армия, имевшая всего пять крайне малочисленных дивизий, оборонявшаяся на чрезвычайно растянутом фронте (200 км), не могла противостоять натиску группировки противника, наступавшей вдоль Северного Донца на кавказском направлении. Это позволило гитлеровцам в конце июля захватить ряд плацдармов на левом берегу Дона, на участке Константиновская, Цимлянская. Так, 48-й танковый и 4-й армейский корпуса 4-й танковой армии к 30 июля оказались на исходных рубежах к югу

от станицы Цимлянская. Вскоре сюда подошел и 6-й румынский армейский корпус. В результате здесь оказалось до семи пехотных дивизий, две моторизованные и две танковые дивизии. Эта группировка получила конкретную задачу — наступая вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград, выйти в тыл войскам, оборонявшим город, и при содействии 6-й армии, окружив их, овладеть Сталинградом (6-я армия, как известно, должна была полностью овладеть западным берегом Дона и продолжать движение на Сталинград).

31 июля, как уже говорилось, противник перешел в наступление из района Николаевская, Цимлянская и без труда прорвал растянутый в ниточку фронт 51-й армии, насчитывавшей всего 3000 активных штыков. В тот же день неприятель вышел в район Ниж. Жиров, станция Гашун и, развивая наступление вдоль дороги Тихорецк — Сталинград, 1 августа захватил станцию Ремонтную, 2 августа — станцию и город Котельниково, 3 августа в его руках было уже и Жутово. Вместе с тем 6-й румынский армейский корпус вышел к Дону на участке Тормосин, Ниж.-Курмоярская. 51-я армия вынуждена была отойти на рубеж Ново-Сальский, Нововеселый.

Командующий Сталинградским фронтом, стремясь выполнить соответствующие указания Ставки, создал тогда оперативную группу в составе трех стрелковых дивизий, одной танковой и одной морской бригад. Командование группой было возложено на генерал-лейтенанта Чуйкова. Однако под натиском превосходящих сил противника группа к 5 августа отошла на северный берег реки Аксай и заняла там оборону, затем она вошла в состав 64-й армии.

Немецко-фашистские войска продолжали наступление вдоль железной дороги и 6 августа силами 4-й танковой армии вышли на рубеж реки Аксай до Жутово, далее Абганерово, озеро Цаца.

Рано утром 6 августа противник начал атаки левого фланга 64-й армии между Абганерово и Тингута. Эти атаки поддерживались большими массами танков и ударами авиации. В этот же день врагу удалось занять разъезд «74 км» и продвинуться далее к станции Тингута.

Таким образом, к моменту моего вступления в командование Юго-Восточным фронтом противнику уже уда-

лось пробить нашу оборону на внешнем сталинградском обводе и продвинуться на одном участке за этот рубеж. Враг находился в 30 километрах от Сталинграда. Над городом нависла самая серьезная угроза захвата его противником. Требовались решительные и спешные мероприятия и прежде всего стойкость и упорство наших войск.

В состав Юго-Восточного фронта в это время входили три армии: 64, 57 и 51-я. Из них лишь 64-я армия, выдвинутая из резерва в составе четырех дивизий, была удовлетворительно укомплектована личным составом и вооружением. 51-я армия, переданная в свое время из состава Северо-Кавказского фронта в значительно ослабленном состоянии, подверглась новым ударам уже в составе Сталинградского фронта. По силам и средствам эта армия не превосходила дивизии нормального состава; в ее состав входили 302-я, 91-я стрелковые и 115-я кавалерийская дивизии. Все они были крайне малочисленны, с ослабленной боеспособностью. 57-я армия, перешедшая к нам из Юго-Западного фронта, тоже была малочисленна. Ее личный состав в результате непрерывных боев и длительных маршей был сильно утомлен, а материальная часть в значительной степени изношена. Кроме двух стрелковых дивизий (244-й и 15-й гвардейской), в армию еще входили два батальона укрепленного района. Таким образом, войска, входившие в состав фронта, в общей сложности значительно уступали по своим силам одной армии противника с корпусной структурой.

Для усиления фронта Ставка выдвигала соединения из резерва, но они были еще в пути. Так, 1-я гвардейская армия, включенная в состав фронта, даже головными эшелонами могла прибыть не ранее чем через неделю.

В этой угрожающей обстановке необходимо было прежде всего навести строжайший порядок в самом городе, где, к сожалению, чувствовалась некоторая растерянность; если откровенно сказать, вполне реальной была и возможность захвата города противником. Надлежащего воинского порядка, какой должен быть в городе, расположенном в прифронтовом районе, не было. Отсутствовал начальник гарнизона. На единственной автомобильной дороге, проходящей через город, не было орга-

низовано службы регулирования, а потому на ней немало было заторов, аварий, бестолковщины, партизанщины. Требовались самые неотложные меры. Если бы Сталинград целиком входил в Юго-Восточный фронт, наладить дело было бы просто. При наличии же двух фронтов даже назначение начальника гарнизона требовало согласования с командованием Сталинградского фронта.

В таких условиях была крайне трудна и вместе с тем весьма ответственна роль только что созданного фронта, фактически не имевшего ни аппарата управления, ни связи.

А задача, вставшая во весь рост перед войсками фронта, требовала немедленного разрешения. Необходимо было во что бы то ни стало остановить врага, рвавшегося с юго-запада к Сталинграду. За один день 7 августа были собраны все имевшиеся резервы и средства. Пришлось забрать танковые и артиллерийские подразделения даже с пунктов формирования, пополнить ими части левого фланга 64-й армии, чтобы иметь возможность организовать контрудар против вражеских сил, прорвавшихся через внешний обвод в районе разъезда «74 км». В созданную для контрудара группировку вошли 13-й танковый корпус (38 танков), 133 танковая бригада (21 танк) и 204-я стрелковая дивизия.

Контрудар по прорвавшейся в районе разъезда «74 км» вражеской группировке был нанесен с утра 9 августа: 204-я стрелковая дивизия с 254-й танковой бригадой при поддержке артиллерийской группы 64-й армии атаковала противника в направлении Зеты, разъезд «74 км»; 13-й танковый корпус развивал удар на главном направлении — на юго-запад, вдоль железной дороги; 38-я стрелковая дивизия повела атаку из района фермы № 3 в западном направлении (схема 7).

По указанию командования фронта на главном направлении контрудара, который пришелся прямо в лоб противнику, боевой порядок был построен следующим образом: первый эшелон составляли танки 13-го танкового корпуса и 133-й танковой бригады, за танками во втором эшелоне на дистанциях, несколько более широких, чем обычно, развернулись четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка, за ними, в третьем эшелоне, — два полка гвардейских минометов. Такое построение обеспечивало всем эшелонам и всем огневым

средствам одновременное участие в бою. При этом ни одна из частей не мешала друг другу. Со стороны противника наступали главным образом танки и мотопехота. Бой начался залпом гвардейских минометов. За ними вступили в бой артиллерийские полки, ведя огонь в промежутках между танками и на флангах, а затем вступили в бой и танки. Мощный, сосредоточенный, решительный удар наших частей вызвал замешательство в рядах противника. Однако, получив подкрепления свежими частями и авиацией, враг вновь перешел в наступление. Упорные и ожесточенные бои в районе Абганерово продолжались несколько дней. В итоге их противник понес крупные потери. Наши войска уничтожили до трех полков пехоты, подбили до 110 танков, захватили много орудий и других трофеев. Вражеские войска, прорвавшие внешний сталинградский обвод, были потеснены назад. Положение нашей обороны здесь (по внешнему обводу) было полностью восстановлено. После контрудара левый фланг войск Юго-Восточного фронта закрепился на рубеже Красный Дон, Абганерово, Тингута, озеро Цаца, далее на юг по линии озер до озера Сарпа.

Этот контрудар, проводившийся при недостатке сил и средств, а также времени на его подготовку, дал, тем не менее, эффективные результаты. Противник понес большие потери, оперативное положение обороны было восстановлено. План врага захватить город с юго-запада стремительным ударом вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград потерпел крах. В результате этих боев 4-я немецкая танковая армия временно перешла к обороне. Командование немецкой группы «Б» вынуждено было срочно перебросить на усиление этой армии танковую и пехотную дивизии из 6-й армии.

Контрудар показал также, что при соответствующей организации и подготовке можно успешно наносить удары, если обстановка вынуждает к этому, и в лоб атакующему противнику, несмотря на его превосходство в наземной технике и авиации. Все зависит от обстановки, которая в данном случае требовала немедленного удара прямо по острию клина, который противник намеревался вбить в нашу оборону. Времени для проведения какого-либо маневра на флангах не было.

Тот, кто в то время внимательно следил за сводками

Совинформбюро, возможно, помнит, что в числе самых первых сообщений печатались сведения о боях северо-восточнее Котельниково, при этом там часто фигурировала одна железнодорожная станция, которая переходила из рук в руки. Речь шла о нашем контрударе, «железнодорожная станция» была всего навсего разъездом «74 км». Необходимо отдать должное писателю Василию Гроссману: бои на этом участке правдиво отображены в его романе «За правое дело».

Но посмотрим, как оценили их в стане наших противников. Генерал Дёрр всячески выгораживает действия 48-го танкового корпуса. По его словам, действиям корпуса мешали и недостаток горючего, и жара, и отсутствие резервов, и недальновидность Гитлера, и даже поля подсолнечника и кукурузы; для варваров, не убоявшихся сжигать древнейшие памятники культуры, видите ли, помехой стали поля кукурузы и подсолнечника. Тем не менее он все же вынужден признать, что «48-й танковый корпус, продвинувшись далеко вперед и имея открытые фланги, попал в районе севернее Абганерово в тяжелое положение, когда русские при сильной поддержке авиации начали крупными силами контратаки...

4-я танковая армия, таким образом, в полном составе сосредоточилась в районе Абганерово, т. е. севернее р. Аксай, и вынуждена была перейти к обороне...» [1].

Далее Дёрр вновь ссылается на «слабость» танковых сил [2], остановленных наспех стянутыми частями Юго-Восточного фронта, которые противопоставили врагу не столько танки и авиацию, сколько свое мужество, упорство, воинскую предприимчивость и веру в правоту своего дела.

Однако, несмотря на то что противник юго-восточнее Сталинграда был остановлен и оттеснен за внешний об-

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 38.

[2] Ссылка на слабость непонятна. Битому гитлеровскому генералу хочется во что бы то ни стало доказать, что русские-де били их скопом, численным превосходством. Подсчитаем У нас в этом районе находились 126-я и 38-я дивизии, 13-й танковый корпус (двухбригадного состава, с общим количеством 38 танков), позже были подброшены 204-я дивизия с 254-й бригадой. В 4-й же танковой армии врага были тачковый корпус почти полного состава и два армейских корпуса в составе восьми дивизий каждый.

вод, положение города оставалось крайне тяжелым. На левом фланге Сталинградского фронта, на калачинском направлении, обстановка не улучшалась, а ухудшалась. В период с 31 июля по 10 августа положение здесь продолжало оставаться весьма напряженным. Утром 7 августа в полосе 62-й армии перешла в наступление 6-я армия Паулюса, которая наносила удары с севера и юга под основание выступа, занимаемого нашими войсками на правом берегу Дона. Здесь напряженные бои продолжались до 14 августа.

Для улучшения взаимодействия между фронтами с 10 августа 1942 года Сталинградский фронт в оперативном отношении был подчинен командующему Юго-Восточным фронтом.

Таким образом, в полученной по этому вопросу директиве в определенной степени учитывались пожелания, высказанные мною в Ставке, но этот документ не мог коренным образом улучшить положения.

Дело в том, что решение о разделении фронтов на сталинградском направлении не соответствовало сложившейся здесь обстановке. Район большого Сталинграда, являвшийся по существу основным объектом обороны, делился пополам между двумя высшими оперативными объединениями — фронтами. Кроме того, связанные с разделением фронтов организационные мероприятия: «дележ» войск, создание штабов, тылов, организация управления, перегруппировка войск, обеспечение смежных флангов, увязка взаимодействия и т. д. — влекли за собой ничем не оправданный расход времени и сил, так необходимых для организации стойкой обороны. Практически это вызвало образование невыгодной для нас группировки войск на северном крыле сталинградских фронтов, создание стыка между фронтами в одном из наиболее уязвимых мест обороны; усложнилось управление войсками и организация их взаимодействия, условия обороны в целом стали, следовательно, более сложными.

С получением упомянутой директивы командование двух фронтов в какой-то мере объединялось, речь шла о так называемом оперативном подчинении. Характерной была формулировка конца директивы, которая давала право считать, что оба командующих несут равную ответственность за оборону города. Тем не менее директива

имела положительный характер, так как усиливала возможности координации действий двух фронтов.

9 августа в подчинение фронту вошла Волжская военная флотилия под командованием контр-адмирала Д. Д. Рогачева. На нее возлагались задачи: огнем во взаимодействии с 57-й армией не допустить подхода противника к переднему краю внешнего обвода Сталинградской оборонительной полосы в районе Райгород; курсируя бронекатерами на участке от Райгорода до Капановки, воспретить просачивание мелких групп противника к Волге; тральщиками вылавливать мины на участке от Сталинграда до Астрахани.

Происходившие в эти дни бои дали прекрасный материал для оценки боеспособности частей и дивизий фронта. Выявились как наиболее боеспособные соединения: 126-я стрелковая дивизия, 204-я стрелковая дивизия, 133-я танковая бригада, 20-я истребительно-противотанковая бригада и многие другие.

Было обращено особое внимание на вопросы организации массированного огня, который организовывался на поле боя еще плохо. Пришлось вмешаться в это дело командованию и штабу фронта, чтобы добиться действительного массирования огня, четкой организации маневра и взаимодействия. По этому вопросу был издан специальный приказ, которым устанавливались также и боевые порядки при контрударах. В приказе, между прочим, указывалось, что перед контратакой, контрударом, как правило, полки гвардейских минометов дают залп по скоплениям и боевым порядкам противника; затем в развернутом строю атакуют танки; непосредственно за ними, а также на флангах следует противотанковая артиллерия. Тем временем артиллерия дивизий и Резерва Главного командования должна была подавлять противотанковую оборону противника и действовать против его боевых порядков. Танки, выдвинувшись на 1—2 километра, огнем с места (с коротких остановок) и с ходу, а также небольшим маневром дезорганизовывали противника. Истребительно-противотанковая артиллерия в боевых порядках пехоты и с флангов должна была истреблять танки противника. Пехота, быстро выдвигаясь за танками, обгоняла их и закрепляла захваченную территорию. Гвардейские минометные части, зарядив установки, снова становились на огневые позиции и давали

залп за залпом, создавая тем самым возможность продвижения танкам, а за ними артиллерии, пехоте и т. д. При подобной организации боя контратаки противника не страшны, ибо огневая система всегда готова к бою, в любое время организованна и управляема. Если же при этом после залпа гвардейских минометов противник будет деморализован и побежит, танки могут безостановочно преследовать и уничтожать его. Вслед за танками готовы к движению (преследованию) минометные и противотанковые полки, которые будут подавлять всякое сопротивление, оказываемое танкам. Тем временем пехота, частью посаженная на танки в виде десанта, стремительно и организованно наступает за танками совместно со своей артиллерией.

В этом приказе определялись основные принципы и порядок взаимодействия, которые в конкретной обстановке по необходимости, естественно, могли подвергаться тем или иным изменениям.

Такое построение боевого порядка, впервые примененное в мою бытность на Западном фронте, давало обычно хорошие результаты. Под Сталинградом такой боевой порядок тоже оправдал себя, особенно в боях 7—11 августа в районе разъезда «74 км» и станции Абганерово.

В этих ожесточеннейших боях мы стремились показать командному составу всех категорий значение нашей техники: артиллерии, гвардейских (РС) и пехотных минометов, автоматического оружия, сыгравших решающую роль в успехе контрудара. Командиры, полюбив эту технику, смелее стали привлекать ее для боя. Все это далось, однако, не сразу. В этих первых боях лишь наметилась тенденция к более смелому, полному использованию боевой техники. Поэтому в дальнейшем приходилось ни на иоту не ослаблять внимания к вопросам умелого применения техники в бою. В ряде случаев приходилось не останавливаться перед снятием с должности иных артиллерийских и неартиллерийских начальников, которые не понимали всей важности этого вопроса, упорствовали в своем консерватизме и тем самым мешали использованию в бою важнейших средств поражения противника.

Вопросы организации боя, применения в нем боевой техники, организации взаимодействия между родами

оружия, естественно, были в центре приказов по фронту и армиям, бесед с командным составом, учебы солдат и офицеров непосредственно на поле боя. В войсках систематически организовывались не только дневные, но и ночные действия, проводились крупные боевые атаки и контратаки. Это была кропотливая организаторская и воспитательная работа, непрерывно проводившаяся в ходе Сталинградского сражения.

К 12 августа в результате ожесточенных боев группировка наших войск на юго-западном участке обороны улучшилась, части правого фланга 64-й армии были отведены с рубежа реки Аксай к внешнему обводу на участок Ермохинский, Громославка, Капкинский и заняли укрепленный район. Тем временем в бой вступили расположенные здесь пулеметные и стрелковые батальоны (ранее они бездействовали). Фронт сократился примерно на 50 километров. Это позволило создать в глубине необходимые резервы (214-я стрелковая дивизия в районе Ново-Петровка, 38-я стрелковая дивизия в районе совхоза имени Юркина и 29-я стрелковая дивизия в районе Зеты). В создавшейся обстановке, когда противник, маневрируя своими силами и средствами, пытался наносить глубокие удары, резервы были крайне необходимы. В данных условиях они имели решающее значение не только как сила для нанесения контратак и контрударов, но и как моральный фактор.

Одновременно прибывали и сосредоточивались танковые и истребительно-противотанковые бригады, а также стрелковые дивизии: 35-я, 36-я гвардейские и 422-я.

57-я армия, к этому моменту усиленная за счет только что названных двух гвардейских дивизий, занимала оборону по внешнему обводу от Тингута до Райгорода.

☆

ГЛАВА IV

РУКОВОДСТВО ВОЙСКАМИ ДВУХ ФРОНТОВ

К 10—11 августа исключительно тяжелая обстановка сложилась на левом крыле Сталинградского фронта. 62-я армия генерал-лейтенанта А. И. Лопатина вела борьбу западнее Калача на западном берегу Дона. Часть ее сил (до трех дивизий), наносившая контрудар, причинила врагу значительные потери, но сама оказалась зажатой с трех сторон и вела тяжелые бои по выходу из полуокружения. Главные силы армии вышли к 14 августа на восточный берег Дона, где и заняли оборону на внешнем обводе. Дальнейшее продвижение противника было здесь приостановлено организованным огнем и упорным сопротивлением войск, но положение по-прежнему оставалось критическим, так как, нарастив силы, гитлеровцы намеревались нанести здесь еще более мощный удар как раз в то время, когда группировка войск фронта не соответствовала сложившейся обстановке. В связи с некоторой оттяжкой сил на север, на направлении главного удара противника у нас не было резервов.

Об этом я вынужден был доложить Ставке Верховного Главнокомандования. Ее решение было несколько неожиданным.

13 августа, поздно вечером, было получено по Бодо распоряжение Ставки, в котором говорилось, что командующий Юго-Восточным фронтом назначается и командующим Сталинградским фронтом (по совместительству), а товарищ Хрущев Никита Сергеевич назначается членом Военного совета обоих фронтов. В связи с этим назначением, естественно, увеличился круг обязанностей и объем работы командования, поэтому товарищ

Ф. И. Голиков был назначен заместителем командующего по Юго-Восточному фронту, а командующим 1-й гвардейской армией стал генерал-майор К. С. Москаленко. Одновременно начальником гарнизона города Сталинграда был назначен командир 10-й дивизии полковник А. А. Сараев, непосредственно подчинявшийся командованию Юго-Восточного фронта, заместителем командующего по Сталинградскому фронту был назначен генерал-лейтенант Гордов.

В ночь на 14 августа я отправился в штаб Сталинградского фронта, чтобы детально ознакомиться с положением войск, и в первую очередь с группировкой сил и средств. Основные средства усиления Сталинградского фронта были сосредоточены на правом крыле, на участке 21-й армии за рекой Дон, восточнее Серафимовича. Там находились два полка артиллерии резерва Главного командования, два отдельных танковых батальона, каждый из которых равнялся танковой бригаде, минометные гвардейские полки и несколько истребительно-противотанковых полков, т. е. основные средства борьбы против танков. Противник наседал на 62-ю армию и готовился нанести удар по частям генерала В. Д. Крючёнкина (4-я танковая армия), с тем чтобы выйти к реке Дон, в самую восточную часть его излучины. При этом переход противника в наступление с участка, где он сосредоточился, был вероятен уже завтра, т. е. 15 августа. Сдержать его здесь было почти нечем. О реальном положении дел мы с Никитой Сергеевичем немедленно доложили Ставке. Одновременно отдали распоряжение о спешной перегруппировке войск, которая и началась немедленно. На перегруппировку требовалось минимум 30—40 часов времени. Но даст ли нам противник эти часы? Поскольку удар мог последовать незамедлительно, было отдано распоряжение о снятии нескольких соединений и с Юго-Восточного фронта, чтобы усилить состав наших войск на угрожаемом участке. Противник действительно не дал нам и 12 часов времени, начав свое наступление на рассвете 15 августа против войск 4-й танковой армии, и нанес удар в направлении Трехостровская.

Части, перебрасывавшиеся с правого крыла Сталинградского фронта в новые районы, с ходу вступали в бой и отражали удары противника. Большинство же из них даже при невероятном напряжении не успели прибыть

вовремя. Не смогли также полностью прибыть и части, высвобожденные с Юго-Восточного фронта.

Противник имел огромное превосходство в танках, артиллерии и авиации. Последняя ни на минуту не покидала поле боя и непрерывно бомбила наши боевые порядки. Это позволило гитлеровцам к исходу дня 15 августа выйти к Дону на большом участке — от Трехостровской до Большенабатовского. Тем самым они решили свою ближайшую задачу, которая состояла, как это теперь стало совершенно ясно, в занятии исходного положения для форсирования реки Дон. Чтобы спасти здесь положение, чтобы локализовать успех противника, который непрерывно накапливал свои силы, пришлось взять с Юго-Восточного фронта пять истребительно-противотанковых полков, три стрелковые дивизии, две бригады и сто танков.

В результате боев с 15 по 17 августа войска 4-й танковой армии своим левым флангом отошли к рубежу Дона на внешний оборонительный обвод. Правее танковой армии вступили в сражение три дивизии 1-й гвардейской армии под командованием генерал-майора К. С. Москаленко, ранее переданной из резерва Ставки в Юго-Восточный фронт. Войска 1-й гвардейской армии и другие части, выдвинутые сюда с Юго-Восточного фронта, остановили наступление противника на своем участке, сохранив за собой плацдарм на правом берегу Дона.

К. С. Москаленко, возглавлявший 1-ю танковую, а затем 1-ю гвардейскую армию, успешно руководил войсками в крайне трудных условиях первых этапов битвы, когда войска армий, не успев закончить сосредоточения, вынуждены были вступить в неравные ожесточенные бои с противником. Командирская воля, решительность, личный героизм командующего не раз играли важную роль в деле выполнения боевых задач, поставленных перед войсками.

Руководство двумя фронтами, особенно в начальный период, требовало огромного напряжения сил, так как объем работы был весьма велик. В управлении войсками создалось необычайное положение. При одном командующем и одном члене Военного совета состояли два равнозначащих штаба, два очень крупных фронтовых управления. Это сильно осложняло всю систему руководства войсками.

Если командование направлением или группой фронтов обычно осуществлялось через сравнительно небольшой штаб, представляющий собой оперативную группу квалифицированных генштабистов, то при сложившихся обстоятельствах руководить приходилось через два параллельно действующих штаба. Не говоря уже ни о чем другом, даже технически осуществление функций руководства войсками требовало вдвое больше времени.

Приказы, директивы, распоряжения, как правило, издавались в двух вариантах (для одного и другого фронта), будучи подготовлены двумя разными штабами. Приходилось заслушивать двух начальников штабов, двух начальников разведывательных отделов, двух артиллеристов, двух танкистов, двух командующих ВВС, двух инженеров, двух заместителей по тылу. Одних только заместителей по двум фронтам набиралось до двенадцати человек. А ведь нам нужно было не только выслушать каждого, а и дать указания, проконтролировать их исполнение. Ясно, что все эти распоряжения, указания могли быть исчерпывающими только в том случае, если в основе их лежало точное знание в любой момент всех данных о каждом соединении, начиная от морального состояния его личного состава и кончая наличием и состоянием техники, оружия, боепитания и т. п., точное знание данных о противнике. Стремление быть всегда в курсе всех вопросов, касающихся обоих фронтов, вынуждало нас с Никитой Сергеевичем напрягать всю энергию и, не считаясь ни с чем, ни на минуту не упускать живой связи с войсками. При всем этом нельзя было допустить, чтобы наша личная работа в какой-либо степени сдерживала или замедляла осуществление принятых решений и подготовку новых мероприятий. В тех условиях было крайне необходимо, чтобы деятельность члена Военного совета и командующего активизировала подчиненных, будила их инициативу, не давала им возможности самоуспокаиваться.

Сейчас трудно представить весь объем работы, которую в тот период приходилось ежедневно выполнять. Конечно, это был исключительный случай; в прошлом такое положение не имело прецедента. Несомненно легче управлять восемью — десятью армиями, объединенными в одном фронте, чем семью армиями, разделенными между двумя фронтами.

Нам — Военному совету двух фронтов — на первых порах командования неоценимую услугу в управлении войсками оказало то, что Никита Сергеевич Хрущев, находясь под Сталинградом с начала битвы, лучше всех знал войска и командно-политический состав. Нужно к этому добавить, что кипучая энергия Никиты Сергеевича, его умение работать с людьми и правильно отмечать положительные стороны и недостатки в работе, его высокая партийность в делах и во всем были хорошим примером для нас всех.

Основная функция по руководству войсками фронта дополнялась работой, вызванной подчинением фронтам бывшего Сталинградского военного округа и возложением на нас ответственности за оборону Астрахани и астраханского направления. Несмотря на все это, централизация управления войсками двух фронтов была в той обстановке целесообразной и облегчала решение важнейшей задачи по организации взаимодействия сил и средств в целом, и особенно в стыке их, на флангах.

Объединение командования фронтами позволило более гибко осуществлять взаимодействие и маневрирование силами и средствами в масштабе двух фронтов, по существу, на стратегическом направлении, что сыграло весьма существенную роль в выполнении войсками обоих фронтов задачи по удержанию города, перемалыванию ударных группировок врага и подготовке условий для контрнаступления. Координация в деле осуществления оперативных решений, организации разведки, материального обеспечения войск (представлявшего особую трудность в условиях Сталинграда в связи с тем, что тылы были за Волгой) имела также большое положительное значение.

Командование двух фронтов уделяло самое серьезное внимание делу политического воспитания войск. В наиболее критические моменты битвы отдавались приказы, распространялись воззвания, носившие политический характер, с таким расчетом, чтобы вокруг них можно было развернуть широкую разъяснительную и агитационно-массовую работу, чтобы в результате ее дойти, что называется, до сердца каждого воина-сталинградца. Совет фронтов считал одной из своих решающих задач тесное общение с войсками, постоянное прощупывание их боевого пульса.

Таким образом, тот факт, что командование двух фронтов было объединено, в целом следует признать положительным.

Необходимость полного разделения фронтов возникла значительно позже, при подготовке к контрнаступлению, примерно в конце сентября 1942 года, когда бывший Сталинградский фронт должен был тесно взаимодействовать с вновь созданным Юго-Западным фронтом. В дальнейшем, 30 сентября 1942 года, фронт, располагавшийся к северу от Сталинграда, был переименован в Донской и передан в подчинение нового командующего, а Юго-Восточный фронт, все время оборонявший Сталинград, получил наименование Сталинградского и остался в моем подчинении.

В ходе борьбы за Сталинград много времени приходилось уделять вопросам организации разведки. Мною ежедневно заслушивались доклады о вновь полученных данных о противнике. С этими докладами ко мне являлись начальник разведки фронта и командующий ВВС или его начальник штаба. Поскольку с разведкой дело обстояло недостаточно благополучно, пришлось начиная с середины августа пристально заняться вопросами разведки.

Дело в том, что командиры полков, дивизий и штабы, а подчас и начальники разведотделов и отделений уделяли недостаточное внимание этому важнейшему виду боевого обеспечения деятельности войск и неудовлетворительно руководили разведкой.

А нам нужно было так активизировать разведку, чтобы она, что называется, дышать не давала врагу, проникала бы во все щели, дезорганизовывала бы его управление, связь, боевые порядки, тылы, изматывала врага, не давала ему покоя ни днем ни ночью. Для этого разведку нужно было организовать и ею руководить. Нужно было разбудить в наших разведчиках замечательные качества, присущие нашему русскому народу: храбрость, выносливость, инициативу, хитрость и находчивость; нужно было как можно скорее приступить на обоих фронтах к ведению систематической, непрерывной, организованной разведки противника всеми видами и способами: наблюдением, засадами, поисками, лазутчиками, рейдами, боем, посылкой дивизионной и армейской агентуры в тыл врага и т. д. — с тем, чтобы в каждой дивизии на

своем участке ежедневно имелись пленные, трофеи и документы.

К ведению разведки на фронте привлекались все виды и рода войск и служб. Например, для поддержки разведчиков мы успешно стали применять минометы.

Приведу здесь выдержки из сообщения командира роты старшего лейтенанта Ельцова, докладывавшего мне лично об успешном выполнении его подразделением поставленной задачи. По моему приказанию рассказ Ельцова был помещен во фронтовой газете. Вот выдержка из этого рассказа:

«Нам была поставлена задача провести разведку боем и добыть «языка». Для выполнения этого задания в помощь разведчикам был придан минометный взвод младшего лейтенанта Веретенникова. Перед тем, как отправиться на разведку, политрук роты Новинский пробрался в район действия разведчиков, осмотрел местность, наметил пути подхода и отхода минометчиков, определил, где можно будет занять удобные огневые позиции.

Поздней ночью разведчики, а вместе с ними и минометчики двинулись в путь. Достигнув намеченного рубежа, расчеты заняли позиции у стены длинного колхозного сарая.

Вперед отправилась группа саперов. У проволочного заграждения гитлеровцы ее обнаружили и открыли стрельбу из двух пулеметов. Метким огнем минометчики заставили их замолчать, но сразу же, правее, заговорил еще один пулемет. Пока фашисты перестреливались с нашими минометчиками, группа разведчиков оврагом слева проникла за проволочное заграждение и там, у хорошо протоптанной тропы, проходившей по ложбине, устроила засаду. Вскоре разведчики заметили, что по тропе идет немецкий солдат. Какое-то мгновение, и он был схвачен.

Выполнив свою первую задачу, минометчики быстро сменили огневую позицию. Оставаться на старой было нельзя потому, что противник установил, откуда велся огонь, и, бесспорно, должен был обстрелять позиции. Так оно и оказалось.

Выполнив задание, разведчики стали отходить. У проволочного заграждения они опять попали под вражеский обстрел. Вдруг взвилась ракета. Это был сигнал наших

разведчиков о том, куда направить огонь минометов для прикрытия отхода. В стане врага был сделан большой переполох.

Поставленная задача была выполнена успешно. Разведчики взяли «языка» и установили расположение огневых средств противника на этом участке его обороны».

Этот, казалось бы, частный случай показал, что миномет — незаменимое оружие в разведке, легко применим в ее сложных условиях и для отвлечения внимания противника, и для быстрого подавления огневых точек, мешающих разведчикам.

В вопросах организации разведки командиры всех степеней держались всегда в большом напряжении. Контролируя, надо было быть требовательным к подчиненным в вопросах разведки (как, впрочем, и во всех других) и строго взыскивать за невыполнение или медлительное выполнение приказов. В основе этой требовательности лежала необходимость постоянно воспитывать подчиненных воинов, прививать вкус к разведке большим и малым начальникам. Результаты сказывались. Вскоре в этом деле стала проявляться широкая инициатива.

Нередко наши офицеры, сержанты и солдаты, непосредственно не имевшие прямой задачи вести разведку, брать пленных, вести наблюдение за действиями противника, делали это по собственному почину, как это и должно быть. В разведывательных донесениях все чаще и чаще стали появляться сообщения о широкой инициативе в деле разведки противника. Отдельные примеры печатались во фронтовых газетах. Помню старшего лейтенанта Тимофеева, который взял в плен немецкого офицера и доставил его в штаб, хотя не имел задачи брать «языка». Вспоминаю один танковый экипаж (к сожалению, я запамятовал фамилию его командира), доставивший в штаб фронта в исправном состоянии только что принятую противником на вооружение радиостанцию. Этот случай описан также в дневнике, захваченном позднее нашими разведчиками у врага. В нем лейтенант 7 апд Лаурент пишет: «...Вот еще одно происшествие. Наш офицер ехал с новенькой радиостанцией (на автомашине со смонтированной на ней радиостанцией. — *А. Е.*) на фронт. Неожиданный разрыв снаряда перед радиатором заставил его и двух радистов выскочить из

машины и укрыться в ближайшем окопе. В это время показался русский танк. Он медленно подъехал к рации и остановился около нее. Люк открылся, из танка выходит человек с концом троса в руках и привязывает эту новую прекрасную машину к своему танку, затем возвращается назад; и вот танк неторопливо разворачивается и медленно уходит восвояси, дав для острастки еще выстрел по злополучным радистам, которые, выпучив глаза, смотрят на все это и бездействуют, как обалдевшие. Они лишились всего, в увезенной машине остались даже кисточки для бритья и носки. Но хуже всего то, что теперь нужно идти пешком, разыскивать начальника, которому предназначалась радиостанция, и доложить ему о случившемся. Безумная выходка со стороны русских, но что поделаешь!..»

Плоды улучшения работы нашей разведки не замедлили сказаться. Мы стали располагать весьма ценными сведениями о противнике: о численности, вооружении, передвижениях его войск, изменении состава соединений, о политико-моральном состоянии и настроениях неприятельских солдат и офицеров, о замыслах вражеского командования, а также и об оценке врагом достоинств и недостатков нашего вооружения, нашей тактики, боеспособности отдельных наших частей.

Из показаний пленных, трофейных писем и дневников мы убедились, что моральное состояние большинства немецких солдат и унтер-офицеров в то время оставалось еще весьма высоким. Так, солдат 276-го пехотного полка 94-й пехотной дивизии Ганс Парман, взятый в это время в плен, показал, что моральное состояние части неплохое, усталости у солдат не чувствуется, пораженческих настроений среди солдат и офицеров нет; напротив, имеется уверенность в победе Германии, надежда на то, что текущий год не принесет таких разочарований, как прошлый (имеется в виду зимнее наступление Советской Армии 1941/42 г. — *А. Е.*).

Из показаний обер-ефрейтора 71-го пехотного полка 29-й механизированной дивизии Шнейдера, взятого в плен в одном из ночных поисков в середине августа, выяснилось, что личный состав его части неоднороден: солдаты старших возрастов считают, что войну нужно закончить поскорее, при этом неважно, с каким исходом, так как они устали и стремятся поскорее вернуться к

семьям; солдаты молодых возрастов настроены довольно бодро и желают воевать до победного конца.

Взятый в плен в то же время унтер-офицер 129-го танкового дивизиона 29-й механизированной дивизии Вилли Цейдлер заявил, что боевое настроение немецких солдат поддерживается строжайшей дисциплиной и системой жестоких наказаний за каждый проступок, а также шпионажем эсэсовцев. Несколько иное положение в этом отношении занимают молодые немецкие солдаты, которые, находясь под влиянием нацистской пропаганды, еще продолжали верить в победу фюрера. Об этом свидетельствовал ряд показаний пленных. Так, солдат 2-й танковой истребительной роты 94-й пехотной дивизии Йохим Бройлих на допросе заявил:

«Я думаю, что Германия выиграет войну потому, что мы уже у русских очень много захватили, резервы наши неисчислимы, питание у нас замечательное, зимнее обмундирование будет. Я в мае слышал по радио речь Гитлера. Он сказал, что вообще в конце этого года с русскими будет покончено. Тогда же он сказал, что германская армия в скором времени получит такое новое вооружение, которое будет способно разбить любой русский город всего несколькими выстрелами. Верно, этих пушек еще нет, но, как говорили офицеры, на днях они должны прибыть вместе с новыми дивизиями из Германии и Франции. Как только прибудут эти дивизии, начнется последнее большое наступление. Сталинград будет взят, потом падут Москва и Ленинград, и война с Россией будет закончена».

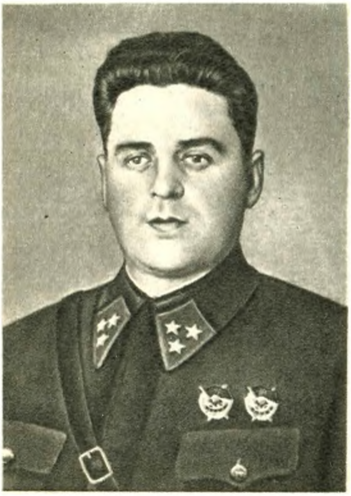
Такая же точка зрения, однако с обоснованиями «идейного» характера, изложена в письмах и дневнике лейтенанта 6-й роты 578-го пехотного полка 305-й пехотной дивизии Г. Хэннэса — представителя «мыслящей» по-гитлеровски прослойки германского офицерства. Он записал: «...у нас война. Оставим вопрос, почему и зачем она началась. Война начата, и сейчас каждый, сражающийся на Востоке, знает, что мы должны ее вести. Вопрос стоит так: быть или не быть немецкому народу. Поэтому каждый солдат готов принести жертву. Война требует жертв... Становится все яснее, что немецкий солдат на Востоке поставлен в такие условия, при которых уже нет больше правил для ведения войны. Об этой жестокой необходимости солдат хорошо знает. Нет

Ф. И. Голиков

Л. Н. Гуртьев

С. П. Иванов

М. А. Баскаков

В. И. Чуйков

Н. И. Крылов

К. А. Гуров

И. В. Васильев

никакой грани между жизнью и смертью. Это еще более важно знать в тылу. Войска должны быть подготовлены в военном отношении, сильными физически, но во многом война зависит от духовного состояния. В сегодняшнем запутанном мире очень много зависит от того, насколько знают, за что борются».

Однако за этими высокопарными фразами о «высших идейных» мотивах войны, вызванной якобы необходимостью борьбы за само существование немецкой нации, кроются весьма прозаические цели. Они уже практически осуществлялись немецкими оккупантами: разбой, грабеж, вывоз в Германию советского народного достояния, устройство немецких помещичьих поселений, вывоз в Германию русских граждан и т. д. Для иллюстрации этого положения достаточно привести очень короткую, но выразительную выдержку из письма сестры к солдату Фрицу Биллингу (полевая почта 39006) от 28 июля 1942 года: «...сражайся хорошо, мой маленький Фриц, и ты получишь землю и русских рабов. Твоя любящая сестра».

Характерны также показания солдата штабной роты 15-го пехотного полка 29-й механизированной дивизии Роберта Дауна:

«Немецким солдатам говорят, что война между СССР и Германией является не просто борьбой за территории, а войной между мировоззрениями. Многие из солдат еще не возлагают вины за лишения, которые они испытывают на войне, на Гитлера и его режим. Немало таких, которые считают, что гитлеровский режим является наиболее подходящим для Германии. Они говорят, что за время пребывания у власти Гитлер создал сильную, единую империю, способную противостоять любому нападению извне. Они считают также, что поражение гитлеризма и уничтожение его равнозначно уничтожению самой Германии. Если будет свергнут Гитлер, Германия будет разделена на ряд мелких государств и прекратит свое существование в качестве самостоятельного государства. Она попадет в полное подчинение Англии. Боязнь этого является, между прочим, одной из причин, способствующих упорной борьбе многих немецких солдат, особенно молодежи».

Несколько по-иному были настроены представители других национальностей, входивших в состав гитлеров-

ской армии. Так, австрийцы вследствие пренебрежительного отношения к ним со стороны немецких солдат и особенно офицеров выражали глухое недовольство гитлеровским режимом.

Низким было моральное состояние румынских войск. Солдаты-румыны в своем большинстве понимали, что вынуждены рисковать жизнью за чуждые им интересы. Вот отрывок из письма солдата Албу-Сика своим родным (г. Бухарест, ул. Прест, № 12).

«Сообщаю, что жив, но живу в нищете. Недавно были сильно атакованы и опять потеряли много солдат и офицеров. Не знаю, когда все это кончится! Мне это так надоело, что я уже не в силах терпеть мучений. Из всех солдат, обслуживающих орудие, осталось в живых только нас двое. Бог спас и меня. Сейчас мы находимся под Сталинградом, где русские дерутся до последнего. Так что живу очень плохо во всех отношениях; если и дальше так будет продолжаться, то я просто сойду с ума. Что думают делать с нами, не знаю. Наверно, хотят всех нас погубить...

От Донца до этих мест, где находимся сейчас, прошли весь путь в 700 километров пешком. Обе ноги в волдырях. Не знаю, придет ли тот день, когда нас сменят с позиций.

Я вас просил что-нибудь сделать, чтобы я приехал домой, но вы пишите, что ничего нельзя сделать. Наши солдаты получают отпуска по протекциям из страны. Вам особенно легко это сделать сейчас, когда наш генерал Чалык поехал в Бухарест. Это можно сделать по рекомендации Попеску (он знаком с генералом). Очень прошу вас пойти туда, куда только возможно, и сделать так, чтобы вырвать меня отсюда как можно поскорее, так как эти собаки хотят уничтожить нас всех. Уже погибло больше половины из полка. Нас совсем не жалеют.

Русские имеют очень много вооружения. Сколько вооружения мы уже взяли и сколько взяли немцы, а конца не видно! Русские стреляют без жалости и каждый день убивают наших людей. Все это не беспокоит наше большое начальство, так как оно находится на десятки километров в тылу и не знает, что переживаем мы в окопах первой линии, в 100 метрах от противника. Умирают и те наши люди, которые могли бы еще жить: за ранеными не смотрят, не оказывают помощи, и они умирают.

Еще раз прошу, сделайте что можно и где можно, но вырвите меня из этого проклятого окопа, ибо русские применяют очень много разного огня, чтобы уничтожить нас...»

Солдат 2-го батальона 91-го пехотного полка 20-й пехотной румынской дивизии Спирою Ромулис показал: «Моральное состояние в полку неважное. Солдаты не хотят воевать за немцев. Офицеры обещали, что скоро дивизия вернется домой. Но солдаты теперь уже перестали верить. Это удалось только попу, который после первого боя убежал домой».

В показаниях пленных, в письмах солдат и офицеров на родину, попавших в руки наших разведчиков до того, как они были отправлены, в дневниках и других подобных документах часто давалась более или менее объективная оценка нашей тактики, действий нашей артиллерии, минометов, авиации, боеспособности тех или иных наших частей.

Ефрейтор 4-го танкового полка 6-й танковой дивизии Макс Беккер рассказал: «Унтер-офицеры и даже лейтенанты объясняли солдатам, что задача дивизии под Сталинградом очень трудна ввиду превосходства пехоты противника, что артиллерией советские войска будто бы оснащены в меньшей степени, в частности на этом фронте якобы отсутствуют «сталинские орга́ны» (реактивные минометы). Нам пришлось самим увидеть всю вздорность этих предположений и испытать влияние этой музыки; мы ее слышали, и она произвела исключительно сильное впечатление».

Командир батальона 571-го пехотного полка 305-й пехотной дивизии Фридрих Гизе показал: «Красная Армия сильна в обороне, особенно сильна пехота, катюши сводят с ума». О действиях нашей авиации он отозвался: «Ваши бомбардировщики действуют только ночью. Только один раз они крепко били нас днем, это было у реки Оскол».

Унтер-офицер 297-го артиллерийского полка 297-й пехотной дивизии Алоис Хаймессер в своем дневнике не раз отмечает сокрушительные действия нашей артиллерии и авиации:

«19.8.42. Артиллерия обстреливает местность; приходит первое сообщение, что другие батареи нашего полка

опять имеют большие потери; артиллерия очень хорошо садит здесь.

20.8. Две мины попали прямо по ОП. Тяжелая батарея русских стреляет неприятно долго и близко от нас.

23.8. Русское залповое орудие три раза обстреляло наш участок. В этом месте находится много уничтоженных машин 14-й танковой дивизии и 29-й моторизованной дивизии.

26.8. В 11.30 русские после артподготовки идут в атаку. Русские мины и артснаряды ложатся совсем близко от нашего НП.

30.8. Воздушный налет 20 русских бомбардировщиков. Генерал Пфефер и командир полка тоже лежат на животе. Перед Сталинградом можно видеть, по крайней мере, 50 прожекторов. Ночью сильная бомбежка. «Сталинский орга́н» тоже здесь.

31.8. В 3 часа... нападение русской штурмовой авиации. На огневых позициях сильная бомбежка, нападение штурмовой авиации. В 14 часов опять нападение русских самолетов.

1.9. «Сталинский орга́н» стрелял через нас; как мы узнали позже, были обстреляны огневая позиция и наши боевые порядки. Убито 4 человека и 10 лошадей. В 9-й батарее убито 26 лошадей. В 9 часов сильный налет пикировщиков впереди нас, вслед за этим бомбежка и налет русской штурмовой авиации.

3.9. Столько «сталинских орга́нов» одновременно мы еще не видели.

4.9. Русская артиллерия очень сильно обстреливает нас. Везде становится совершенно невозможно: на наблюдательном пункте находишься под обстрелом пулеметов и минометов, на огневой позиции — под артиллерийским огнем.

15.9. Когда я в 24 часа заснул, вдруг ужасно загремели падающие бомбы».

Старший ефрейтор 71-го мотополка 29-й мотодивизии В. Шнейдер, взятый в плен в районе разъезда «74 км», показал, что он «очень высокого мнения о боеспособности Красной Армии, оснащенность которой самолетами, танками и техникой в последнее время необычайно возросла; советская артиллерия ежедневными мощными налетами уничтожает скопления немецких войск и материальную часть; также прекрасно работают советские лет-

чики, налетая по 4—5 раз в сутки на сосредоточения немецких войск, они успешно бомбят их».

Из этих источников, а также из наблюдений разведчиков, из их бесед с мирным населением, из донесений партизан мы получали довольно разностороннее представление о состоянии войск противника, а также о положении местного населения в фашистской неволе, о жизни в самой Германии и т. д., а главное, имели возможность знакомиться с действиями противника и его расчетами как на предыдущие недели, так и на ближайшее будущее.

О варварских действиях фашистов, грабеже ими нашего достояния, угоне наших людей в рабство в Германию, об уничтожении ими целых деревень и сел, жители которых были заподозрены в связях с партизанами, и о прочих зверствах гитлеровцев читатель хорошо знает. Я приведу здесь всего лишь один документ — письмо Семена Тихоновича Семыкина своим сыновьям (Семыкину с помощью наших разведчиков удалось перейти линию фронта).

«80 лет прожил я на свете. Испытал на своем веку и гнет царизма, и тяжелый подневольный труд на барщине, и кулацкую плеть, и тяжесть двух войн... Но то, что я пережил за три дня пребывания под властью немцев, затмило все пережитое за три четверти века. Я не в силах рассказать всего: так велико причиненное нам горе.

У нас было родное, хорошее село. Теперь его нет. Остались развалины да обгоревшие печные трубы. Наше мирное село сожгли фашисты. Нет сотен наших женщин, стариков и детей — немцы их частью сожгли, частью расстреляли, многих же угнали к себе, в Германию.

...В погребе, во дворе моего сына, спрятались дети моих сыновей Петра, Алексея, Леонида, которые служат в Красной Армии. Там были одиннадцать моих внучат. Когда к дому подошел фашист и, облив керосином, поджег его, женщины бросились из погреба в хату, чтобы спасти свое добро. Мерзавец прикладом загнал их обратно, запер погреб и подпалил ляду. Дым и огонь проникли внутрь. Вопли женщин и детей долго раздавались по двору.

В погребе все задохнулись, сгорели. В нем погибли одиннадцать моих внучат. Погибли и их матери.

Слушайте, сыны мои, Петро, Алексей, Леня! К вам и вашим друзьям по оружию обращаюсь я:

— Нет больше у вас жен, нет у вас любимых дочерей и сыновей, моих внучат. Их отнял враг. Нет вашего села, нет ваших домов: все сожгли захватчики. Я знаю, больно вам это слушать, но это правда. Отомстите кровавому врагу!»

Стоит привести несколько фактов, характеризующих жизнь в самой Германии, где, несмотря на хвастовство гитлеровских заправил, положение становилось все более напряженным. Вот письмо родных солдату Оскару Винклеру из Зигесдорфа:

«Дорогой Оскар! Мы много думаем о тебе и можем понять твое положение. Днем под минометным огнем, а ночью копаем, и долгое время без отдыха. Конечно, можно потерять и жизнь, и здоровье. Тебе, вероятно, иногда приходит в голову мысль, почему одни должны быть на передовой, а другие — сидеть в тылу. Сыновья богатых крестьян сидят в тылу или же служат в артиллерии, и у многих находится масса особых причин для получения отпуска».

Вот еще один отрывок из письма ефрейтору Францу Крейнеру (полевая почта 21958) от 13 августа 1942 года; пишет его мать:

«Твой брат Руди тоже 18 месяцев не был дома. Последние три месяца он был во Франции, а теперь получил отпуск. Однако ему снова нужно уезжать, даже на 8 дней раньше окончания срока его отпуска: он записался добровольцем в Африку, чтобы не быть посланным на Восток».

Здесь отчетливо видно, что гитлеровцы как огня боялись Восточного фронта и по сравнению с ним Африку считали раем. Это лучше всяких доводов и рассуждений опровергает фальсификацию второй мировой войны буржуазными историками, в том числе и Черчиллем, которые пытаются внушить читателю, что перелом в войне наступил якобы в результате побед западных союзников в Африке над Роммелем.

Вот еще документ, весьма недвусмысленно показывающий ужас, который наводил на вражеских солдат Восточный фронт.

9 июня 1942 года солдату Вальтеру Зоммерфельду пишет жена из Дортмунда:

«...Теперь я перехожу к самому ужасному; я не могу поверить тому, что ты должен ехать на Восток. Это для меня слишком сильно. Я этого просто не могу себе представить. Начинаю думать: мне становится так, как будто я задыхаюсь, будто дом рушится мне на голову. Ведь у меня всегда была надежда, что ты останешься на Западе... Теперь я уже желала бы, чтобы болезнь твоя возвратилась — и ты снова бы вернулся на родину, в лазарет... Ты в опасности, которая может сразить в любой день».

Однако, что же мы узнали о главном, о планах противника на ближайшее будущее? Суммарные данные, полученные из многочисленных сведений, добытых разведкой, раскрыли нам ряд важных моментов по этому вопросу. Необходимо, однако, оговориться, что, как бы хорошо ни была налажена разведка, от нее нельзя требовать всеобъемлющих данных: в ее сведениях всегда могут быть неясности, а подчас и противоречия; в разведывательные данные вместе с истиной могут просочиться и специально подтасованные или фальсифицированные врагом факты. Поэтому лишь тщательная обработка и глубокий анализ разведывательных данных гарантируют действительно объективные и правильные выводы.

Нам стало известно, что в связи с провалом удара 4-й вражеской танковой армии в районе Абганерово (наш контрудар в районе разъезда «74 км») противник вынужден был пойти на серьезную перегруппировку своих сил; свободных резервов у него было не много. По приказу гитлеровской ставки 6-я армия, ведшая бои в большой излучине Дона, 12 августа передала 4-й танковой армии две свои полнокровные дивизии (297-ю пехотную и 24-ю танковую).

С этими подкреплениями после перегруппировки (отвода потрепанных дивизий назад и замены их свежими) 4-я танковая армия должна была продолжать свое наступление; однако теперь направление главного удара переносилось вправо, хотя целью этого удара, как и прежде, оставался возвышенный волжский берег в районе Красноармейска. Осуществление этого намерения возлагалось на 48-й танковый корпус, получивший задачу двигаться западнее линии озеро Цаца, Красноармейск, 6-й румынский армейский корпус, обязанный наступать

западнее железной дороги станция Абганерово — станция Тундутово, и 4-й немецкий армейский корпус, нацеленный для наступления восточнее этой железной дороги.

Наличие у нас сведений об этом, во-первых, показало, какую услугу мы оказали Сталинградскому фронту контрударом у Абганерово, отвлекшим с его участка две наиболее боеспособные дивизии, во-вторых (и это самое главное!), подтверждало наше опасение о серьезнейшей угрозе, нависшей над Юго-Восточным фронтом, Сталинградом, да, пожалуй, и над всеми войсками южного крыла нашего фронта.

Чтобы подтвердить это, я приведу здесь весьма убедительные и полностью соответствующие реальному положению вещей доводы генерала Дёрра, которые он излагает в своей книге.

«Когда 4-я танковая армия 20 августа перешла к обороне у станции Тундутово, она находилась в непосредственной близости от важного участка местности, возможно, имевшего решающее значение для всего оперативного района Сталинграда — приволжских возвышенностей между Красноармейск и Бекетовка.

У Красноармейск возвышающийся на 150 м над уровнем Волги высокий берег отходит от реки и поворачивает дальше на юг, переходя в Ергени. Здесь, если смотреть вниз по течению реки, расположена последняя возвышенность у берега. Она господствует над всем изгибом Волги с островом Сарпинский. Если вообще можно было взломать оборону Сталинграда, то удар следовало наносить именно отсюда.

Красноармейск был южным краеугольным камнем обороны Сталинграда и одновременно конечным пунктом единственной коммуникации, связывавшей по суше западный берег Волги с Астраханью. Ни в каком другом пункте появление немецких войск не было так неблагоприятно для русских, как здесь.

Кроме того, любой вид боя, который немецкие войска вели за город, будь то наступление или оборона, с самого начала был связан с большими трудностями, пока Красноармейск и Бекетовка оставались в руках русских, так как эта возвышенная местность господствовала над Волгой, предоставляла прекрасные возможности для ведения наблюдения за Калмыцкими степями, могла быть использована как место сосредоточения и как трамплин

для контрудара русских по южному флангу войск, наступавших на Сталинград или занимавших там оборону»[1].

К этой характеристике района Красноармейск, Бекетовка, данной Дёрром, являющимся хорошо подготовленным в оперативном отношении генштабистом, пожалуй, ничего не добавишь.

Потому-то укрепление этого участка началось безотлагательно, как только был создан Юго-Восточный фронт. Предпринятые мероприятия оказались весьма результативными. Уже 13 августа войска, отведенные с рубежа реки Аксай на внешний обвод на участке Демкин, Тебектенерово, значительно усилили здесь оборону. В полосе между реками Аксай и Мышкова, где весьма широко было применено минирование, образовалось предполье, оборонявшееся передовыми отрядами 64-й армии. В тылу у нас были сосредоточены общие и особенно противотанковые резервы (одна стрелковая дивизия, одна противотанковая бригада и два противотанковых полка).

Если бы такая же возможность (укрепить участок к северу от Сталинграда) представилась и в районе Сталинградского фронта, то враг никогда не увидел бы Волги.

Предварительные контрмероприятия и дальнейшие настойчивые действия 64-й армии сорвали гитлеровский план взятия Сталинграда в «клещи». Дело в том, что одна из сторон этих гигантских «клещей» должна была, двигаясь вдоль дороги (восточнее) Сальск — Сталинград, выйти к Волге в Красноармейском районе Сталинграда. Все движение 4-й танковой армии с плацдарма в районе Цимлянская, Константиновская в район Абганерово и далее на восток было направлено к этой основной цели.

Посмотрим, как развивались события в дальнейшем.

Остановимся несколько подробнее на обстановке, сложившейся у нас на участках 62-й и 4-й танковой армий.

62-я армия к этому времени находилась в трудном положении. К 9 августа противнику вновь удалось окружить одну из ее дивизий, которая, тем не ме-

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 39—40.

нее, продолжала бои, стремясь вырваться из вражеского кольца. Отдельным частям этой дивизии к 14 августа удалось вырваться из окружения и соединиться с войсками армии, действовавшими вне кольца окружения. Три дивизии этой армии были отведены на восточный берег Дона и заняли оборону на участке Вертячий, Ляпичев, о чем говорилось выше.

15 августа войска 4-й танковой армии, удерживавшие фронт Мело-Клетский, Большенабатовский, были атакованы противником. Результатом этого был прорыв фронта в центре и разделение сил соединения на две группы. Части, входившие в правую группу, отошли на северо-восток и влились в 1-ю гвардейскую армию, передовые части которой недавно прибыли в район Фролово из резерва Ставки. С учетом сложившейся обстановки эта армия получила задачу оборонять фронт по рубежу Дона на участке Кременская, Сиротинская, устье реки Иловля. Левая группа 4-й танковой армии, оттесненная противником на левый берег Дона, заняла оборону на участке от устья реки Иловля до Нижне-Гниловской.

Против 4-й танковой армии противник бросил большие массы танков и авиации. Части армии героически сопротивлялись наступавшему противнику, нанося ему тяжелые потери, но устоять в неравном бою, перед значительно превосходившими вражескими силами, не смогли. К исходу 15 августа противнику удалось прорваться к Дону на участке Трехостровская, Акимовский, Большенабатовский. Этим самым противник решил свою ближайшую задачу: занял исходное положение для форсирования Дона и подготовки нового удара на Сталинград (о чем говорилось уже ранее). Этот успех обошелся немецко-фашистским войскам очень дорого. Ударные крылья группировки противника в боях были значительно «общипаны». Однако, спешно усилив свои войска новыми дивизиями и произведя перегруппировку, немецко-фашистское командование решило развивать свой тактический успех.

Одновременно серьезные бои происходили и на участках 64-й и 57-й армий. Здесь в период с 17 по 20 августа противник произвел ряд последовательных ударов с целью нащупать слабые места и дезориентировать нас в отношении направления главного удара (Бекетовка, Красноармейск). Кстати сказать, это ему не удалось.

17 августа 371-я пехотная дивизия противника, усиленная танками, атаковала наши части в районе Абганерово, прорвалась к совхозу имени Юркина и захватила его (схемы 1, 7 и 8). Однако уже на следующий день 29-я стрелковая дивизия стремительной контратакой выбила гитлеровцев из совхоза и отбросила их к южной окраине станции Абганерово. 19 августа вражеская атака на совхоз была повторена одновременно с двух направлений: 371-й пехотной дивизией из района Абганерово и 94-й пехотной дивизией вдоль железной дороги; кроме того, по направлению на разъезд «74 км» наносила удар 29-я моторизованная дивизия из района Плодовитое. 20 августа группа в составе 150 танков (14-я танковая дивизия) атаковала наши позиции в районе Семкин. В итоге этих атак противник лишь незначительно вклинился в нашу оборону, захватив станцию Абганерово. Дальнейшее его продвижение было приостановлено вводом резервов, о чем уже говорилось.

Одновременно противник готовил главный удар силами трех пехотных (97, 371 и 297-й), двух танковых (14-й и 24-й) дивизий и одной мотодивизии (29-й) из района Плодовитое в район Красноармейск, Бекетовка. Как видим, 297-я пехотная и 24-я танковая дивизии были переброшены из 6-й армии. 21 августа эта группировка повела наступление. К исходу дня до 150 танков вышли в район Дубовый Овраг, балка Морозовская. В дальнейшем противник стремился углубить прорыв и выйти в район Сталинграда. Однако здесь его встретили наши истребительно-противотанковые полки, под ударами которых танковый кулак противника потерял свою ударную силу. Устойчивости обороны способствовали и минные заграждения, усиленные фоговскими установками. Яростные наскоки врага захлебнулись, а расчеты гитлеровских стратегов захватить район Красноармейска, который они не без оснований считали той краеугольной «точкой», с которой возможно «перевернуть» весь Сталинград, провалились.

Правда, противник здесь крепко нависал над левым флангом 64-й армии. Это заставляло нас иметь на этом участке дополнительные силы.

По поводу этих боев командование фронта доносило в Ставку:

«С 12.8 по 19.8 противник под прикрытием массиро-

ванной авиации на фронте Тебектенерово, Абганерово, свх. Приволжский — силою двух пехотных, одной танковой и одной моторизованной дивизии ежедневно атаковывал боевые порядки наших войск, проводя в день по 6—8 массированных атак танками и пехотой. Все попытки противника прорвать нашу оборону терпели поражение, что заставило его усилить свои войска свежей 24-й танковой дивизией, ослабляя другие участки фронта.

20 августа противнику удалось прорвать линию нашей обороны на правом фланге 57-й армии в районе свх. Приволжский, где, несмотря на большие потери (было уничтожено до 60 танков), танкам противника численностью до 90 штук удалось выйти в район южная окраина Дубовый Овраг, отм. 84,5, 118,0, Морозов, создав угрозу флангового удара по 64-й армии. Попытки дальнейшего продвижения на Красноармейск и прорыва на северо-запад во фланг и тыл 64-й армии в течение 20—29 августа успеха не имели, так как к этому времени за счет маневра внутренними ресурсами к району станция Тундутово, разъезд у отм. 105, балка Песчаная были сосредоточены 133-я танковая бригада, 20-я истребительная противотанковая артиллерийская бригада и 55-я танковая бригада.

Контрударом этих соединений на восток и юго-восток противник был отброшен на рубеж: выс. 120, балка Морозовская. В течение последних дней противник ежедневно проводил беспрерывные атаки, по 4—6 в день; одновременно он производит перегруппировку к западу в поисках слабых мест в обороне; все атаки и попытки прорыва остаются безрезультатными для противника».

Именно в это время Геббельс завопил о трудностях продвижения германской армии на востоке, объясняя их мощностью советских укреплений. Он объявил Сталинград крупнейшей крепостью, превосходившей якобы своей неприступностью знаменитый Верден, и тем не менее «предрекал» скорое падение Сталинграда.

Мировая печать в эти дни уже внимательно прислушивалась к звукам Сталинградского сражения, в прессе начали появляться сообщения, что немцы остановлены под Сталинградом.

Подводя итог боев до конца второго этапа, следует сказать, что за это время советские войска упорными обо-

ронительными действиями нанесли противнику серьезные потери и сорвали его замысел захватить Сталинград с ходу. Однако в процессе этих боев войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов были вынуждены отойти на внешний оборонительный обвод, приостановив там на время наступление противника. В срыве планов немецкого командования по внезапному захвату Сталинграда значительную роль сыграли наряду с упорством войск Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, самоотверженно выполнявших свой долг перед Родиной, также трудовые подвиги гражданского населения Сталинграда и области. Десятки тысяч сталинградцев под ударами авиации и артиллерийским обстрелом врага строили оборонительные рубежи, возводили баррикады. Рабочие Сталинграда в тяжелейших условиях производили оружие для фронта.

Немецко-фашистская ставка и особенно «сам главнокомандующий» были до крайности раздражены и недовольны действиями командующего 6-й армией генерала Паулюса и командующего 4-й танковой армией генерала Гота. Два срока захвата Сталинграда, назначенных Гитлером, прошли, а Паулюс и Гот находились все еще далеко от цели. Уходило ценнейшее время. Решалась судьба планов всей летней кампании. Фюрер волновался и требовал от войск все новых и новых усилий, приказывал сломить сопротивление, взломать оборону и взять город до наступления осени.

Теперь, после того как врагу не удалось прорваться к Сталинграду путем нанесения разновременных ударов с запада и юго-запада, немецко-фашистское командование решило овладеть городом и выйти к Волге, нанеся два одновременных удара по сходящимся направлениям силами 6-й армии — из района Трехостровской и главными силами 4-й танковой армии — из района Абганерово на север (схема 8). Для обеспечения стыка между 6-й и 4-й танковой армиями намечалось нанести удар из района Калача на восток и ворваться в Сталинград с юга.

В соответствии с этим решением была произведена перегруппировка и подтянуты новые силы. Так, 6-я армия, передав участок от Павловска до устья реки Хопер 8-й итальянской армии, высвободила все свои силы для наступления на Сталинград, создав ударную группировку

в составе девяти дивизий (шести пехотных, двух моторизованных и одной танковой).

Всего в этом наступлении на Сталинград принимало участие до 20 дивизий.

Началось спешное усиление сталинградской группировки немецких войск. Если в первые дни борьбы непосредственно на сталинградском направлении действовали 17—18 дивизий первой линии, то теперь состав этих войск был еще увеличен, а их боевые средства усилены. К этому периоду относится прибытие под Сталинград одного из упорнейших фашистских фанатиков генерал-полковника фон Рихтгофена с возглавляемым им 4-м воздушным флотом.

Таким образом, потерпев неудачу в попытке захватить Сталинград с ходу ударами 6-й армии с запада и 4-й танковой армии с юго-запада (путем взятия его в «клещи»), гитлеровское командование составило упомянутый новый план концентрического удара на Сталинград, по которому обе наступающие на Сталинград группировки должны были направить острия своих ударов в общий центр, примерно в стык между двумя фронтами либо несколько севернее. При этом 6-я армия наносила удар из района малой излучины Дона, а 4-я танковая армия из района Абганерово, Плодовитое.

Приведу здесь приказ 6-й армии, в котором изложен этот план.

«Армейское Главнокомандование 6.

19 августа 1942 г.
18 ч. 45 м.

АРМЕЙСКИЙ ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ НА СТАЛИНГРАД

Карта 1 : 100 000

1. Русские будут упорно оборонять район Сталинграда. Они заняли высоты на восточном берегу Дона западнее Сталинграда и на большую глубину оборудовали здесь позиции.

Следует считаться с тем, что они, возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак.

Поэтому войска при продвижении через Дон на Сталинград могут встретить сопротивление с фронта и сильные контратаки в сторону нашего северного фланга.

Возможно, что в результате сокрушительных ударов последних недель у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления.

2. 6-я армия имеет задачей овладеть перешейком между Волгой и Доном севернее железной дороги Калач — Сталинград и быть готовой к отражению атак противника с востока и севера.

Для этого армия форсирует Дон между Песковатка и Трехостровская, главными силами по обе стороны от Вертячий. Обеспечивая себя от атак с севера, она наносит удар главными силами через цепь холмов между р. Россошка и истоками р. Б. Коренная (10 км восточнее Самофаловка) в район непосредственно севернее Сталинграда, до Волги. Одновременно частью сил ворваться в город с северо-запада и захватить его.

Этот удар сопровождается на южном фланге продвижением части сил через р. Россошка в ее среднем течении, которые юго-западнее Сталинграда должны соединиться с продвигающимися с юга подвижными соединениями соседней армии. Для обеспечения фланга войск в район между нижним течением рек Россошка и Карповка и р. Дон выше Калача с северо-востока выдвигаются пока что только слабые силы. С подходом сил соседней армии с юга (имеется в виду 4-я танковая армия. — *А. Е.*) к Карповка войска выводятся из этого района.

С переносом наступления на восточный берег р. Дон на ее западном берегу ниже Малый остаются только небольшие силы. Впоследствии они наносят удар через Дон по обе стороны от Калача и участвуют в уничтожении расположенных там (в Калаче. — *А. Е.*) сил противника.

3. Задачи:

24-му танковому корпусу оборонять р. Дон от правой разграничительной линии армии до Лученской (иск.); 71-й пехотной дивизии, оставив слабые заслоны на р. Дон, овладеть плацдармом по обе стороны от Калача и затем наступать в восточном направлении. Подготовиться к выполнению новой задачи.

51-му армейскому корпусу захватить второй плацдарм на р. Дон по обе стороны от Вертячий. Для этого

ему временно придаются артиллерия, инженерные части, группы регулирования движением, противотанковые части и необходимые средства связи из состава 14-го танкового корпуса. С прохождением плацдарма 14-м танковым корпусом 51-му армейскому корпусу обеспечить его южный фланг. Для этого корпусу переправиться между Ново-Алексеевский и Бол. Россошка через р. Россошка, занять холмистую местность западнее Сталинграда и, продвигаясь на юго-восток, соединиться с наступающими с юга подвижными соединениями соседней армии справа.

Затем корпусу овладеть центральной и южной частями Сталинграда...

14-му танковому корпусу после занятия плацдарма 51-м армейским корпусом нанести с него удар на восток через цепь холмов, что севернее Мал. Россошка, станция Конная, и выйти к Волге севернее Сталинграда, перерезать Волгу и прервать железнодорожное сообщение севернее города. Частью сил корпуса нанести удар с северо-запада, ворваться в северную часть Сталинграда и захватить ее. Танки при этом не использовать... При этом поддерживать тесное взаимодействие с подходящим с запада 8-м армейским корпусом.

8-му армейскому корпусу прикрывать северный фланг 14-го танкового корпуса. Для этого нанести удар с плацдармов, захваченных между Н. Герасимов и Трехостровская, на юго-восток и, постепенно поворачивая на север, выйти на рубеж (по возможности недоступный для танков противника) между Кузьмичи и Качалинская. Поддерживать тесное взаимодействие с 14-м танковым корпусом.

11-му и 17-му армейским корпусам обеспечить северный фланг армии.

11-му армейскому корпусу — на рубеже р. Дон от Мелов до Клетская (иск.) и дальше до левой разграничительной линии армии... в ближайшее время направить 22-ю танковую дивизию в район Далий-Перековский, Ореховский, Селиванов в распоряжение командования армии... [1].

---

[1] Из приказа видно, что 6-я армия Паулюса состояла из шести корпусов и по своей численности в два раза превосходила войска Сталинградского фронта.

8-й авиационный корпус главными силами будет поддерживать вначале действия 51-го армейского корпуса, затем 14-го танкового корпуса...»

Хотя лучшей оценкой всякого плана являются реальные результаты, достигаемые при его осуществлении, все-таки кратко проанализируем этот документ, ибо, во-первых, он имел важное значение для дальнейшего развития событий под Сталинградом, а во-вторых, потому, что в буржуазной военной литературе катастрофу гитлеровских войск под Сталинградом связывают отчасти с ошибочностью данного плана. Так, уже знакомый нам генерал Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград» пытается убедить своих читателей в том, что причиной неудачи германской армии под Сталинградом явился плохой план, а совсем не то, что она уступала по своему моральному духу Советской Армии.

Он весьма подробно и довольно «самокритично» для бывшего гитлеровского генштабиста разбирает этот план. Однако эта «самокритика» является в сущности не чем иным, как стремлением умалить силу сопротивления нашей армии, принизить наше военное искусство. Правда, в начале своих рассуждений он бросает небрежный комплимент защитникам Сталинграда, стремясь тем самым показать якобы свою объективность. Теперь ведь нет в мире людей, которые не знали бы о героизме сталинградцев, поэтому даже битые гитлеровские генералы скрепя сердце вынуждены писать об этом.

Вот рассуждения Дёрра относительно этого плана, которые мы приведем полностью:

«Я хочу сделать здесь несколько замечаний по поводу наступления на город, так как неудача действий наступавших войск в этой операции не может быть объяснена только недостатком сил у наступающего и выдающимся мужеством и умелыми действиями обороняющегося, — ее следует также отнести за счет ошибок в группировке сил 6-й армии в начале наступления.

Из развернутого приказа 6-й армии от 19 августа 1942 г. «О наступлении на Сталинград» не видно, как войска должны были овладеть огромным городом. Может быть, командование 6-й армии в тот момент еще не представляло себе ясно географическое положение города и его особенности? Можно задаться вопросом, было ли целесообразно и правильно, находясь еще к западу

от Дона, начинать наступление на большой город, расположенный на расстоянии 60 км восточнее реки.

Ближайшая задача должна была состоять в форсировании Дона, рубеж которого оборонялся противником, глубоко эшелонировавшим свои позиции и подготовившимся к обороне. После форсирования Дона главная задача 6-й армии должна была состоять в наступлении 14-го танкового корпуса к Волге; только после успеха этого наступления, в результате которого были бы перерезаны все коммуникации, связывающие Сталинград с севером, можно было приступить к штурму города.

Пришлось бы армии снова перегруппировываться или же корпуса, продолжая движение вперед, ворвались бы в Сталинград, — зависело от того, будет ли противник оборонять город и в том случае, если немцы выйдут к Волге и перережут все коммуникации, ведущие к городу с севера.

«Приказ о наступлении на Сталинград», в котором, между прочим, о замысле командования 6-й армии в отношении захвата города говорится только: «...частью сил одновременно ворваться в город с северо-запада и захватить его», можно было толковать только таким образом, что корпуса должны использовать все возможности для того, чтобы ворваться в город, если обстановка благодаря внезапности действий позволит надеяться на успех.

...Можно утверждать, что командование 6-й армии в известном отношении неправильно оценило обстановку. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства:

1) Опыт боев с русскими давал основание считать, что они будут оборонять Сталинград даже в безнадежном положении до последнего патрона. Впрочем, если судить по приказу, командование 6-й армии считало, что «русские будут упорно оборонять район Сталинграда» и что «они будут сосредоточивать силы для контрудара в районе Сталинграда, в том числе танковые бригады».

2) Командование армии, очевидно, недостаточно учло чрезвычайно сложные условия местности.

3) В результате выхода наших войск на Волгу севернее Сталинграда снабжение города было затруднено, однако коммуникации перерезаны не были.

4) В то время, очевидно, еще не представляли себе, в какой мере удастся преодолеть сопротивление против-

ника, имеющего численное и оперативное превосходство, если обороняющийся ведет бой до последнего патрона и его нельзя взять измором.

5) Если было известно или ожидалось, что противник будет оборонять весь район Сталинграда, то концентрический удар или наступление на широком фронте с дальних подступов не были целесообразны. В результате таких действий можно было потеснить противника, но нельзя было нарушить его тактическое построение до тех пор, пока у него еще оставалась связь с тылом. Было необходимо расчленить войска, оборонявшие город, и перерезать пути их снабжения. Поэтому в первую очередь следовало вбить клин в расположение войск в Сталинграде с таким расчетом, чтобы берег Волги с паромной переправой напротив Красной Слободы попал в наши руки. Наряду с наступлением 14-го танкового корпуса это было самой важной задачей. Следует даже задуматься над вопросом, не важнее ли было в тот момент, когда полагали, что мы встретим в Сталинграде лишь слабое сопротивление, выполнить эту задачу, чем осуществить наш удар в направлении на Рынок.

6) Район «Большого Сталинграда» был разделен 6-й армией на полосы для наступающих соединений, а не на основные объекты, это в конце концов привело к тому, что его географические особенности оказали свое действие тогда, когда нападающие вошли в такое тесное соприкосновение с противником, а обороняющиеся создали такую искусную оборону, что перегруппировка 6-й армии и перенос направления ее главного удара не могли больше вынудить русских к выполнению новых задач; момент внезапности был потерян» [1].

В этой «самокритике» Дёрра есть, несомненно, правильные положения. Это прежде всего то, что крохоборческий педантизм авторов плана не позволил им, что называется, рассмотреть слона, т. е. самый объект их вожделений — город-гигант Сталинград, вытянувшийся на 60 километров вдоль Волги. Гитлеровские стратеги планировали захватить его обычным способом — путем штурма с ходу. В этой связи понятно сомнение Дёрра относительно уместности для овладения Сталинградом концентрического удара, с помощью которого нельзя

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 46—48.

было действительно преодолеть нашу оборону. Небезосновательным, конечно, является глухое признание недооценки моральной стойкости защитников города. Существенны и другие положения Дёрра, например мысль об ударе против наших войск, оборонявших участок волжского берега против Красной Слободы.

Однако в решающем Дёрр не прав. Он намеренно не учитывает реальной обстановки момента, когда возник этот план. Дело в том, что тогда, в августе, положение с обороной города существенно отличалось от положения, которое возникло в сентябре. Поэтому решение об ударе на севере не лишено оперативного смысла. Более того, если бы гитлеровцы упорствовали в проведении своего первоначального плана, развязка сталинградских событий наступила бы для них гораздо раньше.

Поясню эту мысль. Если бы противник в самом деле продолжал наносить удар, как он был первоначально нацелен, с юга на Красноармейск, Бекетовку, вдоль озера Сарпа с задачей выйти здесь, как и на севере, на Волгу, то он измотал бы силы своей ударной группировки на преодолении хорошо организованных узлов сопротивления, опорных пунктов, минных полей. Сила нашей обороны на этом участке, естественно, была бы эффективно использована и, несомненно, причинила бы громадный ущерб противнику.

Вместе с тем следует иметь в виду, что войска, оборонявшие этот участок (артиллерийско-пулеметные батальоны), были частями неманевренными. Находясь в обороне, они при отсутствии наступления противника на их участке в боевом отношении бездействовали. При новом немецком плане (по приказу Паулюса) роль их становилась пассивной. Ясно, что если бы противник наступал там, где мы подготовились к его отражению, он имел бы меньший успех, чем на участке, где его удар был, если и не внезапным, в полном смысле слова, то во всяком случае упредившим наши контрмероприятия.

Вместе с тем новый план по приказу Паулюса сближал южную и северную ударные группировки, что не только улучшало взаимодействие, но и усиливало их ударную мощь. Образовался мощный маневренный танковый кулак.

Таким образом, сам по себе план, который, видимо, был результатом совместной работы генерала Паулюса

и его начальника штаба генерала Шмидта (к обоим, кстати сказать, Дёрр не питает особой симпатии), не является таким плохим, как его хотели бы представить теперь некоторые буржуазные военные историки. Весьма характерно, что Дёрр в начале своих рассуждений о плане называет три причины провала наступления немцев на Сталинград: а) недостаток сил наступающих; б) выдающуюся храбрость и тактическое мастерство обороняющихся; в) ошибки в использовании сил 6-й армии, т. е. ошибки плана. В дальнейшем Дёрр сосредоточивает все свое внимание только на ошибках плана. Почему он делает это? Относительно недостатка сил наступающих он, по существу, ничего не может сказать, так как это явно вымышленная причина. На самом деле в это время превосходство наступавших было подавляющим, особенно на направлениях главных ударов. О второй причине Дёрр также по весьма понятным причинам не считает нужным распространяться. Зато он стремится «сокрушить» до основания план 6-й армии. Его не смущает при этом то обстоятельство, что, отыскав действительные ошибки и просчеты плана, он не заметил в нем того, что являлось положительным для гитлеровцев. У Дёрра получается даже, что одной из решающих причин неудач наступавших была преждевременная отдача приказа о наступлении на город, но это не более как стремление говорить парадоксами. Каждому ясно, что успеху вредит запоздалая постановка задач, а заблаговременная обычно содействует успеху. Постановка задачи на овладение городом в такой операции, как Сталинградская, в момент, когда войска находились от города на расстоянии 50—60 километров, вполне нормальна. Это обычная глубина задачи в подобной операции. Короче говоря, войскам была поставлена ближайшая задача — форсирование Дона — и последующая — овладение городом. Когда гитлеровцы вышли к Волге севернее Сталинграда, в районе Рынка, у них было время на отдачу новых приказов, поскольку сразу же стало ясно, что город с ходу взять не удастся. Такие приказы, конкретизирующие дальнейшие действия войск и предписывающие необходимые перегруппировки, конечно, отдавались неоднократно.

На всем этом приходится подробно останавливаться еще и потому, что у нас, к сожалению, до сих пор иногда

принимают объективизм буржуазных военных писателей за действительную объективность. В этом отношении многих сбивает с толку так называемая «многосторонность» в оценке событий. Чего стоит эта пресловутая «многосторонность», отчетливо показывает приведенный пример. Подтасовка и передергивание фактов очевидны.

Ошибки в плане 6-й армии были, и довольно существенные, но отнюдь не они сыграли главную роль в поражении гитлеровцев под Сталинградом. Любому непредубежденному человеку ясно, что Сталинград не был взят благодаря непревзойденным моральным качествам советских воинов и всего советского народа, благодаря высокому искусству наших командных кадров, в конечном счете, благодаря социалистической системе нашего государства. И никакими объективистскими хитросплетениями этого не опровергнешь.

* * *

Нельзя не подчеркнуть, что выполнение всякого боевого плана связано с проявлением инициативы и умением находить реальные пути и методы его осуществления в зависимости от обстановки, зачастую меняющейся, особенно в ходе практической реализации самого плана.

Военные планы (планы боевых действий) существенно отличаются от планов экономических. Если осуществление экономического плана в значительной степени связано с учетом объективного более или менее постоянного фактора (например, наличия необходимых запасов полезных ископаемых для создания нового промышленного района, наличия запасов гидроресурсов для электростанции и т. п.), то совсем по-другому выглядит «объект» в военном плане: это — противник; это, по существу, тоже «субъект», активно действующий, противопоставляющий нам свою волю, свои планы и расчеты. Учесть с самого начала, при составлении плана, силу сопротивления противника и возможные контрмероприятия не всегда, к сожалению, удается. При реализации оперативного и даже тактического плана, не говоря уже о стратегическом, обычно необходимо проявить максимум инициативы и боевого умения, большие способности быстро реагировать на контрмероприятия противника, вовремя меняя те или иные детали плана, чтобы

добиться достижения его главной цели с наименьшей затратой сил.

В прошлом в нашей военно-исторической литературе имела хождение окостеневшая формулировка примерно такого содержания: «гитлеровский авантюристический план был своевременно раскрыт и ему противопоставлен наш гениальный план». Далее обычно рассказывалось, что боевые события развивались успешно, все «шло как по маслу». При этом, дескать, противник стремился осуществить свой порочный план с невероятным упорством, а мы, действуя строго в соответствии с нашим планом, легко расправлялись с упрямым, но неумным врагом. Это — вредная схема. Авантюризм гитлеровцев, как и других милитаристов прошлого и настоящего, заключается в том, что они не в состоянии оценить объективно наши силы, но это не значит, что в каждый ограниченный отрезок времени любой план противника заведомо порочен и авантюристичен в своей основе.

Признавая политический авантюризм милитаристов, нельзя, однако, считать, что все их планы не имеют под собой более или менее верного оперативного или тактического расчета. Приклеивание ярлыка авантюризма и порочности к любому военно-оперативному или тактическому плану противника усыпляет бдительность наших командных кадров, вызывает обывательскую самоуспокоенность и представление, что в силу своего авантюризма и порочности план противника провалится сам собой.

Говоря это, мы ни в коем случае не умаляем значения тактического, оперативного или стратегического планирования, а, напротив, стремимся подчеркнуть, насколько серьезными и важными являются вопросы планирования для успеха боя, операции, кампании, войны в целом. Лишь имея соответствующий обстановке план, можно противопоставить противнику свою волю, чтобы изменить обстановку в свою пользу, а не плестись в хвосте развивающихся боевых событий.

В этой связи следует еще раз подчеркнуть ложность и вред известной сентенции Мольтке: «Ни один оперативный план не остается в его первоначальной форме после первого столкновения собственных сил с главными силами противника. Только профан может думать о ка-

кой-то заранее намеченной и тщательно продуманной идее, последовательное осуществление которой якобы можно проследить в течение всего хода войны»[1].

Это положение, необходимо подчеркнуть, сейчас вновь вытащено на свет битыми гитлеровскими генералами, в частности Куртом Типпельскирхом в его статье «Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах второй мировой войны»[2].

В первом разделе своей статьи о молниеносных войнах Типпельскирх отмечает, что в силу огромного превосходства немцев и умелого использования ими новых в то время средств борьбы им удалось как бы опровергнуть этот «вечный принцип» ведения войны и добиться полного и точного осуществления всех своих планов; далее же он утверждает, что в период после 1941 года, когда силы сторон более или менее сравнялись, а противники фашистской Германии научились использовать новые виды оружия и техники, закон Мольтке опять восторжествовал и, так сказать, жестоко отплатил Гитлеру за то, что он пытался его игнорировать. Не будем здесь говорить о том, что Типпельскирх выступает как закоренелый метафизик и идеалист. Это и так ясно. Достаточно просто беглого взгляда на ход событий минувшей войны, чтобы понять, что эти теоретизирования не стоят выеденного яйца, так как в них Типпельскирх имеет в виду лишь немецко-фашистскую армию и совершенно не учитывает того, что относится к ее противникам.

В самом деле, для фашистской Германии после ее вероломного нападения на нашу страну наступили черные дни. Бо́льшая часть оперативных планов германского генерального штаба при столкновении немецко-фашистской армии с Советскими Вооруженными Силами оказались невыполнимыми, но это вовсе не потому, что таков вечный закон войны, а просто потому, что сами эти планы не учитывали реального положения вещей. Другое дело — планы советского командования, которые при проведении в жизнь хотя и подвергались коррективам, но в главном выполнялись, поскольку сообразо-

---

[1] Мольтке. О стратегии

[2] Итоги второй мировой войны. Сборник статей. Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 68—88.

вывались с реальным развитием событий на фронтах войны; нашу же ясную идею — полный разгром фашистского вермахта — без труда можно проследить в ходе всей Великой Отечественной войны.

* * *

Уже в день подписания Паулюсом приказа, о котором шла речь выше, т. е. 19 августа, при массовой поддержке авиации противник начал атаки, целью которых было форсирование Дона. Начался новый этап обороны города — бои на внешнем и среднем сталинградских обводах.

Вначале противник попытался форсировать Дон на участке Нижне-Акатов, Нижне-Герасимов, но успеха здесь не достиг. Передовые части гитлеровцев, переправившиеся на наш берег, были уничтожены. Тогда атаки были перенесены на участок Вертячий, Песковатка, где врагу удалось на узком участке фронта добиться огромного превосходства в силах; сосредоточенные здесь три пехотные дивизии наступали при поддержке всех огневых средств двух мотодивизий и одной танковой дивизии, подготовленных для развития удара на Сталинград; огневым щитом из танковой и полевой артиллерии противник прикрыл участок для форсирования реки; на стороне переправлявшихся вражеских частей было тактическое преимущество местности — господствующий берег Дона.

Против превосходящих сил врага героически сражались 98-я стрелковая дивизия вначале под командованием полковника Иосифа Федоровича Баринова, а затем полковника Ивана Федоровича Сергеева и три батальона 54-го укрепленного района (комендант полковник М. Т. Карначев), занимавшие оборону на широком фронте. 20 августа противнику удалось потеснить наши войска и захватить плацдарм на левом берегу (т. е. форсировать реку на отдельных участках). Почувствовав этот нажим, мы немедленно перебросили на помощь обороняющимся 87-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Казарцева, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка и другие части. Противник же продолжал сильное давление и к исходу 20 августа переправил две дивизии на левый берег.

Несмотря на ожесточенные бои, которые вели наши войска с целью воспрепятствовать дальнейшему сосредоточению сил противника на левом берегу, в последующие дни переправились еще две дивизии. В составе переправившихся дивизий были одна пехотная, одна танковая и две моторизованные. Переброска войск через реку обеспечивалась шестью переправами.

Бои с 15 по 21 августа ясно показали намерения противника и раскрыли его оперативный план по захвату Сталинграда. Противник наносил удар на Сталинград с двух направлений и хотел путем концентрического удара с северо-запада 6-й армией Паулюса и с юго-запада 4-й танковой армией Гота овладеть городом. На главных направлениях этих ударов противник имел большое превосходство в силах и боевых средствах, тогда как наши части были очень малочисленны. Создалась очень тяжелая оперативная обстановка для Сталинградской обороны.

Какое из направлений мы считали тогда наиболее опасным? Конечно, оба были опасными, но все же, если бы противник сначала захватил южную часть Сталинграда со знаменитыми высотами, которые очень верно оценил генерал Дёрр, то нам весьма трудно было бы вести оборону Сталинграда. Мы своевременно раскрыли замысел врага, правильно оценили оперативное значение этих высот и приняли ряд дополнительных мер, чтобы не допустить противника в этот район.

После доклада генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова и начальника штаба Юго-Восточного фронта генерал-майора Г. Ф. Захарова и оценки обстановки, что делалось каждый день к исходу суток, утром 22 августа было отдано следующее распоряжение:

«1. Противник, понеся большие потери в предыдущих боях, подбросил свежие резервы — 24 танковую и 29 пехотную дивизии. Ударом в полосе между железной дорогой и озерами Сарпа, Цаца пытается разрушить нашу оборону и овладеть г. Сталинград с юга.

2. 64-й армии — прочно удерживать занимаемый рубеж. Уничтожить танки и группы пехоты противника, проникшие в район ст. Тингута и северо-восточнее, и продолжать истощать силы противника.

Создать промежуточный рубеж обороны по линии: высота с горизонталью 180 в 8 км южнее Зеты, Кош,

3 км северо-западнее разъезда «74 км», Кош — 4 км северо-западнее ст. Тингута, ферма № 2, совхоз им. Юркина (овцеводческий), высота 122,2, высота 115,8.

Рубеж занять: 154-й морской бригадой и двумя армейскими пулеметными батальонами, которые прикрывают армию с правого фланга в районе Ивановка и Гавриловка.

Танки 13-го танкового корпуса иметь закопанными на этом рубеже в направлении железной дороги в готовности для отражения танков противника с места и контрударами.

Винницкое пехотное училище подчинить себе. 133-ю танковую бригаду и 30-ю истребительную бригаду иметь на главном направлении в районе выс. 115,8, выс. 120,2, перехватывая направление на Ивановку. Усилить это направление двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками в готовности контратаковать на юг, юго-восток и юго-запад.

Разграничительная линия слева: Плодовитое, выс. 185,8, (иск) Тундутово, (иск) Старая Отрада.

3. 57-й армии уничтожить ворвавшуюся в полосу обороны группу танков и пехоты противника, не допустив ее выхода к обводу «К».

Для создания большой прочности обороны в полосе армии к 3.00 23.8.42 провести следующие мероприятия:

а) Создать промежуточную полосу обороны с передним краем по линии балка Морозовская, северные скаты ее, Морозов, отметка 17.8, отметка 43.3, южная окраина Дубовый Овраг и в глубину до линии отметка 115.8; 187.4; 118, северо-восточная окраина Дубовый Овраг. Войска, занимающие эту высоту, усилить не менее чем одним истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

б) Создать второй промежуточный рубеж по линии: Ком. Буденного, Большие Чапурники, отм. 13.4, отм. 11.8, отм. 14.5.

На рубеже Ком. Буденного, Большие Чапурники расположить 56-ю танковую бригаду, танки закопать, имея их в готовности для маневра.

На рубеже отм. 13.4, отм. 11.8, 14.5 расположить один армейский пулеметный батальон (17-й) 118-го укрепрайона, прибывший в ваше распоряжение 21.8.42 г. в район

Ивановка, Гавриловка. Армейский пулеметный батальон подчинить управлению 76-го укрепрайона.

в) Резервы: 504, 502, 499 и 1188-й истребительно-противотанковые полки расположить на рубеже обвода «К», подчинив их тем командирам стрелковых дивизий, на участке которых действуют (занимают позиции). Не менее одного истребительно-противотанкового полка иметь на рубеже западнее Ивановка.

4. Промежуточные рубежи оборудовать окопами полного профиля и усилить противотанковыми и противопехотными заграждениями.

Основное назначение промежуточных рубежей — не допустить быстрого распространения противника в глубину обороны, совместными ударами резервов и войск, занимающих рубежи, уничтожать противника без остатка, удерживая полностью основной передний край».

Это мероприятие сыграло очень большую роль в обороне Сталинграда; противник, стремившийся изо всех сил захватить высоты, так и не достиг их и не смог выйти к южной окраине Сталинграда.

Таким образом, в период с 15 по 22 августа мы осуществили ряд мер по усилению войск и укреплению обороны на направлениях главных ударов противника в районе высот южнее Сталинграда и на направлении удара 6-й армии Паулюса, о чем было сказано выше.

Здесь следует сказать несколько слов в адрес генералов Голикова и Захарова.

Ф. И. Голиков проделал значительную работу в дни своего пребывания в Сталинграде. Выполняя задачи по осуществлению приказов командования, бывая в войсках армий Юго-Восточного фронта и на вспомогательных пунктах управления в Сталинграде и у совхоза Горная Поляна, он проявил себя как крупный военачальник, обладающий большой энергией и организаторским талантом.

Г. Ф. Захаров — начальник штаба Юго-Восточного фронта — был опытным волевым генералом, обладавшим организаторскими способностями, имевшим хорошую оперативную подготовку и большой опыт руководства войсками. Он отличался высокой работоспособностью, требовательностью, но подчас был излишне резок.

Войска Сталинградского фронта к этому времени занимали оборону по внешнему обводу сталинградских

укреплений. В руках наших войск оставались плацдармы на правом берегу Дона в районах Серафимович, Клетская и Ново-Григорьевская. Войска 4-й танковой армии своим фронтом прикрывали железную дорогу Сталинград — Поворино. 62-я армия обороняла кратчайшие пути к Сталинграду с запада. Армии Юго-Восточного фронта прикрывали сталинградское направление с юго-запада и юга. К сожалению, большинство дивизий наших армий были в очень большом некомплекте. Несмотря на это, войска в те дни значительно активизировали свою деятельность. Напрягало все силы и гражданское население города, в особенности рабочие, трудившиеся не покладая рук для укрепления обороны. Продукция артиллерийского и танкового вооружения, которую давали сталинградские заводы, позволяла ежедневно формировать артиллерийский противотанковый полк (20 орудий) и танковую роту в составе 10 боевых машин.

★

ГЛАВА V

23 АВГУСТА 1942 ГОДА

Утром 23 августа мне доложили, что войска вражеской группировки, сосредоточенные на левом берегу Дона, перешли в наступление и наносят главный удар в стык наших 4-й танковой[1] и 62-й армий. В ближайшие часы выяснилось, что гитлеровцы развивали наступление в общем направлении Вертячий, разъезд «564 км», Рынок. Мощный удар вражеских войск сопровождался чудовищными ударами авиации и артиллерии. У нас не хватало ни сил, ни средств парировать таранный удар противника, и в тот же день передовые части немецкого клина вышли к Волге на участке Латашанка, Рынок.

Сталинградский фронт оказался разрезанным на две части, его боевые порядки разделялись узким восьмикилометровым коридором, занятым войсками противника. 62-я армия оказалась отрезанной от других частей Сталинградского фронта. В образовавшийся прорыв враг ввел еще одну мотодивизию и несколько пехотных дивизий.

События этого грозного и тяжелого дня развивались так. На рассвете я вызвал к телефону начальника гарнизона командира 10-й дивизии полковника Сараева, являвшегося в то же время комендантом городского обвода укреплений, который проходил непосредственно по окраине города. Эти укрепления и занимала, растянувшись на 50 километров, дивизия, которой он командовал. Оборона, естественно, была поэтому очень «жиденькой». К этому надо добавить, что соединение совершенно не

[1] 4-я танковая армия не имела танков. Она сохраняла свой прежний номер и наименование, но состояла из стрелковых дивизий.

имело артиллерии. Зная характер обороны его дивизии, я дал ряд указаний товарищу Сараеву. Стало уже совсем светло. Попытался отдохнуть (в штабе), но заботы, удесятерившиеся за истекшие сутки, так и не дали заснуть.

В 8 часов я позвонил в штаб 62-й. Начальник штаба доложил, что танки противника при поддержке крупных масс авиации повели сильную атаку из района Вертячий, нацеливаясь в общем направлении на восток. Его авиация усиленно обрабатывала полосу севернее Большой и Малой Россошки. Было ясно, что противник перешел в наступление непосредственно на Сталинград.

Началась спешная и кропотливая работа по изучению действий противника, организации дополнительной разведки и наблюдения за ним с тем, чтобы нацелить свои собственные силы и средства на парирование вражеских ударов и остановить его продвижение.

9 часов. Звонок. Беру трубку.

Докладывает Н. Г. Селезнев (начальник штаба 8-й воздушной армии).

— Я слушаю.

— Только что возвратились летчики-истребители, летавшие в разведку. Они донесли, что в районе Малой Россошки идет сильный бой. На земле все горит. Летчики видели две колонны примерно по сто танков каждая, а за ними — сплошные колонны автомашин с пехотой. Все это движется на Сталинград. Головы колонн проходят рубеж Малая Россошка. Авиация противника большими группами бомбит наши войска, расчищая путь своим колоннам.

— Мое решение: немедленно поднимите всю авиацию Сталинградского фронта, — отвечаю я, — нанесите мощный удар по колоннам танков и мотопехоты противника.

— Есть, — ответил Селезнев.

Тут же я приказал адъютанту вызвать к телефону генерал-майора авиации Т. Т. Хрюкина, командующего военно-воздушными силами Юго-Восточного фронта. Когда меня соединили с ним, я приказал ему нанести штурмовой авиацией удар по выдвигающимся к Сталинграду колоннам противника, которые 20 минут тому назад находились на рубеже Малая Россошка; удар увязать с действиями авиации Сталинградского фронта.

Были вызваны начальник автобронетанкового управления Сталинградского фронта генерал-лейтенант танковых войск А. Д. Штевнев и начальник оперативного отдела генерал-майор И. Н. Рухле.

Новый звонок.

— Что у вас нового? — спрашивает Никита Сергеевич.

— Новости не особенно приятные.

— Я сейчас же приду в штаб.

Еще звонок.

Полковник Е. А. Райнин (начальник корпуса противовоздушной обороны) сообщил, что в 9 часов с поста ВНОС из района Большая Россошка доложили о движении колонны танков свыше ста машин севернее этого населенного пункта в общем направлении на восток. Приказал усилить наблюдение и быть готовым к отражению танковой и воздушной атак, так как при подходе к Сталинграду противник обязательно будет атаковывать город и с воздуха.

Прибыли товарищи Штевнев и Рухле. Познакомил их с последними данными обстановки и отдал приказ немедленно образовать под командованием Штевнева группу из остатков двух танковых корпусов, которые предполагалось отправить на формирование. Корпуса эти были очень слабыми, имели в своем составе всего по 20—25 танков, главным образом Т-70. Группе поставил задачу не допустить танки и мотопехоту противника к Сталинграду с северо-запада и подготовить контрудар. Товарищу Рухле дал указание подготовить приказ по этому вопросу.

В одиннадцатом часу на КП прибыл товарищ Хрущев, с утра находившийся в войсках.

— Что нового? — озабоченным тоном обратился ко мне Никита Сергеевич.

— Новости неважные: крупные колонны танков и мотопехоты на подходе к городу, — и я показал ему карту обстановки (по данным к 10 часам утра), обратив внимание на участок северо-западнее города.

— Да, — обеспокоенно сказал Никита Сергеевич, — очень неприятные данные. Что же будем делать, чтобы не допустить противника в Сталинград?

Я коротко рассказал о принятых мерах. Товарищ Хрущев, отозвавшись одобрительно о них, добавил, что все партийные организации, все рабочие, все трудящиеся

М. С. Шумилов

З. Т. Сердюк

И. А. Ласкин

С. С. Гурьев

На наблюдательном пункте КП фронта в районе Ямы

Сталинграда готовы непосредственно защищать родной город и что необходимо немедленно поставить им конкретные задачи.

Чувствовалась общая взволнованность: ведь речь шла о судьбе Сталинграда и, возможно, о дальнейших перспективах всей кампании 1942 года.

Огромным напряжением воли я заставил себя сохранить полное спокойствие, помня, что в подобных случаях поведение командующего имеет серьезное значение. Создалось действительно очень тяжелое положение. В городе ведь почти не было войск, опасность его захвата была исключительно велика.

Нашу короткую беседу неожиданно прервал телефонный звонок.

— Между станцией Котлубань и разъездом Конный, — докладывал начальник военных сообщений фронта генерал-майор А. А. Коршунов, — танки противника разбили наш эшелон с боеприпасами, продовольствием и пополнением. Вражеские танки движутся на Сталинград. Что нам делать?

— Нести службу, — несколько резко ответил я. — Покончить с паникой.

Резкость моя объяснялась тем, что Коршунов докладывал упавшим, растерянным голосом.

В это время вошел начальник Сталинградского гарнизона, вызванный мною на командный пункт фронта.

Полковник Сараев, подтянутый, худощавый, среднего роста, четко доложил о своем прибытии.

— Танки противника, — сказал я ему, — в четырнадцати — пятнадцати километрах от Сталинграда. Они стремительно идут на северную часть города.

— Мне это известно, — вполголоса ответил Сараев.

— Что предприняли вы?

— Согласно ранее данным вами указаниям я распорядился двум полкам, занимавшим оборону на северо-западном и северном направлениях, быть в готовности к бою.

Напомнил о том, чтобы эти полки имели связь с командирами артиллерийских дивизионов ПВО, расположенных на огневых позициях в том районе; приказал резервный полк, находившийся в районе пригорода Минина, немедленно перебросить в район завода «Баррикады».

Позвонили мой заместитель по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенант Ф. И. Голиков и начальник штаба фронта генерал-майор Г. Ф. Захаров. Они сообщили:

— Противник с 7 часов возобновил атаку и к 12 часам занял станцию Тингута и разъезд «74 км». На остальных участках атаки отбиты. 38-я стрелковая дивизия ведет бой в полуокружении. Принимаются меры для контратаки на Тингута.

— Хорошо, действуйте. Отдайте приказ подготовить к немедленному выступлению 56-ю танковую бригаду, находящуюся в резерве Юго-Восточного фронта.

Я ознакомил товарищей Голикова и Захарова с обстановкой на Сталинградском фронте.

Принесли завтрак, но было не до еды.

Доложили, что вызывает Москва.

— Кто просит?

— Заместитель начальника Генерального штаба.

— Доложите, я у аппарата.

Москва требовала доклада о происшедшем. Еще не окончил я разговора по Бодо с Москвой, как дежурный по связи сообщил, что командующий 62-й армией генерал Лопатин срочно просит меня к телефону.

— Докладывает Лопатин. До 250 танков и около 1000 автомашин с мотопехотой при одновременной, очень сильной поддержке авиации смяли полк 87-й стрелковой дивизии и правый фланг 35-й гвардейской стрелковой дивизии севернее Малой Россошки.

— Это известно. Примите меры, чтобы немедленно закрыть прорыв и отбросить противника от среднего обвода, восстановите положение.

Возвращаюсь в кабинет. Полковник Райнин докладывает, что в районе Орловка артиллерия ведет бой с танками противника. Есть подбитые орудия. Вслед за этим полковник Сараев сообщил, что 282-й полк 10-й дивизии ведет бой с танками и мотопехотой противника в районе выс. 136, что восточнее Орловки.

На минуту задумываюсь, мысленно перебирая в памяти, что и где можно взять, чтобы скорее перебросить в Сталинград. Я держал на особом учете замечательные части, которые уже не раз в тяжелые моменты исправляли положение. Это — 38-я мотострелковая бригада, 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская

бригада, 738-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 133-я танковая бригада. Подходила к Сталинграду 124-я стрелковая бригада. Звонок телефона прервал мои мысли. Говорил товарищ Малышев со Сталинградского тракторного. Товарищ В. А. Малышев был тогда министром танковой промышленности и представителем ГОКО. Это был замечательный человек, прекрасный работник, мужественный, с широким кругозором, с партийным, большевистским подходом к любому вопросу. Он сообщил:

— С завода наблюдаем бой, идущий севернее города. Зенитчики дерутся с танками. Несколько снарядов уже упало на территории завода. Танки противника движутся на Рынок. Заводу грозит опасность. Наиболее важные объекты мы приготовили к взрыву.

— Пока ничего не взрывать, — ответил я. — Завод оборонять во что бы то ни стало. Нужно немедленно приготовить к бою рабочую дружину и не допустить противника к заводу. К вам уже вышла поддержка.

Затем товарищ Малышев передал трубку генерал-майору Н. В. Фекленко, который доложил:

— Я нахожусь в танковом учебном центре, имею до двух тысяч человек и тридцать танков; решил оборонять завод.

— Решение правильное, — отвечаю я. — Назначаю вас начальником боевого участка. Немедленно организуйте оборону завода силами учебного центра и рабочей дружины. К вам перебрасываются две бригады: одна танковая и одна стрелковая.

Тут же я приказал товарищу Рухле написать об этом приказ.

Прибыли начальник инженерной службы Юго-Восточного фронта генерал-майор инженерных войск В. Ф. Шестаков и начальник тыла генерал-майор Н. П. Анисимов. Они доложили, что поставленная задача — за 12 дней построить наплавной мост через Волгу в районе Сталинградского тракторного — выполнена досрочно, за 10 дней. Общая длина моста более трех километров.

— Очень хорошо, — сказал я, стараясь казаться спокойным. Объявите от лица службы благодарность людям, строившим мост, и командирам, которые руководили работами, в частности товарищу

Н. Н. Степанову и другим. Мост же приказываю уничтожить.

Товарищ Шестаков и Анисимов, переглянувшись, посмотрели на меня взглядом, выражавшим крайнюю степень удивления и боли. От неожиданности товарищ Шестаков сделал даже шаг назад. Наступила неловкая пауза, генералы, по-видимому, размышляли, все ли в порядке с командующим.

— Да, да, уничтожить, и немедленно, — сказал я тоном, не терпящим возражений.

Генералы не знали обстановки и не предполагали, что только что построенный мост уже находится под непосредственной угрозой захвата противником. Я объяснил им кратко создавшееся положение. Поняв его, глубоко потрясенные инженер и начальник тыла ушли выполнять приказ.

Вслед за товарищами Шестаковым и Анисимовым явился с докладом начальник группы минометных частей генерал-майор А. Д. Зубанов, находившийся в рядах нашей армии с 1920 года. Это был очень способный артиллерийский начальник (в 1943 году он погиб при автокатастрофе). С ним пришел генерал-майор П. А. Дегтярев, посвятивший себя работе в очень перспективной области развития нашей артиллерии и сделавший много полезного для нашей армии. Противник близко подошел к основным складам с боеприпасами, где хранились и реактивные мины. «Что делать?» — спрашивали они. Действительно, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы эти виды боеприпасов попали в руки врага, для нас они были нужны как воздух. Я приказал приложить все силы к тому, чтобы вывезти снаряды в безопасное место.

Следующим был полковник С. Ф. Горохов, командир 124-й стрелковой бригады.

— Прибыл с бригадой в ваше распоряжение, — доложил он, — бригада переправляется через Волгу.

Из беседы с товарищем Гороховым, состоявшейся после его доклада, я получил представление о состоянии бригады. Товарищ Горохов произвел на меня очень хорошее впечатление. Участник гражданской войны, по происхождению из рабочей среды, в прошлом сам чернорабочий, с 1926 года в партии. В Сталинграде в даль-

нейшем он проявил себя как стойкий и инициативный командир.

— Ускорьте переправу бригады и направляйте ее в район тракторного завода. Явитесь там к генералу Фекленко, от которого получите задачу.

Пытаюсь позавтракать, но снова попросили к телефону. Полковник Райнин доложил:

— С запада и с юго-запада на Сталинград идут большие группы немецких бомбардировщиков. Через 3—5 минут они будут над городом. Воздушная тревога объявлена. Команда к бою дана. Истребительная дивизия поднимается в воздух.

— Правильно. Действуйте! — спокойно отвечаю я Райнину, чувствуя, как сильно бьется сердце, как на лбу появились капли пота. Опасность для города была громадной. Шли большие группы самолетов, каждая примерно из 30—40 самолетов. Прикидываю: очевидно, это будет не менее 100 самолетов (в действительности самолетов оказалось около 600, хотя точно подсчитать их не удалось, так как город очень растянут, а вражеские самолеты делали по нескольку заходов). И вот ровно в 18 часов 23 августа фашисты обрушили с воздуха на Сталинград массированный удар.

Одновременно с ударом авиации противник танками и моторизованными войсками вышел к Волге в районе Рынка и развернул наступление на Сталинград с севера. Мощному артиллерийскому и минометному удару врага первым подвергся Сталинградский тракторный завод.

Первыми вступили в бой с танками противника минометчики и зенитчики, открывшие огонь по врагу из минометов и орудий; вскоре подоспели вооруженные противотанковыми ружьями истребительные батальоны, спешно занявшие оборону по рубежу Сухая Мечетка (в одном километре севернее Сталинградского тракторного завода). Завязался упорный бой. Несмотря на превосходство врага, его наступление было остановлено, а в ночь наши позиции севернее города были укреплены и усилены новыми частями.

Напряженнейшая борьба, которая носила исключительно маневренный характер и протекала в обстановке беспрерывного движения сил и средств противника и его ударов с самых различных направлений, выдвижение войск на угрожаемые участки, организация и создание

новых оборонительных рубежей, наведение порядка в самом городе — все это происходило в неимоверно трудных условиях, особенно после того, как противник начал страшную бомбардировку города.

У того, кто был в Сталинграде 23 августа, никогда не изгладится в памяти величественный образ волжского города, гордо выстоявшего, перенесшего невиданное испытание и нашедшего в себе исключительную стойкость для продолжения борьбы.

Враг бросил на Сталинград всю авиацию своего 4-го воздушного флота, начав в 6 часов вечера бомбардировку сразу всего города. В составе этого флота в то время насчитывалось свыше 1000 самолетов, из которых более 600 потом постоянно действовали на сталинградском направлении. Гитлеровские воздушные пираты буквально засыпали город фугасными и зажигательными бомбами.

Над Сталинградом и его окрестностями уже два месяца стояла сухая жаркая погода, не было ни одного дождя. Город, застроенный густо, имел много деревянных зданий с кровлями из легковоспламеняющихся материалов. В нем находились нефтехранилища, высились гиганты-заводы, созданные в годы пятилеток, с их запасами топлива и сырья. Обрекая огню это детище нашего народа, в которое он вложил столько неутомимого труда и которое грудью отстоял в дни царицынской обороны, фашистские стервятники не посчитались ни с чем, они низвергли на Сталинград лавину смерти и разрушения.

Сталинград потонул в зареве пожарищ, окутался дымом и копотью. Огонь возникал повсеместно, горел весь город: ярко, как костры, пылали деревянные строения; огромные клубы дыма и языки пламени взвивались над заводами; горели пристани; подобно действовавшему вулкану, извергавшему лаву, полыхали нефтехранилища. Кварталы огромного цветущего города, в котором проживало около 600 тысяч жителей, превращались в развалины: со звоном вылетали оконные стекла, с шумом обрушивались потолочные перекрытия, раскалывались и падали стены.

От прямых попаданий бомб, от огня и удушья пожаров, под обломками зданий гибли сотни мирных жителей. Неожиданный налет застал их врасплох. В первые

минуты налета люди, особенно женщины и дети, в ужасе метались по улицам, тщетно ища спасения от гибели. Мощный бомбовый удар воздушных пиратов обрушился в основном на жилые кварталы города, сильно пострадало его мирное население. Как уже отмечалось, войск в городе почти не было, они располагались далеко за его пределами.

В городе был разрушен водопровод. При отсутствии колодцев это страшно затруднило борьбу с очагами огня, во множестве возникавшими в разных местах одновременно. Сразу же нарушилась проводная связь, из строя вышли все радиостанции. По улицам невозможно было проехать и лишь с большим трудом удавалось пробираться пешком.

В этот тяжелейший для Сталинграда день нельзя было оставлять командный пункт, но мы с Никитой Сергеевичем все же несколько раз выходили наружу, чтобы увидеть своими глазами происходящее вокруг. Нашему взору открылась картина, которая не укладывалась в сознании.

Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, поразило нас как тяжелый кошмар. Беспрерывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные столбы пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма. Потоки горящей нефти и бензина устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров, мгновенно, как спички, вспыхивали телеграфные столбы. Здания ватной фабрики, расположенные против командного пункта, были объяты пламенем и клубами дыма; многие из них рухнули, изуродованные скелеты других страшно дымились; служивший квартирой Никите Сергеевичу домик, в котором я бывал в первые дни моего пребывания в городе, взлетел на воздух.

Вся сталинградская земля как-то взъерошилась и почернела. Казалось, чудовищный ураган ворвался в этот город, поднял его на воздух и обрушил осколки зданий на площади и улицы. Воздух сделался горячим, едким, горьким. Дышать было очень трудно.

Стоял невообразимый шум, надрывавший слух адской дисгармонией самых разнообразных звуков. Визг летящих с высоты бомб смешивался с гулом взрывов, скрежетом и лязгом рушащихся построек, потрескиванием бушевавшего огня. В этом хаосе звуков отчетливо выделялись стоны и проклятия гибнущих, плач и призывы о помощи детей, рыдания женщин. Сердце сжималось от сострадания к невинным жертвам фашистского людоедства, ум не мирился с невозможностью предотвратить мучения сотен мирных людей, особенно детей.

Многие погибли в этот тяжелый день, навечно оставив в сердцах людей светлую память о себе.

В душе складывалась, вытесняя все другие, мысль о том, что после окончания этой войны следует принять все меры, чтобы жестоко покарать виновников этого варварства, мысль о том, что следует сделать все, чтобы простые люди на земле поняли, оценили глубину падения, тягчайшего преступления тех, кто поджигает мировые войны, и, объединившись, преградили им путь.

Открывшаяся тогда перед нами картина особенно ясно дала почувствовать благородство наших целей в Великой Отечественной войне, ее священную справедливость.

Однако Сталинград представлял собой не только зрелище чудовищного разрушения. Он демонстрировал умение советских людей, военных и гражданских, в любых условиях, перед лицом самых невероятных трудностей противостоять врагу.

Враг рассчитывал на панику, он хотел внести смятение в наши ряды, парализовать управление, подавить волю защитников Сталинграда и стать хозяином положения. Ему, возможно, казалось, что волжская твердыня стерта с лица земли, что ее защитников более нет, что они уничтожены или лишены воли к сопротивлению. Враг мнил, что победа близка. Но это был жестокий просчет. Скоро, очень скоро гитлеровцы стали все более ощущать это на «собственной шкуре».

По крестатым самолетам воздушных пиратов вели непрерывный меткий огонь более 500 орудий зенитной артиллерии, одновременно частью сил отбивавшей танковые наскоки фашистов. Отважно вступали в воздушный бой наши истребители. То и дело, оставляя за собой

полосу черного дыма, яростно ревя моторами, крылатые чудовища со скрежетом врезались в землю, распространяя чад и зловоние. Свыше 90 фашистских бомбардировщиков было сбито в этот день над Сталинградом зенитной артиллерией и истребительной авиацией наших фронтов.

Все гражданское население: рабочие предприятий, служащие, молодежь, домохозяйки, сплоченные и руководимые коммунистами, — неустанно боролись с пожарами и их последствиями, спасали людей и материальные ценности, отстаивали от огня заводы и фабрики с их ценным оборудованием, советские учреждения, укрывали от опасности детей и раненых.

В аду пожаров, разрушений, обвалов, в грохоте бомбардировок советские люди не упали духом, не спасовали. Они противопоставили фашистским варварам свою несгибаемую волю, сохранили спокойствие, не поддались панике и укрепили силы для дальнейшей победоносной борьбы.

Овладеть Сталинградом с ходу врагу не удалось. Он продвинулся лишь там, где в силу его огромного количественного превосходства ему удалось вывести из строя защитников того или иного участка обороны. Но на новых рубежах перед ним вставали новые части и подразделения, и гитлеровцы вынуждены были буквально «прогрызать» нашу оборону, чтобы хоть немного продвинуться вперед. День 23 августа был для сталинградцев беспредельно тяжелым, но вместе с тем он показал врагу, что стойкость и героизм наших людей, их выдержка и беспримерное мужество, воля к борьбе и вера в победу не могут быть поколеблены ничем.

Это было результатом той малозаметной, простой и будничной работы, которую вела Коммунистическая партия с советскими людьми в мирные годы, которую сейчас изо дня в день вели наши командиры и политработники под руководством товарища Хрущева. В суровые дни великой битвы он возглавил могучую армию сталинградских коммунистов, явивших пример железной стойкости и бесстрашия в бою, энтузиазма и самоотверженности в труде.

К 9 часам вечера на командный пункт приехали секретарь Сталинградского обкома Чуянов, Малышев, здесь уже были товарищи Хрущев и Василевский.

Настроение у всех тяжелое. Городу нанесен огромный ущерб. Погибли плоды многолетнего вдохновенного труда десятков тысяч советских людей. Множество жертв среди мирного населения. Противник достиг немаловажного тактического успеха.

В это же время я вновь доложил Ставке по телефону о предварительных итогах дня. Верховный Главнокомандующий потребовал принять все меры для ликвидации прорвавшейся группировки противника.

До этого в радиограмме, полученной в полдень, он указывал:

«Противник прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Деритесь с прорвавшимся противником не только днем, но и ночью. Используйте во всю артиллерийские и эресовские силы... Самое главное, не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе. И. Сталин».

Пока Никита Сергеевич заслушивал сообщения прибывших о положении в городе, мы со штабными работниками занялись оперативными вопросами. Прежде всего были подведены итоги разведки, затем поставлены задачи авиации на ночь и на завтрашний день. По окончании этой работы обсудили вопросы подготовки предприятий к обороне, формирования новых рабочих дружин и т. д.

В 23 часа мы с начальниками штабов обоих фронтов рассмотрели данные для боевых донесений Ставке, направлявшихся в 24 часа ежедневно. В боевом донесении по Юго-Восточному фронту излагался ход напряженного боя в районе станции Тингута и разъезда «74 км». Этот документ почти ничего не говорил о происшедших в Сталинграде грозных событиях. При составлении же донесения по Сталинградскому фронту все мы вновь пережили страшные события истекшего дня. Теперь, когда все они были сведены вместе и излагались лаконичным языком оперативного документа, значение их, казалось, стало еще более отчетливым.

Содержание донесения, которое направлялось Ставке, сводилось к следующему.

Противник прорвал оборону Сталинградского фронта на его левом фланге в районе Вертячий, Песковатка и стремительным ударом на восток в районе Латашанка вышел к Волге, разрезав таким образом фронт на две части.

Наступающие вплотную подошли к северной окраине Сталинграда, где они были остановлены, и начали обстрел Сталинградского тракторного завода. Были перерезаны две железнодорожные линии, подходящие к Сталинграду с севера и северо-запада.

Таким образом, вместе с определенным тактическим успехом противнику удалось добиться серьезного нарушения наших коммуникаций: волжского водного пути, по которому шло снабжение горючим не только армии, но и страны, и железнодорожных линий, питавших войска обоих фронтов.

Зверская бомбардировка города, кроме непосредственных последствий, создала исключительно тяжелое положение для работы промышленных предприятий, затруднила как деятельность городских советских и партийных органов, так и работу штабов по руководству войсками.

В полночь мы с болью в сердце подписали это донесение Верховному Главнокомандованию. После этого к моему столу присели товарищи Хрущев, Василевский, Малышев и Чуянов. Мы обсудили положение, создавшееся в Сталинграде. В связи с резко изменившейся обстановкой на фронтах секретарь обкома поставил вопрос о необходимости эвакуации некоторых промышленных предприятий за Волгу и о подготовке к взрыву ряда других. Обменявшись мнениями, решили позвонить в Ставку.

Сняв трубку прямого телефона, я доложил И. В. Сталину буквально следующее:

— Положение в Сталинграде тяжелое, о чем я уже донес вам. Нами принимаются все меры, чтобы отстоять Сталинград. Но у городского руководства, которое к нам обращалось, есть мнение о необходимости эвакуации ряда предприятий за Волгу и подготовки к взрыву ряда других. Мы с Никитой Сергеевичем этого мнения не разделяем.

Верховный Главнокомандующий ответил на это приблизительно так:

— Я не буду обсуждать этого вопроса. Следует понять, что если начнется эвакуация и минирование заводов, то эти действия будут поняты как решение сдать Сталинград. Поэтому ГОКО запрещает подготовку к взрыву предприятий и их эвакуацию.

Все собравшиеся поняли ответ И. В. Сталина без моих объяснений.

Сразу же после этого мы составили обращение: одно к войскам, другое к населению Сталинграда. В них было указано, что Государственный Комитет Обороны требует вернуть захваченную врагом узкую полосу сталинградской земли, окружить находящихся здесь гитлеровцев и истребить их. С этой целью необходимо усилить контратаки на этом участке с тем, чтобы закрепиться вновь на внешнем сталинградском обводе. Документы подписали товарищ Хрущев и я.

Эти обращения помогли нам мобилизовать все силы на отпор наглому врагу.

Не успели мы закончить эту работу, как адъютант доложил о прибытии начальника разведки Сталинградского фронта. Он просил разрешения представить для допроса пленного, могущего, по его мнению, дать ценные показания.

Вводят немецкого летчика, довольно молодого, с холеным надменным лицом. Приказываю переводчику спросить воинское звание и фамилию пленного. Раздаются громкие, лающие звуки: «Лейтенант имперских военно-воздушных сил барон такой-то».

— Спросите, что он имеет сказать командующему фронтом, — снова говорю я переводчику.

Снова звучит резкий голос военнопленного. Заявив о том, что он служит в подразделении, которым командует внук канцлера германской империи князя Отто фон Бисмарка, вражеский летчик просит сохранить ему жизнь.

Отвечаю, что, по-видимому, лейтенант привык принимать геббельсовское вранье о зверствах Красной Армии за чистую монету.

— Скоро вы убедитесь, что многое из ваших прежних представлений является не более чем юношеским заблуждением. Ваша жизнь будет сохранена, как и

жизнь всех германских военнопленных, потому что Советский Союз придерживается общепринятых законов ведения войны. Кстати, вы убедитесь, куда приведет Германию война за неправое дело. Почему вы сожгли Сталинград? — спросил я в упор, с ненавистью глядя на этого молокососа. Ведь это он и ему подобные в течение сегодняшнего дня превратили город в руины. Он побледнел, как-то сжался и растерянно произнес: «Таков был приказ фюрера. Если бы русские сдали Сталинград, город был бы сохранен, а теперь он исчезнет с географической карты».

— Поживем — увидим, — ответил на это Никита Сергеевич.

О планах фашистов на будущее этот недоросль ничего не знал.

Приказал отправить пленного в тыл. Предположив, что его поведут на расстрел, барон вдруг мертвенно побледнел и, круто повернувшись ко мне, со слезами на глазах вновь попросил пощадить его. Пошатываясь, он вышел в сопровождении начальника разведки, смущенного тем, что никаких ценных сведений командование не получило[1].

Казалось, что день закончился, но тут прибыл один из офицеров связи, только что вернувшийся с передовой у северных окраин Сталинграда. Приказываю ему доложить подробности боев на том участке, где он был. Вот что он рассказал:

«В минометном батальоне капитана Саркисяна, когда я туда приехал, только что закончился обед. Люди, утомленные степным зноем, разместились по тенистым уголкам. Кто с книгой или газетой, кто за письмом к родным. Подразделение находилось в этот день во втором эшелоне. Однако командир строго и требовательно следил за тем, чтобы все виды охранения несли свою службу без малейших послаблений.

---

[1] Небезынтересно отметить, что перед концом Сталинградского сражения в сбитом вражеском самолете был обнаружен дневник графа фон Эйнзиделя, командира нашего военнопленного, внука «железного» канцлера. Последняя страница его дневника заканчивалась следующими словами: «Тысячу раз был прав мой великий дед, говоривший, что Германии никогда не следует ввязываться в войну с Россией».

В 16 часов 30 минут в блиндаже капитана зазвонил телефон. Докладывал командир взвода лейтенант Бабко:

— На высоте перед взводом появилась группа танков. Стволы их пушек направлены на город. Чьи танки — неизвестно.

Через полторы минуты об этом же доложил мотоциклист из боевого охранения.

Бабко продолжал наблюдать. Взяв с собой четырех бойцов, он выдвинулся навстречу танкам. С расстояния примерно 50 метров он заметил на машинах красные флажки. Несколько дальше стояли автомашины с пехотой. Впереди несколько трехтонных зисов, за ними другие автомобили, так тщательно замаскированные маскировочными сетями, что определить их марку не было возможности.

Приказав автоматчикам остаться на месте, Бабко подошел к танкам и крикнул:

— Командир колонны, ко мне!

Люк ведущей машины медленно приподнялся. Из него высунулся человек в синем комбинезоне и кожаном танкистском шлеме. Он ничего не ответил Бабко, только рукой махнул: «Проходи, мол, не надоедай...»

Выслушав историю о «немых» танкистах, командир батальона пришел к выводу, что, переодев своих солдат в красноармейскую форму и усадив их на несколько советских машин с красными флажками, фашистское командование решило прорваться к городу. И это врагу почти удалось: танки и пехота противника прошли без выстрела передовую и оказались здесь, на подступах к городу.

Вскоре новые донесения подтвердили предположение Саркисяна. Батальон стал лицом к лицу с прорвавшимся противником, превосходившим его по численности.

Командир батальона приказал батарее тяжелых минометов вести по вражеским танкам огонь; другой батарее (батальонные минометы) — поставить огневую завесу между танками противника и его мотопехотой. Ряду батарей было приказано уничтожать машины с пехотой и отдельных вражеских стрелков, которым удастся просочиться через огневую завесу.

Первый танк появился в зоне обстрела минометного расчета старшего сержанта Бабикова. Наводчик Махловский выпустил мину и угодил ею прямо под гусеницы. От второй его мины остановился еще один немецкий танк. Мотопехота, пытавшаяся прорваться через огневую завесу, понесла большие потери и откатилась за высоту. За ней последовали и танки.

Пытаясь закрепиться на высоте, враг начал окапываться. Капитан Саркисян приказал немедленно перестроить систему огня. Теперь одна батарея тяжелых минометов продолжала бить непосредственно по танкам, а две другие повели методический огонь по глубине немецкого боевого порядка.

Фашисты снова пошли на штурм. Результат второй атаки оказался еще плачевнее для нападающих. У высоты осталось больше 20 пылающих автомашин и десятки трупов солдат и офицеров. Враг откатился, но и положение минометчиков было довольно затруднительным. Мины иссякли, а бронированные машины в громе пушечных выстрелов и в лязге гусениц снова катились на минометчиков.

Комбат поднял над головой противотанковую гранату. В едином порыве с гранатами в руках поднялись за командиром все минометчики и пошли навстречу танкам. Взорвалась под гусеницей танка первая граната. За ней вторая, третья... десятая. Пять танков с подорванными гусеницами остановились в степи.

Пока шла неравная борьба минометчиков с танками, сзади слышались частые и дружные залпы. Это били по врагу зенитчики, соседи, пришедшие на выручку. Их огонь был метким и сокрушительным. Один за другим танки выходили из строя. Враг здесь был остановлен».

День на командном пункте фронта заканчивался, но это было уже утро нового дня. События, происшедшие в этот жаркий летний день, оставили в памяти каждого из нас глубочайший след, который не может стереть время. Я старался возможно подробнее воспроизвести события этого дня, чтобы дать читателю конкретное представление о работе командования фронта. Нельзя не подчеркнуть, что подобных дней в период беспримерной обороны Сталинграда было много.

В последующие дни противник беспрерывно атаковывал Сталинград с севера, но быстро принятыми мера-

ми этот участок фронта был укреплен, что вынудило противника остановиться. К юго-западу от Сталинграда противник также прорвал оборону наших войск и вышел в район Тундутово, где завязались ожесточенные бои. Но и на этом участке нам тоже удалось остановить продвижение противника. Однако положение Сталинграда в связи с выходом противника к Волге оставалось чрезвычайно тяжелым и с каждым днем еще более ухудшалось.

В дни, последовавшие за 23 августа, как говорилось уже выше, враг не прекращал мощных авиационных налетов на город и обстрел его окраин тяжелой артиллерией. Одной из существенных забот Военного совета в тесной связи с городскими партийными и советскими органами было обеспечение и в этих тяжелейших условиях бесперебойной работы сталинградских заводов по выпуску военной продукции и по ремонту поврежденной боевой техники, прежде всего танков и артиллерии.

Этой задаче много времени отдавал Н. С. Хрущев, часто бывавший на заводах. Об одной из таких поездок на тракторный завод мне более или менее подробно рассказал сопровождавший Н. С. Хрущева офицер для поручений.

Приехав на завод, Никита Сергеевич прошел в комнату, где обычно проводилась планёрка[1]. Здесь находился главный инженер, главный технолог, начальники цехов, некоторые из мастеров. Быстро вникнув в суть дела, Никита Сергеевич несколько раз выступил по ходу совещания. Он дал ряд советов по налаживанию производства в цехах, имевших повреждения, по организации противопожарной службы, созданию отрядов самообороны и т. п. Эти советы носили весьма конкретный характер, и после планёрки руководители завода благодарили Никиту Сергеевича, говоря, что он их не раз выручал своими ценными указаниями о выходе из, казалось бы, безвыходного положения. Затем Никита Сергеевич пошел по цехам, и главным образом по тем, где требовалась помощь. Его прибытие в сборочный цех помогло разрешить вопрос о быстром вывозе готовой продукции с территории завода. В то время когда

[1] Короткое производственное совещание с постановкой задач на текущий день, неделю.

Никита Сергеевич был на заводе, враг произвел по заводу сильный огневой налет, одновременно его авиация начала очередную серию бомбовых ударов по заводу и позициям наших войск, оборонявшихся севернее завода. Территория завода стала походить на поле битвы, то здесь, то там слышались ухающие взрывы снарядов и бомб, возникали пожары. Появились признаки растерянности, а кое-где и паники, особенно среди служащих заводоуправления, в большинстве женщин. Неспокойно стало и в цехах, работа кое-где прекратилась. Частью и администрация несколько подрастерялась. Никита Сергеевич на ходу собрал коммунистов и поставил перед ними задачу ликвидировать всякие признаки паники, разъяснив им, что при оставлении рабочих мест опасность для их жизни не уменьшится, а от бесперебойной работы завода во многом зависит успех обороны города. Тут же Никита Сергеевич связался со мной, прося принять меры против ударов противника. Была дана команда нашей дальнобойной артиллерии и зенитчикам утихомирить врага. Исключительное спокойствие Никиты Сергеевича, деловые советы парткому, администрации и рабочим, оперативность и распорядительность так повлияли на коллектив и так выправили положение, что каждому стало понятно, что главная опасность в таких случаях — бездеятельность, ибо она порождает панику.

Человек, знающий свою задачу и понимающий ее важность, не поддается страху. Характерно, что в дальнейшем коммунисты тракторного завода и весь его коллектив ни разу не дрогнули, хотя враг не прекращал своих артиллерийских и авиационных налетов. Урок, полученный от члена Военного совета фронта, сыграл свою роль.

☆

ГЛАВА VI

БОРЬБА У ОКРАИН СТАЛИНГРАДА

С рассветом следующего дня, 24 августа, с новой силой разгорелись бои на северной окраине города, на рубеже реки Сухая Мечетка. Здесь сражались подтянутые ночью полк 10-й дивизии полковника Сараева и 124-я стрелковая бригада полковника Горохова, курсанты военно-политического училища, части ПВО, истребительные батальоны и батальоны народного ополчения. Весь оборонительный участок возглавлял товарищ Фекленко. Обороняющихся поддерживало до трех десятков танков, в том числе несколько машин, срочно выпущенных из ремонта рабочими тракторного завода. Во второй половине этого дня защитники Сталинграда перешли в контратаку. К вечеру враг был отброшен на два километра.

Все атаки противника, неоднократно предпринимавшиеся им в последние дни с целью захватить город с севера, были отбиты. Путь для врага в город на этом наиболее угрожаемом в то время направлении был закрыт, однако условия жизни для гражданского населения становились все более тяжелыми. Естественно, поэтому были приняты все меры к скорейшей эвакуации за Волгу детей, женщин и стариков. Чудовищные бомбардировки с воздуха не прекращались. Остро встал вопрос о необходимости наведения самого строжайшего порядка в городе, и 25 августа приказом командующего фронтом в Сталинграде было объявлено осадное положение.

Ранним утром в этот день еще под прикрытием утренних сумерек противник переправился через Дон (южнее Рубежного); перебросив на восточный берег

реки пехотную дивизию и до 25 танков, он овладел Кустовским, Камышами и ворвался на северную окраину Калача.

Какие же срочные контрмероприятия были осуществлены нами в те тяжелейшие для сталинградцев дни с целью восстановить положение обороны или хотя бы локализовать успех противника? Исключительность создавшейся обстановки требовала без задержки принять решение, организовать быстрые действия со стороны обороняющихся, не допустить растерянности у командования, замешательства в войсках и медлительности их действий. Ни командование, ни войска не теряли понапрасну ни одного часа.

Еще 21 августа в районе Самофаловка, Широков, Лозное началось сосредоточение войск, высвобожденных путем перегруппировки и маневра, а также прибывающих из резерва Ставки. Образованная здесь группа в составе 35-й гвардейской стрелковой дивизии и 169-й танковой бригады предназначалась для контрудара по противнику с северо-запада (схема 8). Командовать группой был назначен заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал-майор К. А. Коваленко. Уже во второй половине дня 23 августа эта группа с рубежа Котлубань, Самофаловка контратаковала противника. В упорных боях 35-я гвардейская стрелковая дивизия прорвалась в район Большой Россошки, где мужественно оборонялась 87-я стрелковая дивизия 62-й армии. Гвардейцы овладели Малой Россошкой.

Кровопролитные бои здесь велись с переменным успехом. Неувядаемой славой в этих боях покрыли себя воины 87-й и 35-й гвардейской стрелковых дивизий. Часто взводы и даже отделения вступали в борьбу с многократно превосходившим их противником и обращали его в бегство; были случаи, когда все защитники того или иного рубежа до последнего бойца гибли, но не оставляли позиций.

Именно на этом участке в те дни совершили подвиг тридцать три русских богатыря, сибиряки и дальневосточники, весть о которых облетела всю страну.

Первым известием о них было следующее сообщение из 87-й стрелковой дивизии: «Группа красноармейцев и командиров 1379-го стрелкового полка в количестве 33 человек под командованием младшего лейтенанта

А. Г. Евтифеева, младшего лейтенанта Г. А. Стрелкова, заместителя политрука Л. И. Ковалева и старшины Д. И. Пуказова, будучи разъединена на мелкие группы и попав в окружение немецких танков в районе М. Россошка, уничтожила 27 вражеских танков и 153 солдата и офицера. В трудных условиях в течение двух суток она вела борьбу против 70 фашистских танков».

Все тридцать три героя были потом в штабе фронта и подробно рассказали об этих двух днях своей беспримерной борьбы. Правда, каждый из них меньше всего говорил о себе, но с восхищением рассказывал о подвигах товарищей. Из их рассказов составилась довольно полная картина событий. Враг с ходу атаковал рубеж, занимавшийся несколькими уже сильно поредевшими в боях подразделениями 1379-го полка. Встреченный слаженным огнем, он стал нащупывать слабое место; такое место, где, по-видимому, большинство воинов уже было убито или ранено, нашлось. Вражеские танки прорвались в наш тыл, окружив плотным кольцом горстку смельчаков. В полном окружении оказались 33 воина. Положение усугублялось тем, что все это были новички на фронте, большинство из них впервые в жизни видели живого врага. Однако, очутившись в таком опасном положении, воины не дрогнули. Заместитель политрука Леонид Ковалев обратился ко всем, кто мог его услышать в грохоте боя: «Товарищи! Дело обстоит так: или враг нас, или мы его. Я думаю, что мы его». Рядом находился окоп с группой связистов во главе с младшим лейтенантом Евтифеевым. Все они дружно поддержали Ковалева, дав клятву победить или умереть.

На окопы окруженных с тыла двигалось теперь несколько вражеских танков; когда они приблизились, меткий огонь открыли бронебойщики, но неприятельские танкисты, обходя подбитые машины, упорно лезли вперед. Вот передовые танки уже достигли окопов, вот один из них переваливает через окоп, осыпая землей сидящих в нем. Однако и это не обескуражило воинов, проявивших выдержку и мужество. Солдат Семен Калита поднялся над окопом и метнул бутылку с горючей смесью. Мгновение — и танк запылал [1].

---

[1] Особенность этой смеси состоит в том, что, как только бутылка разбивается о танк, смесь, разбрызганная по танку, немедленно самовозгорается.

Примеру Калиты последовали остальные. Сам Калита поджег еще два танка. Три танка меткими ударами зажег младший сержант Владимир Пасхальный. Танкисты поспешно покидали горящие машины, но большинство из них тут же падали, сраженные пулями автоматчиков, среди которых особой меткостью отличался солдат Василий Матюшенко.

Первая вражеская атака захлебнулась. Оставив на поле боя 13 подбитых и горящих танков и несколько десятков убитых и раненых, враг откатился.

У защитников рубежа потерь не было. Теперь они на деле убедились в своей силе.

Прошло еще несколько часов. Гитлеровцы начали новую атаку против горстки героев. Теперь основной удар был направлен на фланг, где оборонялись связисты, но их позиции заранее были подготовлены с расчетом на круговую оборону.

Младший лейтенант Евтифеев подсчитал патроны к бронебойке (их оказалось всего 20). «Не больше чем один—два патрона на танк», — прикинул он, вместе со своими подчиненными подготавливая оружие.

Машины шли развернутым строем. Подпустив их на расстояние выстрела, младший лейтенант выпустил шесть пуль и подбил четыре танка. Остальные упрямо продолжали движение. Скоро патроны иссякли. Грозно движется к окопу, гремя гусеницами и беспорядочно стреляя, стальное чудовище. Сержант Фомичев крепко сжал в руке противотанковую гранату. Он ждет команды. Вот и она: «Бросай! Пора!». Всего 7—8 метров разделяют окоп и танк. Резко выпрямившись, сержант с силой швыряет гранату. Взрыв. Танк остановился. Так были отбиты и все последующие атаки врага, непрестанно наседавшего в течение двух дней.

К полудню второго дня кончились продукты, а главное, вода. Горячее августовское солнце и степной ветер вызывали мучительную жажду, но тридцать три героя по-прежнему стойко держали свой рубеж, каждый дрался с врагом умело, мужественно. Когда впоследствии их подвигом восхищались, они смущались и спрашивали: «Как же иначе мы могли вести себя?»

27 вражеских танков было выведено из строя, уцелевшие повернули обратно. Более сотни гитлеровских солдат и офицеров осталось на поле боя убитыми. С на-

шей стороны был ранен лишь подносчик патронов Филипп Жезлов.

Кроме уже названных товарищей, следует указать на младшего сержанта Михаила Мингалева, солдат Ивана Тимофеева, Никифора Иуса, Николая Власкина, подбивших по одному — два танка.

33 бронебойщика повторили подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, но только с более счастливым исходом. Их имена стали также бессмертны в нашем народе.

В своем обращении к защитникам Сталинграда они писали:

«К вам, доблестным защитникам Сталинграда, мы обращаем свое слово.

Вот уже в течение месяца идут ожесточенные бои за город Сталинград. Нам наша большевистская партия, наш народ, наша великая Родина поручили не допустить врага к Волге, защитить родной Сталинград. Выполняя волю советского народа, нашей Родины, большевистской партии, мы, бойцы части товарища Казарцева [1], устояли против превосходящих сил врага и не пропустили его.

Нас было 33 человека. Под огнем артиллерии, минометов, под разрывом бомб с вражеских самолетов мы не только устояли, отбили фашистов, но и нанесли немалый урон врагу своим метким, снайперским огнем. Против нас двинулась колонна в 70 танков, много пехоты. Слов нет, страшно нам стало. Но, собрав свою волю, мы под командованием младшего лейтенанта Евтифеева А. Г., заместителя политрука Ковалева Л. И. и старшины Пуказова Д. И. решили принять атаку танков и начать бой...

И что же? Мы победили! В двухдневном бою мы подожгли бутылками с горючей смесью и подбили гранатами и противотанковыми ружьями 27 фашистских танков, уничтожили свыше 150 гитлеровцев. Таковы итоги боя. В этих боях все наши бойцы показали стойкость, мужество, бесстрашие, смелость и ненависть к врагу.

---

[1] Казарцев Александр Игнатьевич — в период Сталинградской битвы полковник, рождения 1901 года, из крестьян-батраков, в Советской Армии с 1920 года, член КПСС с 1928 года. Участвовал в 1920—1921 годах в борьбе с бандитизмом. В Великой Отечественной войне проявил себя как талантливый военачальник и был удостоен звания Героя Советского Союза. В настоящее время он — генерал-лейтенант.

Почему мы победили?

Потому что мы ненавидим врага всеми силами своей души, горим местью за злодеяния гитлеровских извергов, потому что мы ведем справедливую войну, защищаем нашу Родину, наш Сталинград, нашу родную Волгу. Мы победили потому, что были стойкими, храбрыми и установили железную дисциплину, единую волю и единое стремление в своих рядах. Почти половину уничтоженных танков подожгло дисциплинированное, стойкое отделение младшего сержанта М. И. Мингалова.

Вот почему, обращаясь к вам сегодня с этим письмом и рассказывая о своих боевых успехах, мы призываем вас, воины Юго-Восточного фронта, стоять насмерть, стойко и непоколебимо защищать родной Сталинград, священные берега любимой, воспетой нашим народом реки Волги. Ни шагу назад! Проявим все, как один, беззаветную храбрость, стойкость и геройство в борьбе с зарвавшимся врагом. Вперед, на врага!..»

Это обращение прославленных героев, доведенное до каждого бойца фронта, вызвало горячий отклик во всех частях и подразделениях, породило еще большую решимость во что бы то ни стало остановить врага, преградить ему путь к Волге, к Сталинграду.

Но вернемся к нашим контрмероприятиям (см. схему 8).

С целью выхода на тылы и коммуникации вражеской группировки, прорвавшейся к Волге севернее Сталинграда, утром 24 августа из района Серафимович, Клетская было брошено в наступление до двух стрелковых дивизий 21-й армии. В тот же день из-под Ново-Григорьевской перешла в наступление частью сил 1-я гвардейская армия. Она овладела населенными пунктами Ярковский, Ближняя Перекопка, что расширило плацдарм на правом берегу Дона, но полностью не смогла отрезать прорвавшуюся неприятельскую группировку.

На другой день несколько дивизий 63-й армии нанесли контрудар по противнику; с рубежа Еланская, Зимовский им удалось продвинуться на юг и захватить важный плацдарм на правом берегу Дона.

К тому же времени удалось пополнить группу генерала Коваленко двумя стрелковыми дивизиями, усиленными танками. С утра 26 августа она пыталась нанести

из района Самофаловки новый контрудар, но в силу слабой артиллерийской поддержки, слабого взаимодействия, а также, и это главное, из-за того, что наступавшие войска подвергались сильным ударам вражеской авиации, оборону противника прорвать не удалось. Гитлеровцы уже овладели к этому времени рядом господствующих высот и успели создать надежную огневую систему и противотанковую оборону.

Был нами нанесен удар и из района Городище, Гумрак (группа генерала Штевнева, выделенная из 62-й армии). Этот маневр сорвал попытки врага прорваться к городу с северо-запада.

В течение десяти дней, с 23 августа по 2 сентября, войска Сталинградского фронта предприняли ряд ожесточенных контратак с задачей уничтожить прорвавшуюся к Волге вражескую группировку. Для решения этой задачи привлекались вновь прибывающие дивизии (правда, малочисленные и не вполне подготовленные для боя), а также изыскивались силы и средства путем возможного маневра. Для отражения этих контрударов противник вынужден был повернуть значительные силы на север.

Противник усиливал свои части, особенно танками. Он вел настойчивые атаки за расширение плацдарма, за захват выгодных рубежей. Одновременно гитлеровцы спешно укрепляли захваченные ими позиции.

Нашим частям не раз удавалось «закрыть ворота» прорыва. Однако всякий раз противник вновь организовывал атаки превосходящими силами, наносил с различных направлений удары, поддержанные огромной массой артиллерии, танков и авиации, добиваясь восстановления положения. 10 суток отчаянно напряженных боев, к сожалению, не привели нас к более или менее ощутимому результату: для прочного закрепления достигнутых успехов, а тем более для ликвидации опасного клина, вбитого врагом в нашу оборону, явно не хватало сил.

Однако вражеские войска, несмотря на свое явное преимущество в танках, пехоте и особенно в авиации, не смогли пробиться к Сталинграду.

Вот что пишет об этих боях генерал Дёрр:

«В результате этих контратак (контратак советских войск. — *А. Е.*) противнику удалось отрезать танковый

корпус[1], который вынужден был в течение ряда дней отбивать атаки, получая снабжение по воздуху и от небольших групп, пробивавшихся к нему ночью под прикрытием танков...

В течение недели дивизии 14-го танкового корпуса находились в критической обстановке на берегу Волги»[2].

Генерал Гальдер, в то время начальник генерального штаба сухопутных войск, указывает, что командир 14-го танкового корпуса в те дни принял решение оставить захваченный участок, однако это было ему категорически запрещено командующим группой армий «Б» генералом фон Вейхсом.

Противнику пришлось усиливать другими частями 14-й танковый корпус. А ведь по плану-то ему предписывалось по достижении Волги немедленно повернуть на юг и взять северную часть города. Таким образом, мы видим, что корпус завяз в тяжелых кровопролитных боях и едва удерживал за собой захваченную территорию.

Немецкое командование нервничало и подвергало город варварским бомбежкам вплоть до конца августа. В районе севернее Сталинграда ожесточенные бои с противником вели три малочисленные дивизии, оказавшиеся на главном направлении вражеского удара.

Контрудары советских войск с севера, о которых говорилось выше, повторялись неоднократно, но все они предпринимались без достаточного артиллерийского обеспечения; части бросались в бой зачастую по мере их подхода, так как промедление было действительно «смерти подобно». Поэтому войскам Сталинградского фронта не удалось ликвидировать прорыв, но многочисленные контрудары и контратаки оказали серьезное влияние на ход боевых действий. Они отвлекли значительные силы наступавших, вынуждая их отражать эти удары. В результате враг оказался не в силах развить наступление на Сталинград в широком масштабе. Это позволило нам в определенной степени упорядочить оборону, укрепить ее, усилить новыми частями.

---

[1] Основное соединение, участвовавшее в прорыве к Волге.

[2] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 48.

В дни, когда севернее Сталинграда шли ожесточенные бои, противник предпринял атаки и в районе Калача. 25 августа гитлеровцы форсировали здесь реку Дон и силами двух пехотных дивизий повели наступление вдоль железной дороги Калач — Сталинград, о чем кратко говорилось уже выше. Почти одновременно противник наносил удар из района Абганерово на север и северо-восток, направляя его во фланг и тыл 62-й армии, части которой вели упорные бои в районе Калача, и против правого фланга 64-й армии. Создалось исключительно тяжелое положение непосредственно для Сталинграда. В самом деле, разгром 62-й армии и правого крыла 64-й армии мог открыть врагу почти беспрепятственный путь к Сталинграду с запада. Необходимо было предотвратить этот замысел. Меры по обеспечению левого фланга 62-й армии были приняты. Войска 64-й армии под командованием генерала Шумилова в упорнейших боях сдержали первый, наиболее ожесточенный натиск врага, а это уже дало возможность для маневра, спасшего положение.

Конкретно события на этом участке фронта развивались следующим образом.

Сосредоточив к концу августа мощную танковую группу в районе Капкинский, Тебектенерово, противник перешел к активным действиям. С рассветом 28 августа большие группы пикирующих бомбардировщиков начали бомбежку нашего переднего края в этом районе. В 6 часов 30 минут утра танки и мотопехота атаковали позиции 64-й армии на участке 126-й стрелковой дивизии. В результате двухчасового ожесточенного боя, во время которого оборонявшиеся неоднократно переходили в контратаки, противник был отброшен. Вражеские пикирующие бомбардировщики вновь «пробомбили» нашу оборону, после чего опять началась танковая атака, но и она была отбита [1]. Только при третьем ударе в 14 часов 30 минут до 100 вражеских танков прорвались через наш передний край и к концу дня вышли в районе Гавриловки на тылы 64-й и 62-й армий. Однако мотопехота противника, следовавшая за танками, была от-

---

[1] Нами была перехвачена настойчивая просьба немецких танкистов в третий раз выслать пикирующие бомбардировщики.

сечена воинами 126-й стрелковой дивизии, оставшимися на своих позициях (см. схемы 1 и 8).

Стало ясно, что вражеский маневр на этом участке был рассчитан на фланговый удар по 62-й армии. При этом на своем первом этапе он грозил и дезорганизацией нашей обороны на правом крыле 64-й армии, оказавшейся к этому времени в невыгодных условиях из-за отхода 62-й армии в районе Калача. Район, занимавшийся правофланговыми частями 64-й армии, к этому времени уже утратил свое оперативное значение для обороны города: его нельзя было более использовать как исходный рубеж для контрудара. Отсутствовали и резервы, с помощью которых можно было парировать удар противника, вышедшего в район Тундутово, Нариман.

Эти соображения вынудили нас утром 29 августа отдать приказ об отводе правого крыла 64-й армии.

«...1. Правое крыло 64-й армии в ночь на 30.8.42 отвести на промежуточный рубеж обороны: Ляпичев, северный берег р. Крепь, совхоз Крепь, высота с горизонталью 180, разъезд «74 км» и далее по линии прежнего переднего края.

2. Отвод частей организовать так, чтобы не допустить выхода противника на этот рубеж ранее.

3. На прежнем рубеже обороны оставить небольшие отряды прикрытия.

4. Две стрелковые дивизии (29-ю и 204-ю) вывести в резерв командующего 64-й армией: одну в район Верхне-Царицынский, Зеты; другую в район Блинников, высоты 109,4 и 106,5».

Приказ был выполнен точно в установленный срок.

30 августа противник продолжал свои усилия, пытаясь добиться решающего успеха на этом направлении и выйти на рубеж реки Червленная. Опять почти вся его авиация работала на этом участке.

Также не теряя времени, необходимо было спасти главные силы 62-й армии от наметившегося по ним сокрушительного флангового удара противника. Выход заключался в немедленном отводе ее левого фланга на средний сталинградский обвод.

В 12 часов 30 августа командующий армией генерал-лейтенант А. И. Лопатин лично от меня на своем командном пункте получил распоряжение начать в

21 час (т. е. через 9 часов) перегруппировку: в ночь на 31 августа, совершив 40-километровый марш, перейти на средний сталинградский обвод и быть готовым оборонять его. Офицеры и генералы штаба фронта, находившиеся на командном пункте, остались в армии для оказания помощи при выполнении полученной задачи.

Ведя сдерживающие бои оставленными на прежних рубежах заслонами, войска организованно, без потерь, сохранив всю материальную часть, за ночь совершили труднейший переход и утром приступили к совершенствованию обороны на среднем обводе.

Эти мероприятия, как и ряд других, были связаны с нашим стремлением создать для обороняющихся более выгодную обстановку, чтобы со временем вырвать у врага инициативу. Пока же враг навязывал нам свою волю, заставлял вести бои на невыгодных для нас направлениях. Положение создалось действительно крайне тяжелое. Выход противника в район Тундутово, Нариман и его дальнейшее наступление из этого района прямо на север угрожали флангу и тылам 62-й армии, в то время как она с фронта вела кровопролитные бои в районе Калача. Ее разгром открыл бы совершенно свободный путь на Сталинград с северо-запада. В этих условиях важно было твердо осуществлять управление, мобилизуя людей на непреклонное сопротивление врагу.

Военный совет фронта и лично Никита Сергеевич принимали все необходимые меры для укрепления монолитности наших рядов. Важно было своевременно устранить малейшие намеки на панику. Пришлось развить такой темп в работе, что за нами едва успевали «поворачиваться» наши помощники, заместители и штабы. В этот исключительно напряженный период почти все время приходилось быть на командных пунктах то одного, то другого фронта, чтобы ни на минуту не терять управления войсками, чтобы держать командный состав в состоянии боевой мобильности, постоянной заботы об укреплении морального духа воинов, готовности изыскать новые «внутренние резервы» за счет возможной маневренности частей и огневых средств.

Напряженно работали командиры, политработники всех степеней. Росло с каждым днем сопротивление, упорство наших войск; они дрались стойко, с исключительным мужеством.

31 августа обе армии полностью были отведены на средний сталинградский обвод.

62-я армия к этому времени сосредоточилась на рубеже Рынок, Орловка, Западновка, Новый Рогачик. Еще 29 августа в связи с тем, что армия оказалась отрезанной от Сталинградского фронта, она была включена в состав Юго-Восточного фронта. Будучи ослаблена в предыдущих боях, армия находилась в очень тяжелом состоянии. Для ее усиления пришлось использовать последние резервы Юго-Восточного фронта.

64-я армия, став на участок Новый Рогачик, Ивановка, по реке Червленная, не успела еще, как впрочем, и 62-я армия, организовать оборону на новом рубеже, а противник снова нанес удар по ее правому флангу.

Отвод 62-й и 64-й армий на средний сталинградский обвод был крайне необходим еще и потому, что в противном случае зенитная артиллерия, имевшая свои позиции в основном на северной и западной окраинах города, оказалась бы совершенно открытой под ударом противника и бесспорно была бы уничтожена; под прикрытием же своей полевой армии зенитчики сыграли очень большую роль, и не только в противовоздушной обороне, но и в отражении атак наземных войск противника, главным образом его танков. Этим мы сохранили главные силы нашей зенитной артиллерии, которая, как известно, внесла значительный вклад в оборону Сталинграда.

Сложность оборонительных боев в этот период состояла в том, что в Сталинграде у нас не было резервов. Поэтому на направлениях вероятных ударов противника, о подготовке которых мы в большинстве случаев знали, не представлялось возможным сосредоточить войска, создать в глубине оборону, которая приняла бы на себя удар противника и тем самым позволила бы отходившим войскам привести себя в порядок. Этого условия, совершенно необходимого для сохранения прочности обороны, нельзя было создать. Войскам приходилось сначала драться на первоначальном рубеже, затем отходить с боями и вновь драться на новом рубеже. Именно в этом проявлялась небывалая войсковая доблесть.

Враг не унимался. В тот же день, когда 62-я и 64-я армии совершили отход, противник, сосредоточив в районе Нариман, Ракотино группировку из шести диви-

зий (в их числе были две танковые и одна моторизованная), при содействии крупных сил авиации повел наступление на Басаргино, Воропоново. Три дня на этом участке шли упорные бои. Наши войска не успели прочно закрепиться на новых рубежах. Это дало противнику возможность вновь нарушить нашу оборону. 1 сентября он занял Басаргино. В результате этого 64-я и 62-я армии вновь оказались под фланговым ударом противника (в стыке). По решению Военного совета обе армии отошли на внутренний обвод сталинградских позиций 2 сентября.

Организуя 31 августа наступление, противник ставил себе задачей 1 сентября захватить Сталинград. Враг произвел невиданный по силе нажим, надеясь главным образом на авиацию, танки и самоходную артиллерию (артштурм), которая здесь, по-видимому, была применена впервые. Всякое новое оружие дает эффект, и враг рассчитывал на это, но никакие «артштурмы» не сломили сталинградцев. Лишь на отдельных участках врагу удалось потеснить нас, но это стоило ему больших потерь, а города он не достиг.

Между прочим, в одном из разговоров с И. В. Сталиным по телефону (в конце августа или в начале сентября 1942 г.), давая характеристику напряженных боев на участках обоих фронтов, я доложил, что результаты наших контратак и контрударов были бы более существенными, если бы в ходе их наша пехота имела непосредственную поддержку огневых средств; мной было выдвинуто предложение о необходимости самоходной артиллерии, которая вместе с пехотой штурмовала бы противника; организационно такая артиллерия должна войти в стрелковые полки. Краткое обоснование предложения сводилось к тому, что развитие автоматического оружия в тот период крайне затрудняло движение пехоты на поле боя. Теоретические расчеты количества пуль, осколков и т. п., приходившихся на каждый квадратный метр полосы наступления, показывали, что ничего живого в ней не могло остаться. Тем не менее наши части все же, преодолевая огневое препятствие, выполняли стоявшие перед ними задачи, но несли большие потери. Чтобы избежать их, необходимо было подавлять автоматический огонь врага. Артиллерийское прикрытие и сопровождение пехоты огнем с закрытых

позиций не могло обеспечить полностью подавления огневых точек, так как они были рассеяны и довольно подвижны. Артиллерия, сопровождавшая пехоту огнем и колесами, сама была уязвима от огня противника почти так же, как и пехота. Нужна была именно самоходная артиллерия. Наличие мощных боевых машин бок о бок с наступающими войсками весьма положительно сказалось бы на их моральном состоянии.

1 сентября 1942 года Военным советом был отдан приказ войскам обоих фронтов, который имел целью концентрировать волю и энергию воинов на выполнении задач, стоявших перед фронтами в связи с новым усложнением обстановки.

«ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ

№ 4

1 сентября 1942 г. Действующая армия

Товарищи бойцы, командиры и политработники, доблестные защитники Сталинграда!

В течение месяца идет ожесточенная борьба за город Сталинград. Немцы потеряли сотни танков и самолетов. Через горы трупов своих солдат и офицеров озверелые гитлеровские банды рвутся к Сталинграду, к Волге.

Нам наша большевистская партия, наш народ, наша великая Родина поручили не допустить врага к Волге, защитить город Сталинград. Защита Сталинграда имеет решающее значение для всего советского фронта.

Не жалея сил, презирая смерть, не допустим немцев к Волге, не сдадим Сталинград Каждый из нас должен понимать, что захват немцами Сталинграда и выход их на Волгу будет усиливать наших врагов и ослаблять наши силы.

Ни шагу назад!

Военный совет требует от всех бойцов, командиров и политработников, от всех защитников Сталинграда беззаветной храбрости, стойкости и геройства в борьбе с зарвавшимся врагом.

Враг должен быть и будет разбит на подступах к Сталинграду.

Вперед на врага! В беспощадный бой, товарищи, за Сталинград, за Великую Родину!

Смерть немецким оккупантам!

Командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами генерал-полковник А. ЕРЕМЕНКО

Член Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов генерал-лейтенант Н. ХРУЩЕВ».

2 сентября войска Юго-Восточного фронта заняли оборону по внутреннему обводу: 62-я армия — на участке Рынок, Орловка, Гумрак, Песчанка (два километра южнее станции Воропоново); 64-я армия — на рубеже Песчанка, Ивановка. 57-я армия обороняла ранее занятые рубежи южнее Сталинграда.

Для наших войск, таким образом, обстановка все более осложнялась. Но и противник, понеся огромный урон, не смог реализовать свои планы захвата Сталинграда, хотя Гитлер уже трижды назначал сроки его падения. Гитлеровцы потеряли полтора месяца времени, громадное количество живой силы и техники, но были далеки от своих целей, хотя и находились у стен Сталинграда.

☆

Ф. Н. Смехотворов

Н. Ф. Батюк

С. Ф. Горохов

В. Г. Желудев

М. М. Попов

П. И. Доронин

И. И. Людников

Е. Ф. Макарчук

ГЛАВА VII
АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ КУЛАК

Уже многие дни непрерывно горит Сталинград. Страшные пожарища в городе видны за десятки километров.

Начиная с 23 августа противник непрерывно днем и ночью бомбил Сталинград, переправы и прилегающие к городу районы. 2 сентября противник произвел еще одну, особенно яростную, массированную бомбардировку города. Одновременно он бомбил переправы через Волгу и пути подвоза — железные и грунтовые дороги, затрудняя материально-техническое снабжение войск, нарушая нормальный приток пополнений, которые шли теперь главным образом через Волгу, так как другие пути были отрезаны. Причалы, паромы, все суда, переправлявшиеся через Волгу, подвергались огню артиллерии, минометов и ударам авиации. Переправа днем стала исключительно трудной, а подчас и почти невозможной. Тогда мы стали практиковать ночные переправы, сгущая их то вечером, то в полночь, то к рассвету. Как бы противник ни стремился превратить ночь в день, все же оставались неосвещенные места, были паузы между освещением: осветительные средства, сбрасываемые с самолетов, выбрасываемые пушками и ракетницами, воспламенялись то ближе, то дальше, то ниже, то выше, зачастую их сносило ветром. Поэтому вражеские наблюдатели нередко получали искаженное представление о целях, а порой и не видели их; естественно, в таких условиях точная корректировка огня очень затруднялась. В связи с этим ночью противник, как правило, вел огонь по площадям, по вероятным причалам и переправам, обстреливая их последовательно (по очереди) или нападая на них одновременно (огневыми налетами). По эффективности такой обстрел,

конечно, нельзя сравнивать с прицельным огнем при дневном свете.

Сталинградский фронт, как уже говорилось, был разрезан на две части[1]. 62-я армия вошла в Юго-Восточный фронт. Узкий клин, вбитый противником в нашу оборону на правом берегу Волги, изолировал теперь фронты друг от друга. Тактическое взаимодействие фланговых соединений обоих фронтов было нарушено.

Положение на Юго-Восточном фронте с выходом противника к последнему внутреннему оборонительному рубежу Сталинграда стало крайне напряженным. 62-я и 64-я армии, принявшие на себя основные удары на предыдущих этапах борьбы, уже понесли значительные потери: их дивизии стали малочисленными и имели очень мало материальной части, особенно артиллерии.

Перед фронтом 62-й армии и правым флангом 64-й армии наступала вражеская группировка из восьми пехотных, одной моторизованной и двух танковых дивизий. Группировка поддерживалась 500 танками и с воздуха 1000 самолетами. На стороне противника превосходство было более чем пятикратное. (А Дёрр говорит о малочисленности наступающих!) Удары с воздуха стали намного чувствительнее: противник беспрерывно атаковывал наши части большими группами самолетов; число самолето-вылетов только на участках 62-й и 64-й армий ежедневно доходило до полутора тысяч, а по всему фронту достигало более двух тысяч в день.

В таких условиях начался новый этап битвы за Сталинград — бои на внутреннем обводе.

В начале сентября опасность захвата Сталинграда врагом не только не уменьшилась, но стала еще более угрожающей. Необходимо было немедленно отвлечь какую-то часть сил противника от города и ослабить его нажим на 62-ю армию и на правый фланг 64-й армии, чтобы, выиграв хоть немного времени, усовершенствовать оборону города и подтянуть резервы из-за Волги.

---

[1] Управление Сталинградского фронта при этих обстоятельствах не могло более находиться в Сталинграде, поскольку его войска были, по существу, отрезаны от города. Я приказал перенести штаб фронта в район Ивановка (40 километров севернее Сталинграда), откуда было удобнее руководить войсками. Разумеется, это еще более осложнило для меня исполнение моих функций как командующего обоими фронтами.

3 сентября Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин прислал директиву, адресованную представителю Ставки товарищу Г. К. Жукову, прибывшему к этому времени в район штаба Сталинградского фронта (Ивановка). В директиве указывалось: «Положение со Сталинградом ухудшается. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам. Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению. Всю авиацию бросьте на помощь Сталинграду. В самом Сталинграде авиации осталось очень мало.

Получение и принятые меры сообщите незамедлительно.

И. Сталин».

Дело в том, что к этому времени Ставка Верховного Главнокомандования уже значительно усилила свежими резервами войска, расположенные к северу от Сталинграда. Сталинградскому фронту из резервов Ставки были переданы только что сформированные 24-я и 66-я армии (правда, плохо обученные, укомплектованные старыми возрастами); армии возглавлялись: 24-я — генерал-майором Д. Т. Козловым и 66-я — генерал-лейтенантом Р. Я. Малиновским; фронт был усилен также авиацией. К 4 сентября основные силы этих армий вышли в район Самофаловка, Ерзовка, Лозное. Таким образом, войска, непосредственно оборонявшие Сталинград, могли рассчитывать на серьезную помощь с севера (со стороны Сталинградского фронта). Однако, надеясь на помощь с севера, войска Юго-Восточного фронта принимали все меры, чтобы справиться с врагом собственными силами, помня русскую пословицу: «На бога надейся, а сам не плошай». В связи с этим в районе боевых действий Юго-Восточного фронта пришлось в спешном порядке провести ряд организационных мероприятий. Максимум внимания было сосредоточено на вопросах управления вообще и артиллерией в особенности. Артиллерийский огонь в отражении вражеских атак приобрел очень серьезное значение. Поэтому организация этого огня, группировка

артиллерии, управление артиллерийским огнем — все эти вопросы были поставлены в центр внимания и штаба фронта, и штабов армий и дивизий.

К началу сентября, т. е. в момент развертывания боев на внутреннем городском обводе, мы централизовали бо̀льшую часть артиллерии и, по сути дела, взяли ее в свои руки. На первых порах мы создали фронтовую артиллерийскую группу из двух артиллерийских полков и одного — двух артиллерийских дивизионов. За несколько дней боевой деятельности убедились в большой полезности ее и создали более мощную артиллерийскую фронтовую группу.

В период оборонительных боев за Сталинград было создано несколько артиллерийских групп. Управление ими было организовано настолько четко, что требовалось не более 15—20 минут времени, чтобы направить огонь большой плотности в любую точку обороны Сталинграда.

В этом-то и состояла одна из причин высокой стойкости нашей обороны.

Свои атаки противник начинал в разное время: большей частью утром, реже днем и еще реже вечером — и повторял их по нескольку раз в сутки. Наиболее трудной для проведения контрмероприятий являлась вечерняя атака, начало которой совпадало с наступлением сумерек. При атаке в это время последние минуты светлого времени противник использовал для действий своей артиллерии и авиации. Любая, тем более мощная, артиллерийская и авиационная подготовка атаки нарушает систему обороны, управление и в особенности подготовку контрмероприятий пехоты, танков и артиллерии. Ночью, в темноте, боевые действия всегда затруднены: танкисты перестают видеть, куда идти и в каком направлении вести огонь; стрелки и артиллеристы лишаются возможности вести прицельный огонь; пехота теряет целесообразные направления для контратак. Правда, современные средства подавления, приборы ночного видения и способы наблюдения и ориентировки позволяют лучше организовать ночные действия войск и всех боевых средств. Изучая действия врага, в том числе и вечерние атаки, мы пришли к твердому выводу, что к тому геройству, храбрости и военной хитрости наших людей, которые в массовом масштабе проявлялись повседневно на поле боя, нужно добавить необходимое, как воздух, умение организовать си-

стему артиллерийского и минометного огня и так построить его управление, чтобы оно отвечало следующим требованиям:

а) быстрота маневра траекториями, а иногда и колесами (гвардейские минометы — «катюши», как правило, маневрировали колесами, истребительно-противотанковая артиллерия также во многих случаях маневрировала колесами);

б) быстрота открытия организованного и мощного огня;

в) точная стрельба по заданному квадрату.

Чтобы лучше осуществлять руководство и управление артиллерийскими группами фронтового подчинения, мы назначили командующего артиллерией 51-й армии генерал-майора артиллерии В. П. Дмитриева командующим артиллерийскими группами фронтового подчинения. Товарищ Дмитриев, показавший себя в боевой обстановке энергичным генералом, хорошо справился со своей работой. Это был замечательный артиллерист, прошедший в Советской Армии (с 1919 года) большой путь от командира батареи до командующего артиллерией армии (в 1939 году он окончил артиллерийскую академию).

Эти мероприятия, осуществленные едва ли не впервые в практике шедшей войны, сыграли исключительно большую роль в укреплении устойчивости нашей обороны под Сталинградом. При такой организации командование фронтом действительно могло влиять положительно на ход боевых действий, могло срывать планы противника и навязывать ему свою волю, чему отчасти помогала и тактика гитлеровцев, как известно страдавшая шаблонностью. Каждый раз их атаки предварялись авиационными ударами, мощной бомбовой «обработкой» переднего края и ближней глубины участка нашей обороны, намеченного противником для атаки. Обычно сначала бомбили «юнкерсы» (Ю-87 и Ю-88), нанося удар несколькими волнами; затем вступала в бой артиллерия; обычно артиллерия и авиация, чередуясь, а иногда одновременно, вели авиационную и артиллерийскую подготовку в течение от 40 минут до одного часа, а иногда и более; примерно за 20 минут до атаки танков и пехоты появлялись пикирующие бомбардировщики и тоже обрабатывали передний край. Становилось ясно, что скоро начнется атака.

Правда, это не всегда удавалось легко определить, так

как бой гремел не затихая ни днем ни ночью, самолеты непрерывно появлялись то большими, то меньшими группами, шли воздушные бои, ни на минуту не умолкала зенитная артиллерия. В этой обстановке важно было быстро определить, где именно сосредоточились изготовленные для атаки пехота и танки противника. Противник, как правило, держал свои первые эшелоны на расстоянии 200—300 метров от нашего переднего края; далее в глубину до трех километров и более стояли в развернутых боевых порядках (замаскировавшись) и ждали сигнала для начала действий остальные его войска, предназначенные для атаки. Как только удавалось определить участок, намеченный противником для атаки (а это нам удавалось почти каждый раз), сразу же давались указания о подготовке контрмероприятий. Что это за указания? Давалась команда командирам подгрупп: артиллерийской, противовоздушной обороны, гвардейских (реактивных) минометов, командующему ВВС, в которой указывались цели, по которым должен вестись огонь, плотность артиллерии и количество назначаемых снарядов, время готовности открытия огня — для артиллерийских групп 15—20 минут (так как они всегда были готовы), а для авиации несколько больше, смотря по обстановке. Чтобы проверить, правильно ли определен участок атаки и установить наблюдение за действиями противника, обычно держались в воздухе истребители-разведчики, которые разведывали предполагаемый рубеж и, еще находясь над противником, по радио передавали сведения о ходе подготовки врага к атаке и моменте ее начала. Таким образом, по данным воздушной и наземной разведки, а также артиллерийских наблюдателей, мы определяли момент начала атаки противника. Как только она выявлялась, немедленно отдавался приказ об артиллерийском и авиационном ударе по заранее распределенным целям, т. е. по целям, которые были назначены 20—30 минут назад, когда выявился исходный рубеж атаки противника. Как правило, такие удары были настолько сильны, что противник не выдерживал их.

Обычно артиллерийский и авиационный налет начинался, когда поднималась в атаку пехота, следовавшая за танками противника. Это делалось неспроста. Если такой налет производить несколько ранее, когда противник находится на месте, готовясь к атаке, то результаты контрпод-

готовки обычно бывают незначительными, так как исходный рубеж у противника готовится всегда хорошо (здесь и убежища, и другие укрытия). Если же такой налет производить как раз в те моменты, когда у противника все приходит в движение (к тому же нередко гитлеровское командование посылало своих солдат в атаку, подпоив их для смелости), то результаты наших контрмероприятий, почти, как правило, были существенны; обычно вражеские атаки не только бывали отбиты, но зачастую атакующим дивизиям наносился большой урон. Дело в том, что на участке атаки нам действительно удавалось сосредоточить огонь большой силы. Он организовывался примерно так. В 100—200 метрах от нашего переднего края на глубину 2—4 километров, на фронте всего участка атаки с некоторым обеспечением флангов, создавалась густая полоса заградительного огня. Иногда по главному участку атаки противника работало до двухсот орудий и минометов на километр фронта, и это делалось при общем превосходстве врага в силах. Так осуществлялось маневрирование огнем.

Организованная таким образом в мощный кулак артиллерия обеспечивала прочность и стойкость нашей обороны. В дни особенно напряженных боев, к примеру сказать, только одна фронтовая группа артиллерии расходовала более десяти тысяч снарядов. Характерны в этом отношении уже приводившиеся выше показания пленных о действиях нашей артиллерии.

Во всей дальнейшей обороне Сталинграда эти мероприятия сыграли выдающуюся, если не решающую роль.

В течение декады со 2 по 12 сентября разгорелись ожесточенные бои на внутреннем обводе. Эти бои не прекращались ни днем ни ночью. Наиболее мощные удары по Сталинграду пришлись вновь по войскам на участках 62-й и 64-й армий.

Нельзя не сказать здесь несколько слов о командарме 64-й армии генерал-майоре М. С. Шумилове. 64-я армия под его командованием сыграла исключительно большую роль в Сталинградском сражении. Ее упорство и активность в обороне, ее маневренность и подвижность на поле сражения причинили врагу множество неприятностей, нанесли ему большой урон, опрокинули многие расчеты противника, помогли сорвать не один из назначенных Гитлером сроков захвата Сталинграда. Наступая на участке

64-й армии, Гот, что называется, обломал свои танковые «клинья». Армии удалось удержать в своих руках высоты, расположенные южнее Сталинграда, что сыграло существенную роль в устойчивости обороны города в целом.

Генерал-майор Михаил Степанович Шумилов (ныне генерал-полковник) — человек большой души, с широким военным и политическим кругозором, сильной волей и высокой требовательностью — все это были замечательные качества, характерные для советского военачальника. Товарищ Шумилов хорошо умел организовать бой, взаимодействие в нем родов войск и твердо держал управление в своих руках. Ни при каких условиях не поддавался панике.

Его доклады об обстановке в ходе Сталинградской битвы всегда были исчерпывающи и объективны, а его смелые, четкие решения были всесторонне продуманы и говорили о высокой оперативной культуре.

Взаимоотношения с подчиненными он строил на суровой, но справедливой требовательности и отеческой заботе об их нуждах.

Припоминаю, как в особо трудные минуты он говорил спокойным баском: «Духом не падаем, товарищ командующий, прошу о нас не беспокоиться, задачу выполним».

Эта уверенность командарма передавалась каждому воину армии. Воины армии непоколебимо защищали сталинградскую землю, действительно стояли насмерть.

Членом Военного совета 64-й армии на протяжении всей Сталинградской битвы был полковник Зиновий Тимофеевич Сердюк (ныне Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии). В боевых успехах и стойкости частей и соединений 64-й армии немалая роль принадлежит товарищу Сердюку, проводившему с большевистской настойчивостью линию партии.

Начальником штаба армии был генерал-майор Иван Андреевич Ласкин, опытный штабной работник, участник героической обороны Севастополя. Штаб армии под его руководством работал на высоком оперативном уровне.

Начальником политического отдела армии являлся полковник М. П. Смоляков, принципиальный и энергичный политический работник, умевший в любых условиях обстановки добиваться надлежащего политического обеспечения выполнения боевых задач армии, поддерживавший тесную связь с коммунистами частей и подразделений.

✯

ГЛАВА VIII

ЖЕЛЕЗНАЯ СТОЙКОСТЬ ОБОРОНЫ

После того как противник вышел к Волге в районе Латашанка, Рынок, мы сразу же стали предпринимать энергичные меры, чтобы срезать этот «змеиный язык» врага, высунувшийся к Волге. Он больно жалил нас; надо было во что бы то ни стало соединить фланги Сталинградского и Юго-Восточного фронтов.

Первая попытка выполнить эту задачу, как известно, относится к 24 августа. Но тогда наш удар незначительными силами, наскоро организованный, не мог дать решительного успеха.

Чтобы облегчить положение войск Юго-Восточного фронта, стоявших на защите ближних подступов к Сталинграду, во исполнение директивы Ставки Верховного Главнокомандующего[1] войска левого крыла Сталинградского фронта в течение сентября нанесли врагу два крупных контрудара (5 сентября первый, относящийся еще к предыдущему этапу боев, и 19 сентября второй, когда сражение развернулось в черте города. Схема 8).

Целью этих контрударов было ликвидировать вражеский «клин», уничтожить группировку противника, прорвавшуюся к Волге в районе Рынок, и отвлечь вражеские силы от Сталинграда.

Контрудар наносился с севера на участке Кузьмичи, Сухая Мечетка силами двух армий: 66-й под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского и 24-й под командованием генерал-майора Д. Т. Козлова.

Личный состав войск, участвовавших в нанесении контрудара, действовал с самоотверженностью и отвагой.

---

[1] Текст директивы приведен на стр. 163.

Много упорства, выдержки, стремления во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу и помочь сталинградцам проявили командиры всех степеней. Но открытая степная местность района боевых действий (без ориентиров), на которой трудно укрыться, была неудобной как для сосредоточения войск, так и для их передвижений. Для отражения наших ударов противник располагал очень сильной авиацией, безраздельно господствовавшей в воздухе. В составе ударных пехотных и танковых частей у него имелось несколько «бронированных кулаков», включавших также достаточное по тому времени количество самоходных орудий. Все это было брошено против наступавших войск. Не имея достаточного прикрытия с воздуха, они оказались не в состоянии полностью выполнить поставленную задачу.

Удар Сталинградского фронта с севера поддерживался ударом части сил Юго-Восточного фронта с юга; удар с юга носил вспомогательный характер, так как наши силы были очень ограничены.

Хотя войска, наносившие контрудар, и не смогли полностью выполнить поставленной перед ними задачи, они, тем не менее, заставили немецкое командование ослабить нажим на город, оттянули на себя часть сил (примерно до восьми дивизий противника). Повернув часть своих сил на север, 6-я армия ослабила свой натиск на Сталинград с северо-запада. Это облегчило войскам 62-й и 64-й армий организацию обороны на внутреннем обводе и отражение попыток войск противника с ходу прорвать здесь оборону.

Силам армии к этому времени противостояло примерно десять немецких дивизий, из них три танковые и одна моторизованная. Превосходство противника в людях было более чем трехкратное.

Многие наши дивизии так сильно поредели, что их состав исчислялся всего двумя — тремя сотнями бойцов. Так, на 7 сентября в стрелковых дивизиях оставалось: в 112-й — 150 человек, в 390-й — 295, в 87-й — 180 и в 99-й танковой бригаде — 120 (бригада без материальной части); другие дивизии были также малочисленны. Цифры эти не нуждаются в разъяснении: они убедительно говорят об огромных потерях, которые несли наши части.

Артиллерия 62-й армии насчитывала 500 орудий, противник имел против нее почти 1500 орудий. Количество

танков у 62-й армии едва достигало 60, а у противника лишь в составе группировки, наступавшей на северную часть города, было их около 500.

С исключительной стойкостью оборонялись войска Юго-Восточного фронта, особенно 62-й и 64-й армий, на внутреннем обводе. Однако ожесточенные бои при огромном превосходстве противника вынудили наши войска 12 сентября отодвинуться и стать на так называемый городской обвод. С боев на этом рубеже начался новый, завершающий этап оборонительного Сталинградского сражения на окраинах и непосредственно в черте города.

Сражение в черте города охватывает период с 13 сентября по 19 ноября, т. е. более двух месяцев. Весь этот период шла кровопролитная, ожесточенная и упорная борьба на самых ближних подступах к Сталинграду и внутри города.

Сталинград, как об этом говорилось уже раньше, узкой (от полутора до четырех километров) длинной полосой вытянулся вдоль Волги, по ее высокому правому берегу, на протяжении почти 60 километров (от реки Сухая Мечетка до Красноармейска). Отсюда и отличия в его планировке сравнительно с другими нашими городами. Подобное расположение города дало «основание» Дёрру не считать Сталинград городом «в европейском смысле этого слова». На какие только уловки не идут враги, чтобы оправдать задним числом свое поражение!

Необходимо пояснить, что мы принимаем следующую схему разделения Сталинграда: **северная** часть города — от завода «Красный Октябрь» и далее на север; **центр** — от завода «Красный Октябрь» до Купоросного исключительно; **южная часть** — от Купоросного на юг, включая Красноармейский район города. Характерно, что бывшие фашистские генералы, в частности Дёрр, с целью преувеличить успех гитлеровцев умышленно сокращали городскую черту Сталинграда, отбрасывая, по существу, чуть ли не половину города, а именно его южную часть, которой, как известно, им никак не удавалось овладеть.

Для планировки города характерны узкие прямоугольники кварталов, длинные и прямые продольные улицы и короткие поперечные. Такая планировка облегчала устройство баррикад и организацию огневой системы. Но и противнику при наличии у него командных высот эти

прямые улицы позволяли организовывать сквозной простред, затрудняя маневр наших частей внутри города.

Открытая степная местность к западу от Сталинграда кое-где пересекается балками. В северной части степь покрыта кустарником; леса почти нет, но встречаются рощи искусственного насаждения, в большинстве примыкающие к городу.

Западнее Сталинграда проходит длинная гряда высот, имеющая понижение с запада на восток. Такой рельеф местности создавал определенные преимущества противнику прежде всего в организации наблюдения за расположением наших войск и даже нашими тылами. Сам же противник, хорошо укрытый за этими высотами, имел возможность скрытно производить всевозможные перегруппировки, сосредоточение сил, тот или иной маневр.

С запада в город врезается большое число балок (оврагов). Они крайне затрудняли нашим войскам и наблюдение, и организацию огневой системы, а для противника служили скрытыми подступами к городу.

Густая сеть грунтовых дорог западнее Сталинграда, пригодная для всех видов транспорта, облегчала снабжение противника.

Волга в районе Сталинграда, как известно, имеет ширину от одного до двух километров, переправы — пароходные, паромные и лодочные (мостов нет). Правый берег Волги у Сталинграда, командуя над левым, создавал известные преимущества противнику. Река была огромным препятствием для снабжения наших войск, ограничивала наши возможности маневра, требовала больших сил для организации переправ. Эти препятствия, которые ставила нашим войскам Волга, не компенсировались ее положительной ролью, как средства, прикрывающего огневые позиции нашей артиллерии и тыла.

Обрывистый и высокий правый берег Волги создавал большие мертвые пространства непосредственно у реки. Это позволяло нашим войскам держать здесь штабы, ближние тылы, которые были менее подвержены ударам противника, хотя при современном навесном артиллерийском, и в особенности минометном, огне и действиях авиации эти укрытия не всегда помогали.

Речки Мокрая Мечетка в северной части города и Царица в его центральном районе протекают в глубоких оврагах, что также затрудняло маневр наших войск и

создавало преимущества противнику, потому что эти овраги легко использовались как скрытые подступы к городу.

Как видно из этого дополнительного (см. стр. 66—68) обзора, условия местности мало способствовали созданию прочной обороны. Прочность и упорство обороны Сталинграда основывались на морально-политической стойкости советских войск, на той мощи огня и других технических средств борьбы, которыми они располагали в битве за Сталинград.

В северной части города расположены три крупных завода, построенных в годы пятилеток: Сталинградский тракторный завод, «Баррикады» и «Красный Октябрь». Кроме них, в Сталинграде много и других предприятий. В южной части города находится мощная электростанция, питающая электроэнергией весь город, а также другие заводы и предприятия. Недалеко от западных окраин города расположено несколько машинно-тракторных станций.

Особое значение в боях за город приобрела выс. 102,0, или Мамаев курган. Мамаев курган командует над всей территорией города и заводов. С него просматривается весь центральный район города и его северная часть. Отсюда хорошо наблюдать и левый берег Волги, наблюдение ограничивается лишь пределом видимости.

Строения в Сталинграде были главным образом деревянные. К началу боев непосредственно в черте города они по большей части сгорели. Каменные здания сосредоточивались преимущественно там, где за годы пятилеток выросли заводы и рабочие городки. К этим районам относились заводская часть города и его центр. Однако к началу сражения в городе промышленные районы в значительной мере также были разрушены ударами вражеской авиации.

К началу сентября город еще не был полностью подготовлен к обороне: к 10—15 сентября готовность оборонительных сооружений не превышала 25%. Построенные сооружения были далеки от совершенства. Противотанковые рвы из-за недостаточности глубины не являлись серьезным препятствием для движения вражеских танков. Баррикады зачастую не прикрывались противотанковыми рвами. Далеко не все каменные здания были подготовлены для обороны. Отсечные позиции в городе отсутство-

вали. Все это требовало немедленных мер по приведению города в состояние, необходимое для успешной обороны. К сожалению, проводить их пришлось уже в процессе ожесточенных уличных боев, разгоревшихся за Сталинград.

При организации оборонительных работ город был разбит на три сектора: северный, центральный и южный; в каждый из них выделялись определенные силы, назначалось руководство и ответственные исполнители. Вместе с этим организовывалась оборона островов и части левого берега Волги.

62-я армия к этому времени занимала фронт: Рынок, Орловка, высоты северо-западнее и западнее города, Ельшанка, Купоросное. Передний край обороны проходил в двух — десяти километрах от окраины города.

На северном участке фронта армии одна группа наших войск, довольно глубоко вклинившаяся в расположение противника в районе Орловка и выс. 108,8, сдерживала натиск во много раз превосходящих сил противника. Напряженные бои велись по всему фронту армии, достигавшему в эти дни 50 километров. Армия отражала яростные попытки врага овладеть городом.

Наиболее напряженные бои велись на фронте 62-й и 64-й армий Юго-Восточного фронта, непосредственно оборонявших Сталинград. Упорный характер носили бои и к северу от Сталинграда, на участке 66-й и 24-й армий Сталинградского фронта. Эти армии непрерывно наносили контрудары по вражеским войскам, оттягивая на себя значительные силы противника.

Само собой разумеется, что все бои в черте города и связанные с ними контрудары с севера представляют собой один общий заключительный этап оборонительного сражения.

Сдерживая противника, наши войска беспрерывно совершенствовали свои позиции, укрепляли оборону. Общая численность частей, прикрывавших центральную часть Сталинграда, составляла не более 40 тысяч человек. Танков было менее 100. У противника же на этом участке действовало до семи пехотных дивизий (численностью до 100 тысяч человек), усиленных более чем 250 танками. Таково было положение на центральном участке сталинградской обороны к 12 сентября.

На рассвете 13 сентября, после довольно спокойно прошедшей ночи (лишь изредка одиночные самолеты бомбили наши боевые порядки), что было большой редкостью для Сталинграда, противник начал интенсивную бомбардировку пикирующими самолетами и сосредоточенный артиллерийский и минометный обстрел позиций наших войск, оборонявших юг центрального участка города; здесь оборонялись войска левого фланга 62-й и правого фланга 64-й армий [1].

В 8 часов, после часовой авиационной и артиллерийской подготовки, противник перешел в атаку, нанося одновременно два удара по центральной части города. Эти удары носили ярко выраженный концентрический характер. Налицо была попытка сломить сопротивление наших войск и добиться решающего успеха на этом направлении.

Противник наступал из района Городище в юго-восточном направлении и из района Песчанка (7 км юго-западнее станции Садовой) в северо-восточном направлении (схема 9). В центре оборонялась его 71-я пехотная дивизия. Удар наносили три пехотные дивизии (295, 76, 94-я), две танковые (14-я и 24-я) и одна моторизованная (29-я).

На участке 38-й мотострелковой и 6-й танковой бригад после напряженного боя ценой большой крови врагу удалось во второй половине дня прорвать передний край обороны и овладеть МТС и ее поселком, расположенными в одном километре от разъезда Разгуляевка, а также выс. 126,3 и аэродромным поселком. Быстро организованными контратаками дальнейшее продвижение гитлеровцев было приостановлено. Наш фронт отодвинулся здесь к западным опушкам рощ у поселков Баррикады и Красный Октябрь, выс. 115,4.

Одновременно наскоки противника из района станции Садовая против 10-й стрелковой бригады и на Купоросное против 35-й гвардейской стрелковой дивизии энергичными контратаками были отбиты с большими потерями для врага.

Складывавшаяся обстановка, а также опыт оборонительных боев под Смоленском и Брянском подсказывали,

---

[1] 38-я мотострелковая и 6-я танковая бригады располагались юго-восточнее и южнее Александровки; части 10-й стрелковой бригады — восточнее Садовой; 35-я гвардейская стрелковая дивизия обороняла рубеж Ельшанка, Купоросное.

что если мы будем обороняться пассивно, то Сталинград потеряем. Требовалось другое: во-первых, удесятерить упорство обороны и, во-вторых, сочетать это упорство со смелым маневром войск, артиллерийских и технических средств обороны; одним словом, организовать оборону так, чтобы душой ее стала высокая активность войск и огневых средств. Такой активности возможно достигнуть путем непрерывного применения в практике обороны контратак, контрударов пехоты и танков при поддержке авиации и особенно артиллерии. В духе этих принципов командующие 62-й и 64-й армиями и получили указания о ведении обороны.

Выполняя эти указания, временно исполнявший обязанности командующего 62-й армией товарищ Крылов в ночь на 14 сентября организовал контрудар против вклинившихся в оборону частей 295-й и 76-й немецких пехотных дивизий. Для этого были привлечены сводный батальон 112-й стрелковой дивизии, усиленная рота 9-й мотострелковой бригады и артиллерийский дивизион (это все, что удалось в тех условиях собрать на этом участке). Предполагалось нанести короткий удар по 295-й дивизии противника из района высоты с отметкой 98,9 в общем направлении на поселок у разъезда Разгуляевка. Одновременно 272-м полком 10-й дивизии намечалась контратака против 76-й пехотной дивизии противника из района выс. 115,4 в общем направлении на выс. 126,3 и далее на выс. 144,3. Сводный полк 399-й стрелковой дивизии должен был поддержать эту контратаку атакой в направлении через аэродромный поселок на выс. 153,7.

С рассветом наши части начали наступление и имели некоторый успех, достигнутый главным образом в результате дерзости наступавших и неожиданности для врага этого удара. Но противник быстро оправился. Введя большие массы танков и авиации, он продолжал наступать. Вражеские самолеты группами по 40—50 машин беспрерывно штурмовали наши контратакующие части. Силы оказались слишком неравными, и наш контрудар был отбит.

14 сентября — один из наиболее критических дней в истории обороны Сталинграда. Враг бросил на город семь отборных кадровых дивизий, 500 танков, несколько сот самолетов, сосредоточил огонь более тысячи орудий. Гитлеровцы задумали пробить нашу оборону как можно в

бóльшем количестве мест, изолировать один обороняющийся участок от другого и сбросить их защитников порознь в Волгу [1].

Упорнейшие бои развернулись в тот день в районе Мамаева кургана, на берегу Царицы, в районе элеватора и на западной окраине пригорода Минина. Стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, враг применял самые коварные методы борьбы. Он менял направления своих ударов, пытаясь ввести нас в заблуждение, перекрашивал свои танки под цвет советских и изображал на них пятиконечные звезды.

Во второй половине дня отдельные группы вражеских автоматчиков из района выс. 112,5 по оврагам просочились к городу и к 17 часам вышли к вокзалу Сталинград-I. Завязались напряженные уличные бои. К наступлению темноты гитлеровцы уже держали под ружейно-пулеметным огнем центральную переправу через Волгу. Особо ожесточенное сражение произошло в районе Мамаева кургана; ценою неимоверных потерь врагу удалось овладеть господствующей над городом выс. 102,0 (Мамаев курган).

Все тяжелее становилось положение в городе. Резервов по-прежнему не было. Центральной переправе через Волгу угрожала непосредственная опасность. Немцам казалось, что еще одно усилие, последний напор — и они овладеют Сталинградом, а нас опрокинут в Волгу.

В этот сложный и тяжелый период боевых действий под Сталинградом выбыл командарм 62-й генерал-лейтенант Лопатин. Товарищ Лопатин в этой должности под Сталинградом провел почти полтора месяца самых напряженных боев. И если сейчас мы славим воинов 62-й армии, ее бойцов, офицеров и генералов, то нельзя забывать и товарища Лопатина; его заслуги несомненны.

После выбытия товарища Лопатина мы с Никитой Сергеевичем стали тщательно присматриваться к генералу Крылову, временно вступившему в командование армией. Сначала даже предполагалось просить Ставку оставить его командармом: будучи хорошим штабным

---

[1] В начале сентября гитлеровцы составили план последовательного уничтожения Сталинграда После разгрома окруженной немецкой группировки среди других оперативных документов была найдена подробная схема Сталинграда, в которой город был разбит на секторы, занумерованные в порядке их военной значимости.

работником, он бесспорно имел такие данные, которые позволили бы ему значительно вырасти в оперативно-боевом отношении и достойно занимать пост командующего. Однако нас удержало соображение, что такого начальника штаба, как Крылов, с его огромнейшим опытом борьбы в Одессе и Севастополе, подобрать в 62-ю армию будет очень трудно. Обстановка же в Сталинграде складывалась все сложнее и сложнее. Решили сохранить товарища Крылова на должности начальника штаба.

Пришлось заняться подбором кандидатуры на должность командующего армией. Среди многих командующих армиями, их заместителей, среди многих других генералов наше внимание привлек заместитель командующего 64-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Ему были свойственны многие положительные качества: решительность и твердость, смелость в решениях и большой оперативный кругозор, высокое чувство ответственности и сознание своего долга. По мирному времени товарищ Чуйков был нам хорошо известен. Кроме того, он находился недалеко и мог немедленно вступить в командование.

Все эти соображения были немедленно (по ВЧ) доложены И. В. Сталину; мы просили назначить товарища Чуйкова командующим 62-й армией. И. В. Сталин, всегда относившийся к подбору кадров очень строго, спросил меня, достаточно ли хорошо я знаю товарища Чуйкова. Пришлось заверить Ставку, что товарищ Чуйков командованию фронта уже хорошо известен как военачальник, на которого вполне можно положиться, и что назначение его в данных условиях наиболее целесообразно. Товарищ Сталин согласился с нашим предложением.

Как только вопрос о назначении Чуйкова командармом был решен, я немедленно вызвал его из 64-й армии. Василий Иванович прибыл очень быстро.

Сейчас точно не помню, но, кажется, часов около 10 утра я шел в палатку позавтракать (наш командный пункт в это время находился в маленьком леске около деревни Ямы). На полпути меня остановил генерал Чуйков, спокойно доложивший добродушным голосом:

— Товарищ командующий, генерал-лейтенант Чуйков по вашему приказанию прибыл.

Поздоровавшись, я предложил ему позавтракать со мной, но он отказался, сказав, что уже перекусил у на-

чальника штаба фронта генерала Захарова. Около часа беседовали мы, прогуливаясь около моей землянки и несколько раз останавливаясь, когда гитлеровские снаряды ложились рядом с командным пунктом. Беседа касалась как общих вопросов войны, так и характера борьбы на нашем фронте и ее особенностей, техники и ее применения, а также конкретного положения дел в 64-й армии.

«Прощупав» этой беседой взгляды товарища Чуйкова на перспективы войны и нашей борьбы под Сталинградом, я, к моему удовольствию, констатировал, что товарищ Чуйков, далекий от какого бы то ни было пессимизма, твердо уверен в нашей победе над врагом, в наших преимуществах перед ним. Это, естественно, радовало.

— Василий Иванович, я вызвал вас затем, чтобы предложить вам новую должность, — перешел я наконец к вопросу о состоявшемся назначении.

Как ни был сдержан товарищ Чуйков, он все же слегка встрепенулся. Мы пристально взглянули друг на друга.

— На должность командующего 62-й армией, — продолжал я. — Как вы на это смотрите?

— В этом отношении назначение, конечно, весьма ответственное, — спокойно ответил товарищ Чуйков, употребляя свое привычное выражение «в этом отношении».

— Положение в армии очень напряженное. Очень хорошо, что вы представляете, какая огромная ответственность ляжет на вас. Сумеете ли хорошо справиться с возлагаемой на вас работой?

— Думаю, что в этом отношении не подкачаю и при вашей помощи вполне справлюсь, — уверенно и с достоинством ответил товарищ Чуйков.

— Подчас высказывается соображение о том, что противник прижмет части армии к реке и сбросит в Волгу. Это — результат не совсем правильного понимания обстановки. Иногда забывают, что мы уже два месяца держим противника под Сталинградом, нанесли ему громадные потери, сильно подорвали его моральный дух. И хотя гитлеровцы в данный момент еще очень сильны и превосходят нас в силах и средствах, они все-таки обречены: с каждым новым днем противник все больше и больше выдыхается, а мы крепнем; в конечном счете враг

под Сталинградом будет разбит. Все идет к этому. Важно не только самому быть уверенным в нашей победе, но и прививать эту уверенность всем своим подчиненным от солдата до генерала. Хватит ли у вас мужества и твердости противостоять всем трудностям и помочь другим преодолеть их? Ответственность, Василий Иванович, действительно очень велика: на нас положился народ, а доверие народа нельзя обмануть; у нас не может быть и тени сомнения в успехе защиты Сталинграда.

— Будьте твердо уверены, Андрей Иванович: рука и сердце не дрогнут.

— Ну, хорошо, — сказал я, — вопрос о назначении уже решен. И. В. Сталин вчера утвердил наше представление о назначении командующего 62-й армией. Вот тебе моя рука, Василий Иванович, — незаметно для себя я перешел на «ты», — пусть скорее отпадут наши руки, чем сдадим мы Сталинград. Даже переступив через наши трупы, противник не должен занять город; и в том случае, если придется погибнуть, останутся другие, способные выполнить волю народа — во что бы то ни стало отстоять Сталинград. Думаю, Василий Иванович, что постановка вопроса ясна тебе.

— Совершенно ясна, твердо уверен в победе, — ответил Чуйков.

— Ну и замечательно! В этом самое главное.

Я пояснил товарищу Чуйкову, почему пришлось сменить командный пункт. На старом командном пункте, располагавшемся на участке 62-й армии, очень часто нарушалась связь с другими армиями, а из-за этого страдало управление ими; на командный пункт трудно было попасть моим заместителям, командармам. Потому-то с разрешения Ставки командный пункт был перемещен в лес возле деревни Ямы. Здесь мы также находились под обстрелом и бомбежкой, но зато отсюда представилось возможным держать непрерывную связь со всеми армиями, тылами и Ставкой.

— С 62-й армией, хотя до нее рукой подать, — продолжал я, — очень часто нарушается проводная связь, поэтому в штольне[1] я оставил маленькую радиостанцию, а у себя в блиндаже установил другую. Это обеспечивает

[1] Командный пункт фронта на берегу Волги.

прочную и постоянную связь. Обрати на это внимание, связь не должна прерываться ни на минуту.

Затем мы прошли в землянку к товарищу Хрущеву. Никита Сергеевич разговаривал в это время по телефону с начальником политуправления одного из фронтов, давая указания по организации партийно-политической работы в тех войсках, которые готовили контрудары по прорвавшейся к Волге группировке противника. Тепло поздоровавшись с нами, Никита Сергеевич, считавший, что он еще недостаточно хорошо знает Чуйкова, начал разговор с общих вопросов, между прочим спросив, читал ли Василий Иванович недавно вышедшую пьесу Корнейчука «Фронт». Получив отрицательный ответ, он настоятельно порекомендовал командарму внимательно прочесть пьесу. «Очень сто́ящая вещь», — подчеркнул Никита Сергеевич. Далее член Военного совета осведомился о том, как идут дела в 64-й армии, и, получив односложный ответ — удовлетворительно, перевел разговор на вопросы, связанные с новым назначением Василия Ивановича.

— Командующий, по-видимому, уже сообщил вам о причине вызова в штаб фронта?

— Так точно, Андрей Иванович уже объявил мне об этом.

— Поздравляю вас, Василий Иванович, с этим почетным назначением и желаю больших успехов. Сейчас армией временно командует начальник штаба товарищ Н. И. Крылов, замечательный военачальник. Член Военного совета армии товарищ Гуров — настоящий политработник высокой большевистской закалки. Вам вверяется героическая армия, хорошо показавшая себя на протяжении всех боев под Сталинградом. Но обстановка на участке армии сложна. Необходимо обеспечить четкую и слаженную работу штаба, командования и парторганизаций армии. Нужно пронизать все поры армейского организма настоящей большевистской боевитостью и партийностью. Добиться железной стойкости и упорства обороны, сделать ее действительно активной.

В конце разговора я еще раз подчеркнул громадную важность поддержания строгой организованности и порядка во всей обороне города, необходимость самого пристального внимания к делу разведки и связи и, главное, разнообразию методов борьбы, активизации всех звеньев обороны, использованию всех пороков вражеской тактики.

В конце беседы мы еще раз пожелали Василию Ивановичу успеха в работе и приказали немедленно вступить в командование армией. Крепко пожав руку Василию Ивановичу, Никита Сергеевич снова напомнил о том большом доверии, которое оказали ему партия и народ, поручив командовать войсками армии в Сталинграде.

— Все будет в порядке, — заверил нас товарищ Чуйков.

62-я армия к моменту принятия ее товарищем Чуйковым прошла уже значительный боевой путь и выдержала серьезные испытания. Нужно объективно сказать, что Никита Сергеевич был полностью прав, когда говорил, что новый командующий получил хорошую и закаленную в жарких боях армию.

Нельзя не сказать здесь и о других руководителях героической армии, которые сыграли важную роль в ее успехах. Это — член Военного совета генерал-лейтенант К. А. Гуров, начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов и начальник политотдела генерал-майор И. В. Васильев.

К. А. Гуров имел большой жизненный и военный опыт. Выходец из бедной крестьянской семьи, он рано начал работать: сначала (в двенадцать лет) пастухом, затем рабочим на фабрике, потом батраком у кулака. В гражданскую войну он воевал на Дальнем Востоке и был там награжден орденом Красного Знамени. С 1921 года он в рядах Коммунистической партии. В тридцатых годах он получил высшее военно-политическое образование, окончив в 1936 году Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. С первых дней Великой Отечественной войны — на фронте; с 15 июля — в 62-й армии. Это прекрасный воспитатель армии: в быстро меняющейся обстановке он всегда умел находить наиболее подходящие формы политического обеспечения выполнения боевых заданий командования.

Большим боевым опытом обладал и начальник штаба генерал-майор Н. И. Крылов. В гражданскую войну он сражался в Крыму (против Врангеля), на Дальнем Востоке. С 1921 года — на командных должностях в Советской Армии. В год десятилетия Советской власти (1927 год) он вступил в партию. Отечественную войну начал на Дунае в крепости Измаил. Как начальник

штаба Приморской армии, он участвовал в героической обороне Одессы и Севастополя.

Будучи опытным штабным командиром, товарищ Крылов умел кропотливо работать в любых условиях боевой обстановки. Известно, что штабу армии, где рождаются планы боевых операций, необходимы нормальные, спокойные условия работы. В Сталинграде этих условий, конечно, не было, но штаб армии успешно вел свою работу и в этих необычайно трудных условиях. Работа штаба осложнялась и тем, что Крылову нередко приходилось организовывать из офицеров штаба армии группы для защиты штаба, непосредственно руководить переброской через Волгу прибывавшего пополнения. Так, в сентябрьские дни командиры и политработники штаба и политотдела армии прикрывали переправу в Сталинград гвардейской дивизии генерал-майора А. И. Родимцева.

Вполне соответствовал своей должности и начальник политотдела генерал-майор И. В. Васильев. Он всегда поддерживал самую тесную связь с коммунистами частей и подразделений и на этой основе добивался высокого уровня партийно-политической работы на всем протяжении боевого пути армии под Сталинградом. С усложнением обстановки усиливалась партийно-политическая работа, возрастала ее идейность, разнообразились ее формы.

Такова краткая характеристика людей, возглавлявших и направлявших боевые действия героической 62-й армии.

В эти дни началась переправа в Сталинград некоторых резервных частей, подтянутых наконец к левому берегу Волги.

Переправу подкреплений на правый берег Волги пришлось производить днем, т. е. под непрерывным огнем противника (артиллерия, минометы, автоматчики, пикирующие самолеты). Дожидаться ночи мы не могли. Дорог был каждый час. И мы пошли на переправу в исключительно трудных условиях. Сама по себе она явилась выдающимся подвигом воинов, вливавшихся в семью сталинградцев. Переправа осуществлялась отдельными подразделениями (рота, батальон). Для прикрытия переправы со стороны берега (правого) Волги мы собрали из 62-й армии всех, кого возможно было собрать; главным образом это были комендантские подразделения, а также офицеры штаба и политотдела армии. Это обес-

печение переправы сыграло большую роль, помогло успешно высадиться первым эшелонам подкреплений. Высадившиеся на берегу подразделения тут же получали свои задачи и немедленно с ходу вступали в уличные бои.

В связи с тем, что Мамаев курган (выс. 102,0) оказался в руках врага, положение оборонявшихся стало исключительно тяжелым. Необходимо было во что бы то ни стало вернуть высоту. Эта задача была возложена на два полка: один полк из числа только что прибывших и полк 112-й стрелковой дивизии под общим командованием командира этой дивизии полковника И. Е. Ермолкина[1].

В ночь на 16 сентября части готовились к штурму высоты. Солдаты и офицеры обоих полков торжественно обещали взять Мамаев курган. По нашему замыслу, один полк должен был овладеть северными и частично северо-восточными скатами высоты, а другой, под командованием капитана Асеева, — северо-восточными.

С рассветом, после 10-минутной артиллерийской подготовки, начался штурм. Полки атаковали в развернутом строю. Враг открыл ураганный минометный огонь, вскоре в бой включилась и фашистская авиация. Но сталинградцы, не считаясь с жертвами, шли вперед. Первым во вражеские окопы ворвался батальон гвардии капитана Кирина. В короткой, но яростной рукопашной схватке было сломлено последнее сопротивление врага. Полк стал закрепляться на достигнутом рубеже. Одновременно воины другого полка, упорно преодолевая крутой северо-восточный склон высоты, рвались к вершине кургана. Здесь укреплений врага первым достиг взвод лейтенанта Вдовиченко, который в рукопашном бою пал смертью героя; его заменил сержант Куценко. Штыком, прикладом, гранатой прокладывали себе путь герои во вражеских окопах. Из тридцати бойцов взвода осталось шесть. Отважная шестерка, захватив вражеские позиции, стойко удерживала их, пока не подошли остальные подразделения батальона.

Враг не хотел примириться с утратой такого выгодного пункта. Он беспрерывно бросал свои войска в контратаки, но безуспешно.

То, что нам удалось вернуть Мамаев курган, сыграло громаднейшую роль во всей последующей обороне города.

[1] Прежний командир дивизии полковник И. П. Сологуб погиб 12 августа 1942 г.

В течение пяти дней, с 15 по 19 сентября, в центре города и в его южной части шли беспрерывные и очень ожесточенные бои, проходившие в необычной обстановке. Все общепринятые понятия и представления о ведении боя как-то нарушились. Бои происходили всюду: в садах и огородах, в оврагах с их крутыми склонами, в узких переулках, на широких улицах и просторных площадях, а иногда и внутри домов — на этажах и в комнатах. Многие подразделения часами упорно штурмовали здания, бились с врагом в полуразрушенных помещениях среди изуродованной домашней утвари. Резкая смена обстановки требовала постоянного напряжения командирской мысли и воинской сметки от всех воинов, требовала умения в каждом конкретном случае применять различные формы боя.

Части, находившиеся на направлении главного удара, стремились остановить распространение противника. Они сильными контратаками не только сдерживали, но и отбрасывали врага назад. А враг вводил все новые силы. В ожесточеннейших боях ему удалось занять элеватор и консервный завод, что ухудшало положение наших войск в городе.

В те тяжелые дни командованием был издан приказ, который, выдвигая неотложные задачи перед всеми родами войск, призывал защитников Сталинграда к величайшему напряжению сил, к стойкости и упорству в обороне. Основной мыслью приказа было требование «уничтожить врага под Сталинградом, положить начало разгрому кровавых захватчиков и очищению нашей страны от них».

В этот период городской комитет обороны обратился к защитникам Сталинграда с призывом отстоять город. «...Лучше смерть в бою, — говорилось в воззвании, — чем позорное рабство. Не посрамим чести родного Краснознаменного Сталинграда! Вместе с мужественными войсками Красной Армии отстоим от фашистских мерзавцев наш родной город».

К героическим защитникам Сталинграда обратились с письмом участники царицынской обороны 1918 года: «Не сдавайте врагу наш любимый город. Любой ценой защищайте Сталинград! Бейтесь так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, жила в веках».

Войска фронта горячо откликнулись на письмо ветеранов царицынской обороны.

«С волнением и трепетом слушали мы призыв поседевших бойцов, — писали гвардейцы Сталинграда. — Каждый из нас в эти минуты думал об одном: от нас и только от нас зависит исход борьбы за любимый город. Каждый из нас еще и еще раз проникся сознанием того, как велика ответственность, возложенная на нас».

«К нам обратились с боевым призывом отцы наши — герои Царицына, — писали гвардейцы-танкисты в своем обращении ко всем танкистам Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. — На нас с надеждой смотрят советский народ, Россия, весь мир. Клянемся повторить подвиг защитников Царицына — у стен Сталинграда положить начало окончательному разгрому гитлеровских захватчиков, напавших на русскую землю».

Слова комсомольца снайпера Зайцева: «Сталинград не сдадим. За Волгой для нас земли нет!» — стали символом беспримерного героизма и невиданной стойкости всех защитников Сталинграда. Подхватив эти слова, армейская газета писала в те дни: «Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет, она закрыта приказом Родины, приказом народа. Отечество требует от всех защитников города биться до последнего, но удержать Сталинград».

Огромного размаха в эти дни достигла политическая работа партийных организаций в войсках. Ее результаты были налицо. Получалось так, что, чем труднее и сложнее складывалась обстановка в Сталинграде, тем теснее сплачивались воины вокруг партийных организаций, тем выше поднимался их боевой дух, тем энергичнее становился отпор врагу.

В эти грозные для Отчизны часы партийные организации соединений фронта получили тысячи заявлений от беспартийных воинов об их желании стать коммунистами. Чтобы выстоять на правом берегу Волги, сталинградцы должны были обладать, казалось, сверхчеловеческими силами. И эти силы воину-сталинградцу давала партия, которая крепила его организованность, вселяла в него непоколебимую уверенность в победе. Все мы каждую минуту чувствовали благотворный пульс кропотливейшей партийно-политической работы, которую умело организовывал и направлял твердой рукой Н. С. Хрущев.

Советский народ не жалел усилий для оказания помощи защитникам Сталинграда. Так, в сентябрьские дни войска фронта были усилены рядом новых частей и соединений, в том числе частями генерала Родимцева, генерала Смехотворова, генерала Гурьева, генерала Желудева, полковника Гуртьева. Сталинградцы чувствовали заботу партии, ее Центрального Комитета, Советского правительства, всего советского народа, знали, что помощь Родины возрастает с каждым днем. Это еще более поднимало их боевой дух, умножало их силы.

Немалую роль в упрочении сталинградской обороны сыграла авиация, также в определенной степени усиленная к этому времени. Воздушными силами на Сталинградском фронте командовал генерал-майор авиации Т. Т. Хрюкин; несмотря на свою молодость (ему тогда было всего 32 года), это был опытный и знающий авиационный начальник[1]. Его хорошо дополнял замечательный штабной командир — начальник штаба 8-й воздушной армии полковник Н. Г. Селезнев. Наши летчики смело ввязывались в рискованные, подчас неравные бои и, как правило, выходили победителями.

Особенно ожесточенные бои разгорелись 17 сентября за вокзал Сталинград-I. Этот район оборонялся первым батальоном 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии, вышедшим к вокзалу еще 14 сентября, сразу же после переправы с левого берега. Здесь гвардейцев встретил губительный огонь противника. Среди солдат наступило некоторое замешательство. Батальон залег. Но вот впереди поднялся коммунист Крюков; устремившись на врага, он крикнул: «За мной, товарищи, бей гадов!». Мало кто в грохоте боя слышал его слова, но все поняли их смысл. В едином порыве поднялся батальон и смял врага (схема 10).

17 сентября враг атаковал район вокзала большой группой автоматчиков, поддержанных двумя десятками танков. Вокзал четыре раза переходил из рук в руки, но к исходу дня противник был окончательно отброшен за железную дорогу, оставив у здания вокзала до десятка сожженных танков и много трупов солдат и офицеров. Особо отличилась здесь рота младшего лейтенанта Колё-

---

[1] В 1953 году преждевременная смерть вырвала его из наших рядов.

ганова, оборонявшая здание вокзала. Прикрываясь авиацией и артиллерией, гитлеровцы непрерывно атаковывали вокзал, но, переходя в штыковые контратаки, воины Колеганова всякий раз отбрасывали врага. Раненые не оставляли поля боя, поддерживая огнем товарищей, еще державшихся на ногах. 27 января 1943 года «Правда» опубликовала донесение командира роты своему непосредственному начальнику командиру батальона гвардии старшему лейтенанту Федосееву. Колеганов писал:

«Доношу обстановку: противник старается всеми силами окружить мою роту, заслать в тыл автоматчиков. Несмотря на превосходящие силы противника, наши бойцы и командиры проявляют мужество и геройство. Гвардейцы не отступают. Пусть падут смертью храбрых, но противник не должен перейти нашу оборону. Пока командир роты живой, ни одна сволочь не пройдет. Обстановка напряженна, сам лично я на слух оглох и слаб, падаю с ног. Но погибнем героями за город, а не отступим назад».

И гвардейцы сдержали свое слово, враг не прошел, хотя почти все воины роты Колеганова пали смертью героев.

В эти дни враг занял Купоросное, и войска 62-й армии оказались теперь отрезанными от соседей не только с севера, но и с юга; кроме того, они вплотную прижались к Волге. Одновременно противник начал наступление на Нижнюю Ельшанку; кровопролитные бои здесь длились четыре дня.

Выход противника к Волге еще на одном участке создавал определенную угрозу форсирования Волги, особенно просачивания отдельных групп с целью разведки и диверсий. Для обороны района Заволжья у нас не было решительно никаких резервов. Между тем вся долина Волги (по левому берегу) и пойма Ахтубы были буквально забиты тылами трех армий, Волжской военной флотилии и Юго-Восточного фронта. Даже мелкие вражеские группы могли серьезно нарушить снабжение войск, оборонявших Сталинград. Чтобы предупредить любые неожиданности и дать возможность тылам работать увереннее, мы вынуждены были объединить (под одним командованием) ряд мелких подразделений, выведенных в тыл на переформирование, и создать их силами оборону по восточному берегу реки на участке Средне-По-

громное, Красная Слобода, Павловский, Громки, а также и на других наиболее угрожаемых участках. На противоположном берегу реки против перечисленных пунктов был уже противник. Созданная оборона была, конечно, очень слабой, но тем не менее до подхода батальона укрепленного района она выполняла возложенную на нее задачу. Эта оборона сыграла также свою роль и в обеспечении работы наших артиллерийских групп. К этому времени на многих участках в Сталинграде расстояние между нашими частями и Волгой настолько сократилось, что исчезла всякая возможность иметь здесь позиции дальнобойной артиллерии. Поэтому в середине сентября пришлось отдать распоряжение об усилении левобережной артиллерийской группы. Приведу выдержку из данного распоряжения:

«4. Начальнику артиллерии фронта усилить на восточном берегу р. Волга артгруппу и ввести в ее состав: 266, 457 пап, 111 пап, дивизион 1104 пап, дивизион 1159 пап, одну батарею 85 гап, 140 мин. полк, 2/2 гмп, 51 гмп и дивизион 90 гмп.

Задача — всей группой артиллерии обеспечить уничтожение противника:

а) на участке 62-й армии в полосе Красный Октябрь, Городище, устье р. Царица, Опытная станция, Гумрак;

б) на стыке 62-й и 64-й армий в полосе р. Царица, северная окраина Бекетовка, Елхи.

С целью наиболее эффективного использования огня артгруппы иметь одновременно сеть артиллерийского наблюдения в обеих полосах.

5. Командарму 64-й в целях уничтожения противника и обеспечения стыка с 62-й армией в районе приг. Минина, Зеленая Поляна полностью использовать Волжскую военную флотилию и артиллерийскую группу.

6. Начальнику артиллерии фронта к исходу 13.9.42 сформировать 2 минполк (36—120-мм минометов), для чего использовать имеющиеся минометы и 700 человек артиллеристов, прибывших из 169 сд. Полк формировать и держать в резерве в районе Красный Буксир».

Речь здесь шла об усилении той самой артиллерийской группы, о которой мы подробно говорили в предыдущей главе. Вскоре эта группа была еще более усилена: в ее состав вошли пять полков резерва Верховного Главно-

командования. Группа превратилась в могучую ударную силу в руках командующего фронтом.

К 18 сентября в Сталинграде обстановка еще более осложнилась. Противник продолжал ожесточенные атаки, пытаясь уничтожить наши войска и захватить центральную часть города. Чтобы облегчить положение 62-й армии, войскам Сталинградского фронта было приказано организовать на своем левом крыле еще один контрудар по противнику; цель контрудара — нанести поражение противнику в районе Гумрак, Городище и соединиться с 62-й армией. Для оказания содействия этому контрудару части, расположенные в районе Мамаева кургана, получили приказ нанести контрудар на северо-запад, чтобы исключить для противника возможность переброски войск из города на север.

Эти удары были предприняты одновременно 19 сентября (см. схему 10). Тяжелые бои в этот день развернулись на всем фронте 62-й армии. Нам удалось занять высоту 126,3. На других направлениях заметного успеха добиться не удалось. Противник исключительно сильно противодействовал своей авиацией.

Не удалось добиться успеха и левому крылу Сталинградского фронта. Однако силы северной группировки гитлеровцев вновь оказались скованными в критический момент борьбы за центр города, что не позволило противнику серьезно усилить здесь свои удары.

Однако уже 21, 22 сентября гитлеровцы сумели подбросить подкрепления. Они снова попытались сломить сопротивление наших войск в центре города и в районе Мамаева кургана, чтобы сбросить защитников этих рубежей в Волгу.

В летописи Сталинградской битвы дни 21 и 22 сентября выделяются особо, так как в эти дни с особой силой проявились непреклонное мужество и массовый героизм защитников Сталинграда.

Ранним утром 21 сентября началось вражеское наступление на фронте 13-й гвардейской стрелковой дивизии, 42-й и 92-й стрелковых бригад и 95-й стрелковой дивизии. Над районом, обороняемым этими соединениями, нависла бомбардировочная авиация противника, его минометы и артиллерия густым огневым валом накрыли наши позиции. Это сразу же выдало направление главного удара противника, и мы тут же стали готовить контр-

меры. Главная масса артиллерии артиллерийской группы быстро подготовилась к контрналету. Дальнобойная артиллерия сразу же открыла огонь по позициям противника с целью подавления его огня. Одновременно зенитная артиллерия громила авиацию противника. В воздух поднялись наши истребители, смело вступившие в бой с вражескими самолетами. Хваленые асы Рихтгофена обратились в бегство. В воздушных боях бессмертную славу приобрел летчик Рогальский, повторивший легендарный подвиг Гастелло. Его самолет, получив прямое попадание снаряда, загорелся в воздухе, и летчик направил горящую машину на группу немецких танков, атаковывавших наши позиции.

После длительной артиллерийской и авиационной подготовки враг рванулся в атаку. Пять вражеских дивизий [1] поднялись одновременно на штурм. Облаками пыли и дыма затянуло район боя; четко выделялись лишь вспышки рвущихся бомб и снарядов.

Мамаев курган, расположенный близ центра города и в мирное время служивший местом прогулок сталинградцев (живописнейший уголок, с которого открывается чудесная широкая панорама окрестностей города), сейчас принял совсем необычный вид. Весь он был изрезан суровым узором траншей, оплетен проволочными заграждениями; дзоты обратили к врагу нацеленный взгляд своих амбразур; из укрытий предупреждающе отсвечивали жерла орудий. Воины, напряженно, деловито закончив последние приготовления к бою, готовы были к отпору.

Мы с Никитой Сергеевичем, находясь на командном пункте (три километра от центра города), стремились ни на минуту не выпустить из рук нити управления войсками. Нас не могла не беспокоить участь полков и дивизий, оказавшихся под ливнем снарядов и бомб, ставших объектом ожесточенного вражеского нападения. Мы предпринимали все необходимые меры помощи им, хотя были твердо уверены в том, что стойкость наших солдат не будет поколеблена, особенно надеялись на 13-ю и 95-ю стрелковые дивизии. Всему Сталинграду была уже известна своей отвагой и выдержкой 13-я гвардейская

---

[1] 76-я, 94-я пехотные, 24-я, 14-я танковые и 29-я моторизованная дивизии.

стрелковая дивизия с ее командиром Александром Ильичем Родимцевым. Не менее известны были своим мужеством и стойкостью 95-я стрелковая дивизия и ее командир полковник Горишный Василий Акимович (ныне генерал и Герой Советского Союза). Исключительная отвага, командирская настойчивость и требовательность сочетались у него с умением хорошо организовать бой и мобильно управлять войсками при любых условиях. Еще в дни гражданской войны, будучи в рядах 1-й Конной армии, товарищ Горишный сражался с врагами как бесстрашный воин и беззаветно преданный советской Родине человек.

Наша положительная оценка 13-й гвардейской и 95-й стрелковых дивизий и их командиров полностью оправдала себя в практике боевых действий, особенно в дни боев за центральную часть города и Мамаев курган.

Чтобы надежно поддержать огнем эти дивизии, оказавшиеся на решающем участке сражения, вся фронтовая артиллерийская группа со своими подгруппами по нашему приказанию сосредоточила свой удар перед их фронтом.

Проследим, как развивались события в эти дни.

20 сентября, к исходу дня, противник, сосредоточив значительные силы в районе Дар-Горы, открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по волжским переправам. Вслед за этим вражеские автоматчики прорвались на левый берег реки Царица и вышли на одном из участков волжского берега к переправам, однако закрепиться там не сумели и вскоре были выбиты контратакой 42-й стрелковой бригады, поддержанной артиллерийской группой фронта.

Командовал бригадой полковник М. С. Батраков, умело и храбро руководивший боевыми действиями подразделений соединения. Ныне он генерал-майор, Герой Советского Союза.

21 сентября противник указанными выше силами произвел целую серию атак в центре города и у Мамаева кургана. Все они в ожесточенных боях были отбиты. В этот день, правда, до двух рот автоматчиков просочились в район центральной пристани; оборонявшиеся здесь 42-я и 92-я стрелковые бригады взяли вражеских автоматчиков под обстрел; переправа прекратила свою работу.

На следующий день, 22 сентября, бои достигли высокой степени напряжения. 76-я пехотная дивизия против-

С. Г. Горячев

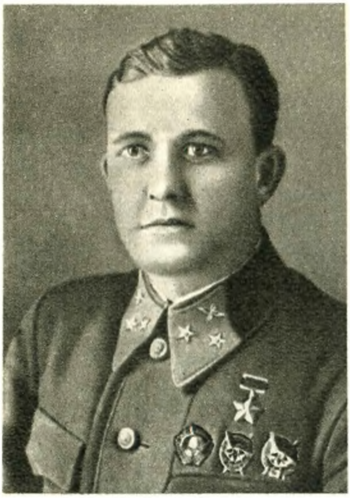
В. В. Тихомиров

А. И. Лосев

И. К. Морозов

Т. Т. Хрюкин

С. И. Руденко

Н. Г. Селезнев

Н. С. Скрипко

ника, поддержанная сотней танков, предприняла ряд отчаянных атак на позиции 34-го и 42-го гвардейских стрелковых полков 13-й гвардейской стрелковой дивизии. В первой половине дня эти полки отбили 12 ожесточенных атак врага, всякий раз сопровождавшихся мощными ударами авиации и артиллерии. Лишь во второй половине дня группа автоматчиков — до 200 человек — с 15 танками вклинилась в нашу оборону в районе оврага Долгий и вышла на правый фланг 34-го гвардейского стрелкового полка. Одновременно другая группа противника вышла на левый фланг этого полка (район площади 9-го Января). Полку угрожало полное окружение. Для ликвидации прорыва пришлось ввести ограниченные дивизионные резервы: два батальона и разведроту. Один из батальонов, поддержанный разведротой, предпринял контратаку в районе оврага Долгий, другой — в районе площади 9-го Января. Контратака увенчалась полным успехом. Враг бежал с поля боя.

Однако на других участках положение по-прежнему было опасным: противник силой до пехотного полка продвигался по Киевской и Курской улицам; до роты его вышло к корпусам Дома специалистов, откуда производились попытки проникнуть к Волге; до полка вражеской пехоты наступало по оврагу реки Царица также в сторону Волги.

Южнее, примерно такими же силами, но с танками, враг двигался по улице КИМ. Этим силам удалось разъединить 42-ю и 92-ю стрелковые бригады и отрезать их от частей 13-й гвардейской стрелковой дивизии (в дальнейшем обе бригады были выведены на левый берег в район Красной Слободы). Здесь только и удалось врагу добиться незначительного успеха.

Однако настойчивые попытки врага добиться решающего перелома событий в свою пользу потерпели провал. В течение 22 сентября продолжались бои юго-восточнее вокзала Сталинград-I, где оборонялись 1-й и 2-й батальоны 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник окружил 1-й батальон и 5-ю роту 2-го батальона; потеряв связь со штабом полка, окруженные подразделения продолжали мужественно оборонять свои позиции. К вечеру 5-я рота вырвалась из вражеского кольца и присоединилась к своим; большинство же воинов 1-го батальона во главе с

доблестным командиром старшим лейтенантом Федосеевым пали смертью храбрых, ни на шаг не отступив со своего рубежа.

20 сентября был отдан приказ войскам обоих фронтов, направленный на подъем морального духа воинов в этот тяжелейший для войск, оборонявших Сталинград, момент. Надо иметь в виду, что личный состав сменялся и тот, кто вступал в семью защитников города, должен был знать высокие традиции сталинградцев.

«ПРИКАЗ ВОЙСКАМ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ № 7

20 сентября 1942 года — Действующая армия

Товарищи бойцы, командиры и политработники! Уже скоро два месяца, как гитлеровские стервятники рвутся к Сталинграду. Через горы трупов своих солдат и офицеров, уничтоженных нашими славными воинами Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, кровавый Гитлер снова и снова гонит свои части в бой. Главный удар врага пришелся по войскам Юго-Восточного фронта, непосредственно обороняющим Сталинград. Они героически защищают город, отбивая ежедневно по нескольку атак танков и пехоты противника. За этот период времени отбито более ста атак противника, при этом бойцы, командиры и части в целом проявили исключительное упорство в борьбе и небывалый героизм. За это время уничтожены сотни танков и много другой техники врага, истреблены тысячи фашистских солдат и офицеров.

Сейчас враг находится у стен Сталинграда.

Враг, истекая кровью, продолжает рваться к городу.

Задача войск Сталинградского фронта — скорее, в наикратчайший срок оказать помощь своим братьям, защитникам Сталинграда, а войск Юго-Восточного фронта — еще упорнее защищать город, нанося контрудар по зарвавшемуся врагу. Всем войскам действовать решительно и смело, быстро и храбро. Артиллеристам сильным

огнем прокладывать путь танкам и пехоте, уничтожать противотанковую артиллерию, пехоту и танки врага.

Гвардейцам-минометчикам накрывать своим мощным огнем боевые порядки врага, скопления его войск, контратакующие группы, прокладывать путь пехоте и танкам, держать связь с пехотой, не отставать от нее, выдвигаться вперед и преследовать врага огнем.

Танкисты, стремительно врезывайтесь в боевые порядки врага, стреляйте с ходу, уничтожайте врага огнем и давите танками!

Пехота, своим мощным минометным, автоматическим и ружейным огнем истребляй врага всюду, где бы его ни встретила, бегом выдвигайся за танками, от танков не отставай. Танки прикрывают пехоту, а пехота прикрывает танки. Нет танков — двигайся без них: быстрота удара решает успех боя.

Бронебойщики, уничтожайте танки и бронемашины противника! Бей в бок танка — нанесешь больше потерь врагу!

Летчики-истребители, смелее атакуйте врага в воздухе!

Штурмовики и бомбардировщики, бесстрашно атакуйте и беспощадно уничтожайте прицельным огнем врага на земле. Ни одной бомбы по пустому месту!

Требую от всех войск величайшего напряжения и героизма, от всего командного состава — непосредственного руководства в бою. Пусть не дрогнет рука ни у одного воина в этой великой битве.

Трусам и паникерам нет места в наших рядах.

Общая задача всех родов войск — уничтожить врага под Сталинградом и положить начало его разгрома и очищения нашей страны от кровавых захватчиков. И мы этого добьемся обязательно. Для этого у нас достаточно сил и средств. Отомстим варварам, поджигателям войны, разорившим наши села, города и заводы, пролившим много крови нашего мирного населения. Нет пощады врагу, вперед, смело в бой! — таков призыв Родины, таков приказ Верховного Главнокомандующего.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, экипажах и командах.

Командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами генерал-полковник
А. ЕРЕМЕНКО

Член Военного совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов генерал-лейтенант
Н. ХРУЩЕВ».

В ночь на 23 сентября части 284-й[1] и 95-й стрелковых дивизий произвели дерзкую контратаку и выбили врага с занятых им днем позиций.

В ожесточенных боях 21—23 сентября 13-я гвардейская и 95-я стрелковые дивизии, поддержанные всей артиллерией, находившейся непосредственно в руках командующего фронтом, выдержали яростный натиск противника и не допустили его выхода к Волге в центральной части города, они воспрепятствовали врагу также в овладении Мамаевым курганом. В ходе боя гитлеровцам удалось даже ворваться на курган, но они сразу же были отброшены назад. Результатом этой отчаянной попытки врага сломить волю защитников Сталинграда было продвижение на несколько метров на некоторых участках, но этот ничтожный успех стоил врагу неимоверных потерь. Перед фронтом дивизий противник оставил множество подбитых танков и трупы своих солдат и офицеров.

В победе над врагом в этом бою значительную роль сыграла поддержка действий отдельных стрелковых дивизий фронтовой артиллерийской группой.

Сражение 21—23 сентября за центр города и Мамаев курган было всего лишь героическим эпизодом этого этапа Сталинградской битвы, который показал, что попытки врага добиться успеха всякий раз будут наталкиваться на непреоборимое мужество и стойкость наших войск.

Драгоценное время уходило. Чувствуя это, враг стремился как можно скорее добиться успехов на отдельных участках, чтобы затем превратить их в выигрыш всей операции. При этом противник не считался ни с чем, даже с громадными потерями. А между тем масштабы сражения разрастались все шире и шире. Оно принимало все более напряженный и грандиозный характер. Враг с каждым новым днем убеждался, что конец битвы не близок, ход ее малоутешителен для наступающей стороны, а окончательные результаты весьма проблематичны и также не сулят ничего отрадного для захватчиков.

[1] 284-й стрелковой дивизией командовал Николай Филиппович Батюк, полковник, позже генерал-майор. Родился в 1905 году, по национальности украинец, до службы в армии рабочий-каменщик. Товарищ Батюк скончался от разрыва сердца в 1943 году.

Не допуская возможности провала своих планов, немецко-фашистское командование усиливало свою группировку. На сталинградском направлении к концу сентября действовало до 32 вражеских дивизий, из коих 13 пехотных, 3 моторизованные и 4 танковые. До 600 танков, до 4000 орудий и минометов, до 650 самолетов поддерживали указанные соединения. Из них непосредственно против 62-й и 64-й армий вели бои 15 дивизий. Огромнейшие потери обескровливали вражеские дивизии, которых, как правило, хватало только на два — три дня боев, после чего они заменялись новыми частями и отводились на пополнение.

* * *

Небезынтересна характеристика положения под Сталинградом в сентябре 1942 года, которую дал неоднократно цитировавшийся нами Дёрр. Прежде всего очень важно признание того, что к этому времени гитлеровцы зашли под Сталинградом в тупик.

«3 сентября 51-й армейский корпус начал наступление на город. На его долю выпала теперь самая тяжелая часть борьбы за Сталинград. В тот же день 4-я танковая армия (48-й танковый корпус) вышла к западной окраине города Воропоново.

В последующем наступление уже не развертывалось в таком быстром темпе; вскоре стало ясно, что о «захвате города с ходу», как это планировало ОКВ (главное командование вооруженных сил.— *А. Е.*), не может быть и речи. Лишь 10 сентября наши войска заняли западную окраину Сталинграда, овладели населенными пунктами Городище, Александровка и Садовая.

14 сентября 6-я армия захватила пункт, господствовавший над всем городом, Мамаев курган (высота с отметкой 102) на северной границе делового квартала города (северная половина города). 15 сентября почти весь этот квартал с захватом главного вокзала оказался в наших руках. Обе наступающие армии, 4-я танковая и 6-я армия, соединились у р. Царица, отделяющей старый Царицын от нового делового квартала.

С 16 сентября командование 6-й армии по приказу группы армий «Б» стало отвечать за весь ход операций в городе; действовавший южнее р. Царица 48-й танковый корпус 4-й танковой армии был передан 6-й армии.

Город Сталинград находился теперь в основном в наших руках, но промышленные объекты севернее города до района южнее Рынок большей частью были еще заняты русскими.

Правда, Волга как водная магистраль уже не могла быть использована. Сталинград перестал быть узлом коммуникаций, но этого можно было достичь с таким же успехом, действуя к северу или к югу от города. Промышленные предприятия были эвакуированы, разрушены или находились в зоне обстрела немецкой артиллерии и не могли продолжать работу. Указанная в директиве фюрера от 5 апреля 1942 г. задача на этот период операции была, таким образом, выполнена. Продолжение наступления с целью окончательного овладения всем районом Сталинграда в этом отношении ничего больше не могло дать.

С чисто военной точки зрения в этом также не было необходимости, поскольку в стратегическом отношении для обеспечения северо-восточного фланга при наступлении на Кавказ достаточно было занять линию Астрахань, Калач, Воронеж с основным опорным пунктом на перешейке между Волгой и Доном. Сталинград не было необходимости включать в эту линию, если бы высоты в излучине Волги у Красноармейска и западный берег Дона севернее Калача — краеугольные камни обороны перешейка — прочно удерживались немецкими войсками.

Главное командование, однако, хотело «завершить сражение за Сталинград, очистив от противника остальные районы города», — так говорилось в директивах ОКВ.

Эта задача носила теперь уже тактический характер. Пропагандой обеих сторон ей было придано стратегическое значение. До тех пор, пока русские сражались западнее Волги, Сталин мог утверждать о героической обороне своего города. Гитлер не хотел успокаиваться, пока его войска не захватили последний клочок земли, называвшейся Сталинградом. Политика, престиж, пропаганда и чувство взяли верх над трезвой оценкой полководца.

Главное командование позволило себе эту роскошь, так как ни оно само, ни командование 6-й армии тогда, в сентябре 1942 г., не допускали мысли, что у русских войск, действовавших под Сталинградом, найдется достаточно сил для оказания упорного сопротивления...

Начавшаяся теперь на улицах, в домах и развалинах позиционная война нагрянула неожиданно для немецких войск, потери в людях и технике были несоизмеримы с успехами, которые исчислялись квадратными метрами захваченной местности...

В середине сентября 1942 г. выяснилось, что двум армиям, участвовавшим в операции, не удалось взять Сталинград в клещи. 4-я танковая армия не овладела приволжскими высотами в районе Красноармейск, ее фронт был загнут на северо-запад. 6-й армии, задержанной западнее Калач и на Дону почти на три недели, удалось, правда, прорваться к реке севернее Сталинграда, однако она была слишком слабой для того, чтобы продолжить наступление вдоль Волги на юг.

Вместо того чтобы соединиться на берегу Волги, обе армии соединились западнее Сталинграда. Вместо операции по окружению войска вынуждены были наносить ряд фронтальных ударов по войскам русских, оборонявшим огромный город; не удалось окружить ни всего района Сталинграда, ни находившихся здесь сил противника. Это объясняется тем, что необходимая для осуществления охвата одновременность действий обеих армий не могла быть достигнута в связи с недостатком сил и плохо налаженным снабжением войск...

Вследствие этого русские, которые не подвергались ударам превосходящих сил восточнее Дона, ведя маневренную оборону, выиграли время, для того чтобы перебросить через Волгу свежие силы и подготовиться к упорной защите города. Разрушенные в ходе боев большие предприятия, расположенные к северу от города, были еще в руках русских. На берегу Волги немецкие войска находились только в районе Купоросное, у окраины города южнее р. Царица и на севере, в районе Рынок и южнее его. Важнейшая часть Сталинграда с паромной переправой находилась в руках русских.

Немецкие позиции в Сталинграде были обращены, по крайней мере с тактической точки зрения, пока еще в основном к Дону, а не к Волге. Роль этих позиций как опорного пункта на Волге или клина, отрезающего северную Россию от Кавказа и перерезающего русские коммуникации, по которым доставлялась нефть, носила чисто теоретический характер, так как для этого необходимо было взять Астрахань и овладеть районом устья р. Урал.

Задачи, которые в тот момент представлялись более важными, были связаны с действиями непосредственно на флангах группировки сил, наступавших на Сталинград. Высоты в районе Красноармейск и Бекетовка находились в руках противника и создавали постоянную угрозу для южного фланга 6-й армии; если бы мы ими владели, то имели бы важные преимущества...

Еще важнее было улучшить нашу оборону на северном фланге. Возникший во время наступления 14-го танкового корпуса так называемый перешеек между Волгой и Доном в районе Рынок, Котлубань, Качалинская не обеспечивал возможности эшелонирования обороны в глубину, и в случае малейшего успеха противника здесь могла бы возникнуть непосредственная опасность для нашего фронта в Сталинграде. С самого начала этот перешеек подвергался сильным атакам со стороны русских, потому что нигде противнику не удавалось так быстро сосредоточивать и бросать в бой крупные силы, как здесь. Поэтому было необходимо срочно выдвинуть наши позиции вперед до возвышенностей в районе высоты с отметкой 151, которые господствовали над местностью и были особенно опасны в руках русских.

Но улучшить позиции необходимо было не только на флангах 6-й армии. Гораздо больше опасений внушала слабость обоих флангов группы армий «Б» на среднем течении Дона и в Калмыцких степях.

Сталинградская операция покоилась теперь на песке» [1].

Далее Дёрр повествует о том, что и Кавказская наступательная операция зашла в тупик, в чем он винит, по обыкновению, Гитлера, как автора неудачного плана (директива от 23 июля), а также непокорную природу этих мест и лишь в качестве побочной причины ссылается на возросшее сопротивление русских.

Приведенная выше выдержка из книги Дёрра изобилует рядом фактических неточностей, чтобы не сказать большего. Он уверяет, что 14 сентября был взят Мамаев курган, а на другой день после занятия главного вокзала и вся «деловая» часть города якобы оказалась в руках немцев. В действительности, как было изложено выше, эти успехи были эфемерными: Мамаев курган был возвращен сразу же; у центрального вокзала наиболее оже-

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 50—52.

сточенные бои шли 17 сентября, но и они не увенчались успехом для врага, отброшенного назад. Фактически в это время противник сумел овладеть лишь небольшой частью города. Примечательно, что далее сам Дёрр заявляет, что сердцевина города с пристанями оставалась в руках русских.

Но не в искажениях отдельных фактов кроется основной смысл рассуждений отставного генерала.

Дёрр утверждает, что цель, поставленная директивой Гитлера от 5 апреля 1942 года, была в сентябре достигнута, потому что Сталинград, как индустриальный центр, был выведен из строя. Сознательно умалчивается о том, что захват Сталинграда вообще этой директивой не предусматривался. Ведь в указанном документе главная цель немецких войск на этом направлении формулировалась так: «Разбить и уничтожить русские силы, расположенные в районе Воронежа и к югу от него, западнее и севернее реки Дон». Как раз этой-то именно цели и не удалось достигнуть противнику, ибо русские силы южнее Воронежа на западном берегу Дона не были разбиты. Они не были разбиты и восточнее Дона. Поэтому-то Сталинград и стал объектом такого особого нажима гитлеровцев: они намеревались сокрушить в нем выскользнувшие из их рук, как считал фюрер, последние наши силы на юго-восточном участке фронта. По директиве Гитлера от 5 апреля группировка войск, направленная на Сталинград, имела задачей обеспечить фланг немецко-фашистских войск, наступавших на Кавказ, т. е. фланг группы армий «А». По словам же Дёрра, сталинградская группировка не смогла обеспечить даже своих собственных флангов, не говоря уже о флангах группы армий «Б», в которую она входила. В рассуждениях Дёрра налицо стремление подменить главную задачу, поставленную перед группой армий «Б», второстепенной. Не сделав этого, Дёрр вынужден был бы признать, что выполнение апрельской директивы было сорвано еще в июле — августе в ходе боев в большой излучине Дона.

Более чем спорны заявления Дёрра о нарушении гитлеровскими войсками наших коммуникаций между севером и югом нашей страны. С одной стороны, он утверждает, что Волга как водная магистраль была перерезана. Это, конечно, соответствует действительности лишь частично: грузы, правда в значительно меньшем количестве,

все же шли по Волге. Для полного нарушения коммуникаций, по мнению Дёрра, якобы необходимо было овладеть Астраханью и устьем реки Урал. Действительно, овладение этими пунктами сулило врагу многие выгоды. Но и полное занятие Сталинграда, а тем более последующее форсирование Волги в этом районе также могли дать противнику огромные преимущества и резко ухудшить наше положение. И Астрахань, и устье реки Урала были, конечно, заманчивой, но неосуществимой мечтой. Допустим, что, перейдя к обороне на захваченных в Сталинграде позициях, гитлеровцы устремились бы в Астрахань и к устью Урала. Очевидно, что здесь их постигла бы более серьезная катастрофа, чем та, в результате которой погибли 6-я армия Паулюса и 4-я армия Гота.

Дёрр сознательно уклоняется от выводов из того факта, что в развернувшихся уличных боях инициатива подчас оказывалась в наших руках. По его описанию получается, что гитлеровцы как будто могли спокойно сидеть в занятых ими кварталах города, если бы Гитлер не подстегивал их к наступлению; автор забывает, что даже при ожесточенной активности немцев советские войска все время контратаковывали их. Ведь, прекрати противник наступательные действия и начни закрепляться на достигнутых рубежах, соединения фронта сейчас же использовали бы этот момент, и не только для сильнейших контрударов в городской черте, но также и на флангах сталинградской группировки врага. Общеизвестно, что переход к обороне всегда связан с ослаблением группировки войск на данном участке, иначе этот переход не имеет решительно никакого смысла. Не следует забывать, что первоначально наше контрнаступление планировалось на двадцатые числа октября, при благоприятном же развитии событий оно могло бы быть начато и раньше.

Дёрр говорит, между прочим, что при отсутствии необходимости брать Сталинград все же следовало бы надежно сохранять в немецких руках высоты у Красноармейска и западный берег Дона. Прочное удержание этих участков было бы весьма проблематичным, если бы Сталинград оставался в наших руках. Ведь на попытку захватить высоты в районе Красноармейск, Бекетовка противник растратил огромные силы, однако не сумел их взять.

Весь ход рассуждений Дёрра клонится к тому, чтобы

доказать, что Сталинград потерял для немецкой стороны всякое значение после того, как он был выведен из строя как индустриальный центр, что борьба за город была результатом чисто субъективных устремлений Гитлера, пытавшегося таким способом удовлетворить свое непомерное тщеславие. Мы далеки от того, чтобы не учитывать значения субъективного фактора в военных событиях, однако здесь налицо явная подтасовка фактов. В самом деле, почему гитлеровское тщеславие в апреле ограничивалось лишь стремлением подвергнуть Сталинград разрушению, а в июле — августе — сентябре уже требовало взятия города? А разве, скажем, взятие Ленинграда в меньшей степени удовлетворяло его честолюбие? Ведь это — явная нелепость, но нелепость эта стала весьма распространенной: она перепевается во многих буржуазных трудах о второй мировой войне. Так, например, Черчилль в своих мемуарах тоже считает, что, с точки зрения военных (каких — он не указывает), Сталинград осенью 1942 года утратил свое значение, а вот «бесноватый» (Гитлер) все стремился к его захвату [1].

Вызывает сожаление, что подобная точка зрения одно время проникла и в нашу военно-историческую литературу. Так, например, генерал-полковник А. Тарасов в своей работе «К вопросу о плане летней кампании гитлеровского командования на советско-германском фронте в 1942 г.» пишет:

«Однако уже в середине июля завершать оперативное окружение советских войск в районе Сталинграда не имело смысла, так как неудачи наших войск в ходе оборонительных операций привели к стратегическому прорыву всей обороны на южном крыле советского фронта. Лишь ценой больших усилий советскому Верховному Главнокомандованию удавалось организовывать оборону на новых рубежах, в тылу отходивших войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов.

Казалось бы, что в этих условиях сталинградское направление должно было потерять свое значение. Ведь перерезать сообщение по Волге гитлеровские войска могли и в другом районе, а промышленность Сталинграда

---

[1] Подобная точка зрения защищается почти всеми бывшими немецко-фашистскими генералами, выступившими с военно-историческими трудами, а именно: Гудерианом, Манштейном, Меллентином.

можно было вывести из строя массированными ударами авиации. И все же именно Сталинград, который не являлся пунктом решающего значения в начале развития операции, приобрел такое значение в ходе дальнейшего наступления.

Причины этого, на наш взгляд, состоят в следующем. Сталинград является одним из важнейших промышленных центров юго-востока Европейской части Советского Союза. Он представляет собой главный узел коммуникаций этого района. Советское командование прилагало огромные усилия к удержанию Сталинграда в своих руках и сосредоточивало в этом районе крупные силы. Навязанные нами немцам бои с быстрым наращиванием наших усилий под Сталинградом за счет подходивших резервов требовали от них разгрома этих сил как непременного условия развития наступления на Кавказ. Достичь этого, как известно, противнику не удалось.

Немалую роль в борьбе за Сталинград сыграло, видимо, и честолюбие Гитлера. Овладение городом, который носил имя Сталина, произвело бы определенный политический эффект и создало бы ореол победителя лично Гитлеру.

Следует также отметить, что недооценка сил и возможностей Советского Союза привела немецкое командование к крупным просчетам и ошибкам в руководстве ходом операции.

Уже в августе стало очевидно, что продолжение дальнейших боев за Сталинград не имело смысла. В условиях складывающейся обстановки рассчитывать одновременно на разгром советских войск в районе Сталинграда и на успешное наступление на Кавказе было невозможно. Паулюс рассказывал нам, что он неоднократно обращался к Гитлеру с просьбой о прекращении дальнейших боев за Сталинград и переходе к обороне в этом районе, указывая на перспективу грядущей катастрофы. Однако Гитлер решительно отвергал эти предложения».

Из приведенного отрывка с очевидностью вытекает, что товарищ Тарасов идет отчасти даже дальше в отрицании роли Сталинграда, чем Дёрр. Он говорит, что завершение оперативного окружения советских войск в районе Сталинграда не имело смысла уже в июле, так как неудачи наших войск на юге привели к прорыву всей обороны на этом фланге советского фронта. Это звучит

странно тем более, что именно наличие наших войск в районе большой излучины Дона ставило под угрозу успехи, достигнутые врагом в Донбассе и под Харьковом, а равно и наступательные действия на Северном Кавказе. Кроме того, именно в этот район отступили части нашей южной группировки.

По мнению товарища Тарасова, сталинградское направление должно было потерять значение также и потому, что гитлеровцы якобы имели возможность перерезать Волгу в любом другом месте. Но ведь это же просто слова, ничем не обоснованные. Стоит взглянуть на любую географическую карту, чтобы увидеть, что Сталинград находится почти в самой западной точке того большого отрезка Волги, который простирается примерно от Казани до устья реки. С огромным трудом добрались гитлеровцы до ближайших берегов великой русской реки. Ясно, что добраться до любой другой точки Волги, более отдаленной, было бы значительно тяжелее.

Товарищ Тарасов указывает также на причины, в силу которых Сталинград все-таки стал пунктом решающего значения. Причем эти доводы противоречат его же собственным суждениям. В статье говорится, что Сталинград — крупный промышленный центр и транспортный узел, но что этих качеств Сталинград мог лишиться с помощью авиации, не будучи взят врагом. Дальше же говорится, что наше командование сосредоточило в сталинградском районе крупные силы, а враг, столкнувшись с ними, вынужден был разбивать эти силы, что являлось непременным условием успеха вражеского наступления на кавказском направлении.

Такое суждение по меньшей мере нелогично. Ведь советское командование наращивало здесь свои силы именно потому, что враг яростно рвался к городу, имевшему важное стратегическое значение; гитлеровцы стремились к Сталинграду именно для того, чтобы обеспечить фланг кавказской операции; у товарища же Тарасова получается все наоборот. Товарищ Тарасов ссылается и на честолюбие Гитлера, разделяя в этом отношении точку зрения Дёрра. После изложения причин поражения фашистов, не вызывающих каких-либо сомнений, товарищ Тарасов, однако, тут же утверждает, что в августе для гитлеровцев не было смысла продолжать бои за Сталинград.

Со всей решительностью следует подчеркнуть, что с самого начала борьбы за город и до середины января 1943 года Сталинград был важнейшим стратегическим пунктом советской обороны на юге. Для гитлеровцев овладение Сталинградом с ближайшим к нему районом (к северу и югу) являлось решающей гарантией сохранения и упрочения успехов, достигнутых ими в период всей летней кампании 1942 года. Овладение Сталинградом избавляло кавказскую и донбасскую группировки гитлеровцев от большой и вполне реальной угрозы. Ведь на захват богатств Украины и предполагаемый захват кавказской нефти Гитлер растратил огромные силы и драгоценное время.

Не удастся немецким генералам доказать, что если бы Гитлер не заставил их ввязаться в Сталинградское сражение, то они одержали бы победу и во всяком случае взяли бы Кавказ к осени 1942 года. В действительности беда Гитлера состояла не в том, что он устремлялся к Сталинграду и на Кавказ одновременно, а в том, что, недооценив силы Советской Армии, он взвалил непосильную задачу на плечи вермахта, пытаясь показать сателлитам и вероятным союзникам его боевую кредитоспособность (ведь тогда предполагалось, что победа под Сталинградом и на Кавказе заставит вступить в войну против СССР Турцию на юге и Японию на Дальнем Востоке). Нетрудно понять, что, если бы гитлеровцы вели наступление только на Кавказ, мы смогли бы организовать серьезные контрмероприятия на наиболее выгодном для нас и уязвимом для фашистов участке советско-германского фронта. Ведь в таком случае у нас было бы больше резервов. Боями же под Сталинградом Гитлер не давал нам возможности осуществить решительные контрмеры на других участках фронта. О стратегическом значении Сталинграда лучше всего говорит развитие событий после окружения 6-й армии Паулюса и 4-й армии Гота, когда все весенне-летние успехи врага на юге были сведены к нулю.

Как бы битые фашистские генералы ни стремились теперь доказать своим новым хозяевам — американским империалистам, что виноваты в провале гитлеровской авантюры не они, а фюрер: он, мол, давал им ошибочные директивы, это, повторяю, им не удастся. Кому не ясно, что все директивы Гитлера, его стратегические планы составлялись германским генеральным штабом, т. е. теми,

кто теперь их критикует. Понятно, что немецким генералам выгоднее представить свое поражение как результат каприза «бесноватого», чем открыто признать крах своей военной доктрины, преимущество советского военного искусства, моральное превосходство советских воинов.

Очень печально, что на подобную точку зрения иногда невольно встают наши товарищи, введенные в заблуждение навязчивым «объективизмом» бывших столпов вермахта. Мы должны сами отыскивать и анализировать ошибки наших врагов в минувшей войне, а не полагаться на «самокритику» наших бывших, а может быть, и будущих врагов, ибо не в их интересах откровенно показывать свои действительные просчеты.

* * *

Поздним вечером 22 сентября, несмотря на весьма напряженную обстановку в городе, мы с Никитой Сергеевичем вынуждены были оторваться на двое суток от непосредственного руководства войсками, ведшими бои за город, и выехать в войска Сталинградского фронта, так как у моих заместителей товарищей Гордова (он, правда, некоторое время находился в госпитале в связи с контузией) и Коваленко снова выявились неполадки в организации боя и управлении войсками. Целью нашей поездки было содействовать осуществлению поставленной Сталинградскому фронту задачи — оказать немедленную помощь войскам Юго-Восточного фронта.

Мы побывали как на армейских командных пунктах, так и в дивизиях и в полках.

Наиболее отрадное впечатление произвела на нас 66-я армия, находившаяся на крайнем левом фланге фронта у берега Волги. На командном пункте армии, расположенном в степи вблизи Ерзовки, нас встретил командующий армией генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Вместе с ним мы проехали в войска. Хотя армия, недавно сформированная в основном из военнослужащих запаса, и небольшой срок находилась на фронте, полки ее были боевыми, сплоченными. Армия наносила врагу чувствительные удары и одновременно отбивала его постоянные контратаки.

Чувствовалось, что солдаты и офицеры многих подразделений и частей за время боев обогатились боевым опытом, приобрели сноровку в боевой жизни. Среди них

царил наступательный порыв. Воины армии беспокоились о том, что им пока не удалось добиться локтевой связи со своими соратниками — воинами Юго-Восточного фронта.

На командном пункте мы с командующим, членом Военного совета и начальником штаба армии обстоятельно обсудили все интересующие нас вопросы, особенно вопрос о помощи сталинградцам.

К сожалению, посещение других армий Сталинградского фронта оставило у нас несколько иное впечатление: мы встретились там с целым рядом недостатков, которые следовало немедленно устранить. Дело в том, что, как уже отмечалось выше, войска, наносившие контрудары, не смогли в полной мере выполнить свои задачи.

На месте мы постарались разобраться в причинах этого. Из беседы с Р. Я. Малиновским и другими командармами и командирами дивизий выяснилось, что превосходство вражеской авиации при остром недостатке с нашей стороны средств борьбы с ней было одним из серьезнейших препятствий, мешавших полному выполнению стоявших перед фронтом задач. Здесь не было в достаточном количестве ни истребительной авиации, ни зенитной артиллерии. При этом в большой степени благоприятствовала фашистской авиации местность, совершенно открытая. Минувшее лето было очень жарким, и растительность в степи была начисто выжжена. Боевые порядки наших войск были отчетливо видны с воздуха. Естественно, самолеты врага держали их под непрерывными ударами. Нагло действовала воздушная разведка противника. В этих условиях было крайне трудно добиться внезапности ударов.

Наше маневрирование осуществлялось еще недостаточно; оно проводилось в довольно узкой полосе, а контрудары наносились днем, а не ночью, когда резко снижалась активность вражеской авиации. Противник, удерживая весьма выгодные позиции, сильно укрепил их, особенно господствующие высоты, организовал надежную огневую систему, создал предполье с минными полями. В своих контратакующих частях, главным образом мотопехотных, он имел танки и самоходные установки, всякий раз они быстро перебрасывались к угрожаемому участку.

Немаловажным обстоятельством, мешавшим успешным действиям Сталинградского фронта, были ошибочные тактические действия наших войск при контрударах.

Каждая участвовавшая в контрударе дивизия получала фронт для атаки от одного до полутора километров. Считалось, что такая ширина фронта для дивизии может обеспечить достаточную силу удара. Этим принципам тактики обучали нас и в академиях до войны. Глубокое построение боевого порядка в наступлении являлось требованием наших уставов. Но на поле боя в определенных условиях этот метод не оправдывал себя. Узость участка атаки требовала глубоких боевых порядков, сгущенного расположения войск на местности, большой их плотности, а это в свою очередь мешало управлению и обрекало значительную часть войск и огневых средств на бездействие.

Кроме этих основных причин, были и другие, которые также оказывали определенное влияние на ход боевых действий войск. К ним надо отнести недостаток опыта в управлении боем со стороны некоторых командиров дивизий, недостатки в организации разведки.

Детально ознакомившись с действиями частей и соединений, участвовавших в нанесении контрударов, мы собрали командный состав фронта, от командира дивизии и выше. Действия соединений были подробно разобраны и тщательно проанализированы. Много внимания пришлось уделить вопросам улучшения организации боя, разведки, непрерывности управления, тактической внезапности предпринимаемых боевых действий, в данном случае наших контрударов и контратак.

Естественно, что определенная доля ответственности за недостатки в управлении войсками Сталинградского фронта лежала на моих заместителях товарищах Гордове и Коваленко, которые не созрели еще для выполнения задач по руководству высшим оперативным объединением — фронтом.

Положение на Сталинградском фронте, состояние руководства войсками, естественно, не могли не волновать Военный совет, стоявший во главе обоих фронтов.

Приезд в конце августа на Сталинградский фронт товарища Жукова как представителя Ставки нас с Никитой Сергеевичем несколько обнадежил. Мы рассчитывали, что с его помощью Сталинградский фронт окажет более действенную помощь Юго-Восточному фронту, противостоявшему основному напору врага в самом городе и на его южном фланге. Однако наши надежды во многом не оправдались.

Вернувшись на свой командный пункт, мы с Н. С. Хрущевым 23 сентября отправили в Ставку обстоятельное донесение, в котором изложили обстановку в районе Сталинграда и наши выводы. В телефонном разговоре И. В. Сталин, уточняя ряд вопросов, изложенных в нашем докладе, подчеркнул, что выводы наши правильны. Он сообщил, что Ставка в ближайшие дни внесет изменения в построение боевых порядков при наступлении.

Через несколько дней появился приказ Верховного Главнокомандующего (№ 306) о новых боевых порядках при наступлении, об организации взаимодействия, управления, о командных пунктах и т. д. Приведем здесь выдержку из приказа, подтверждающую высказанные нами выше соображения:

«Практика войны с немецкими фашистами показывает, что некоторые пункты наших уставов стали уже устаревшими и требуют пересмотра... Речь идет о недостатках наших уставов по таким вопросам, как построение боевых порядков во время наступления, обеспечение подразделений и частей огневыми средствами, организация огня, роль командира в наступлении.

Что это за недостатки? Вот главные из них:

Первый недостаток. В соответствии с требованиями наших уставов наши войска, организуя наступательный бой во всех своих звеньях от стрелкового взвода и до дивизии, строят свои боевые порядки, густо эшелонируя их в глубину. Как правило, стрелковая дивизия, получая для наступления полосу в один или полтора километра по фронту, строит свои полки в два эшелона, из них два полка в первом и один — в затылок им; стрелковый полк, наступая в полосе 750—1000 м, также вынужден иметь, в лучшем случае, два батальона в первом и один во втором эшелоне, чаще — все три батальона один другому в затылок; точно такое же поэшелонное расположение подразделений в боевых порядках предусматривается и в батальоне, роте и во взводе.

Таким образом, стрелковая дивизия, построенная для наступления, вынуждена иметь в первом эшелоне для атаки переднего края обороны противника всего лишь восемь стрелковых рот из 27, остальные 19 рот, располагаясь за первым эшелоном на глубину до 2 км, покрывают поле боя сплошными боевыми порядками и полностью лишаются возможности использовать свои огневые средства.

В результате этого мы имеем, во-первых, исключительно большие, ничем не оправдываемые потери в личном составе и огневых средствах от огня артиллерии, минометов и авиации противника, которые несут прежде всего подразделения вторых и третьих эшелонов еще до вступления их в бой, ввиду чего наступление часто захлебывается у нас на первом же этапе, и, во-вторых, вынужденное бездействие свыше трети всех пехотных огневых средств дивизии — автоматов, ручных и станковых пулеметов, минометов и полковой артиллерии, не говоря уже о винтовках. При этом подразделения вторых и третьих эшелонов, будучи вынуждены бездействовать и принимать на себя основной огонь минометов, артиллерии и авиации противника, чтобы не нести больших потерь, вынуждены прижиматься к впереди идущим эшелонам, а затем по той же причине и вливаться в их боевые порядки. А это ведет к неизбежному перемешиванию боевых порядков первого эшелона с последующими, к превращению их в толпу и к невозможности управлять ими.

Из этого следует, что поэшелонное построение боевых порядков подразделений и частей не только не соответствует требованиям современной войны, но наносит еще вред, так как оно ведет к ненужным потерям, обрекает значительную часть войск на бездействие и лишает наши войска возможности обрушиться на противника силой всех огневых средств своих подразделений и частей».

В конце сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской фронт; для него было назначено и новое командование. Юго-Восточный же фронт, непосредственно оборонявший Сталинград, был переименован в Сталинградский фронт. После этого я остался командующим только Сталинградским фронтом.

Это мероприятие объяснялось прежде всего тем, что подготовка к контрнаступлению под Сталинградом переходила в свою решающую фазу и Военному совету нашего фронта надлежало сосредоточить все усилия на обеспечение успеха предстоящей важнейшей операции. Решение это было предварительно всесторонне обсуждено в переговорах со Ставкой.

★

ГЛАВА IX

ДВА КОНТРУДАРА

С 27 сентября по 8 октября упорные бои развернулись на северных окраинах города за рабочие поселки сталинградских заводов. Одновременно происходило отражение вражеских ударов на Орловку и велась подготовка по организации контрудара наших войск с целью расстроить планы противника по захвату города.

Упорная оборона наших войск, защищавших северо-западную часть города, нарушила замыслы противника, который нацеливал здесь свой удар, чтобы выйти к Волге и захватить тракторный завод. В результате немецко-фашистское командование несколько ослабило свой нажим в этом районе и, произведя сосредоточение своих свежих войск в районе несколько южнее Городище, стало готовить удары в направлениях на поселок Красный Октябрь и на Мамаев курган. Такое намерение противника, разгаданное нами очень быстро, вызвало с нашей стороны необходимые контрмеры: на это направление были выдвинуты новые части, была усилена здесь противотанковая оборона, хотя и до этого работа по укреплению наиболее опасных рубежей велась непрерывно.

Новый удар противника ожидался с утра 27 сентября. Враг рассчитывал вбить «клин» в глубь нашей обороны — захватить заводы «Баррикады», «Красный Октябрь» и выйти к Волге также и в этом районе.

Дабы парировать этот удар, решено было частью сил 62-й армии с утра 27 сентября нанести контрудар по противнику (схема 11). Этот контрудар начался в 6 часов утра после короткой, но плотной артиллерийской подготовки.

Контрудар производился силами трех танковых, правда малочисленных, бригад и двух стрелковых дивизий. Наши

части сумели продвинуться вперед до 2—2,5 километра. Однако дальнейшего развития этот первоначальный успех не получил. На наши действия противник ответил мощными ударами артиллерии, авиации и танков. Хотя наши части и вынуждены были отойти в исходное положение, утренняя атака врага, намеченная на 8 часов, не состоялась. Она началась лишь в 12 часов, после новой авиационной и артиллерийской подготовки. Враг ввел в действие примерно три свежие дивизии, усиленные 150 танками, и атаковал наши позиции в районах рабочего поселка Красный Октябрь и Мамаев курган. Бои в этом районе сразу же приняли крайне ожесточенный характер. Во второй половине дня гитлеровцы несколько вклинились в нашу оборону, но нашей контратакой были отброшены. Через некоторое время последовала новая вражеская атака, также не имевшая успеха. Враг нес большие потери от нашего артиллерийского огня, минометов, танков и пехоты, но и наши части буквально истекали кровью. В силу большого превосходства в авиации и танках противнику в конце концов удалось ворваться в поселок Красный Октябрь.

95-я стрелковая дивизия, обессиленная непрерывными десятидневными боями за Мамаев курган, 27 сентября снова подверглась страшным ударам авиации. Весь день она упорно удерживала свой боевой участок, и лишь к вечеру, когда соединение понесло большие потери, противнику удалось незначительно, буквально на метры, потеснить нас на отдельных участках.

После этого ожесточенного боя, к утру следующего дня, очертания фронта нашей обороны в этом районе несколько изменились: два стрелковых полка 112-й стрелковой дивизии занимали поселок Баррикады, танковые бригады 23-го танкового корпуса держали оборону на западных окраинах поселка Красный Октябрь, а 95-я и 284-я стрелковые дивизии закрепились на северном и восточном скатах Мамаева кургана. 13-я гвардейская дивизия по-прежнему вела уличные бои в восточной части центра города.

Таким образом, хотя противнику и удалось несколько продвинуться, он не сумел захватить завод «Красный Октябрь» и выйти к Волге на этом участке. Вражеские части, брошенные в наступление, были остановлены нашим

огнем и контратаками на западных окраинах рабочих поселков Красный Октябрь и Баррикады.

28 сентября противник не унимался и с нарастающей силой продолжал ожесточенные атаки, но нигде не смог продвинуться ни на метр.

В ходе боевых действий на всех этих направлениях 27—28 сентября была произведена некоторая перегруппировка наших сил на фронте 62-й армии. Оборона теперь выглядела следующим образом: рабочий поселок Красный Октябрь оборонялся 193-й и 95-й стрелковыми дивизиями, правее 193-й стрелковой дивизии поселок Баррикады занимали части 112-й стрелковой дивизии, а левее 95-й стрелковой дивизии, по восточным скатам Мамаева кургана, оборону держали части 284-й стрелковой дивизии.

В последующие дни разгорелась ожесточенная борьба за поселок Красный Октябрь. Наши войска здесь не только держали жесткую оборону, но и сами при поддержке сильных ударов артиллерии переходили штурмовыми группами в энергичные контратаки.

Многие кварталы и отдельные дома по нескольку раз в день переходили из рук в руки. Весь поселок был охвачен огнем и окутан дымом. Оборона носила ярко выраженный характер ближнего уличного боя: постоянно применялись противотанковые и ручные гранаты, мины, бутылки с горючей жидкостью и другие противотанковые и противопехотные средства. То и дело борьба переходила в рукопашные схватки. Не умолкая трещали пулеметы, автоматы и карабины. Стрельба велась с коротких дистанций и в упор. Кроме того, непрерывно усиливалась минометная и артиллерийская стрельба, ведшаяся в виде так называемых «шагающих» огневых налетов разной плотности. В ходе этих налетов обрабатывались определенные районы как на переднем крае, так и в ближайшей глубине. Наиболее плотно обстреливались переправы на Волге, огонь по которым велся то последовательно, то одновременно по всем. Наша артиллерия, минометы, эресы сторицей отплачивали врагу за его остервенелые удары. Напряженный огонь этих средств дополнялся ударами с воздуха. Вражеская авиация непрерывно бомбила наши боевые порядки, город, переправы. Истребители воздушных сил фронта яростно бросались на воздушного врага. Мгновенно вспыхивали воздушные бои. Не умолкал огонь

зенитной артиллерии. Загорались и падали самолеты противника, сбитые зенитчиками и авиацией.

Треск стрельбы, разрывы снарядов, стонущий гул «катюш», рев моторов на земле и в воздухе, завывание низвергающихся бомб — все это сливалось в один необычайной силы, но уже привычный для защитников города грохот. Все сотрясалось; словно страшное непрекращающееся землетрясение обрушилось на город. И так почти ежедневно на протяжении всего периода боев в черте города. Некоторый спад боевой интенсивности наблюдался, правда, в ночное время, но и ночи в Сталинграде часто превращались в день: осветительные ракеты и бомбы непрерывно висели в воздухе, как фонари в хорошо освещенном городе; ночное небо прочерчивали сигнальные ракеты разных цветов, трассирующие пули, снаряды; десятки прожекторов направляли свои лучи то в зенит — на воздушные цели, то горизонтально — на наземные.

Семь суток до крайности напряженных боев принесли противнику мизерный успех. Он сумел продвинуться едва на 300—400 метров, но понес огромные потери. Силы врага здесь были ослаблены настолько, что до 5 октября он совершенно отказался от атак на этом участке фронта, перенеся свои усилия к северу.

В результате этих боев рубеж обороны войск 62-й армии несколько отодвинулся и проходил теперь по северо-восточной и восточной части поселка Красный Октябрь, где продолжала обороняться 193-я стрелковая дивизия; южнее ее располагались 39-я гвардейская и 284-я стрелковые дивизии; правее 193-й дивизии оборонялись части 92-й стрелковой бригады и 308-й стрелковой дивизии (308-я стрелковая дивизия вошла в состав 62-й армии 30 сентября, 92-я стрелковая бригада была переброшена в район заводов одновременно с 42-й стрелковой бригадой из Красной Слободы, куда они были отведены для приведения себя в порядок и пополнения).

К югу от оврага Долгий по-прежнему сражались части 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Ведя бои в районе поселка Красный Октябрь, противник одновременно начал наступление и на рабочий поселок завода «Баррикады». Наступление было предпринято в тот же день, 27 сентября. Поселок оборонялся 6-й гвардейской и 189-й танковыми бригадами. Бригады были

очень слабого состава. Непосредственно подступы к поселку обороняли части 112-й стрелковой дивизии.

За первый же день наступления противник на этом участке потерял до полка пехоты и около 30 танков, не продвинувшись ни на шаг. Через 3—4 часа после неудачной атаки противник ввел свежие резервы, сместив направление своего удара в стык между бригадами. Ему удалось несколько вклиниться в нашу оборону и незначительно продвинуться, но 524-й и 416-й полки 112-й стрелковой дивизии, находившиеся во втором эшелоне, своей контратакой остановили гитлеровцев и задержали их продвижение.

И здесь также разгорелись ожесточенные уличные бои, не прекращавшиеся ни днем, ни ночью. Противник по-прежнему поддерживал атаки своей пехоты мощными ударами артиллерии, танков и в особенности авиации. Второй день боев (28 сентября) был еще напряженнее: противник продолжал здесь оказывать давление со все возрастающей силой. Положение усугублялось тем, что не представлялось возможным быстро подбросить туда резервы. Поэтому, хотя и ценой больших потерь, противнику удалось несколько потеснить наши войска и продвинуться вперед. Передний край нашей обороны переместился к юго-западной окраине завода «Силикат».

Позднее нам удалось усилить это направление замечательными сибирскими частями под командованием полковника Гуртьева (308-я стрелковая дивизия), которые вплоть до 2 октября почти непрерывно контратаковали врага в районе поселка Баррикады. В трехдневных яростных контратаках сибиряки еще и еще раз показали себя исключительно выносливыми и мужественными; своими боевыми подвигами они приумножали славу сибирских стрелков. Благодаря высокой боевой активности и исключительной стойкости сибирских частей мы выиграли у противника несколько дней, крайне необходимых нам для подтягивания резервов и проведения некоторых других мероприятий.

5 октября противник начал наступление на поселок Сталинградского тракторного завода. Эти бои, усиливавшиеся с каждым новым днем, позднее переросли в напряженную и ожесточенную борьбу за овладение заводом.

С особой силой противник ополчился против Орловского выступа наших частей, располагавшегося к северо-

западу от тракторного завода. Начав здесь атаки в конце сентября, немецко-фашистские войска пытались срезать Орловский выступ и овладеть северной частью Сталинграда.

Выступ войск орловской группы в это время достигал в глубину около 10 километров и в ширину до 5 километров. Общее протяжение фронта здесь измерялось 24 километрами. Непрочная оборона, занимаемая войсками Орловского выступа, приковала до четырех дивизий гитлеровцев, усиленных 120 танками.

Удар на Орловку противник начал, как обычно, многочасовой авиационной и артиллерийской обработкой переднего края, после чего повел наступление с двух направлений — с северо-востока и с запада. Отбив первые атаки, наши войска нанесли противнику большие потери; в дальнейшем, однако, противнику удалось прорвать фронт обороны и продвинуться до линии железной дороги, где он был остановлен. Орловский коридор сузился до 1000—1200 метров.

Противник продолжал непрерывно атаковывать этот узкий коридор. Врагу удалось потеснить наши части и окружить их, разъединив окруженных на две группы: одна из них осталась севернее Орловки, другая — южнее. В ожесточенных боях нашим частям удалось разорвать кольцо окружения и нанести противнику серьезный урон, но и сами они понесли немалые потери.

Несмотря на ожесточеннейшие восьмисуточные бои, части Орловского выступа, насчитывавшие всего несколько сот человек, продолжали упорно сопротивляться натиску четырех немецких дивизий. Сковав значительные силы врага, они не давали ему возможности бросить их на сталинградские заводы. Противник потерял здесь свыше 2500 человек убитыми и до 70 танков. Части, оборонявшие Орловский выступ, вышли из окружения и вновь встали на сталинградские рубежи. В состав войск Орловского выступа входили 115-я бригада (командир полковник К. М. Андрюсенко) и полки 112-й дивизии, в которых насчитывалось не более 250 активных штыков.

Вот как описывает борьбу за Орловский выступ полковник немецкого генерального штаба Г. Р. Динглер, находившийся в 6-й армии и выбравшийся оттуда за несколько дней до капитуляции (его рассказ приводит в своей книге генерал Ф. В. Меллентин):

«Все наши попытки подавить сопротивление русских в балке (имеется в виду балка Казённая, одна из наиболее активных позиций Орловского выступа. — *А. Е.*) оставались тщетными. Балку бомбили пикирующие бомбардировщики, обстреливала артиллерия. Мы посылали в атаку все новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжелыми потерями, настолько прочно русские зарылись в землю... В конце концов русские были полностью отрезаны от внешнего мира. Они не могли рассчитывать и на снабжение по воздуху, так как наша авиация в то время обладала полным превосходством...

Балка мешала нам, словно бельмо на глазу, но нечего было и думать о том, чтобы заставить противника сдаться под угрозой голодной смерти» [1].

Так враг был вынужден охарактеризовать моральные качества наших воинов и признать, что действительно горстка советских людей проявила поистине легендарную храбрость и самоотверженность.

Трудности обороны Орловского выступа усугублялись одним очень досадным обстоятельством. Мы не могли поддержать наши войска артиллерийским огнем достаточной мощности из-за дальности и плохих условий корректировки.

Северный участок обороны Сталинграда, который удерживался группой полковника Горохова, противнику сломить не удалось. Многочисленные атаки превосходящих немецко-фашистских сил дальнейшего успеха не имели.

Некоторые успехи противника на этом этапе боев в Сталинграде объясняются также и тем, что контрудары, организованные с севера, на которые мы определенно рассчитывали, не дали должных результатов.

Шла жестокая, кровавая борьба за северную часть города. Линия нашей обороны медленно перемещалась на немногие метры в сутки, приближаясь непосредственно к сталинградским заводам. Удары вражеской авиации все усиливались. Гитлер бесился, требуя (в который раз!) скорейшего и полного овладения Сталинградом.

---

[1] Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 147.

В этой угрожающей боевой обстановке командованию необходимо было предпринять неотложные меры.

Опытный врач, изучая недуг своего пациента, находит лучшие средства для лечения и момент, когда они дадут положительный результат. Так и военачальник изыскивает и своевременно принимает надлежащие решения, способные улучшить тяжелую, подчас кризисную обстановку, в которой оказались его войска.

В то время обстановка становилась с каждым днем все более угрожающей. Средства, применявшиеся нами ранее, теперь уже не могли улучшить ее.

Наши прежние контрмеры, и в первую очередь контрудары, наносившиеся с севера, производились в непосредственной близости от основной арены боев (это, конечно, не было для нас минусом), но противник сразу же, как только спадала наша активность, возвращал свои силы для нажима на Сталинград. Немецкое командование имело возможность очень быстро совершать подобные перегруппировки, производя несложный маневр по коротким внутренним линиям; для вражеской же артиллерии, в сущности, никакой перегруппировки не требовалось: простым поворотом траектории с севера на восток она нацеливалась в требуемом направлении. Таким образом, открытие огня артиллерии по Сталинграду зависело главным образом от быстроты переноса наблюдательных пунктов с одного направления на другое.

В такой обстановке и потребовалась новая контрмера. Такой контрмерой могли явиться контрудары, предпринимаемые где-то далеко на фланге, на более значительном расстоянии от Сталинграда. В этом случае противник, боясь за свой фланг, вынужден будет снимать часть ударных сил с главного направления для парирования таких контрударов, в результате чего будет ослаблен вражеский натиск на Сталинград.

Первый контрудар было решено осуществить силами 51-й армии (командующий Труфанов) и 57-й армии (командующий Толбухин) в районе межозерных дефиле (схема 12), занятых немецко-фашистскими частями, с целью возвращения этих дефиле.

Каждая из этих двух армий наносила контрудар группой в составе двух дивизий, правда небольшого состава, на узком участке фронта в направлении на межозерные дефиле. Части товарища Толбухина должны были захва-

тить и прочно укрепить промежутки между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак; главный удар они наносили на участке между озерами Цаца и Барманцак. Части товарища Труфанова должны были захватить и прочно укрепить межозерные дефиле на фронте от переправы северо-восточнее Мал. Дербеты до южной оконечности озера Сарпа (южное); здесь главный удар наносился правым флангом.

Войска, наносившие контрудар, получили в свое распоряжение специальные инженерные части и средства заграждения. (Товарищ Толбухин получил 12 000 противотанковых мин, 20 000 противопехотных мин, 48 тонн колючей проволоки. Товарищ Труфанов получил 10 000 противотанковых мин, 16 000 противопехотных мин и 48 тонн колючей проволоки. Эти средства в достаточной мере обеспечивали захваченные рубежи в инженерном отношении.)

Обе армии нанесли контрудар внезапно на рассвете 25 сентября. Противник был опрокинут и к 12 часам того же дня отброшен за озера. Захватив межозерные дефиле, наши части сразу же приступили к их укреплению. Саперно-инженерные войска быстро возвели минные поля и устроили всякого рода другие заграждения. Все попытки противника восстановить утраченное положение были отбиты. Войска блестяще выполнили поставленные перед ними задачи.

Усиленное укрепление межозерных дефиле должно было ввести противника в заблуждение: коль скоро мы улучшаем свою оборону, значит, не собираемся здесь наступать в дальнейшем.

В ходе контрудара 1-я и 4-я румынские пехотные дивизии потеряли только убитыми более 4000 человек; 4-я дивизия лишилась при этом всей своей артиллерии.

В результате проведенного контрудара противник хотя и не на длительный срок, но все же ослабил свои удары на Сталинград, что позволило нам использовать это время для укрепления обороны и выдвижения резервов. Противник потерял важные плацдармы, которые позднее послужили нашим войскам отличными исходными рубежами для последующего контрнаступления. Кроме того, были сэкономлены необходимые для обороны силы и средства за счет озерных пространств.

Второй контрудар было решено нанести на Садовое, расположенное в 50 километрах южнее Сталинграда (схема 13). Расчет состоял также и в том, чтобы ввести противника в заблуждение, заставить его считать, что у нас более широкий замысел, а именно — выход на Котельниково, т. е. на тылы и базы противника. Учитывалось здесь и слабое место в обеспечении вражеского фланга — участок 6-го румынского корпуса.

Гитлеровцы не особенно полагались на своих «союзников», так как знали, что румынские крестьяне, одетые в шинели, лишь поневоле воевали за чуждые им интересы; кроме того, румынские войска плохо снабжались продовольствием, нам было известно много случаев, когда немецкие офицеры забирали продовольствие из румынских баз для своих войск; такие и подобные им действия вызывали у румын затаенную ненависть к гитлеровцам. Поэтому в каждое румынское соединение назначался немецкий офицер генерального штаба, так называемый офицер для связи и взаимодействия, на самом деле это был гитлеровский ставленник, контролировавший все действия румынского командования. Это, естественно, еще больше обостряло их взаимоотношения и приводило к постоянным трениям, сильно влиявшим на боеспособность румынских войск.

К этому времени наша разведка значительно улучшила свою работу, и мы имели возможность хорошо знать не только силы и средства противника, но и его политико-моральное состояние, в частности взаимоотношения между гитлеровцами и румынами. В связи с последним обстоятельством именно этот район и был выбран для контрудара.

Контрудар осуществлялся частями 51-й армии под руководством командующего Н. И. Труфанова, который выделил для этого сравнительно небольшие силы — 302-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Е. Ф. Макарчука; усиление дивизии составляли танки, гвардейские минометы, истребительная противотанковая артиллерия и т. д.

Контрудар, предпринятый 29 сентября, предусматривал использование элемента внезапности, что в действительности и удалось отлично. В темную осеннюю ночь на 29 сентября дивизия под командованием товарища Макарчука, применяя необходимые меры ночной маски-

ровки, двинулась с исходного положения. Наши части обеспечения и боевая разведка совершенно бесшумно проникли в расположение противника и захватили первую траншею. Румыны беспечно спали в окопах. Главные силы дивизии, без артподготовки, почти без выстрелов преодолев оборону, быстро устремились на Садовое, которое находилось в 20—25 километрах от линии фронта. Там располагался штаб румынской дивизии. По данным разведки, румынское командование в этот день отмечало какой-то юбилей. То была очередная пьянка господ офицеров. Сюда съехались командиры частей и соединений 6-го румынского корпуса, штабные работники, присутствовали и представители немецкого командования.

Контрудар удался во всех отношениях. В результате действий наших войск были разгромлены 5-й и 21-й пехотные полки, 22-й артиллерийский полк, штаб 5-го пехотного полка; убит командир 5-го пехотного полка полковник Бутенеску; уничтожено до 3000 солдат и офицеров, 15 орудий, 17 танков, много пулеметов, минометов и автомашин; захвачены большие трофеи. Но не только в этом состоял успех контрудара. Внезапный залп эресов по Садовому, захват его, неожиданное появление наших танков в глубине обороны противника на расстоянии 30 километров от переднего края вызвали сильнейшую панику среди румынских войск, и особенно их начальников, что не могло не повлечь за собой переброски сюда войск из-под Сталинграда (две танковые дивизии. По свидетельству Г. Дёрра, одной из них была 14-я танковая дивизия, действовавшая на южной окраине Сталинграда.)

Таким образом, этот контрудар заставил гитлеровцев перебросить с весьма важного участка одну из наиболее боеспособных дивизий. Наше мероприятие достигло цели. Враг был введен в заблуждение относительно наших намерений.

Говоря о контрударе на Садовое, нельзя не сказать несколько слов о некоторых вражеских документах, захваченных при этом нашими войсками. Помню, как сейчас, тов. Макарчука, привезшего нам целый мешок документов. Весь аппарат разведывательного отдела со всеми переводчиками несколько дней разбирал их. Из этих документов мы получили очень ясное представление о состоянии этого участка обороны: о составе и вооружении

частей, о расположении оборонительных сооружений, о моральном состоянии частей. В числе других оперативных бумаг в наши руки попала схема, содержание которой далеко выходило за рамки не только армейского масштаба, но даже масштаба группы армий и касалось, по существу, всего советско-германского фронта. Это была схема, вычерченная карандашом на простом листе бумаги и графически представлявшая план гитлеровцев на лето 1942 года (см. схему 14). Отчасти данные этой схемы совпали с соответствующими директивами Гитлера, преданными теперь гласности. На схеме были указаны также даты, означавшие, по-видимому, сроки захвата тех или иных пунктов фашистскими войсками. На обороте был помещен следующий текст на румынском языке:

Союзники

1. Силы, нацеливаемые на разрыв связи в северном секторе.
2. Силы для прогрессивного окружения Москвы.
3. Максимум сил на юг.
4. Идея маневра в наступлении:
   — занять порты Мурманск и Астрахань;
   — Ленинград и Москва штурмом браться не будут, наступление будет развиваться из района Орел;
   — окружить Москву;
   — окружить армии между Доном и Донцом;
   — другое наступление начнется с целью занять мосты на Волге, и особенно у Сталинграда;
   — после падения Ростова наступление должно развиваться на Новороссийск, Кавказ, Баку.

Русские войска

Север — русская армия обороняет порты Мурманск и Архангельск.

Центр — армия для обороны Москвы.

Юг — маневренная армия в Саратове;
— маневренная армия в Сталинграде;
— армия по обороне Ростова;
— армия по обороне Кавказа;
— армия по обороне Астрахани.

Идея маневра в обороне:
— сосредоточение сил в Ростове против Керчи;
— сосредоточение сил между Доном и Волгой;
— основные маневренные силы в районах Саратов, Сталинград, Астрахань, Кубань будут вести оборонительные действия на соответствующих направлениях согласно тактическому плану сдерживания.

Этот документ, по данным начальника разведки 51-й армии, принадлежал капитану Зольдан, который, по-видимому, был офицером германского генштаба для связи при 6-м румынском армейском корпусе, возможно, адъютантом начальника штаба этого корпуса или его перевод-

чиком, быть может, румыном по национальности. У него же были обнаружены заметки для донесений, либо своему непосредственному начальнику, либо в вышестоящий штаб. В заметке от 19 сентября сказано: «Настроение солдат 4-го пехотного румынского полка пониженное, недостаточное снабжение и отсутствие зимнего обмундирования усугубляет положение. Необходимость еще большего напряжения сил вследствие наступающих холодов уже теперь действует таким образом, что солдаты и даже отдельные офицеры не понимают смысла участия румын в боях на Волге. Несмотря на серьезность положения, настойчиво возникают слухи о снятии дивизии с фронта, частично даже указывается день и цель выступления. Почему-то всегда упоминается г. Ростов, куда якобы дивизия будет направлена. К экономному отношению к боеприпасам части дивизии не привыкают. Даже появление маленькой команды противника вызывает бессмысленный и беспорядочный огонь из всех имеющихся видов оружия.

Командир дивизии генерал Чалык Георге — энергичный человек, обладает решимостью и инициативой, умеет проводить свою волю, но так как находится под влиянием французских методов, то во всех его решениях сквозит медлительность и стремление к полной надежности; будучи, по-видимому, болен желудком, легко возбуждается. Свои обязанности командира дивизии выполняет хорошо и уверенно.

Начальник штаба дивизии полковник Пенеску Александр еще не может быть охарактеризован, так как в дивизии находится недавно; однако уже теперь он производит впечатление нерешительного и нервного человека. Собственной инициативы от него ожидать нельзя».

Среди бумаг Зольдана были жалобы румынских офицеров на действия немцев по отношению к румынам. Так, некий Аксентий Кренга из 4-й румынской пехотной дивизии писал 20 августа 1942 года: «16 августа 1942 г. немецкие солдаты, проходя через села Пимен-Черни и Дарганов, силой взяли трактор, приводивший в движение мельницу в Дарганове, забрали 110 буханок хлеба, выпеченных для солдат дивизии, причем угрожали охранявшим солдатам разоружением. 18 августа несколько немцев силой забрали две головы скота, принадлежавшие санитарной части дивизии, угрожая оружием солдатам, охра-

В. Н. Матвеев

И. А. Петров

В. П. Дмитриев

Е. А. Райнин

Д. Д. Рогачев

С. М. Воробьев

Т. А. Новиков

П. А. Смирнов

нявшим этот скот. Прошу произвести расследование и донести высшему командованию, чтобы подобные случаи в будущем не повторялись».

Тот же Кренга 21 августа сообщает: «Имею честь донести, что на ст. Жутово имеется склад, снабжающий только немецкие части. На этом складе имеются бензин, продовольствие, мука, прессованное сено, зерно и боеприпасы. В то же время мы вынуждены получать боеприпасы в Ремонтном, находящемся в 130 км отсюда, муку — в Комаровском (тоже в 130 км). Что касается продуктов питания, то мы их не получали в течение восьми дней августа, а 21 августа получили только на полдня. Ввиду вышеизложенного просьба распорядиться выдавать нам продукты регулярно и указать новые склады, ближе к району действий дивизии...»

Схема, найденная у Зольдана, по-видимому, была предназначена для информации румынского генералитета о планах гитлеровской ставки. Весьма вероятно, что эта схема была составлена во время совещания со слов какого-то «высокопоставленного докладчика».

Захват в то время подобного документа расценивался не иначе, как большая удача. В самом деле, тогда у нас было очень мало возможностей знать о конкретных оперативных, а тем более стратегических замыслах врага. Нет ничего удивительного, что мы направили этот документ в Ставку. Вот текст сопровождавшего его донесения:

«С 30.9 по 3.10 на участке Хорда, Укроп проводилась частная операция, имевшая своей целью улучшить позиции у межозерных дефиле и отвлечь внимание противника от Сталинграда. То и другое удалось. В этой операции был убит представитель генштаба фашистской армии при румынском корпусе; по-видимому, когда у румын поднялась паника, то он из Плодовитое, где был штаб корпуса, «выскочил» в Садовое в штаб 1-й пехотной дивизии... Изъятый у него документ проливает свет на план кампании 1942 года... В достоверности этого документа сомневаться не приходится, так как удар наш был внезапным и поэтому дезинформация не могла быть подготовлена... Видно, что этот документ долго носился в кармане... По-видимому, о нем знали немногие лица...»

Зольдан именуется здесь представителем генштаба фашистской армии, возможно, под влиянием неточного

перевода. Дело в том, что в германской армии все военнослужащие, окончившие академию генерального штаба и занимающие определенные должности в армии, именовались офицерами генерального штаба.

Судя по начертанию линии советско-германского фронта, этот документ относится к весне 1942 года (даты на нем не обнаружено). Анализ схемы и записей, конспективно сделанных на обороте, свидетельствует о том, что в этих документах речь идет об окончательно еще не определившихся наметках того плана, который позднее был сформулирован в гитлеровских директивах, апрельской (№ 41) и июльской (№ 45).

Сравнительное изучение захваченного документа и этих директив позволяет теперь сделать вывод, что в свое время попавший в наши руки документ был неправильно истолкован, что, к сожалению, повело и к неправильному определению нами стратегических планов гитлеровского командования на советско-германском фронте на лето 1942 г. Теперь для нас они ясны: целью летнего наступления немцев являлось не овладение Москвой, а последовательный («ряд последовательных ударов») разгром войск южного крыла Советской Армии (к югу от Орла), чтобы в результате этого иметь возможность захватить важнейшие экономические районы юга СССР, в том числе кавказские нефтяные районы.

Надо сказать, что в свое время приведенный И. В. Сталиным аргумент о том, что в ноябре основная группировка войск противника оказалась не на крайнем юге (Кавказе), а в районе Орла и Сталинграда, звучал убедительно в пользу возможного удара врага из-под Сталинграда на северо-запад. Тогда и я придерживался такого мнения. В действительности же, как это стало ясным теперь, этот факт подтверждал лишь, что план овладения югом нашей страны был в тот момент накануне краха, так как гитлеровцы главные свои силы, предназначенные для основной операции по овладению югом, вынуждены были израсходовать на Сталинградскую операцию, которая, предполагалось, обеспечит фланг основной группировки и прервет связи между центром и югом нашей страны.

В успехе контрудара на Садовое велика заслуга непосредственного руководителя этой операции полковника

Ефима Федосеевича Макарчука, талантливого, энергичного и волевого военачальника, обладавшего большой инициативой, упорством и храбростью. Он трагически погиб в 1943 году в районе станции Куберле во время январского наступления войск Южного фронта. Товарищ Макарчук выехал на участок одного из полков своей дивизии, где решался успех боя. Попав под огонь наземных войск противника и бомбардировку с воздуха, командир дивизии погиб.

☆

ГЛАВА X

ОКТЯБРЬ 1942 ГОДА

Осень. Начались наиболее тяжелые дни — уличные бои в Сталинграде. Гитлеровская ставка, неистовствуя, безжалостно гнала свои войска на верную гибель, стремясь сбросить героических защитников Сталинграда в Волгу и овладеть городом. Враг спешил. Приближалась русская зима, которая так страшила гитлеровцев, и они дрались с особенным ожесточением и упорством.

Бои шли в районах поселков сталинградских заводов: тракторного, «Баррикады» и «Красный Октябрь». Развертывались боевые действия непосредственно за территорию важнейших сталинградских заводов.

Ожесточение в борьбе нарастало с каждым днем. Часто обе стороны закреплялись на расстоянии 20—30 метров друг от друга, а иногда на разных этажах или в разных подъездах и комнатах одного и того же дома. Такое положение сохранялось вплоть до начала нашего контрнаступления 19 ноября.

Обстановка на фронте 62-й армии все более ухудшалась. Связь с основной базой обеспечения, которая находилась за Волгой, непрерывно нарушалась, так как переправы и причалы были под непрерывным огнем артиллерии и минометов и хорошо наблюдались противником. В распоряжении войск армии оставалась крайне ограниченная территория, простреливавшаяся всеми видами огня, вплоть до пулеметного. Маневрировать в этих условиях было необычайно трудно. Маневр стал возможен только вдоль берега Волги ночью или при искусственном задымлении.

Вражеская пропаганда вновь затрубила о скором падении города, о выполнении фашистскими войсками их

главной задачи в кампании 1942 года. В действительности же гитлеровцы по-прежнему держали под Сталинградом огромные силы и были лишены возможности добиться решительных успехов на кавказском направлении.

Военный совет фронта принимал все меры к тому, чтобы укрепить моральные силы воинов в борьбе за каждый метр сталинградской земли, за каждый рубеж обороны. Очень часто мы бывали в войсках, проводили там беседы, митинги, награждали отличившихся. Приведем здесь корреспонденцию об одном из митингов бойцов-танкистов, помещенную на страницах фронтовой газеты.

«6 ОКТЯБРЯ. (От нашего спец. корр.) В густом кустарнике стоят замаскированными танки-дредноуты, средние и легкие бронированные машины. Вблизи от них ровными рядами выстроились танкисты-десантники, командиры машин, механики-водители, стрелки-радисты подразделения Малышева.

Митинг, посвященный предоктябрьскому социалистическому соревнованию, открыл военком подразделения.

На митинге присутствуют товарищи Н. С. Хрущев и генерал-полковник Еременко.

С большим вниманием слушают танкисты выступление генерал-полковника Еременко. Он говорит о том, что вот уже два месяца, как немцы топчутся в районе Сталинграда и не могут захватить его. Немцы протрубили на весь мир о том, что они якобы встретились здесь с первоклассными укреплениями. На самом деле враг натолкнулся в районе Сталинграда на невиданную в истории стойкость наших воинов.

Во время речи с передовых позиций донесся гром артиллерийской и минометной канонады.

— Вы слышите, — обращается генерал-полковник к танкистам, — какой «концерт» мы устраиваем для немцев!

Генерал-полковник Еременко выражает уверенность в том, что советские танкисты, вооруженные первоклассной техникой, и впредь покажут себя героями в боях за Сталинград.

Выступивший на митинге товарищ Н. С. Хрущев отметил, что Сталинград изумил весь мир своим беспримерным героизмом и стойкостью.

Громкое «ура» раскатывается по рядам, когда товарищ Хрущев говорит:

— Никогда немцам не владеть Сталинградом! Наши славные танкисты в предстоящих боях умножат славу нашего оружия, сохранят боевые традиции героической обороны Царицына!

Танкисты с огромным интересом прослушали обращение участников героической обороны Царицына и письмо бойцов и командиров Н-ской танковой части о включении в предоктябрьское социалистическое соревнование.

— Боевыми делами включимся в соревнование, — заверил от имени бойцов танко-десантной роты сержант Карликов. — Будем бить проклятых немцев, защищать город-герой, как защищают его гвардейцы Родимцева.

— Наши танки пройдут через все преграды, — сказал в своем выступлении танкист старший сержант Костюнин. — Гитлеровцы почувствуют на своих спинах силу нашей брони, силу нашего удара. На улицах Сталинграда враг найдет свою могилу!

Громкое троекратное «ура» покрывает эти слова.

После митинга товарищи Н. С. Хрущев и генерал-полковник Еременко посетили все подразделения танкистов, беседовали с бойцами, командирами и политработниками об их боевых делах».

В начале октября против 62-й армии противник имел двенадцать дивизий (семь пехотных, две моторизованные и три танковые), располагавших почти 300 танками. Эти силы были сосредоточены на узком участке фронта, протяжением всего 25 километров.

С начала месяца наибольшему нажиму подвергался Сталинградский тракторный завод. С севера и северо-запада его обороняла группа полковника Горохова, в которую входили две стрелковые бригады: 124-я и 149-я. С запада и юго-запада завод обороняли части 37-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора В. Г. Желудева [1], а с юга — части 138-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Людникова. Все эти части были малочисленны и измотаны предыдущими боями.

---

[1] Желудев Виктор Григорьевич, рождения 1905 года, до службы в Советской Армии — рабочий. В армии с 1921 года. В партии с 1942 года. Участник Великой Отечественной войны с июля 1941 года в должностях командира авиадесантной бригады и стрелковой дивизии. Генерал Желудев был четырежды ранен. Пал смертью героя в 1944 году. Его заслуги перед Родиной отмечены двумя орденами Суворова II степени, двумя орденами Красного Знамени.

Непрерывно атакуя заводской район, противник с огромным трудом преодолел реку Мокрая Мечетка и тем улучшил свое тактическое положение. Теперь он получил возможность бросать в атаку на завод автоматчиков при плотной поддержке танков. Начались яростные наскоки на завод.

7 октября противник предпринял удар на очень узком участке фронта, сосредоточив на нем более 100 танков. Неся чудовищные потери, гитлеровцы старались сломить нашу оборону. Им удалось за пять дней вклиниться в нашу оборону на 300—400 метров. После этого обескровленный враг вынужден был почти на целую неделю отказаться от новых попыток захватить Сталинградский тракторный завод. Это объяснялось отнюдь не желанием гитлеровского командования дать своим войскам передышку, а почти полным истреблением действовавших на этом участке частей. Их нужно было пополнять и заново сколачивать. Воспользовавшись этим, мы укрепили, насколько могли, оборону Сталинградского тракторного завода. С юго-западных окраин завода «Красный Октябрь» была снята 95-я стрелковая дивизия и переброшена в район к юго-западу от тракторного завода.

С рассветом 14 октября противник начал усиленную авиационную и артиллерийскую обработку наших позиций у тракторного завода, а в 8 часов утра перешел в атаку, бросив на очень узком участке фронта дивизию, поддержанную 150 танками. Удар главным образом направлялся против участка, который обороняли гвардейцы Желудева. Обеспечив огромную плотность огня, противник взорвал противопехотные и противотанковые минные поля, а это облегчило ему доступ к заводу.

После кровопролитного и напряженного четырехчасового боя противник проломил нашу оборону у тракторного завода, к исходу дня ворвался на территорию завода и вышел против него к Волге. Фронт 62-й армии был разрезан. За этот успех противник заплатил жизнью полутора тысяч солдат и полусотней танков.

Перед нами остро встала задача — не допустить дальнейшего продвижения противника.

Положение осложнялось тем, что теперь действия наших частей были значительно стеснены: на участке у тракторного завода мы могли контратаковать только вдоль берега Волги, на очень узком и неудобном участке;

противник оказался в более выгодных условиях: с фронта он теперь прикрывался Волгой, а с севера ему противостояла слабая группа Горохова, уже не способная организовать контрудар.

Однако бои за завод не утихали ни днем ни ночью до 18 октября. Дело в том, что противник так и не смог захватить заводскую часть города и уничтожить ожесточенно сражавшиеся в окружении силы северной группировки 62-й армии. Эта группировка, охваченная немцами с трех сторон и прижатая к Волге, продолжала героически обороняться до перехода наших войск в контрнаступление.

В боях 14—18 октября, сыгравших большую роль в обороне Сталинграда, враг был значительно обескровлен и обессилен. Его активность настолько уменьшилась, что в дальнейшем, до самого нашего контрнаступления, он уже не смог организовать ни одного удара, который по силе равнялся бы этому. И это несмотря на то, что Гитлер в середине октября перебросил под Сталинград значительные маршевые пополнения, а также несколько десятков саперных батальонов и до шестидесяти дивизионов артиллерии РГК. Причиной снижения активности противника была, несомненно, все возраставшая сила противодействия наших войск. Инициатива боевых действий в Сталинграде начала переходить в руки наших войск.

Героические защитники Сталинграда устояли в труднейшие дни чудовищного натиска врага, они самоотверженно выполнили свою задачу — удержали город и начали брать инициативу в свои руки.

14 октября в войска Сталинградского фронта прибыл член Центрального Комитета Коммунистической партии товарищ Мануильский.

Выступив перед командирами и политработниками 64-й и 62-й армий с приветствием от Центрального Комитета, товарищ Мануильский сказал:

«Товарищи, вам тяжело. Вам тяжелее, чем кому бы то ни было на фронте и в тылу.

Это знают Центральный Комитет партии, Советское правительство... Могу вас заверить, что вы скоро получите ощутимую поддержку всего народа. Наша партия, наш народ восхищены и горды тем, что сумели воспитать таких людей, как вы, защитники Сталинграда, превратившие город в неприступную крепость».

15 октября на фронте 62-й армии сложилась исключительно трудная обстановка. При переговорах по телефону с товарищем Чуйковым я почувствовал, что настроение командарма несколько упало. Я решил немедленно побывать у него, на участке 62-й армии. Там действительно создалось тревожное положение. Противник, заняв господствующее положение на высотах, держал под огнем всю Волгу против Сталинграда. В его руках в это время находились Мамаев курган, выс. 107,5, а также выходы к реке в районах тракторного завода и устья Царицы. Губительный огонь гитлеровцев парализовал движение по реке. Василий Иванович довольно энергично запротестовал против моей поездки, так как, чтобы добраться до командного пункта 62-й армии, предстояло переплыть Волгу под плотным обстрелом, а затем под минометным и ружейно-пулеметным огнем пройти берегом 4—5 километров. Однако такая обстановка, постепенно войдя в наш быт, стала для нас привычной: ведь под подобным огнем пришлось побывать уже сотни раз; в августе и сентябре Военный совет фронта, будучи на своих КП в центре города, находился почти под непрерывным огнем и бомбежкой.

Поездка, конечно, предстояла не из приятных. Но было совершенно необходимо побывать среди войск в самый тяжелый для них момент, чтобы ободрить, поддержать их, передать им лично благодарность и слова привета Центрального Комитета партии.

Первая попытка переправиться в район тракторного завода, 15 октября, успеха не имела, так как противник вел усиленный огонь по всем нашим причалам и переправам.

16 октября в 3 часа дня я прибыл на командный пункт Волжской военной флотилии, находившийся в непосредственной близости от берега. Здесь мы застали командующего флотилией контр-адмирала Рогачева (со мной находился и мой заместитель генерал-лейтенант М. М. Попов, который только что приехал на Сталинградский фронт из-под Воронежа). Был приготовлен «бронекатер» (бронекатерами мы называли небольшие железные катера, которые пробивались любой пулей).

Рогачев, как и Чуйков, пытался отговорить меня от поездки.

Лишь только стало смеркаться, мы вышли из истока Ахтубы и направились прямо в Сталинград. Все 10 километров вдоль Сталинграда пришлось идти под огнем противника. В 20 часов мы пристали к берегу в районе завода «Красный Октябрь».

На реке и в городе было совершенно светло, словно днем: противник непрерывно «вешал» множество осветительных бомб и ракет, ведя обстрел русла реки и места причалов.

Набережная Волги представляла собой хаотическое нагромождение всевозможных обломков. Повсюду следы разрушений, земля сплошь изрыта воронками от взрывов. Несмотря на все это, несмотря на непрерывный огонь противника, здесь было большое оживление: набережная стала единственным путем, по которому направлялся приток пополнений, шло снабжение, происходила эвакуация раненых.

С большим трудом мы добрались до командного пункта 62-й армии, который размещался в это время в районе завода «Баррикады», в старой штольне, метрах в 400 от противника (на берегу Волги). Часть сопровождавших нас товарищей были убиты или ранены (осколками снарядов и мин).

На командном пункте мы застали начальника штаба армии товарища Крылова и члена Военного совета товарища Гурова. Командующий армией, зная о нашем прибытии, вышел нам навстречу, но в пути мы где-то разошлись. Через некоторое время он возвратился. Начальник штаба подробно доложил обстановку, хотя она и без того была известна. Когда разобрались со всеми боевыми делами, время далеко перешагнуло за полночь, и мы сели поужинать за столом товарища Гурова. За ужином мы оживленно беседовали, делясь впечатлениями истекшего дня. Я рассказал несколько смешных эпизодов из нашей сегодняшней поездки, в частности о том, как мы с товарищем Поповым прятались за рубку «бронекатера», как бы маскируясь от наблюдения противника, когда при подходе к берегу нас начали обстреливать немецкие автоматчики.

Товарищ Чуйков в свою очередь рассказал, как один беспечный немецкий солдат вышел к Волге и начал глушить рыбу неподалеку от командного пункта армии.

Через некоторое время я переговорил с командирами 37-й гвардейской, 138-й и 95-й стрелковых дивизий, командные пункты которых были тут же рядом. Более подробно я беседовал с командиром 37-й гвардейской дивизии, которая почти полностью погибла в боях за Сталинградский тракторный завод. Взволнованный, правдивый рассказ командира этой дивизии генерал-майора Желудева заставил нас вновь пережить тяжесть этой утраты.

— Как же все-таки отдали вы противнику завод? — спрашивал я Желудева, стремясь за напускной строгостью скрыть свое волнение.

— Товарищ командующий, — отвечал он глухо, смотря прямо мне в глаза и с трудом поднимая тяжелые от усталости веки, — задачу свою дивизия выполняла честно, ни на шаг не отступила, большинство солдат и офицеров погибли, в соединении осталось всего несколько сот человек. Больше тысячи самолетов бомбили наши боевые порядки, в атаку на нас шло до полутора сотен танков, а за ними — пехота, волна за волной. Ведь никто не оставил своих позиций.

Желудев замолчал. Мне показалось, что он смахнул слезу. Молчал и я. Да и что можно было сказать? Упрекать? Но разве можно было упрекать героев, честно выполнивших свой долг?

Я только и мог сказать:

— Да, война неумолима. Враг жесток.

Вспомнилась первая беседа с командиром этой дивизии, когда он только что прибыл в Сталинград. Прямой и независимый взгляд, твердый и решительный характер, сказывавшийся в каждом его жесте и слове, обращали на себя внимание, они не могли не понравиться. Я знал многих офицеров и солдат этой дивизии. Это были верные сыны нашей Родины, нашего народа, воспитанные великой партией Ленина, твердо верившие в наше правое дело. И вот теперь большинства из них не было в живых.

Пройти на командные пункты некоторых командиров дивизий было совершенно невозможно. С товарищами генерал-майором А. И. Родимцевым, полковником Л. Н. Гуртьевым и другими пришлось переговорить по телефону. Ночь кончилась, близился рассвет. Надо было возвращаться на КП фронта. Возвращались с не меньшими трудностями. Но поездка через Волгу обошлась благополучно; мне в Сталинграде как-то везло, чего нель-

зя было сказать про предыдущие фронты, где пришлось дважды получить тяжелые ранения. В поездке сопровождал меня адъютант товарищ Дубровин, разделявший со мной обычно все трудности тяжелых и опасных поездок по войскам и всегда сохранявший мужество. Впоследствии товарищ Дубровин стал командиром бригады. Части этой бригады первыми ворвались в Ростов-на-Дону.

Во второй половине октября противник продолжал ожесточенные наскоки на заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь»; советские войска неизменно отвечали контратаками, нанося ему колоссальные потери.

Захватив тракторный завод, немецко-фашистские войска неоднократно пытались развить успех в северном и южном направлениях. Однако все их атаки на поселок Спартаковец (севернее завода) и на завод «Баррикады», находящийся южнее, оказались безуспешными. Несмотря на невероятно трудные условия борьбы, наши части, значительно поредевшие, не дрогнули и сумели, ведя напряженный бой, ограничить успех немецкого прорыва; героическими усилиями наши части, сумевшие в ходе боя быстро перегруппироваться, приостановили дальнейшее наступление противника, что в конечном счете обеспечило нам удержание сталинградского плацдарма.

К этому времени относится еще один очень важный контрудар наших войск, имевший своей целью, во-первых, облегчить положение 62-й армии и, во-вторых, это главное, отвлечь внимание противника от направления готовящегося контрнаступления.

Хорошо организованный, этот контрудар наносился на правом фланге 64-й армии генерала Шумилова в районе Купоросное, Зеленая Поляна (схема 15). В нем участвовала 29-я стрелковая дивизия полковника А. И. Лосева, а также свежие силы — 7-й стрелковый корпус генерал-майора С. Г. Горячева в составе трех бригад. За мощным ударом артиллерии последовал удар нашей авиации и гвардейских минометов, в частности М-30, примененных тогда впервые на Сталинградском фронте. На участке разгорелись длительные ожесточенные бои, продолжавшиеся с 25 октября по 1 ноября. В них особенно отличились 93-я стрелковая бригада полковника Николая Захаровича Галай, 96-я стрелковая бригада полковника Федора Павловича Бережного и 97-я стрелковая бригада генерал-майора Владимира Васильевича Тихо-

мирова. Хотя территориальное продвижение наших частей составило всего лишь 3—4 километра, зато противник вынужден был держать здесь значительные силы и даже бросать сюда свои последние резервы; в эти критические дни борьбы возможность маневра для противника была почти совершенно исключена. Результаты контрудара сразу же сказались: на несколько дней противник приостановил бои в заводской части Сталинграда. Враг понес большие потери, которые, естественно, привели также к ослаблению и его ударных группировок. Организация контрудара и его исполнение проходили под непосредственным руководством командующего 64-й армией товарища Шумилова. Этот контрудар был поддержан действиями левого крыла Донского фронта, а также действиями войск этого фронта в районе Клетская.

Большую роль в повышении боевого духа войск в это время сыграло обращение командования фронта к воинам-сталинградцам, составленное вместе с Н. С. Хрущевым 18 октября 1942 года. По решению Военного совета оно было подписано мною. Его читали во всех частях и соединениях фронта.

Вот его текст:

«Смерть немецким оккупантам!

ТОВАРИЩАМ КРАСНОАРМЕЙЦАМ И КОМАНДИРАМ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА!

Боевые товарищи!

Уже более двух месяцев рвется противник к Сталинграду. Наметив захватить Сталинград еще в начале августа, кровавый Гитлер, не считаясь ни с какими потерями, гонит в наступление свои войска и войска своих наймитов...

Наши доблестные войска, защищающие Сталинград, сбили спесь фашистским мерзавцам, сорвали их планы захвата Сталинграда.

За два месяца боев противник понес колоссальные потери...

Вот почему враг сдал темпы общего наступления и перешел к тактике наступления на узком участке. Противник выдыхается, он бросает в бой связистов, охранные команды и даже калек посылает в поредевшие войска...

Свою слабость враг прикрывает листовками, которые

он выбрасывает ежедневно в огромном количестве, пытаясь запугать наши войска всякой ложью и клеветой.

Фашистские листовки — это сплошное и наглое вранье. Никогда не удастся фашистским лгунам поколебать своей брехней стойкость наших войск!

Товарищи, запомните: история не знала такого случая, да и не будет этого, чтобы кто-либо победил русский народ.

А наше дело правое, и мы обязательно победим!

Наш храбрый, упорный и выносливый народ никогда не потерпит, чтобы фашисты топтали нашу землю и издевались над нашим населением.

Товарищи бойцы и командиры! Хотя противник и сильно обескровлен, но он будет пытаться продолжать наступать, пуская в ход свою авиацию и танки.

Мы должны с еще большим упорством отражать его наступление, переходить в контратаки и уничтожать врага.

Наша общая ближайшая задача: отстоять Сталинград! Это наш священный долг перед Родиной, и мы его выполним — отстоим славный город, уничтожим врага под Сталинградом!

К нашему упорству в борьбе с фашистами нужно добавить всю мощь пехотного оружия. Каждый боец должен гордиться и считать за честь — как можно больше истребить фашистов огнем из винтовки, пулемета и автомата...

Помните, товарищи, в ближнем бою огонь пехоты больше всего наносит потерь противнику. Поэтому всем бойцам, находящимся в бою, надо вести огонь частый, залповый, смотря по обстановке.

Частый огонь — при наступлении противника, при отражении его атак, при своем наступлении.

Редкий огонь — для беспокойства врага и по одиночным целям, для контроля местности, чтобы не давать продвигаться по ней врагу.

Залповый огонь вести по скоплению конницы, по скоплению пехоты, по колоннам и машинам, по самолетам и т. д.

Мощный огонь пехоты уложит всех фашистов в могилу.

Туда им и дорога!

Обращаемся ко всем командирам и бойцам с требова-

нием и призывом: больше организованности, больше упорства в бою, проявляйте широкую активную инициативу в бою.

Больше нажим на врага. Залезай в каждую щель боевого порядка противника! Проникай в его глубину, уничтожай врага беспощадно всюду!

Призываем вас, товарищи, к тому, чтобы к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции поднести подарок нашей Родине — очистить от врага занятые районы Сталинграда.

В бой, товарищи! Никакой пощады врагу!

Командующий Сталинградским фронтом
генерал-полковник
ЕРЕМЕНКО

18 октября 1942 г. Сталинградский фронт»

Такими обращениями и приказами мы держали войска в состоянии постоянной боевой напряженности и высокой бдительности. Это необходимо было периодически делать, имея в виду то, что личный состав менялся и вновь прибывших следовало знакомить с их задачами и обязанностями. Подобные документы служили для организации конкретной политической агитационной работы.

В эти самые тяжелые для сталинградцев дни они чувствовали, что вся наша страна от края до края, трудящиеся зарубежных стран были мысленно с ними, стремились поддержать их, вдохнуть новые силы для борьбы с общим врагом.

Нельзя не привести здесь нескольких писем, полученных сталинградцами в октябрьские дни 1942 года.

Вот, например, обращение туркменского народа к защитникам Сталинграда, которое обсуждалось на собраниях и было подписано 205 696 трудящимися.

«ОБРАЩЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА К ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНГРАДА!

Братьям туркменам, бойцам, защищающим Сталинград.

Дорогие товарищи!

Вам, доблестным богатырям, защищающим непобедимую волжскую твердыню — город Сталинград, мы, рабочие, колхозники, интеллигенция солнечной Туркмении, шлем свой пламенный братский привет и желаем как

можно быстрее добиться полного разгрома немецко-фашистских полчищ.

Наша Родина переживает грозные и суровые дни. Кровавый Гитлер, как обезумевший игрок, возложил свои последние надежды на предпринятое им наступление на Советском Юге. Фашистское командование пытается ценою каких угодно потерь овладеть Сталинградом, захватить или отрезать нашу грозненскую и бакинскую нефть, важнейшие железнодорожные и водные магистрали Советского Юга. Банда фашистских солдат и офицеров, связанная общностью неслыханных преступлений против советского народа, все еще мечтает разгромить Красную Армию и наше Советское государство, превратить гордых и счастливых советских людей в бесправных рабов немецких баронов и помещиков. Пытаясь запугать советский народ и сломить нашу волю к борьбе и победе, фашисты заливают потоками крови цветущие станицы Кубани, Дона и аулы Северного Кавказа — пытают, вешают, расстреливают, сжигают и закапывают живыми наших советских людей, в том числе стариков, женщин и детей. Враг беснуется, он бросает в бой последние свои резервы и технику.

Защитники Сталинграда!

Доблестные сыны туркменского народа, защищающие Сталинград!

Туркмены кызыл-аскеры!

Мы, отцы и матери, жены и дети, сестры и братья Ваши, наказываем Вам, не щадя своей жизни, непоколебимо стоять за родную нашу землю, за жизнь нашу, судьбу и честь. Покажите же себя в боях за город Сталина достойными потомками наших славных предков Кеймир-Кера и Кер-Оглы. До предела используйте боевую мощь своего оружия. Еще более повышайте воинскую организованность! Еще более укрепляйте стальную воинскую дисциплину! С каждым днем уничтожайте все больше и больше гитлеровцев, не отступайте ни на шаг, бейтесь с фашистскими извергами, не щадя своей жизни, так же отважно и умело, как славный сын туркменского народа, Герой Советского Союза Курбан-Дурды.

Помните, что в районе Сталинграда и на подступах к нему каждый из Вас сражается за честь советской Отчизны, защищает свободу и независимость солнечной Туркмении, жизнь своих матерей, братьев, сестер, жен и

детей, свои родные аулы, свои дома, счастливое будущее своих детей.

Кызыл-аскеры, потомки Кеймир-Кера и Кер-Оглы! У Вас одна задача — разгром врага. У Вас один путь — вперед, к победе! Еще сильнее бейте фашистских захватчиков, не давайте им передышки ни днем, ни ночью, изматывайте фашистов, обескровливайте их, срывайте все замыслы врага и тем самым приближайте светлый час полного разгрома немецких армий и освобождение от них священной Советской земли. Пусть Сталинград и подступы к нему станут могилами для фашистских разбойников.

Мы, рабочие, колхозники и интеллигенция Туркмении, в эти дни вместе с Вами боремся за выполнение нашей главной задачи: «Все для фронта, все для победы», упорным трудом помогаем Вам уничтожать немцев. На фабриках и заводах мы успешно выполняем специальные заказы фронта. Повышаем добычу нефти. Увеличиваем выпуск текстиля и шелка, расширяем выпуск продукции местной промышленности. В 1942 году мы собрали высокий урожай пшеницы и других зерновых культур, добились больших успехов в развитии животноводства, вырастили обильный урожай хлопка.

Мы изо дня в день укрепляем могучий всенародный фонд обороны Родины, в который уже поступило 27 миллионов рублей облигациями и 7.185 кгр. серебра. Мы активно изготовляем для Вас теплые вещи, окружаем теплой заботой Ваши семьи. В дни предоктябрьского социалистического соревнования мы обязуемся удвоить, утроить, удесятерить свою помощь героической Красной Армии, работать в тылу с такой же самоотверженностью, с какой Вы сражаетесь с фашистами в районе Сталинграда.

Тысячи наших стахановцев в эти дни показывают образцы патриотического труда. Токарь депо Чарджоу тов. Вейкин, получив срочное задание, работал 30 часов подряд и выполнил его в срок. В вагонном депо Уфра промывальщики цистерн Обрывкин и Бондарь выполняют ежедневно по 10 норм. Многие колхозницы-стахановки обязались собрать за сезон по 10—12 тысяч килограммов хлопка. Товарищи Джума Астан, Сорегуль Керан и Анна Дурдыджумав из колхоза имени Жданова Чарджоуского

района собирают ежедневно по 150—170 кгр. хлопка. Стахановки Огульджан Эсенова и Дразгуль Аннаева в колхозе имени Тельмана, Ленинского района, выполняющие ежедневно по 3—4 нормы, уже собрали в этом сезоне по 4.000 кгр. хлопка.

Каждый из нас дает Вам слово работать сейчас за двоих, за троих так, как работают эти патриоты и патриотки. Сейчас, к XXV годовщине Великого Октября, во всех городах и аулах мы собираем для Вас праздничные подарки. Колхозники сельхозартели «Захмет», Ашхабадского района, например, выделили для подарков 20 баранов, 2 коровы, 2 лошади и 4 тонны овощей, а колхозники Геоктепинского района — 85 баранов, 450 литров вина и много продуктов.

Доблестные защитники Сталинграда, славные кызыласкеры! Вся наша Родина поддерживает Вас в жестокой борьбе с немецкими захватчиками. Крепче же удары по немецко-фашистским бандам. Отстоим Сталинград. Разгромим фашистов под Сталинградом. Совместными усилиями фронта и тыла разгромим немецко-фашистские орды.

Да здравствует наша родная и любимая Красная Армия!

Да здравствует могучий и непобедимый советский народ!

Да здравствует Коммунистическая партия, ведущая нас к победе!».

Таким же духом были проникнуты письма трудящихся других советских республик.

Так, в частности, трудящиеся Казахстана в конце своего послания заявляли:

«Дорогие друзья! Трудящиеся Казахстана, вдохновленные вашей героической борьбой, включившись во всесоюзное социалистическое соревнование, успешно завершили уборку обильного урожая. Все наши заводы выполнили производственные задания по изготовлению боеприпасов и вооружения для Красной Армии. Новыми трудовыми победами мы встретим XXV годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, дадим для фронта, для вас, защитников Сталинграда, новые тысячи тонн металла, снарядов, боевого оружия, новые тысячи тонн необходимых продуктов. К годовщине Великой Ок-

тябрьской социалистической революции трудящиеся Казахстана посылают вам десятки вагонов богатых праздничных подарков. Примите эти подарки, как знак нашей любви и заботы о вас. Славные защитники Сталинграда! Братья, товарищи, сыны казахского народа, защищайте в рядах Красной Армии героический Сталинград, сокрушайте фашистскую нечисть, истребляйте фашистские орды, не пропускайте врага вперед, отбросьте его от Сталинграда, как в дни напряженных боев за Москву в ноябре — декабре прошлого года это сделали славные защитники красной столицы. Деритесь так, как дрались под Москвой ваши земляки — бойцы 8-й гвардейской дивизии, деритесь так, как дрались 28 героев-панфиловцев.

Пройдут века, но слава о вас, героях, защищающих Сталинград, никогда не померкнет в благодарной памяти народов.

Надо отстоять Сталинград. Ни шагу назад! Смелее контратаки, сильнее удары по врагу! Под великим знаменем Ленина — Сталина — вперед, за нашу Родину, за нашу победу!

Президиум Верховного Совета Казахской ССР,
Совет Народных Комиссаров Казахской ССР,
Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана»

Волнующим было послание ленинградских коммунистов и всех трудящихся города Ленина, который находился в это время в железном кольце блокады, направленное в ответ на ободряющее письмо сталинградцев.

«БОЙЦАМ, КОМАНДИРАМ, ПОЛИТРАБОТНИКАМ И ТРУДЯЩИМСЯ СТАЛИНГРАДА

Дорогие друзья, братья!

С волнением читали мы ваше приветствие, наполненное доблестью, мужеством и верой в нашу победу над лютым и коварным врагом — германским фашизмом.

Вы своей доблестью, мужеством, массовым героизмом при защите от фашистского зверья родного города прославили себя в веках. С этой мыслью о Сталинграде встают ленинградцы. С именем великого города, как с боевым кличем, идут в бой воины Ленинградского фронта.

Сталинград — это теперь клятва на верность Родине, пример храбрости, образец твердости.

Боевая дружба давно и прочно связывает наши города. Не в первый раз под стягом наших городов решается судьба Родины. В первые годы революции банды Юденича пытались захватить Петроград. Они дошли до Пулковских высот. Смертельная опасность нависла над колыбелью революции. Но питерские рабочие под руководством партии разгромили врага, отстояли родной город.

Под Царицыном в тяжелые годы гражданской войны также решалась судьба молодой Республики Советов... Царицынские рабочие отстояли свой город. Боевые традиции тех лет, боевой дух той поры — живы! Они стократ умножены за месяцы Отечественной войны.

Сейчас, как и в годы гражданской войны, Ленинграду и Сталинграду выпали суровые испытания, фашистские орды яростно рвутся к Волге, в Сталинград.

Мы знаем — борьба тяжела. Немцы с неистовством отчаяния, как потерявшие голову азартные игроки, делают последнюю свою ставку. Они движутся по горам трупов собственных солдат и офицеров. Фашистские мерзавцы уничтожают все то, что создавалось вашим упорным и вдохновенным трудом, чем мы по праву гордились. Боль сжимает сердце, но ненависть сильнее боли! Врагу не сломить воли защитников Сталинграда, не поколебать их мужества.

Товарищи сталинградцы! За вами — честь и слава страны! Миллионы глаз смотрят на вас с надеждой и восхищением. Миллионы рук напрягаются в труде, чтобы помочь вам.

Дорогие товарищи! Заверяем вас, что, не жалея сил и жизни, не зная страха и устали в борьбе, преодолевая трудности и лишения осады, мы вместе с вами куем и будем ковать победу над ненавистным врагом.

Боевой славой озарена дружба наших городов в прошлом. Боевыми делами скреплена сейчас. Будем же, товарищи сталинградцы, еще отважнее и упорнее, еще искуснее разить фашистскую армию, будем беспощадно истреблять гитлеровскую нечисть.

Да здравствуют герои-сталинградцы!

Да здравствует наша Родина!

Да здравствует Коммунистическая партия, под водительством которой мы побеждали, под водительством которой победим и сейчас.

Председатель исполкома Ленинградского городского совета ПОПКОВ
Секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) КУЗНЕЦОВ»

С коротким, но исполненным трудового энтузиазма письмом к сталинградцам в эти дни обратились свердловчане:

«Дорогие друзья! Трудящиеся города Свердловска, воодушевленные вашим героизмом и отвагой, включившись в предоктябрьское социалистическое соревнование, напряженно трудятся каждый на своем участке. Колхозники успешно завершили уборку урожая. Рабочие выполнили производственные задания по изготовлению самолетов, танков, боеприпасов и других видов вооружения. Новыми трудовыми победами встретим мы XXV годовщину Октября. Мы дадим вам все необходимое для разгрома немецких захватчиков.

Славные защитники Сталинграда! Будьте достойными сынами советской Родины. Мужественно защищайте город Сталинград, нещадно истребляйте гитлеровцев. Не пропускайте врага вперед, задержите, остановите и отбросьте немецких оккупантов.

По поручению собрания партийного актива города Свердловска, секретарь горкома ВКП(б) КОСОВ»

Особенно ценными были для нас письма, приходящие из-за границы от трудящихся зарубежных стран. Вот, например, какая весть пришла из-за океана от американских трудящихся.

(Письмо приводится по публикации во фронтовой газете)).

«АМЕРИКАНСКИЕ РАБОЧИЕ — ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНГРАДА

Нас вдохновляет ваша доблесть.

Съезд профсоюзов рабочих сельскохозяйственного машиностроения в Чикаго послал рабочим Сталинграда приветственную телеграмму, в которой говорилось:

«Привет героическому народу, армии и нашим братьям, рабочим тракторной промышленности Сталинграда,

которые, несмотря на огромные трудности, удерживают сейчас осажденную крепость человечества. Мы, рабочие сельскохозяйственного машиностроения, собравшись на съезд с целью создания национального профсоюза и определения его программы и политики, призванных усилить наше участие в общемировой войне против гитлеризма, горячо приветствуем замечательных защитников вашего города, вашей страны, защитников общего нашего дела».

В телеграмме подчеркивается, что героические защитники Сталинграда отстаивают дело всех свободолюбивых народов мира.

«Наш съезд, — говорится далее, — единогласно принял резолюцию, призывающую Президента, Верховного Главнокомандующего Рузвельта ускорить создание второго фронта в Европе для того, чтобы помочь вам и одновременно избавить ваш народ от тяжелых мук и страданий, связанных с затяжной войной. Нас вдохновляет ваша доблесть. Вместе с вами мы преисполнены решимости добиться победы».

☆

ГЛАВА XI

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В дни октябрьских и ноябрьских боев огромное мужество и стойкость показали части 308-й стрелковой дивизии, оказавшиеся на главном направлении вражеского удара, в районе завода «Баррикады». Сформированные в Сибири, они состояли почти исключительно из омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев. Командир этой дивизии полковник Л. Н. Гуртьев был участником первой мировой войны, в гражданскую войну командовал взводом. В Сталинграде этот смелый, хладнокровный, скромный и требовательный командир пользовался любовью и уважением солдат и офицеров своей дивизии.

Прежде чем выступить на фронт, дивизия прошла под руководством своего командира большую школу. Она хорошо и тщательно подготовилась к боевому экзамену, к выполнению высокого и тяжелого долга.

Части 308-й стрелковой дивизии в октябре отразили около 100 вражеских атак. Были дни, когда они отражали по десять, а иногда и больше атак танков и пехоты противника. День и ночь висела над сибиряками страшная туча огня и дыма; против них остервенело наступали три вражеские дивизии. Но, потеряв на этом участке несколько тысяч солдат и офицеров, враг так и не сумел сломить упорство славной дивизии.

Позднее, в дни героического наступления советских войск, части этой дивизии сражались также мужественно и искусно. Сам товарищ Гуртьев, будучи уже генерал-майором, погиб смертью храбрых в боях за Орел летом 1943 года; посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В районе завода «Баррикады» героически сражалась и другая не менее славная дивизия — 138-я стрелковая под командованием талантливого командира полковника Ивана Ильича Людникова (ныне генерал-полковник, Герой Советского Союза), которая проявила чудеса храбрости и небывалого упорства.

Героизм воинов этой дивизии особенно проявился в те же суровые дни октябрьско-ноябрьских боев. В течение многих дней с беспримерным упорством она отражала натиск врага, будучи совершенно отрезанной от остальных войск фронта. Лишь узкий выход к Волге связывал ее с противоположным берегом реки. Но и этот путь к середине ноября стал почти недоступным в связи с ледоходом и падением уровня воды в Волге. Иссякали запасы хлеба и сухарей, патронов, гранат и мин; не стало медикаментов. Доставлять все это самолетами было очень сложным и трудным делом. К 11 ноября врагу, вышедшему в район завода «Баррикады», удалось отрезать 138-ю стрелковую дивизию от других соединений 62-й армии. Части дивизии, вплотную прижавшись к Волге, занимали участок 400 на 700 метров. Лишь 20 ноября к ней с огромным трудом пробилась партия «бронекатеров» с хлебом, другими продуктами, медикаментами и боеприпасами.

За весь период боев против окруженной дивизии враг сумел продвинуться всего на 200 метров, правда, он подошел к самому обрыву над Волгой. Но, заняв его, немцы не сумели выйти к самой Волге, так как берег с обеих сторон обстреливался нашими войсками. Потери врага здесь составили несколько тысяч человек.

В конце октября командир одной из наших частей товарищ Афонин получил приказ произвести высадку десанта в Латашанке. Десантники внезапно под покровом ночи переправились через Волгу и высадились в назначенном районе, захватив дерзким ударом населенный пункт. Правда, отряду не удалось удержать в своих руках Латашанку, и он понес большие потери. Но в жестоких трехдневных боях десантный отряд привлек на себя большие силы противника и в свою очередь нанес ему огромные потери. Гитлеровцы, обеспокоенные событиями в Латашанке, вынуждены были отвлечь часть своих сил непосредственно со сталинградских позиций. Известную помощь десантники оказали и группе Горохова. Необходимо было также дезориентировать противника о возмож-

ных наших планах. Как раз в эти дни Сталинградский фронт производил перегруппировку и сосредоточение новых сил для предстоящего контрнаступления.

Ожесточенные бои продолжались и в ноябре, особенно 11—13 ноября, когда противник беспрерывно атаковывал наши позиции в районе завода «Баррикады». Груды вражеских трупов, оставленных на поле боя перед нашими позициями, все более увеличивались, свидетельствуя о необыкновенной стойкости и мужестве оборонявшихся здесь сталинградцев.

А положение 62-й армии осложнялось с каждым днем. В середине ноября по Волге пошло «сало» (мелкий битый лед). Река стала почти совсем непроходимой для всех плавучих средств. От вражеского огня — артиллерийского, минометного, ружейно-пулеметного — переправочные средства несли огромные потери, доходившие до 30—40%, а «бронекатера» теряли до 60% своего состава. Эти потери сокращали и без того ограниченное снабжение 62-й армии.

С 23 октября и до конца оборонительного периода сражения противник основные усилия сосредоточивал на борьбе за оставшуюся в наших руках заводскую часть города, и особенно за завод «Красный Октябрь». Яростные многодневные атаки наших позиций с разных направлений иногда давали возможность врагу прорваться в глубину нашей обороны, но, почти как правило, прорвавшиеся группы, отряды неизбежно истреблялись нашими частями. До последних сил стояли на своих рубежах наши воины. Подчас в некоторых полках оставалось менее 40 человек. Были отдельные участки фронта, которые уже не занимались нашими войсками: не хватало сил. Немецкие автоматчики стали все больше просачиваться на территорию завода. Начались не менее напряженные бои внутри заводской территории.

Сюда 29 октября была направлена прибывшая из резерва Ставки 45-я стрелковая дивизия под командованием полковника Василия Павловича Соколова. Это была старая кадровая дивизия, сражавшаяся еще в гражданскую войну, созданная Щорсом. В ее составе героически сражались богунцы, таращанцы, донцы, знамена которых были овеяны славой борьбы с немецкими оккупантами на Украине в 1918 году. Свято храня традиции щорсовцев, полки дивизии намного преумножили боевую славу

суровых лет гражданской войны. Дивизии было присвоено звание гвардейской. Силами дивизии при поддержке артиллерийской группы фронта 31 октября была нанесена противнику контратака. Нашим частям удалось несколько продвинуться вперед. Они овладели основными цехами и складом готовой продукции завода «Красный Октябрь», которые накануне были захвачены противником. Все последующие дни, вплоть до 19 ноября, на территории завода день и ночь не прекращались жестокие бои. Чтобы овладеть всей территорией завода, чтобы выйти к Волге, гитлеровцы предпринимали все новые и новые атаки. Они бросали в наступление все свои силы и технику, но добиться успеха не могли. Защитники Сталинграда прочно держались на правом берегу Волги.

Накануне празднования XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1942 года, солдаты, командиры и политработники Сталинградского фронта поклялись отстоять город, не допустить врага к Волге.

Клятва, текст которой был составлен политуправлением Сталинградского фронта, обсуждалась всеми участниками великой битвы. В ней они выразили свои самые сокровенные мысли и чувства, прежде всего несокрушимую веру в правоту нашего дела, волю к победе, беззаветную преданность советскому народу и Коммунистической партии.

Герои Сталинграда, непоколебимо уверенные в полной победе над врагом и исполненные священной ненависти к фашистским извергам, клялись перед лицом ветеранов Царицына, перед родной армией, перед всей страной стоять до последнего, отдавая все делу защиты города.

«Сражаясь сегодня под Сталинградом, — писали воины, — мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить. Здесь, под Сталинградом, решается судьба нашей Родины. Здесь, под Сталинградом, решается вопрос, быть или не быть свободным советскому народу.

Вот почему мы напрягаем все силы, вот почему мы сражаемся до последнего, ибо каждый из нас понимает, что дальше отступать нельзя.

Посылая это письмо из окопов, мы клянемся... что до последней капли крови, до последнего дыхания, до по-

следнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге.

Перед лицом наших отцов, поседевших героев Царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед нашими боевыми знаменами, перед всей Советской страной мы клянемся, что не посрамим славы русского оружия, будем биться до последней возможности».

Прошло полтора месяца боев за северную часть Сталинграда. Ценою огромных потерь в людях и военной технике противник добился частных успехов на отдельных направлениях: ему удалось ворваться на тракторный завод, выйти в отдельных местах к Волге, он окружил отдельные группы наших войск. Но враг оказался бессильным выполнить свою основную стратегическую задачу — захватить Сталинград, сбросить войска Сталинградского фронта в Волгу. Ему не удалось высвободить свои силы ни для удара на Астрахань, ни тем более для поддержки группы армий «А», наступавшей на Кавказ.

Северная группировка войск 62-й армии под командованием полковника С. Ф. Горохова общей численностью 6500 человек оказалась к этому времени изолированной от соседей и вынуждена была вести борьбу почти в полном окружении. Она занимала фронт по линии Рынок, поселок Спартаковец, роща западнее поселка Спартаковец, северные окраины рабочего поселка тракторного завода и северная часть территории самого завода.

124-я стрелковая бригада под командованием полковника С. Ф. Горохова, вступившая на сталинградскую землю 29 августа, в тот же день выбила противника из поселков Спартаковец и Рынок и заняла оборону. С тех пор части группы и вели здесь тяжелые бои. К середине октября положение бригады стало особенно напряженным: боеприпасы и продукты питания доставлялись лишь катерами через Волгу или самолетами По-2. Летчики с большим трудом, обычно низко опустившись над войсками, находили части группы.

С 15 октября противник начал систематически наседать на северную группировку. Он выдвинул против нее две дивизии: танковую дивизию в направлении на Латашанку, Рынок и пехотную дивизию вдоль реки Мокрая Мечетка, часть сил этой же дивизии наступала с юга, т. е. от тракторного завода. Все ожесточенные попытки

противника разрезать на части боевые порядки северной группы никакого успеха не имели и были полностью отражены нашими войсками.

В отражении атак большую роль сыграла фронтовая артиллерийская группа, которая, как молотом, била по атакующим войскам противника, создавая на избранных нами участках зоны мощного губительного огня.

Чтобы больше укрепить оборону и уплотнить боевые порядки, полковник Горохов несколько сократил линию фронта (на что получил разрешение), после чего площадь оборонявшейся им территории уменьшилась до восьми квадратных километров.

Сильнейшие атаки противник повторил 17 и 19 октября. Воины северной группы героически отстояли свои позиции.

В конце октября противник усилил свои войска танками. 2 ноября две усиленные дивизии, каждая из которых поддерживалась 50 танками и авиацией, перешли в новое наступление. В течение дня враг предпринял пять атак, но все они оказались бесплодными. После этого противник, отказавшись от массовых атак, стоивших ему огромных потерь, перешел к действиям мелкими группами, но и это ни к чему не привело.

В результате более чем месячных боев войска северной группы нанесли противнику весьма ощутимые потери. Вплоть до начала нашего контрнаступления они полностью удержали свои позиции, хотя наступавший враг обладал огромным превосходством в силах. Чрезвычайно тяжелые условия обстановки, в которых северная группа вела бои, выражались в том, что она была лишена возможности не только пополняться и нормально снабжаться, но также маневрировать. В этих условиях воины группы проявили беспримерную стойкость и героизм.

Инициатива боевых действий в Сталинграде со второй половины октября постепенно перешла в наши руки. И хотя ожесточенные атаки противника продолжались изо дня в день, они были похожи на последние судорожные усилия смертельно раненного зверя.

6 и 7 ноября, в дни празднования XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, враг попытался предпринять многочисленные атаки, но все они были отбиты.

Таким образом, в течение последнего месяца оборонительные боевые действия велись в трех очагах: на севере, где сражалась с врагом группа полковника Горохова; в центре, где на очень маленьком клочке земли, в районе завода «Баррикады», стойко держались части 138-й стрелковой дивизии; дальше на юг, после небольшого разрыва, шел основной фронт 62-й армии. К середине ноября наши войска, прижатые к Волге на северном участке, вели борьбу в особенно трудных условиях; но было совершенно ясно, что враг остановлен и бессилен добиться каких-либо новых успехов. На юге от центра города (центр города занимал противник) до Красноармейского района на фронте 40 км героическая 64-я армия удерживала свои позиции на внешнем обводе, не допуская фашистов даже к окраинам города. Особенно напряженные бои 64-я армия вела на своем правом фланге. Этими активными действиями она оказывала постоянную и непосредственную помощь 62-й армии.

☆

ГЛАВА XII

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПО ОБОРОНИТЕЛЬНОМУ ПЕРИОДУ БИТВЫ

Тот массовый героизм, та беспримерная стойкость, которую проявили наши части и соединения на всех этапах сталинградской обороны, тот боевой подвиг, который они совершали ежедневно, ежечасно, на каждом шагу, начиная с обороны обводов и кончая жестокой борьбой на улицах города, были возможны, конечно, только при высоком сознании у воинов долга перед Родиной, при наличии у них преданности советской Отчизне и Коммунистической партии, высокого патриотизма.

Упорство и стойкость защитников Сталинграда были действительно изумительны. Оборона Сталинграда воочию показала огромное превосходство советских войск над фашистской армией. Непревзойденные моральные качества наших воинов вынужден был признать и противник. Об этом свидетельствуют дневники и письма немецко-фашистских солдат и офицеров, попавшие к нам.

В них говорится об упорстве и воинском мастерстве защитников Сталинграда. Автор одного такого письма, солдат Генрих Зуппингер, в горестном недоумении пишет о страшном разочаровании немецких солдат, для которых длительность затянувшейся борьбы за Сталинград является «загадкой».

Вот выдержки из дневника лейтенанта Хэннеса, из которых видно, как гитлеровцы от великолепного настроения и уверенности в том, что русские будут разбиты летом 1942 года, приходили постепенно к полному отчаянию и сознанию, что «если кто-либо живым выберется из этого ада — это большое счастье».

«15.VI.42 г. — Едем в дивизию. Первое впечатление от фронта. Путь идет по сгоревшим деревням. Как слышно, настроение на фронте великолепное, и я полагаю, что мы разобьем русских в это лето.

23.VI.42 г. — Часто по ночам налетают русские бомбардировщики. Иногда это очень неприятно. Кроме бомб, они прекрасно орудуют бортовым вооружением.

29.VI.42 г. — В эти дни я впервые услышал сталинский орга́н [1]. Это — значительное оружие. Это — здорово, когда 24 или даже 42 гранаты взрываются одна за другой.

3.VII.42 г. — Восемь раз наступали русские (при поддержке бомбардировщиков) на мост в Чернянке. Наши потери велики. 70 убитых и много раненых.

7.VII.42 г. — В некоторых местах русские оказывают упорное сопротивление.

28.VII.42 г. — Два дня мы на одном месте. Вчера русские вели сильный огонь. Артиллерийский обстрел был настолько точен, что мы чувствовали себя неважно.

23.VIII.42 г. — Четыре дня назад мы перешли Дон. Рота понесла тяжелые потери. Выбыло 24 человека. Собственно говоря, о роте больше нечего говорить...

5.IX.42 г. — От нашей роты осталась небольшая кучка. Взводы насчитывают по 8—9 человек.

14.X.42 г. — Мы штурмуем Сталинград. Мы должны вести наступление на северо-западную часть города. Русские свирепствуют, как всегда. Слава богу, что у нас есть самоходные пушки, иначе бы мы шагу вперед не сделали.

15.X.42 г. — Весь батальон поместился в здании детского дома и занял оборону. Ночь была ужасна. Непрерывно в воздухе русские летчики. Впереди течет Волга, вот я ее увидел. Наша рота была под таким огнем, какого я в жизни не видал. Двое моих людей убиты. Шульц и Шмидт тяжело ранены. Мне пока везет.

16.X.42 г. — Русские обстреливают артиллерийским огнем и из минометов. Если кто-либо живым выберется из этого ада — это большое счастье. Потери велики. Убиты: Шауфельд, Филлер, Фрайбергер, Розе, Бек, Бауман, Роллер; ранены: Крепель, Фляйшер, Штимбауэр, Веппельман, Шульц и Шмидт».

Автору дневника не суждено было дожить до «сча-

---

[1] То есть «катюшу».

стья», о котором он мечтал 16 октября. Он, как и вся его рота, нашел гибель на берегах Волги.

Неудачи фашистских атак обескураживали противника. «Несмотря на хорошо проведенную авиационную и артиллерийскую подготовку, — докладывал своему начальнику один из немецких командиров, — идти в атаку не с кем, нет людей, от артиллерийского огня и снайперов полк понес большие потери, в ротах осталось едва по 10 человек».

Вот чего стоило противнику, по его же свидетельству, продвижение вперед на сталинградском направлении.

С развертыванием сражения непосредственно в черте города врагу пришлось отказаться от ударов на широком фронте. Он перешел к ударам на узких участках. Имея огромное превосходство в силах и средствах, гитлеровцы строили необычайно густые боевые порядки, обычно в несколько эшелонов, насыщали их техникой; их дивизия наступала на фронте до 500—800 метров, а пехотный полк — на фронте 200—300 метров.

Огневая подготовка каждого наступления производилась весьма тщательно. Намеченный объект атаки и весь узкий коридор от переднего края до самой Волги в этом направлении методически очень долгое время обстреливался огнем всех видов. Помимо артиллерийско-минометной подготовки, проводилась и весьма сильная авиационная обработка переднего края и глубины обороны. Были дни, когда на город обрушивалось до 2000—2500 самолето-атак. На боевые порядки советских войск сбрасывались бомбы самых различных калибров — от легких 24-килограммовых до 1000-килограммовых и более.

Но советские войска мастерски организовывали уличные бои. Здесь большую услугу оказала инструкция по организации уличных боев, разработанная командованием фронта. Беспрерывные контратаки и контрудары часто не приносили территориальных успехов, но всегда заставляли противника держаться настороже, сковывали его силы, срывали его наступление, лишали его маневренности и обеспечивали нам необходимое время для подброски резервов.

Численное и техническое превосходство врага мы в нашей обороне зачастую компенсировали широким маневром резервами и войсками, снимавшимися с неатакованных участков фронта.

З. А. Шашков

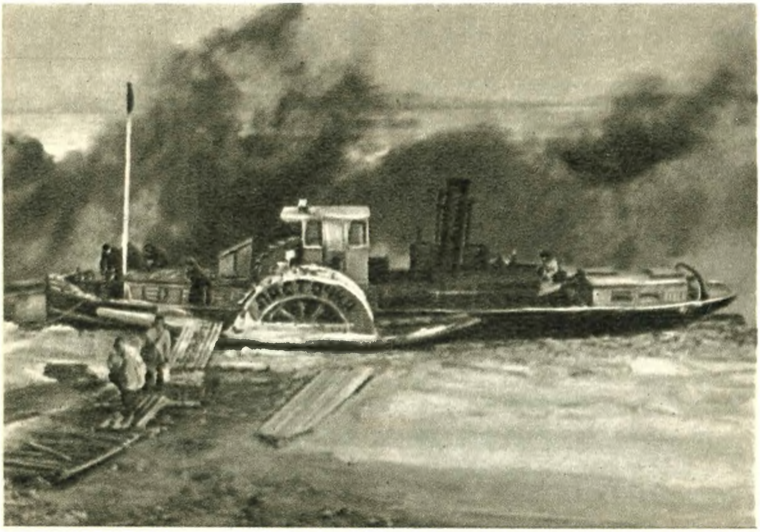
А. Н. Хлынин

Н. П. Анисимов

Н. П. Устинов

Легендарный буксир «Ласточка»

Один из десантов в районе Рынок

Под Сталинградом была практически осуществлена идея создания сильных артиллерийско-противотанковых резервов. Именно эти резервы в течение месяца боев на Дону только на фронте двух армий уничтожили около 400 танков, что серьезно ослабило ударную силу наступающих. Чтобы успешно отражать вражеские атаки и эффективно поддерживать контратаки наших войск, мы централизовали управление артиллерийским огнем, создав вначале фронтовую, а затем, в нескольких армиях, и армейские артиллерийские группы. Массированный огонь этих групп во многом обеспечивал нам стойкость в восточной части города малочисленных и утомленных беспрерывными боями войск 62-й и 64-й армий. Как мы уже отмечали, опыт создания в руках командующего фронтом и командующих армиями сильных артиллерийских групп полностью оправдал себя в условиях Сталинградской битвы.

Большое значение в прочности обороны Сталинграда сыграла реактивная артиллерия — гвардейские минометы («катюши»). Особенно отличались 4-й и 5-й гвардейские минометные полки М-30. Они умело выполнили свою задачу еще при контрударе в районе Абганерово в начале августа, а затем неизменно сохраняли высокую боеспособность, стремительность в маневре и организованность, особенно существенное значение они имели в ходе наших многочисленных контрударов и контратак.

Под Сталинградом мы получили также ценный опыт организации и проведения артиллерийской и авиационной контрподготовки, успешно использованный потом в оборонительном сражении под Курском.

За период оборонительного сражения общее количество выстрелов нашей артиллерии и минометов лишь на главном направлении составило около трех с половиной миллионов, а вес снарядов и мин, брошенных на головы вражеских войск, достигал 50 тысяч тонн[1]. Это помимо авиации, которая за тот же период произвела 42 540 самолето-вылетов (из них днем 21 076, остальные ночью),

---

[1] Командующим артиллерией Юго-Восточного, а затем Сталинградского фронта был генерал-майор артиллерии В. Н. Матвеев, вдумчивый и знающий свое дело артиллерийский начальник, хорошо справлявшийся со своими обязанностями и проявивший при этом много настойчивости и энергии в выполнении мероприятий, разрабатывавшихся командованием фронтов.

обрушив на противника бомбовый удар (около 800 тысяч бомб и всевозможных снарядов общим весом свыше 55 тысяч тонн). Всего за указанный период было проведено 580 воздушных боев. Основная масса вылетов (60%) производилась в интересах войск фронта, что в значительной мере содействовало успешному ведению обороны. В воздушных боях и ударами по аэродромам было уничтожено до 600 самолетов противника.

Следовательно, наши войска только силами авиации, артиллерии и минометов обрушили на противника удар страшной силы; общий вес бомб и снарядов, по неполным данным, составляет свыше 100 тысяч тонн.

Вся страна обеспечивала Сталинград средствами борьбы, укрепляла устойчивость сталинградской обороны.

* * *

Наша авиация в боях за Сталинград работала в необычайно трудных условиях. Эти трудности объяснялись главным образом господством противника в воздухе в начале сражения. Это могут подтвердить следующие цифры: в сентябре враг имел 900 самолетов первой линии (500 бомбардировщиков и 400 истребителей); мы в это время располагали 192 исправными самолетами (всего в самолетном парке 494 самолета). На 1 октября у врага было 850 самолетов, у нас — 373.

Действия вражеской авиации обычно носили массированный характер. Удары наносились по войскам, оборонявшим Сталинград, по аэродромам и объектам оперативного тыла. Чтобы сломить волю защитников Сталинграда, авиация противника безжалостно разрушала все объекты, имевшие жизненно важное значение для города и войск. Ее усилия направлялись также на то, чтобы парализовать все виды перевозок к Сталинграду и воспрепятствовать переброске резервов в район Сталинграда. При наличии благоприятных условий для базирования она вела активные боевые действия и производила в некоторых случаях более 2000 самолето-вылетов в сутки.

Количественное превосходство немецко-фашистской авиации, в первую очередь бомбардировочной, требовало от наших военно-воздушных сил ведения непрерывных, ожесточенных воздушных боев, чтобы отразить удары

многочисленных групп бомбардировщиков противника, действовавших на широком фронте под сильным прикрытием истребителей.

Недостаток истребительной авиации в составе военно-воздушных сил фронта (8-я и 16-я армии) и предельно большое напряжение ее действий ограничивали эффективное применение днем бомбардировочной и штурмовой авиации в целях поддержки войск в обороне. Без прикрытия истребителей она несла неоправданные потери. Однако высокая подготовка, приобретенная в ходе боевых действий, и высокий моральный дух наших летчиков все же обеспечивали боевые действия и днем, и ночью. Только в результате большого напряжения в боевой работе наша авиация и смогла нанести врагу тяжелые удары, о которых мы говорили выше.

Чтобы представить себе исключительную напряженность боевых действий воздушной армии, достаточно напомнить, что летчики-истребители иногда в течение дня производили до 6—7 вылетов для отражения авиации противника, а штурмовая авиация, дневные и легкие ночные бомбардировщики непрерывно наносили удары по войскам противника. Примечательно то, что, несмотря на превосходство противника в авиации и лучшие условия ее базирования, количество самолето-вылетов нашей авиации было бо̀льшим, а сила ее бомбового удара эффективней. Летный состав покрыл себя славой бесстрашных бойцов, мастеров воздушных боев и бомбовых ударов.

Очень заметную роль сыграла так называемая ночная авиация, главным образом соединения малых самолетов По-2. Они беспрерывно каждую ночь висели над позициями и ближними тылами противника и причиняли ему большие потери. Ночные действия нашей авиации держали вражеские войска в состоянии постоянной напряженности и тем самым изнуряли их морально и физически. Самолеты По-2 работали с ближних аэродромов, часто делая по 3—4 вылета в ночь; каждый из них подвешивал по две стокилограммовые бомбы или по четыре полусотки. Действовали они весьма целеустремленно, по строго разработанному плану, как и днем. Ночники хорошо наводились на цели, что, естественно, значительно облегчало выполнение ими полученных задач. Как это достигалось? Прежде всего хорошей организацией сигнальной службы на земле и особенно продуманным целеуказа-

нием. Для наведения самолетов на цель использовались прожекторы, которые точно показывали цель или одним лучом, или скрещиванием лучей над целью, или параллельными лучами, обозначавшими границы цели. Для сигнализации употреблялись электрические световые сигналы, костры, ракеты; сигналы чередовались. Изменялась сама тактика ночных действий. Все это усиливало эффективность действий этой авиации. Общий вес груза, сброшенного ею на противника, составил свыше 20 тысяч тонн.

Действия ночной авиации для противника были тяжелым бедствием. Вот его отзывы:

«Ночью начинается сущий ад, самолеты бомбят с малой высоты и наносят огромный урон».

«Налеты советской авиации производились последовательно, волнами, на малой и большой высоте. Эти налеты в течение всей ночи не оставляли часть ни на минуту в покое, не говоря уже о потерях в личном составе и технике».

Вот несколько наиболее запомнившихся примеров боевой деятельности нашей авиации.

10 августа командование фронта поставило перед воздушной армией ответственную задачу: надежно прикрыть караван из 16 наливных барж с бензином, следовавших по Волге из Астрахани в Сталинград.

Выполнение этой задачи было поручено командиру 268-й истребительной авиационной дивизии полковнику Б. А. Сидневу, который для этой цели создал группу из 12 экипажей на самолетах Як-1. При выполнении задачи полковник Б. А. Сиднев проявил разумную инициативу: учитывая, что немецкому командованию наши аэродромы базирования известны, он рассадил свою группу в засады на четыре неизвестные полевые площадки. Караван барж вышел из Астрахани 14 августа. Уже на другой день самолеты Ю-88, обнаружив двигавшийся караван, пытались бомбардировать его. В налете участвовали девять «юнкерсов» (в двух группах) без истребителей прикрытия. Летчики группы товарища Сиднева, вылетев для отражения этих самолетов одновременно с двух площадок, атаковали их, не допустив даже до Волги. При этом летчиком лейтенантом Плаховым был сбит один «юнкерс»; остальные самолеты, освободившись от бомб, на большой скорости ушли на аэродромы посадки.

17 августа гитлеровцы целый день вели интенсивную воздушную разведку с целью установления аэродромов-засад наших истребителей, но сделать этого им не удалось, так как истребители, хорошо замаскированные на площадках, не вылетали против одиночных вражеских самолетов-разведчиков.

18 августа во второй половине дня караван барж подвергся налету семи «юнкерсов». При подлете их к цели наши истребители, поднявшись с аэродромов-засад, атаковали их. Товарищ Сиднев и старший сержант Елкин сбили два «юнкерса».

19 и 20 августа немцы большими силами своей авиации пытались потопить баржи. Однако любая попытка атаковать наши суда заканчивалась гибелью немецких летчиков. Горючее было доставлено в Сталинград.

Действия истребителей группы товарища Сиднева из засад, с хорошо замаскированных аэродромов, были ценным вкладом в тактику действий истребителей.

Вот другой пример блестящего мастерства наших летчиков. 11 августа 8-я воздушная армия получила от командования фронта приказ уничтожить немецкие самолеты — истребители и бомбардировщики (около 200), базировавшиеся на аэродромах Обливская, Ольховский и Суровикино. Эти аэродромы прочно прикрывались зенитной артиллерией противника. Было принято решение: действиями штурмовой и истребительной авиации уничтожить фашистские самолеты прямо на аэродромах.

12 августа штурмовики полковников Степичева, Срывкина, Горлаченко под прикрытием истребителей полковника Утина, Сиднева и Ларюшкина (всего в составе 62 самолетов) осуществили первый удар по всем трем аэродромам. Ведущими групп штурмовиков были командиры полков майоры Спорышев, Зотов и старший политрук Скляров. В результате внезапной атаки, произведенной на рассвете (вражеские летчики и техники в это время находились на завтраке), наши штурмовики и истребители с бреющего полета и многократных заходов для атаки уничтожили на аэродромах несколько десятков фашистских самолетов; один «Мессершмитт-109» был сбит при попытке взлететь с аэродрома Обливская. Подобные действия в последующем не раз повторялись уже в более крупных масштабах.

В конце сентября обстановка продолжала оставаться очень тяжелой. Вражеская авиация, как и прежде, действовала в тесном взаимодействии с наземными войсками, ее активность значительно увеличивалась в дни атак противника. Так, 27 сентября немецкая авиация группами до 30 бомбардировщиков под сильным прикрытием своих истребителей в течение дня непрерывно действовала против войск фронта в районе Сталинграда и переправы через Волгу. От наших летчиков-истребителей требовались решительные действия по уничтожению бомбардировщиков (Ю-88) и прикрывавших их истребителей (Ме-109), направлявшихся бомбить Сталинград.

В результате умелых действий наших летчиков на глазах у войск было сбито пять «юнкерсов» и два «мессершмитта», которые упали горящими в расположение боевых порядков 64-й армии. В этом бою отличились полковник Данилов, сержант Литвяк, старшие лейтенанты Шутов и Нина Беляева, лейтенант Дранищев, сбившие самостоятельно по одному самолету (остальные самолеты были сбиты ими же в групповом бою).

Об этом эпизоде рассказал мне командующий 64-й армией генерал М. С. Шумилов, лично наблюдавший бой.

Летчицы-героини, сражавшиеся наравне с мужчинами, в воздушных схватках неоднократно выходили победителями. В боях за Сталинград Лидия Литвяк сбила 6 вражеских самолетов, Нина Беляева — 4.

В этот же день 288-я истребительная авиационная дивизия провела шесть воздушных боев, прикрывая войска 62-й армии. В 8 часов 50 минут группа в количестве двенадцати самолетов Як-7 под командованием командира дивизии подполковника Коновалова на высоте 4000 метров встретила к северо-востоку от Сталинграда, на подходе к городу, группу бомбардировщиков противника под прикрытием 22 истребителей. После первой атаки два Ю-88 загорелись и, оставляя густой след дыма, резко пошли вниз; рассыпавшиеся остальные бомбардировщики беспорядочно стали уходить на запад. В завязавшемся воздушном бою с истребителями противника, силы которого превышали наши в два раза, подполковником Коноваловым, капитаном Мякушевым и лейтенантом Головчинским было сбито четыре Ме-109.

К концу сентября относится и такой памятный случай. В этот период авиация противника применяла следующую

тактику действий. Рано утром, как только рассветало, появлялись группы истребителей противника и начинали барражировать над Сталинградом по всей его протяженности и над поймой Волги, образуя полосу заграждения, чтобы не допустить наших истребителей и штурмовиков к Сталинграду. Одновременно бомбардировщики противника бомбили наши войска, оборонявшиеся в Сталинграде. Такая тактика на первых порах приносила противнику определенные результаты. Однако с усилением нашей истребительной авиации самолетами Як-1 и Ла-5, не уступавшими лучшим немецким самолетам, противник не мог уже больше безнаказанно патрулировать над Сталинградом и его ближними подступами. Теперь все чаще завязывались упорные воздушные бои и сюда была переброшена эскадрилья немецких асов «УДЭ».

И вот однажды появились первые группы истребителей противника над поймой Волги. Эскадрилья истребителей дивизии 8-й воздушной армии, базировавшаяся на аэродроме Ахтуба, поднялась в воздух на борьбу с воздушными пиратами. Пара Ме-109ф атаковала наши самолеты на взлете. Наши «чайки», конечно, уступали по скорости Ме-109ф, но по маневренности превосходили их. Во время воздушного боя над аэродромом Ахтуба одна наша «чайка», или, точнее, И-15, была атакована Ме-109ф. «Чайка» резко сманеврировала, и атака «мессершмитта» не увенчалась успехом, а нашим летчикам двумя очередями из пулемета удалось повредить подачу горючего у вражеского самолета. Немецкий летчик, спасая жизнь, совершил посадку на нашем аэродроме Ахтуба. Оперативный дежурный по аэродрому — офицер-связист и дежурный санитарный инструктор находились в блиндаже близ посадочной полосы. Услышав, что на аэродроме совершил посадку самолет, оперативный дежурный послал санитара посмотреть, не ранен ли приземлившийся летчик. Санитар, не обращая внимания на марку самолета, бегом направился к машине. Навстречу ему с пистолетом в руке шел немецкий летчик. Санитар не растерялся, сумел обезоружить врага и привести его к оперативному дежурному. За проявленную находчивость санитарный инструктор был награжден орденом.

Пленный летчик был срочно доставлен в штаб 8-й воздушной армии, где его допросил начальник штаба полковник Селезнев. Сейчас же он доложил мне об этом.

Дело в том, что пленный принадлежал к числу знаменитых асов, входивших в состав эскадрильи «УДЭ». Они летали на новейших, только что полученных на вооружение вермахта самолетах Ме-109ф, которые являлись в то время самыми быстроходными и наиболее вооруженными из всех самолетов немецкой авиации.

О захвате в почти исправном состоянии новейшей техники противника было донесено в Ставку, и Верховный Главнокомандующий приказал немедленно отправить самолет и летчика в Москву.

Здесь следует отметить тех, кто возглавлял военно-воздушные силы на сталинградском направлении, а именно генерал-майоров авиации Тимофея Тимофеевича Хрюкина, Сергея Игнатьевича Руденко, полковника Николая Георгиевича Селезнева. Эти авиационные начальники, обладая хорошими организаторскими способностями, высокой специальной и общевоенной подготовкой, умело руководили воздушными силами фронта, нанесшими противнику большие потери как в воздушных боях, так и бомбометанием, чем оказали неоценимую помощь наземным войскам в обороне Сталинграда.

В разгроме немецких войск под Сталинградом также принимала участие и авиация дальнего действия.

По просьбе командования Юго-Восточного и Сталинградского фронтов Ставка Верховного Главнокомандования разрешила нам использовать в интересах фронтов авиацию дальнего действия.

Боевые действия авиация дальнего действия вела исключительно ночью, в силу недостаточной скорости самолетов, состоявших на вооружении (ТБ-3, Ил-4, Ли-2, ПЕ-8, ЕР-2), а также из-за господства авиации противника в воздухе. Достаточно большой радиус действия самолетов этой авиации позволял наносить мощные ночные удары по объектам противника не только в тактической, но и в оперативной глубине независимо от изменения линии фронта.

За время Сталинградской битвы — с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года — на сталинградском направлении авиация дальнего действия произвела 13 874 самолето-вылета, при этом было сброшено 188 529 бомб общим весом 14 953,7 тонны, доставлено на фронт 523 человека и 525 тонн грузов, вывезено 3085 раненых и сброшено 33 849 200 листовок.

В начале битвы авиация дальнего действия уничтожала живую силу и технику противника в населенных пунктах и у переправ через Дон и его притоки в районах Острогожск, Коротояк, Богучар, Морозовский, Клетская, Цимлянская, а также бомбардировала аэродромные узлы Морозовский, Тацинская, Обливская.

Особо успешными действиями нужно считать бомбардировочные удары по переправам 18—23 июля в районах Коротояк, Цимлянская (в четырех случаях переправы были разрушены), а также действия по войскам противника в ряде других районов, при которых противник понес значительные потери в живой силе, танках, автотранспорте, боеприпасах и горюче-смазочных материалах.

В результате ударов по аэродромам в районах Тацинская и Обливская авиация противника понесла существенные потери.

Боевые действия авиация дальнего действия в первый период оборонительного сражения за Сталинград вела со своих основных аэродромов. В дальнейшем возросшая напряженность боевой обстановки вызвала необходимость держать противника под ударами в течение всей ночи, что требовало от экипажей совершать по два и более боевых вылета за ночь. Эти обстоятельства потребовали приближения аэродромов базирования к объектам бомбометания. С этой целью в августе 1942 года было произведено перебазирование авиации. Дивизии, которые вели боевые действия в глубоком тылу противника, в случае необходимости наносили бомбардировочные удары в интересах Сталинградского и Юго-Восточного фронтов.

В первой половине сентября авиация дальнего действия активно поддерживала контрудары наших войск, противодействовала подвозу резервов, продолжая держать под своим воздействием переправы через реку Дон на участке Вертячий, Калач, нарушая железнодорожные перевозки противника бомбардировкой железнодорожного узла Лихая и станции Карповская, а также вела борьбу за господство в воздухе, уничтожая самолеты и выводя из строя летные аэродромы противника.

На последнем этапе оборонительного периода Сталинградской битвы авиация дальнего действия в тесном взаимодействии с наземными войсками бомбардировала боевые порядки противника на подступах к городу и в городе, продолжала наносить систематические удары по

железнодорожным объектам, уничтожала авиацию противника на его аэродромах Обливская, Зрянинский, Тузов, Тацинская, Евлампиевский. Боевые действия авиации дальнего действия на этом этапе отличались особой интенсивностью и мощностью ударов.

Непосредственное руководство боевыми действиями авиации дальнего действия на сталинградском направлении осуществлялось заместителем командующего авиацией дальнего действия генерал-лейтенантом авиации Н. С. Скрипко, который находился в районе боевых действий. Боевые распоряжения дивизиям передавались через штаб авиации дальнего действия.

* * *

Тесно связаны с боевой работой авиации и действия Сталинградского корпусного района противовоздушной обороны. В этот район к началу Сталинградского сражения входили зенитно-артиллерийские полки, отдельные зенитно-артиллерийские дивизионы, бронепоезда, отдельные зенитно-пулеметные батальоны и роты, прожекторные части, части аэростатов заграждения и несколько отдельных батальонов ВНОС. В оперативном подчинении району противовоздушной обороны находилась 102-я истребительная авиационная дивизия, вооруженная самолетами старых марок (И-15-бис). Основной задачей района являлась оборона с воздуха военно-промышленных объектов Сталинграда, сталинградского железнодорожного узла, пунктов, прилегающих к городу, и водного транспорта на сталинградском маршруте. Командующим Сталинградским корпусным районом противовоздушной обороны был полковник Е. А. Райнин.

Части зенитной артиллерии района были разбиты на семь боевых секторов по принципу обеспечения обороны наиболее важных промышленных объектов города. Так, в первом секторе был тракторный завод, во втором — завод «Баррикады», в третьем — завод «Красный Октябрь», в четвертом — нефтехранилища и железнодорожные станции и т. д. Такой боевой порядок зенитной артиллерии давал возможность организовать огневое взаимодействие секторов и дивизионов при постановке заградительного огня, а также при ведении сопроводительного огня.

Для непосредственного обнаружения самолетов противника каждый сектор имел на ответственном направлении от трех до шести наблюдательных пунктов, удаленных от огневых позиций передовых батарей на 16—18 километров. По фронту наблюдательные пункты были удалены друг от друга на 8—10 километров, что почти полностью исключало возможность незамеченного пролета авиации в обороняемый сектор. Эта сеть наблюдательных пунктов дополнялась сетью промежуточных наблюдательных пунктов (для определения сигнального момента и уточнения курса цели при постановке заградительного огня). Внутреннее кольцо батарей среднего калибра находилось от основных обороняемых объектов на удалении 2—3 километров; внешнее кольцо — на удалении 8—14 километров.

Части ПВО укомплектовывались в значительной мере девушками-комсомолками, которые служили во взводах управлений батарей, дивизионов, в приборных, дальномерных и других расчетах. Обучались они на месте.

В период оборонительного сражения на ближних подступах и в борьбе за город зенитная артиллерия не только прикрывала обороняющиеся войска и город от авиации противника, но также часто привлекалась для борьбы против наземных войск гитлеровцев, прежде всего против танков.

Прикрытие коммуникаций Сталинградского фронта — железнодорожных станций и станций снабжения фронта на участке Сталинград, Палласовка Рязано-Уральской железной дороги — осуществлялось зенитно-артиллерийской группой, состоявшей из шести зенитных бронепоездов, а также 102-й истребительной авиационной дивизией.

В начале наступления на Сталинград противник вел разведку с бомбометанием. Разведке подвергались железнодорожные станции Тацинская, Суровикино, Морозовская, Зимовники, Жутово, Курмоярская, Котельниково и такие населенные пункты в стороне от железных дорог, как Цимлянская, Серафимович, Вешенская. В последние дни июля, с приближением линии фронта к Сталинграду, количество самолето-полетов в район Сталинграда резко возросло. Противник использовал при этом аэродромы: Запорожье, Старобельск, Миллерово, Морозовский, Сталино, Мариуполь, Таганрог.

В августе разведывательная и бомбардировочная деятельность авиации противника продолжала нарастать. Противник получил возможность действовать с аэродромов, более близких к Сталинграду.

До 23 августа главные удары вражеской авиации были направлены против войск. С этого же числа противник обрушил массированные удары всех видов авиации на Сталинград, не теряя из виду, конечно, и оборонявших его войск. В дальнейшем, до ноября, ни на один день не прекращалась интенсивная бомбежка Сталинграда, боевых порядков войск, позиций полевой и зенитной артиллерии, пристаней, переправ через Волгу у Сталинграда, Камышина и Астрахани, аэродромов, резервов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Об интенсивности бомбардировки района Сталинграда говорят следующие данные: за три месяца (август — октябрь) на каждый квадратный километр площади Сталинграда противник сбросил 2000 фугасных авиабомб.

На Сталинград и прилегающие к нему районы (Бекетовка, Красноармейск) налеты производились группами от 15 до 280 самолетов одновременно. Количество самолето-вылетов колебалось от 500 до 2000 в день. Наибольшую активность авиация противника проявляла, как правило, с рассветом и во второй половине дня, за три — четыре часа до наступления темноты. По промышленным и другим объектам (с достаточной площадью) Сталинграда бомбометание производилось с горизонтального полета с высоты 4000—5000 метров, а по войскам, аэродромам, переправам и огневым позициям зенитной и наземной артиллерии — с пикирования. Появляясь над городом одновременно в большом количестве, самолеты противника расходились на бомбежку отдельных объектов группами в 6—9—18 самолетов. Попав под огонь зенитной артиллерии, самолеты применяли противозенитный маневр, непрерывно меняя курс, скорость и высоту.

В течение длительного периода налетов на Сталинград противник не придерживался шаблона в тактике применения своей авиации. Время действия его бомбардировочной и истребительной авиации обусловливалось обычно наземной обстановкой, соотношением сил и средств его авиации и наших сил и средств ПВО.

В августе, когда противник при сравнительно свежих силах своей авиации встречал в городе мощную систему

противовоздушной обороны, он стремился массированными одновременными ударами большого количества самолетов подавить, деморализовать и расстроить эту систему.

В сентябре и в последующие месяцы, когда средства противовоздушной обороны Сталинграда в значительной своей части вынуждены были участвовать и в противотанковой обороне, а потери в людях и материальной части достигли внушительных размеров, когда посты ВНОС сократились, противовоздушная оборона несколько ослабла. Противник, тоже понесший значительные потери, видоизменил тактику нападения на обороняемые объекты и стал производить налеты небольшими группами, при этом дистанции между группами «юнкерсов» выдерживались по времени в 2—3—5 минут, а между самолетами в группе по расстоянию — до 200 метров. В то же время бомбардировщики «Хейнкель-111» шли на бомбардировку плотными звеньями через 1—2 минуты. Эшелонированное построение боевых порядков бомбардировочной авиации позволяло противнику в течение длительного промежутка времени (от 2 до 12 часов) держать в боевом напряжении систему ПВО, изнуряя ее, ослабляя ее эффективность. Близость аэродромов позволила противнику использовать одни и те же самолеты для большого числа вылетов в течение дня.

К объектам бомбометания немецкие самолеты подходили обычно или со стороны солнца, или прикрываясь облаками, с выходом из-за них прямо на цель. Бомбы сбрасывались на объект серийно. Уход от цели производился с резким разворотом в облака; при отсутствии облачности — с набором или снижением высоты полета.

На участке главного удара немецких войск авиация противника стремилась подавить оборону наших войск. Для расчистки «коридора» в нашей обороне шириной до 5 и более километров и глубиной до 10—15 километров бросалось по несколько сот самолетов, которые, подготавливая условия для атаки, в течение нескольких часов производили беспрерывные налеты. В оборонительных боях в городе авиация противника сосредоточивала свои усилия на более узких участках фронта на всю глубину наших обороняющихся войск. Подходы к объектам бомбардировки производились в кильватерных колоннах.

бомбометание производилось с пикирования, при угле его 70° и выходе из пике на высотах от 1000 до 600 метров (и даже ниже). Каждый самолет сбрасывал бомбы на цель не сразу, а в 5—7 заходов. Таким образом группе самолетов противника удавалось держать наши войска под своим воздействием в течение большого промежутка времени.

Израсходовав весь бомбовый запас, самолеты, снабженные сиренами, становились снова в круг и пикировали вхолостую. Этот прием был рассчитан на то, чтобы путем морального воздействия приковать к земле наши войска и обеспечить немецкой пехоте переход в атаку. В бомбардировочных налетах на наши войска противник применял не только самолеты типа Ю-87 и Ю-88, но и истребители Ме-109, например для сбрасывания мелких фугасных осколочных авиабомб (весом 2—5 килограммов) и пулеметно-пушечного обстрела с малых высот.

При численном превосходстве немецкая истребительная авиация применяла тактику блокирования аэродромов нашей истребительной авиации. Правда, вражеской авиации это не всегда удавалось, так как зенитная артиллерия и пулеметы, находившиеся в обороне аэродромов, своим огнем заставляли ее снимать блокаду. Взаимодействуя с бомбардировочной авиацией, истребители противника заранее появлялись над объектами, намеченными для бомбежки. Наша зенитная артиллерия, вступая в борьбу с ними, обнаруживала себя, ее расположение уточнялось. Отвлекая на себя наших истребителей и завязывая с ними бой, истребители противника увлекали их в сторону, добиваясь того, чтобы немецкие бомбардировщики успели в это время сбросить бомбы без противодействия со стороны наших истребителей. Активизация боевой деятельности авиации противника была наибольшей во второй половине августа, сентябре и октябре. Перенапряжение летных ресурсов авиации противника за эти два с половиной месяца, большие потери ее от наших средств противовоздушной обороны, авиации, наземных войск значительно разрядили обстановку в воздухе над Сталинградом. Уже в первую декаду ноября по сравнению с последней декадой октября количество самолето-полетов уменьшилось почти вдвое, а в дальнейшем резко снизилось и дошло в конце ноября до одиночных самолето-полетов за целый день. Правда, снижению активности в

ноябре способствовала также и погода. Однако этот факт не являлся решающим.

102-я истребительная авиационная дивизия с приближением линии фронта к Сталинграду в основном выполняла задачу по охране своих наземных войск на линии фронта в районах станции Абганерово, станции Ложки, на переправах через Волгу на участке Владимировка, Райгород.

Боевые вылеты на прикрытие наземных войск в район станции Абганерово в большинстве случаев заканчивались групповыми воздушными боями. При этом нередко приходилось иметь дело с превосходящими силами истребительной и бомбардировочной авиации противника. Личный состав 102-й истребительной авиационной дивизии с честью выдержал это испытание. За образцовое выполнение заданий в борьбе с авиацией противника правительство наградило эту дивизию орденом Красного Знамени и преобразовало ее в гвардейскую.

До 23 августа задача зенитной артиллерии, прикрывавшей Сталинград, состояла в том, чтобы не допустить разведки объектов города и района сосредоточения войск возле него, передвижения этих войск к линии фронта.

Так, например, 15 августа группа самолетов «Хейнкель-111», используя редкую облачность, попыталась бомбардировать центральный аэродром. Прицельным сопроводительным огнем 1079-го зенитно-артиллерийского полка были сбиты шесть самолетов противника. Остальные, беспорядочно сбросив груз (не причинив аэродрому серьезных повреждений), быстро удалились.

Заградительный огонь, хорошо освоенный зенитно-артиллерийскими частями, обычно оказывал сильное моральное воздействие на противника. Однако он был крайне неэкономичен.

На фронте была разработана специальная инструкция по стрельбе на воспрещение пикирования. По этой инструкции батареи по заранее рассчитанным данным ставили завесу заградительного огня в горизонтальной плоскости над объектом пикирования. Наиболее яростным атакам пикирующих бомбардировщиков подверглись зенитные батареи, занимавшие огневые позиции на путях движения танков и отражавшие атаки танков.

Так, например, в сентябре и октябре стрельба по пикирующим самолетам продолжала оставаться основным

видом огня зенитной артиллерии. Ее батареи к этому времени хорошо овладели им и часто добивались замечательных результатов. Так, за один день, 16 октября, части зенитной артиллерии сопроводительным огнем сбили 12 самолетов, а огнем по пикирующим самолетам уничтожили 5 самолетов.

Частям зенитной артиллерии не раз пришлось драться и с наземным противником. Начало этому было положено 23 августа, а затем повторялось непрерывно вплоть до конца 1942 года. Командный и весь личный состав батарей был обучен ведению огня по танкам и пехоте с открытых позиций, а командиры дивизионов и батарей могли вести огонь и с закрытых позиций.

На протяжении всей борьбы за Сталинград части зенитной артиллерии Сталинградского района противовоздушной обороны рука об руку с полевыми частями Сталинградского и Юго-Восточного фронтов вели ожесточенные бои с противником, беспрерывно находясь в непосредственном соприкосновении с противником. Они принимали на себя его ожесточенные удары, обеспечивали успех своей пехоте, танкам и артиллерии. Воины противовоздушной обороны обеспечивали с воздуха также и переправы через Волгу. Здесь нельзя не рассказать о подвиге сорока трех зенитчиков батареи лейтенанта Баскакова [1], прикрывавшей важную переправу в районе Латашанка. Эта батарея входила в состав прославленного 1087-го зенитного артиллерийского полка, которым командовал подполковник Григорий Иванович Ершов; полк за его героические дела получил звание гвардейского и стал 73-м гвардейским зенитным артиллерийским полком. На Латашанку двинулись немецкие танки. Сорока трем зенитчикам, оборонявшим берег, пришлось жарко. С трех сторон шли на них бронированные машины. Орудия Баскакова били прямой наводкой, останавливая танки, выводя из строя отдельные машины. Но снаряды иссякали. Не стало бутылок с горючей жидкостью. Когда приблизилась вражеская пехота, батарейцы с обрыва сбросили в реку пушки, чтобы они не достались врагу.

— Винтовки к бою! — прозвучала команда Баскакова. Но вскоре вышли и патроны. Началась рукопашная

---

[1] Лейтенант Михаил Афанасьевич Баскаков, 1921 года рождения, уроженец Алтайского края, села Тогуль.

схватка. Зенитчики Баскакова отстояли берег до подхода основных сил. Все они пали смертью героев на берегу Волги.

* * *

Для того чтобы в ходе боев отразить мощные таранные удары наступающего противника и не допустить развития тактического прорыва в оперативный, оказалось недостаточным иметь оборонительные рубежи, состоящие из опорных пунктов и узлов сопротивления. Чтобы оборона была устойчивой, потребовалось подготовить оперативные резервы, которые должны были заблаговременно занять оборону на этих рубежах.

Лучше всего этим требованиям отвечала система параллельных траншей, которые оборудовались на оборонительных рубежах. Как известно, траншеи появились на некоторых участках советско-германского фронта уже в 1941 году. Особенно широкое развитие они получили в ходе Сталинградской битвы.

Огромнейшую работу проделали также инженерные войска. Они неутомимо трудились, наводя под ураганным огнем переправы, приспосабливая всевозможные здания к обороне, устраивая заграждения и препятствия всякого рода, сооружая ложные позиции. Для инженерных войск такой театр боевых действий, каким был Сталинградский фронт (городской район, находящийся на берегу многоводной реки), представлял особенно широкие возможности деятельности. И они с честью выполнили стоявшие перед ними задачи. Мощные заграждения, которые они установили в черте города и южнее его (около 150 тысяч противотанковых мин, 80 тысяч противопехотных мин, множество фугасов и камнеметов), вели к огромным потерям атакующих сил врага. По весьма неполным данным, с 12 августа по 15 октября, т. е. примерно за два месяца, на минных полях в полосе фронта подорвалось 176 танков и бронемашин, много орудий и тракторов, около сотни автомашин и весьма значительное количество вражеских солдат и офицеров. Это только то, что было точно установлено наблюдением.

Важнейшей проблемой для нормальной борьбы сталинградских войск было снабжение их всеми видами довольствия. И в этом деле инженерные войска оказали

большую помощь, обеспечив работу 21 паромной переправы, по которым непрерывным потоком текли различные военные грузы.

Инженерные войска под Сталинградом возглавлял генерал-майор инженерной службы И. А. Петров. Он много и успешно работал над организацией инженерного обеспечения войск в течение всей битвы. Велики его заслуги и в организации переправы войск через Волгу, особенно при сосредоточении резервов для контрнаступления, в момент, когда условия переправы через Волгу перед ледоставом стали невероятно трудными.

* * *

В этом тяжелом деле инженерным войскам помогали моряки Волжской военной флотилии, а также волжские речники.

Боевые действия Волжская военная флотилия начала 22 июля и участвовала в боях до 10 ноября 1942 года; руководили ею контр-адмирал Д. Д. Рогачев и военный комиссар контр-адмирал П. Т. Бондаренко. В составе флотилии действовали 1-я бригада речных кораблей контр-адмирала С. М. Воробьева, 2-я бригада речных кораблей контр-адмирала Т. А. Новикова и отдельная бригада траления капитана 1 ранга П. А. Смирнова. Обеспечение коммуникаций по Волге было вначале основной задачей флотилии, которая ею успешно и выполнялась.

С 23 августа корабли флотилии, взаимодействуя с частями и соединениями Сталинградского фронта, поддерживали их артиллерийским огнем, подвозили им пополнение, боеприпасы, продовольствие и другие военные грузы, а на правый берег эвакуировали раненых, гражданское население и разное имущество.

Корабли флотилии с 23 августа по 10 ноября 1942 года непрерывно вступали в огневые схватки с противником. Они выпустили по противнику 13 тысяч снарядов. Особенно отличилась канонерская лодка «Усыскин», которая провела за это время 110 боевых стрельб и израсходовала 2525 снарядов. Флотилия нанесла большой урон противнику. Ее силами и средствами уничтожено 5000 солдат и офицеров противника, 24 танка, до 10 самолетов и т. д.

Силами флотилии через Волгу на правый берег в Сталинград перевезено около 65 тысяч солдат и офицеров, 2393 тонны боеприпасов, продовольствия и других военных грузов. При обратных рейсах корабли флотилии перевезли более 35 тысяч раненых, 15 тысяч человек гражданского населения.

Экипаж Волжской военной флотилии был дружным военным коллективом, выполнявшим боевые задачи в тяжелых условиях, обычно под непрерывным огнем противника; многие из членов экипажа при выполнении этих задач погибли.

* *
*

Велики заслуги и волжан-речников, самоотверженно и четко работавших на паромных переправах, проявивших при выполнении своих заданий много находчивости, инициативы и стойкости.

Основные переправы были организованы в центре города, в районе заводов «Красный Октябрь» и тракторного. Они связывали город с затоном Сталинградского судоремонтного завода, с поселками Красная Слобода, Бобыли (в Красной Слободе в то время находилось управление Нижне-Волжского пароходства, которое позднее, когда немцы заняли центр города, перешло в поселок Тумак).

На центральной переправе работали три парома с пароходом «Надежный» и баркасами «Абхазец» и «Пожарский». Вместе с ними в перевозке вооружения и подкреплений участвовал катер «Лейтенант Здоровцев», получивший свое название в честь первого среди речников Героя Советского Союза Здоровцева, и пароход «15 лет комсомола». До 1500 автомашин в сутки проходило через эту переправу. Когда же из строя вышел один из паромов, разбитый неприятелем, и дебаркадер в Бобылях, переправа в этом месте была прекращена. Оставшиеся суда перешли в район завода «Красный Октябрь».

Население и армию обслуживала также и вторая центральная переправа: город (от речного вокзала) — Красная Слобода (в затон), пассажирскими судами трамвайного типа.

Специально для воинских перевозок с 15 августа в центре города были открыты еще две переправы. Баркас

«Лена» с паромом перевозили в сутки до 500 бойцов с их вооружением. На переправе город — Бобыли работали парные быстроходные военные катера с площадками для погрузки автомашин и вооружения. Эти катера, прозванные «близнецами», одновременно перевозили по шесть автомашин каждый. Несмотря на их быстроходность, врагу удалось один за другим вывести из строя все эти катера.

23 августа во время первого массированного налета неприятельской авиации был уничтожен речной вокзал.

С этого дня все центральные переправы функционировали под неприятельским огнем с воздуха, а с 14 сентября — под артиллерийским и минометным обстрелом с берега. 23 сентября все они прекратили свою работу, так как гитлеровцы, выйдя в нескольких местах на берег Волги, начали простреливать весь фарватер реки.

Теперь судам приходилось пробираться за островами, по «воложкам». В минуты наиболее сильного обстрела они оставались где-нибудь у острова, ходили преимущественно по ночам, днем же — в разное время, в зависимости от силы обстрела и состояния погоды.

Обычно на берегу все горело. Самолеты врага, артиллерия и минометы обстреливали суда; снарядами сносило то капитанскую рубку, то трубу или пробивало борта. На палубах падали пораженные насмерть или раненые речники. Однако рейсы не прекращались.

После очередного, казалось бы, уничтожающего артиллерийского обстрела и бомбежки, когда врагу уже представлялось, что все суда находятся на дне реки, — раздавалось спокойное пыхтение: то маленький буксирный пароходик «Ласточка», ветеран Нижней Волги, спущенный на воду в 1884 году и прослуживший непрерывно 58 лет, пробирался на правый берег с боеприпасами и вооружением. Баркас ходил без какой-либо маскировки; шум от работы его старинного паровичка слышен был даже в гуле и грохоте Сталинградской битвы. Этот ветеран творил чудеса и заслужил всеобщую славу и уважение. Он трудился день и ночь: перевозил с правого на левый берег раненых бойцов, женщин, детей, доставлял защитникам Сталинграда боеприпасы и хлеб, помогал строителям понтонного моста, вместе с другими буксировщиками уводил из-под вражеского огня поврежденные суда. Команда его состояла из пяти человек, из них трое —

Григорьевы. Механиком «Ласточки» работал В. Д. Григорьев, помощником механика его сын Николай, а кочегаром дочь Мария. Капитан «Ласточки» Блохин погиб в бою от вражеской пули 25 августа 1942 года. Его сменил помощник капитана В. И. Крайнов, который работал на нем до конца Сталинградской эпопеи.

Все суда по два — три раза побывали на судоремонтном заводе; многие из них теряли свои экипажи почти полностью, но с погибших судов приходили уцелевшие члены команд, и рейсы снова возобновлялись.

После 23 ноября центр тяжести работы речного флота сосредоточился на переправе у завода «Красный Октябрь». Эта переправа не прекращала своей работы до самого последнего момента навигации, пока на Волге не наступил полный ледостав.

Часть судов, переброшенная на фланговую переправу в Тумаке, Бекетовке и в районе Татьянки, обслуживала 64-ю армию. Здесь переправлялась и часть войск, предназначавшихся для контрнаступления.

Незаметные, но большие подвиги каждодневно совершали речники-волгари. О некоторых из них хочется рассказать.

Вот капитан Александр Яковлевич Шварев. Весь период борьбы за Сталинград он провел на пароходе «Надежный». Этот пароход вместе с одним из мощных паромов (№ 4) перевозил воинские части к центральной переправе. За 18—20 рейсов «Надежный» (с паромом) перевез несколько тысяч человек и до 500 тонн грузов. В один из таких рейсов, 14 сентября, когда «Надежный» только что отчалил от пристани, взяв на борт раненых воинов, на берег вступили враги, их огонь настиг пароход. Корпус судна от мины, попавшей в каюту механика Михаила Ивановича Тимохина, получил пробоину. Вспыхнул пожар. Отправив всех наверх, механик остался у машины. Судно вышло из-под обстрела. Пробоину заделали. Пароход вместе с паромом благополучно добрался до Красной Слободы. Капитан Шварев стал перевозить раненых в другом месте, вне зоны обстрела. Через несколько дней пароход «Надежный», переброшенный в район завода «Красный Октябрь», уже работал на переправе 62-й армии.

В начале октября «Надежный» за одну ночь сумел перевезти через краснооктябрьскую переправу целую диви-

зию. Военный совет фронта объявил команде благодарность.

Вскоре «Надежный» переправлял войска, пришедшие из Сибири. Сибиряки переправлялись к тракторному заводу. Переправа простреливалась противником. На рассвете хмурого осеннего дня у острова Денежного три прямых попадания снарядов затопили пароход. Капитан Шварев был ранен.

Из всех пароходов и баркасов, действовавших на переправе 62-й армии, дольше других держался «Абхазец» (капитан А. Н. Хлынин). Он сделал свыше пятисот рейсов. Однажды «Абхазец» вел к правому берегу баржу, в трюмах которой лежало 500 тонн боеприпасов. Заметив эти суда, немцы открыли по ним интенсивный огонь из минометов. Баржа загорелась и в любую минуту могла взорваться. Решали минуты. Команда буквально в минуты потушила пожар на барже и доставила снаряды по назначению. Во время переправы осколками ранило нескольких человек из команды. В числе раненых оказался матрос — 22-летняя Мария Ягунова. На предложение капитана доставить ее на берег она ответила: «Нет, товарищ капитан, в этой войне перед смертью все равны. Останусь, чтобы вы тоже жили. Ведь сейчас решают минуты».

Когда врагу все-таки удалось потопить «Абхазец», команда спасла вахтенный журнал. Записи этого журнала — яркая повесть о людях Сталинграда и их делах.

Среди речников были не только женщины, но и дети. Четырнадцатилетняя дочь капитана Беляева 27 августа пришла к отцу на пароход «Красная Волга» и стала работать в качестве матроса.

Большую роль играли маленькие катера, быстро и легко пробегавшие по рейду и успевавшие оказать необходимую помощь, выполнить срочное задание. Вот катер «Тринадцатый». Капитан катера П. И. Колшенский, один из волжских кадровиков, работавший на водном транспорте с 1896 года, участвовал еще в боях за Царицын в период гражданской войны. Три его сына сражались на фронтах Отечественной войны. В ночь на 15 сентября катер «Тринадцатый» при выполнении задания попал под усиленный обстрел минометов и, пробитый минами, начал тонуть. Капитан Колшенский оставался на своем месте и, благополучно доведя тонущий катер с дощани-

ком на буксире до левого берега, выбросил его на прибрежную отмель. Вся команда катера была спасена. После гибели «Тринадцатого» капитан Колшенский перешел на другой пароход и работал на нем во льдах до самого ледостава.

Вот капитан катера «Лейтенант Здоровцев» Иван Андреевич Соколов. Однажды управляемый им катер, перевозя раненых на левый берег, шел посередине реки. Противник открыл по судну артиллерийский огонь. Один снаряд попал в машинное отделение, другой навылет пробил носовую палубу, третий ударил в пост управления. Капитан Соколов, несмотря на грозившую судну опасность, продолжал маневрировать и вывел катер из-под обстрела. Было спасено 150 раненых воинов.

Тяжелые испытания выпали на долю экипажа катера «Четвертый» под командой капитана Борисова. Катеру дважды прямо под огнем пришлось совершить рейс. Первый раз это произошло 26 августа, когда на борту катера находились раненые, женщины и дети, эвакуируемые из Сталинграда. Катер, отойдя от берега, попал в промежуток между двумя горящими баржами. Течением его понесло прямо на одну из барж. Казалось, вот-вот катер загорится. В последний момент судно удалось спасти благодаря находчивости механика Кошечкина. Второй раз, 13 сентября, в районе нефтебазы в Волгу хлынула горящая нефть. От берега до берега сплошным пламенем, на метр в высоту, сжигая все на своем пути, шел этот огненный поток. Катеру «Четвертому» предстояло идти вверх. Ниже по течению находились враги. Сверху шла горящая нефть. Катер с командой из шести человек двинулся в пламя; капитан Борисов выбрал место, где узкая полоса огня разбивалась быстрым течением Волги. Река пылала, люди задыхались от дыма и жары, но катер полным ходом двигался вперед, вверх по реке. Прорвавшись через огненный рубеж, катер «Четвертый» благополучно дошел до места назначения.

Подобных примеров мужества водников Волги можно привести много.

Немалая заслуга в оказании серьезной помощи со стороны речного флота воинам-сталинградцам принадлежит руководству речного флота СССР, в том числе З. А. Шашкову. В самые тяжелые дни работники министерства, находясь под Сталинградом, непосредственно

руководили действиями Волжского речного флота, доставлявшего в Сталинград военные грузы, производившего эвакуацию гражданского населения, раненых, материальных ценностей и т. д.

* * *

Железнодорожные коммуникации, связывавшие Сталинград с тылом страны, находились под воздействием авиации противника. После выхода противника к Волге фронт стал базироваться только на железную дорогу, расположенную на левом берегу реки. Это — Уральск, Урбах, Астрахань и ветка от нее: Верхний Баскунчак, Ахтуба, Заплавное. Пропускная способность этой дороги не превышала 6—8 пар поездов в сутки при потребности фронта не менее 10 пар. Военная обстановка потребовала значительной реконструкции отдельных железнодорожных участков для увеличения их пропускной способности.

События на юге еще в первой половине 1942 года возложили на эти дороги всю тяжесть воинских перевозок для Сталинграда. Пришлось создать 22 новых разъезда и произвести ряд других работ.

Довольно частые удары авиации противника по многим железнодорожным участкам, естественно, затрудняли работу. В сентябре и октябре вражеская авиация произвела на некоторые участки этой железной дороги 22 массированных налета; остальные налеты носили частный характер.

Потери грузов от таких налетов достигали внушительных цифр. Хотя командование фронта и предпринимало меры для прикрытия железной дороги, но сил для этого в его распоряжении было недостаточно. Для отражения вражеских ударов частично использовалась даже штурмовая авиация, возможно впервые примененная здесь для этой цели. И она сыграла довольно большую роль в защите этой дороги.

Автотранспорт, игравший значительную роль в боевой жизни фронта, испытывал не меньшие трудности. Из-за постоянного воздействия авиации противника и разрушения головных станций, а также перегонов между ними приходилось разгружать эшелоны в 250—300 километрах от фронта. Плечо автомобильного подвоза, естественно, в таких условиях удлинялось, что для нас было крайне невыгодно (время, расход горючего).

К середине сентября армейские базы размещались в районе города Ленинска, а отделения основных складов — в близлежащих населенных пунктах. На правом берегу Волги создавались армейские летучки. Подвоз к переправам организовывался армейским и войсковым автотранспортом.

Несмотря на трудности транспортировки, тылу фронта удалось весь период Сталинградской битвы обеспечивать войска боеприпасами, продовольствием, фуражом, горюче-смазочными материалами. Однако необычайно трудная обстановка, в которой происходила борьба, особенно на фронте 62-й армии, приводила иной раз к тому, что непосредственно в частях ощущался недостаток в боеприпасах и продовольствии.

Кроме того, к 1 ноября со сталинградского берега было эвакуировано на левый берег Волги: зерна — 4500 тонн, шерсти — 2095 тонн, лошадей — 58 770 голов, крупного рогатого скота — свыше 240 тысяч голов, тракторов — 1674, комбайнов — 350, автомашин — 277, прицепов — 296, повозок — около 20 тысяч, цистерн — 203, гильз — 50 вагонов, химикатов — 10 вагонов, авиаоборудования — 11 вагонов, кожсырья — 256 тонн, каучука — 190 тонн, ферросплавов — 6 вагонов, саперного имущества — 28 вагонов, комбикорма — 1020 тонн и очень много другого имущества.

Не останавливаясь на многих других подобных вопросах, хочу отметить, что служба тыла Сталинградского фронта успешно справлялась со своими необычайно сложными и трудными задачами: а) снабжения фронта всем необходимым для жизни и боя и б) эвакуации ценностей, сохраненных для народного хозяйства страны. Начальником тыла фронта работал генерал Н. П. Анисимов. Под его руководством была осуществлена громадная работа по обеспечению войск всем необходимым.

Говоря о работе тыла, нельзя не отметить весьма трудную, крайне сложную работу военно-медицинского персонала, самоотверженный труд которого был направлен на спасение жизни раненых воинов. Медицинско-санитарные батальоны, полевые госпитали выполняли свою благородную задачу в тяжелейших условиях авиационно-артиллерийского воздействия, а подчас и под ружейно-пулеметным огнем.

Начальником санитарного управления фронта был генерал-майор медицинской службы Н. П. Устинов. Нельзя без благодарности вспомнить его многогранную организаторскую деятельность, результатом которой была удовлетворительная постановка всего медико-санитарного дела в тяжелейших условиях Сталинграда. Товарищ Устинов запомнился мне как обаятельный человек, крупный специалист своего дела и энергичный организатор.

* * *

Нельзя не сказать здесь теплого слова благодарности сталинградским связистам. Их роль в обеспечении управления войсками была очень ответственной и неимоверно трудной.

В начале сражения связь между командным пунктом фронта и войсками осуществлялась в какой-то степени по постоянным проводам мирного времени. Так, например, в середине августа связь с 64-й армией (командный пункт ее находился в Верх. Царицынском) поддерживалась по постоянному проводу до Варваровки, и лишь отсюда — по шестовой линии; одновременно связь с этой армией по постоянным проводам через Советское, Карповскую, Воропоново была налажена по Бодо. Штаб 57-й армии имел связь со штабом фронта по постоянным проводам через Бекетовку. С вспомогательного пункта управления (ВПУ), когда он находился в совхозе Горная Поляна, связь также в основном поддерживалась по постоянным проводам. Однако с 23 августа, когда весь район большого Сталинграда и ближайшие к нему окрестности стали объектом систематической варварской бомбардировки с воздуха, вся «гражданская» проводная связь была нарушена. В городе сгорели почти все телеграфные столбы. С вечера 23 августа в течение двух суток связь с войсками поддерживалась офицерами связи, самолетами, по радио. Проезд офицеров связи по горящему городу, на каждой улице которого ежеминутно рушились целые кварталы, был зачастую настоящим подвигом.

25 августа в распоряжение штаба Юго-Восточного фронта поступила 801-я отдельная кабельно-шестовая рота. Она выполнила труднейшую задачу, поставленную перед ней: нашла для постройки шестовой линии к командному пункту фронта у реки Царица такую трассу,

которая была вне зоны постоянной бомбежки. Обойдя горящий город, рота построила линию от Песчанки до ранее существовавшей линии связи с командным пунктом фронта у реки Царица. Эта линия соединила штаб фронта с 64-й и 57-й армиями. Рота образцово обслуживала линию: дело было поставлено так, что перерывы в связи не превышали 10—15 минут.

С большими трудностями поддерживалась связь через Волгу с ее противоположным берегом, куда 31 августа мы вынуждены были перенести основной командный пункт фронта.

В Сталинграде продолжал находиться лишь ВПУ, на котором, естественно, остались Н. С. Хрущев, я и небольшая группа оперативных работников. Ширина Волги против нового ВПУ, разместившегося на берегу Волги, достигала 1200 м. Бронированного телеграфного кабеля (ни многожильного, ни одножильного) у нас не было; в реку погружался обычный полевой телефонный кабель со слабой изоляцией. Прокладку кабеля через Волгу производила специально натренированная пятерка связистов-лодочников. Это была бесстрашная пятерка. Целый месяц на легкой лодке под не прекращавшимся ни днем ни ночью огнем противника она героически выполняла свою задачу. Уже в первой половине сентября от прямых попаданий затонуло четыре таких лодки. Вся пятерка отважных воинов-связистов была награждена орденами.

Очень много можно рассказывать о неутомимой самоотверженной работе связистов во всех армиях. Линейные рабочие, подчас застигнутые налетом авиации на столбах, продолжали свою спешную работу. Телеграфисты аппаратов СТ-35 товарищи А. Литвин и М. Литвиненко, работавшие на ВПУ фронта, по нескольку суток не отходили от аппаратов, что называется, с ног валились, но продолжали работать.

Когда вспоминаешь работу связистов, невольно в памяти встает бессмертный подвиг гвардейца связиста Путилова. В разгар ожесточенного боя в городе в одном из полков 308-й стрелковой дивизии оборвалась связь штаба с подразделениями. Для восстановления связи вслед за двумя уже погибшими под огнем противника связистами был направлен сержант Путилов. Когда он полз вдоль провода, отыскивая место обрыва, его ранило осколком мины в плечо. Превозмогая боль и слабость от

потери крови, связист все-таки дополз до места обрыва. Но здесь его настиг второй осколок, перебивший руку. Сержант Путилов сжал концы провода зубами, и ток пошел по его телу. Связь была восстановлена. Подразделениям были даны выгодные направления для контратаки. Героя связиста нашли после боя мертвым на том самом месте, где он совершил свой подвиг. Пожалуй, нельзя найти ничего более яркого, что так полно характеризовало бы самоотверженную работу связистов под Сталинградом.

Начальником войск связи Юго-Восточного, а затем Сталинградского фронта в оборонительный период Сталинградской битвы был генерал-майор войск связи А. С. Яковлев, четко руководивший службой связи фронта.

* *
*

Как уже отмечалось, захват Сталинграда, по первоначальному замыслу Гитлера, обеспечивал выполнение основной стратегической задачи кампании 1942 года — овладение югом нашей страны.

Волей нашей партии и народа здесь, под Сталинградом, Гитлеру было навязано решающее сражение, и его генералы вынуждены были принять этот бой, понимая все его значение. Лишь с августа по 20 ноября врагом было предпринято более 700 яростных атак, которые сопровождались, как известно, массированными ударами авиации и артиллерии.

По приблизительным подсчетам, за оборонительный период только на направлении главного удара танковые, артиллерийские и минометные части противника выпустили по нашим боевым порядкам около 1400 тысяч снарядов и мин — это на каждый километр фронта (активных участков) в среднем составляет примерно 55 тысяч снарядов и мин.

За тот же период только на направлении главного удара зарегистрировано до 100 000 самолето-атак противника, во время которых было сброшено до 1 миллиона бомб разных калибров (свыше 100 000 тонн), или свыше 40 тысяч бомб на каждый километр фронта. А в общей сложности на каждый километр Сталинградского фронта противник израсходовал в среднем около 100 000 снарядов, мин и бомб.

Однако ни ярость вражеских атак, ни мощь огневых ударов не были достаточны, чтобы захватить Сталинград.

Беспримерное упорство, стойкость, массовый героизм, нараставшее воздействие нашего огня, изнуряющие налеты нашей авиации, дерзкие действия боевой разведки, огромные в силу этого потери немецких войск создали поистине адскую обстановку для наступавших, которые теряли перспективу, веру в успех, впадали в пессимизм. Моральный дух вражеских войск падал, иссякала их энергия и наступательный порыв.

Огромные потери немецко-фашистских войск снижали темпы их продвижения.

Вместо планировавшегося Гитлером безостановочного продвижения к Волге (с развитием удара на Кавказ), до полусотни неприятельских дивизий были вовлечены в затяжные изнурительные бои под Сталинградом и скованы здесь почти без всякой возможности свободного маневра.

Если в первый период боев за Сталинград гитлеровцы продвигались за сутки в глубину нашей обороны в среднем на два километра, то в заключительный период борьбы их продвижение измерялось десятками метров, затем метрами и наконец было полностью остановлено.

Героическое сопротивление наших войск сломило ударную силу немецких армий, вывело из строя отборные немецкие дивизии и технику. От многих дивизий остались только названия. Пополняя их, гитлеровцы не раз восстанавливали свои соединения. Так, многократно восстанавливались заново 14-я и 24-я танковые дивизии; 305-я и 79-я пехотные дивизии только за три дня боев потеряли почти полностью весь свой состав. Все это вместе взятое заставило немецко-фашистское командование втянуть в Сталинградскую операцию на флангах главного удара большое количество войск своих сателлитов — Румынии, Венгрии и Италии.

Мужественные и стойкие защитники Сталинграда, поддержанные всем советским народом и войсками других фронтов, нанесли смертельный удар военному и политическому престижу гитлеровской Германии. Нельзя не указать, что летом 1942 года в дни ожесточенных сражений под Сталинградом советские войска шести фронтов проводили наступательные операции на северо-западном, западном направлениях и в районе Воронежа, что не дало противнику возможности восполнить свои потери под Ста-

линградом за счет этих участков советско-германского фронта. Эти потери он мог компенсировать лишь за счет новых призывов населения в армию или из числа оккупационных сил, расположенных в европейских странах, захваченных Германией. Характерно, что против этих фронтов гитлеровцы вынуждены были перебросить дополнительно за счет упомянутых «источников» до 25 дивизий. Сталинградцы всегда с чувством глубокой признательности оценивали эту действенную помощь воинов других фронтов.

Несгибаемая сила сопротивления сталинградцев, их самоотверженность заставили немцев заговорить о неприступности сталинградской «крепости». Следует заметить, что Сталинград был лишен каких-либо мощных долговременных укреплений, у него не было прочной и устойчивой связи со своим тылом, ибо тыл находился за Волгой, открытый для вражеских ударов с земли и воздуха. В Сталинграде действительно была крепость, но то была нерукотворная крепость духа советского народа и его армии.

Попутно подчеркнем, что толкование обороны Сталинграда как защиты осажденной крепости нашло некоторое косвенное отражение и в нашей исторической литературе. В связи с этим сто́ит несколько подробнее разъяснить здесь этот вопрос.

Когда мы оцениваем победу под Сталинградом с чисто военной точки зрения и взвешиваем военные факторы, ее обусловившие, мы должны в числе уже называвшихся выше факторов выделить организацию взаимодействия крупных оперативных и оперативно-стратегических объединений.

Нельзя не подчеркнуть, что наши неуспехи в первый период войны и тот факт, что мы не смогли удержать стратегическую инициативу после знаменательной победы в битве под Москвой и на ряде других направлений, были связаны в определенной степени также с отсутствием или недостатком умения организовать взаимодействие между армиями и фронтами. Нередко в ту пору, а в начальный период войны очень часто, почти как правило, армии действовали как самодовлеющие воинские организмы, без столь необходимой взаимосвязи с другими армиями, выполнявшими ту же или сходную задачу. Напомним, например, из опыта первого периода войны наступательную операцию 4-й ударной армии на направлении Андреаполь,

Торопец, Велиж. Одновременно с 4-й ударной армией должны были наступать 3-я ударная армия Северо-Западного фронта (в его состав входила и 4-я ударная армия) и 22-я армия Калининского фронта. По замыслу операции предполагалось, что все три армии будут выполнять общую задачу в тесном взаимодействии.

Однако из-за недостаточного руководства войсками действительного взаимодействия добиться не удалось. Соседние армии отстали от 4-й ударной армии более чем на сто километров, что не дало возможности обоим фронтам выполнить свои задачи в полном объеме.

По-другому обстояло дело в Сталинграде. Здесь скрупулезно учитывался печальный опыт прошлого, поэтому, естественно, успешными были как Сталинградская оборона, так и Сталинградское контрнаступление. Оборона такого города, как Сталинград, в условиях минувшей войны не может ни в коей мере быть представлена как оборона осажденной крепости, гарнизон которой в силу своей стойкости и непреклонной решимости своего командования выдерживает длительную осаду и потому побеждает. Оборона Сталинграда именно потому и оказалась столь прочной, что оборонявшихся в городе непрерывно поддерживали с флангов и тыла, что на них, что называется, работал мощный фронтовой организм, который в свою очередь питала и поддерживала вся наша страна. Ни в коей мере не умаляя выдающегося мужества и непреклонной воли к победе воинов 62-й и 64-й армий, следует подчеркнуть, что причиной того чуда, которым в глазах мирового общественного мнения явилось удержание нашими войсками города, превращенного в руины и отрезанного от тыла почти километровым руслом Волги, была именно непрерывная, ни на минуту не прекращавшаяся связь войск, находившихся в городе, со всеми другими войсками, оборонявшими стратегический район Сталинграда, а также единство действий всех этих войск, направляемое из единого боевого штаба — Военного совета Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, руководимого Верховным Главнокомандованием.

Выше мы отмечали значение артиллерийских групп, групп гвардейских минометов (эресов), зенитной артиллерии и авиации воздушных армий и всей системы противовоздушной обороны. Все эти силы и средства, находясь под твердым управлением командования фронта,

представляли собой мощный кулак, который бил врага, как только он предпринимал серьезные действия против какой-либо из армий, и особенно против 62-й армии, находившейся в течение обороны в центре внимания.

Сто́ит также отметить непрерывное маневрирование войсками и резервами, практически никогда не прекращавшиеся контрудары и контратаки наших войск на соседних участках. Следует иметь также в виду, что все действия войск направлялись и координировались самым строжайшим образом, и не было случая, чтобы хоть на непродолжительное время они были предоставлены самим себе.

Не заглушая инициативы командования армейского и дивизионного звена, командование фронтов всегда твердо направляло боевую деятельность войск на выполнение общей задачи.

Ясно, что в тех тяжелейших условиях обстановки не все замыслы и намерения командования могли быть осуществлены в полном объеме. Тем не менее все решающие задачи были выполнены. Была также достигнута и основная оперативно-стратегическая цель всего комплекса оборонительных мероприятий, а именно создание предпосылок для перехода в контрнаступление.

Само удержание Сталинграда как стратегического объекта обороны не рассматривалось как самоцель, а было одним из важнейших звеньев в системе мероприятий, направленных к общей цели. Эта задача решалась боевым содружеством двух фронтов и всех входивших в них армий.

Нельзя при этом забывать и то, что сам состав 62-й армии постоянно менялся, в нее непрерывно вливались новые силы, новые дивизии и полки со свежим личным составом и командными кадрами, которые приносили с собой свой боевой опыт, знания и навыки, боевую инициативу.

Серьезное значение имели подбор и расстановка кадров в целом как во фронтовом, так и в армейском звене. Существенную роль в нашей победе под Сталинградом наряду с другими факторами сыграло то обстоятельство, что в подавляющем большинстве командные кадры оказались на высоте положения и, как правило, успешно справлялись со своими нелегкими задачами. Это, конечно, пришло не самотеком, не было случайностью, а явилось

Бой на территории завода «Красный Октябрь»

Н. С. Хрущев беседует с бойцами одной из дивизий. Ноябрь 1942 г.

результатом тщательной и целеустремленной работы Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронтов. За время Сталинградской битвы пришлось произвести довольно большое количество перемещений. Смело выдвигать людей на ответственные командные посты, подыскивать вместо хороших работников — наилучших, передвигать товарищей с одной должности на другую, при исполнении которой они могли принести наибольшую пользу.

Так, например, были перемещены генералы Чуйков с должности заместителя командарма 64-й на должность командарма 62-й, Захаров — с должности начальника штаба Юго-Восточного фронта на должность заместителя командующего. Заменены начальник инженерных войск Юго-Восточного фронта, командующий артиллерией того же фронта и т. д.

Надо сказать, что партия и правительство направляли в Сталинград испытанные командные кадры. Ставка, как правило, своевременно и доброжелательно реагировала на предложения Военного совета фронтов по кадровым вопросам.

Не удивительно, что у части наших невоенных историков, над которыми подчас еще тяготеют старые представления об обороне крепостей и фортов, о длительных осадах, искусстве осажденных и их руководителей, бытуют представления и о Сталинградской обороне как об обороне осажденной крепости, непреодолимость которой является целиком следствием успешных действий осажденных.

Более странным выглядит тот факт, что иногда и люди военные, казалось бы с достаточно большим оперативным кругозором, встают на сходную точку зрения и в той или иной степени умаляют значение взаимодействия армий и родов войск в ходе оборонительного сражения, упуская роль того органа, который координировал это взаимодействие и руководил войсками в оперативно-стратегическом масштабе.

Крушение немецко-фашистских планов захвата Сталинграда, разбившихся о стойкость советской обороны, свидетельствовало о крушении важнейших положений оперативно-стратегического искусства и военной теории немецко-фашистской армии.

Длительное ожесточенное сражение, особенно оборонительное, сопровождаемое большими жертвами, обычно влияет на войска крайне отрицательно. Для Советской Армии этот вывод оказался непригодным. Моральные качества воинов-сталинградцев, о которых мы уже достаточно говорили, очень хорошо характеризует их настроение, наиболее ярко проявившееся в боевой клятве в канун XXV годовщины Великого Октября: «...Дух наш бодр, как никогда... воля тверда, руки наши не устали разить врага. Решение наше — стоять насмерть у стен Сталинграда!».

Оборонительные бои под Сталинградом стали легендарными именно благодаря массовому героизму советских воинов. Нередко целым полкам длительное время приходилось вести рукопашные схватки с противником, а многие воины, находясь на передовых наблюдательных пунктах и попав во вражеское окружение, вызывали на себя огонь артиллерии, чтобы уничтожить противника. Танковые атаки врага на улицах Сталинграда зачастую наравне с артиллеристами и минометчиками отбивали пехотинцы. Они действовали противотанковыми ружьями, гранатой и бутылкой с горючей жидкостью и подчас создавали непроходимые огневые барьеры против танков.

Следует вспомнить совершенный еще на подступах к Сталинграду героический подвиг тридцати трех воинов, описанный нами в главе VI.

Красноармейцу товарищу Алехину довелось сражаться одному против десятка фашистских танков. Подбив два танка и израсходовав запас гранат, он начал метко выбивать танковые экипажи, ведя огонь по люкам и смотровым щелям. Танки были задержаны до тех пор, пока наша артиллерия не изготовилась для удара по вражеским машинам.

Танкист старший лейтенант К. А. Мозгов в одном из боев своим танком уничтожил три танка противника и более сотни гитлеровцев.

Гвардеец наводчик орудия Любавин уничтожил меткими выстрелами два танка врага, но в это время вражеский снаряд вывел из строя весь расчет. Любавин был ранен осколками в обе ноги. Превозмогая боль, он продолжал огонь и уничтожил еще два фашистских танка.

Восемь наших воинов во главе с товарищем Лагутиным и заместителем командира по политчасти товарищем

Корсаковым сдерживали натиск целого немецкого батальона, истребили до сотни гитлеровцев, а сами не имели потерь.

Стрелок-снайпер Василий Зайцев из своей винтовки уничтожил 225 немецких солдат и офицеров, он обучил снайперскому делу 28 человек, которые истребили 1106 фашистов. Автоматчик Алексей Ващенко в момент атаки дзота бросился вперед под сильным огнем пулемета противника и с криком «За Родину!» своим телом закрыл амбразуру дзота.

Солдат Иван Никишин и сержант Яков Щербина из противотанковых ружей уничтожили 14 танков. Все это они проделывали, когда их позиции атаковывали группы танков. Командир орудия старший сержант Алексей Алексанцев 25 августа прямой наводкой из своего орудия уничтожил 6 танков и подбил 4 машины. Командир батареи противотанковых пушек лейтенант Темир-Булат в упор расстрелял 8 вражеских танков, неожиданно прорвавшихся на фланге.

Командир взвода роты тяжелых танков старший лейтенант Иван Корольков своим танком уничтожил 26 вражеских танков, 34 пушки, 22 миномета, 3 пулемета. Командир взвода танков Т-34 старший лейтенант Шолохов в одном бою своим танком уничтожил 10 танков противника.

Капитан Петр Беляснин — мастер воздушного боя — сбил под Сталинградом 19 самолетов противника. Лейтенант Столяров сделал 127 боевых вылетов, участвовал при этом в 38 воздушных боях. Он лично уничтожил 5 бомбардировщиков противника и в групповом бою сбил 4 самолета; старший лейтенант Федоров лично сбил 9, а лейтенант Гулянтьев — 10 вражеских самолетов. Командир зенитной батареи старший лейтенант В. Сегинь в борьбе с немецкими самолетами проявил высокое мастерство, его батарея сбила 24 вражеских самолета. Младший сержант Болото Петр Иосифович во главе героической четверки бронебойщиков отбил атаку 30 танков противника, из которых 15 было подбито.

Кто не слышал о сержанте Павлове, кто не читал в газетах о знаменитом доме Павлова в Сталинграде? Это было в сентябре 1942 года. Сержанту Павлову была поставлена задача занять один из домов. Захватив здание, он со своим подразделением, состоявшим всего из четы-

рех храбрецов, закрепился в нем. Это был большой четырехэтажный дом, словно мыс врезавшийся в немецкие позиции. Отсюда прекрасно просматривались близлежащие кварталы, занятые противником. Сколько атак предпринимали немцы против этого дома, какой яростный огонь обрушивали они на него! Вражеские снаряды снесли один из пролетов. До 120 снарядов ежедневно немцы выпускали по дому Павлова. Но так до конца легендарной Сталинградской битвы дом Павлова и остался в наших руках. Павлов был тяжело ранен, долго затем лежал в госпитале. Впоследствии ему было присвоено звание Героя Советского Союза и офицерское звание младшего лейтенанта.

Примеров героизма советских воинов в боях за Сталинград можно привести множество.

Говоря о массовом героизме наших воинов под Сталинградом, следует сказать о той огромной роли, которую сыграли в этой битве комсомол и молодежь в целом. Многие соединения в значительной мере были укомплектованы молодежью. Так, в 37-й гвардейской стрелковой дивизии было до 800 комсомольцев. В начале октября при обороне тракторного завода полки этой дивизии проявили несгибаемое мужество и выдающийся героизм. Некоторые части сплошь состояли из молодежи. Это, например, курсантские части, полностью сформированные из личного состава офицерских училищ. Много молодежи было среди снайперов; их признанный вожак Василий Зайцев был комсомольским активистом. Значительно комсомол был представлен также в авиации, артиллерии и войсках связи.

Верный помощник партии — ленинский комсомол и под Сталинградом в полной мере оправдал свое почетное звание. Коммунисты Сталинграда всегда считали неотъемлемой и одной из важнейших своих задач руководство комсомолом. А комсомол вел всю молодежь. С гордостью можно сказать, что молодежь в Сталинграде следовала боевым примерам комсомольцев первого поколения, к которому принадлежали такие люди, как Н. Островский. Сталинградские комсомольцы во многом преумножили их боевую славу. Они показали, что новое поколение молодых борцов обладает такой же верой в правоту нашего дела, такой же волей к победе, такой же священной ненавистью к врагам Отечества, такой же высокой любовью к матери-Родине. Сталь, закаленная за четверть века про-

летарской революции, была крепкой, острой и светлой. Это узнал остервенелый враг в боях под Сталинградом. И, как настоящая сталь, она не притуплялась в огне битвы, а становилась еще крепче и острее.

Не перечесть имен героев Сталинграда комсомольцев: секретарь комсомольской организации роты из дивизии Родимцева — Федя Яковлев, танкист Ямбеков Хасан, молодой офицер Тима Семашко, девятнадцатилетний Коля Бородушин и многие, многие тысячи других. Их сердца, бившиеся под комсомольским билетом, были исполнены преданности Родине и делу коммунизма. Не раз вражеская пуля одновременно пробивала комсомольский билет и юное горячее сердце. Идя в бой, комсомольцы Сталинграда отдавали Родине всех себя без остатка и вели за собой других. Смерть не страшила их, ибо это была смерть для жизни народа, для счастья всего человечества. Очень отрадно, что одну из лучших улиц своего города сталинградцы назвали Комсомольской в честь героической фронтовой молодежи.

Здесь же я не могу не высказать горячих слов глубокой благодарности женщинам-сталинградкам. Мы знаем о подвигах советских женщин в тылу, на заводах и фабриках, колхозных полях. Здесь на плечи женщин легла мужская работа и огромная ответственность за обеспечение страны и фронта всем необходимым. Но нельзя забыть и беспримерного подвига тех женщин-добровольцев, которые вместе с мужчинами стояли на передовых позициях борьбы с врагом. Женщины-летчики, женщины-речники, женщины-снайперы, женщины-связистки, женщины-артиллеристы. Едва ли найдется хоть одна военная специальность, с которой не справились бы наши отважные женщины так же хорошо, как их братья, мужья и отцы. Летчицы Лидия Литвяк и Нина Беляева, женщина-матрос Мария Ягунова, санитарка комсомолка Наталья Кочуевская, связистки А. Литвина и М. Литвиненко. А сколько яркого героизма проявили девушки-комсомолки, находившиеся в войсках ПВО и составлявшие подчас большинство в зенитных батареях и дивизионах, в приборных, дальномерных и других расчетах!

Женские руки, на первый взгляд слабые, делали быстро и точно любую работу. А кто не знает, что самым тяжелым и сложным является воинский труд, труд под огнем, труд при ежеминутной смертельной опасности.

Я думаю, что в тех ораториях или симфониях, которые несомненно будут созданы нашими композиторами в честь Сталинграда, обязательно прозвучит самая высокая и нежная нота, посвященная женщинам-сталинградкам.

Трудно перечесть все подвиги, совершенные у стен Сталинграда, как трудно назвать по именам и всех участников Сталинградской обороны. Героизм, самопожертвование и непреклонную волю к победе в этом историческом сражении проявили не только отдельные солдаты и офицеры, но и целые подразделения, полки, дивизии и армии. Только по Сталинградскому фронту удостоены правительственных наград более 30 тысяч участников Сталинградской битвы.

★

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ОБОРОНИТЕЛЬНОМУ ПЕРИОДУ

Некоторые выводы из опыта первого периода Сталинградской битвы

Советское военное искусство считает наступательный бой основным видом боевых действий Советской Армии, справедливо полагая, что разгром и полное уничтожение противника могут быть достигнуты только путем решительного наступления. Однако в условиях, когда боевые действия развертывались на тысячекилометровых фронтах, не всегда было возможно, а иногда и нецелесообразно вести наступление на всех направлениях одновременно.

История войн, тем более опыт Великой Отечественной войны, исключительно наглядно убеждает в том, что в ходе военных действий нередко складывается обстановка, когда оборона приобретает весьма важное значение и становится совершенно необходимой. Обычно это бывает в тех случаях, когда на том или ином направлении в силу сложившейся обстановки не представляется возможным создать превосходство в силах и средствах над противником или когда необходимо обороной обеспечить ведение наступления на других, более важных направлениях.

Мы, как известно, рассматриваем оборону общевойсковых объединений как вид операции, в которой войска, используя местность и ее инженерное оборудование, силу огня всех видов, а также преимущества подготовленного маневра своих сил и средств, удерживают занимаемые позиции и, отражая удары превосходящего по численности противника, наносят ему огнем, контратаками и контрударами максимальные потери, т. е. задерживают, изматывают и обескровливают противника. Тем

самым создаются необходимые условия для последующего перехода в решительное наступление.

Формы обороны в Советской Армии периода Великой Отечественной войны резко отличались от тех форм, которые имели место в войнах недавнего прошлого, в частности в первой мировой войне. Тогда оборона в большинстве случаев была характерна позиционными формами, стабильностью положения войск, малой активностью, особенно на участке франко-германского фронта. Эти признаки, как правило, доминировали. Главная задача тогда сводилась к удержанию рубежа, позиции, фронта и к нанесению противнику потерь; при этом важнейшей чертой был огневой бой, отражение атакующего противника огнем. Все дело сводилось к так называемой позиционной войне, которая приводила воюющие стороны к истощению, а затем и к компромиссу.

Характер же обороны периода Великой Отечественной войны совершенно иной. Ее главная задача — обеспечить подготовку и создание условий для контрнаступления. Остальные, тоже весьма важные задачи, которые неизбежно решаются обороной, такие, как истощение сил и средств противника (нанесение потерь его живой силе и технике), выигрыш времени, необходимого для сосредоточения собственных сил и средств, и т. д., были подчинены главной задаче — подготовке контрнаступления. Следовательно, оборона как одна из форм ведения операции не является самоцелью. Она выполнит свою задачу лишь в том случае, если создаст благоприятные условия для перехода в контрнаступление.

Для того чтобы создать благоприятные условия для перехода в наступление, оборона должна быть устойчивой и активной.

Выражением упорства обороны является стойкость ведущих ее войск, устойчивость всех ее звеньев.

Необходимо оговориться, что в нашей военной литературе термин «активная оборона» применялся очень часто неправильно и активной обороной называли даже самый обычный отход под давлением превосходящих сил противника. Так, в некоторых трудах первый период Великой Отечественной войны получил название «периода активной обороны». Когда этот неправильный взгляд был справедливо раскритикован, то многие военные литераторы совсем выбросили из своего лексикона этот термин,

хотя активная оборона как таковая имела довольно широкое распространение на протяжении минувшей войны. Особенно наглядным и ярким примером такой, действительно активной обороны, нам кажется, была оборона Сталинграда.

Здесь стойкость обороны объяснялась в первую очередь исключительной активностью обороняющихся, которая достигалась постоянным поражением живой силы и техники противника всеми видами огня, навязыванием противнику своей воли и созданием для него невыгодных условий ведения боя, широким маневром войск, маневром огня, противотанковыми средствами и инженерными заграждениями, а также смелым и решительным проведением контратак и контрударов.

Важнейшим элементом, обусловившим высокую активность действий наших войск в обороне, является прежде всего особая природа советского воина с его замечательными морально-боевыми качествами, наступательным порывом, упорством и стойкостью. Советский воин, воспитанный Коммунистической партией, всем укладом жизни советского общества, которому присуща высокая активность, не может быть пассивным и в обороне. Поэтому упорный и активный характер действий наших войск в обороне — не случайное явление: оно проистекает из всей природы советского строя, нашей идеологии и военной науки.

Активность в обороне должна проявляться во всех действиях обороняющегося. Формы ее проявления разнообразны. Это и целеустремленное, хорошо организованное, умелое использование всей мощи огня современного оружия и технических средств борьбы для нанесения потерь противнику, изматывания его моральных и физических сил. Это и своевременно проведенная мощная артиллерийская и авиационная контрподготовка.

Активность в обороне должна найти свое выражение также в самом построении обороны. Здесь большую роль играет правильный выбор полос обороны, создание передовых, промежуточных и отсечных полос и позиций, обеспечивающих выгодные для обороняющихся и невыгодные для наступающих условия ведения сражения, маскировочные мероприятия, не только скрывающие от противника истинное расположение наших войск, но и вводящие противника в заблуждение относительно наших намере-

ний. Существенной формой проявления активности в ходе оборонительного сражения является широкий маневр живой силой, техникой и заграждениями с целью наращивания силы сопротивления противнику на направлении его удара. Наконец, высшим проявлением активности в обороне является проведение контратак и контрударов.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что хорошо подготовленные и своевременно предпринятые в ходе оборонительного сражения контратаки и контрудары имеют большое значение. Они не только приводят к крупным потерям у противника и восстановлению положения обороняющихся войск, но и сковывают инициативу, нарушают планы противника, заставляют его спешно перебрасывать войска с других участков или преждевременно вводить в бой резервы, изматывают и деморализуют наступающие войска, снижают темпы их наступления и позволяют обороняющимся войскам выиграть время и сохранить свои силы. Все формы проявления активности в обороне, особенно контратаки и контрудары, способствуют повышению наступательного порыва наших войск и этим подготавливают их к переходу в контрнаступление или наступление.

Особенно важное значение в оборонительной операции приобретает разведка. Ведь инициатива действий находится в руках противника, поэтому только хорошо организованная, непрерывная, активная разведка может дать обороняющемуся необходимые сведения, которые облегчат ему борьбу с наступающим противником. Особое внимание необходимо уделить использованию всех новых технических средств разведки, таких, как радиолокаторы и т. п.

Осуществление контратак и контрударов немыслимо без проведения маневра, являющегося одним из наиболее характерных признаков современного боя. Цель маневра, как известно, состоит в том, чтобы в нужный момент создать наиболее выгодную группировку своих сил и средств и поставить их в наилучшее положение по отношению к противнику для отражения его удара или для нанесения ему удара и успешного выполнения задачи боя, операции или сражения.

В оборонительном бою маневр приобретает особенно большое значение. Как правило, обороняющаяся сторона располагает относительно меньшими силами для ведения

боя по сравнению с наступающей стороной, особенно в первые моменты сражения, когда силы и средства обороняющегося еще не сосредоточены в районе вражеского удара, когда они еще не приведены в действие. Это неравенство в силах может быть уравновешено оперативностью действий обороняющегося, умелым применением маневра силами и средствами обороны. Чтобы отразить наступление противника, обескровить его, вырвать у него инициативу, вынудить его к отказу от дальнейшего наступления и таким образом добиться создания благоприятных условий для перехода в решительное контрнаступление, необходимо противопоставлять наступающему противнику непрерывно нарастающее сопротивление, сосредоточивать на угрожаемых направлениях превосходящие силы и средства, истреблять противника массированным огнем всех видов и наносить ему контратаки и контрудары. Осуществление этого невозможно без широкого применения маневра войсками вдоль фронта и из глубины. Ни в коем случае нельзя ограничиваться простым удержанием занимаемой позиции.

Боевой опыт Великой Отечественной войны позволил установить четкие грани между контратакой, контрударом и контрнаступлением и классифицировать их по свойственным им признакам, определяющим их характер, назначение и организацию.

* *
*

Контратака есть функция тактической обороны, тактического эшелона войск, решающая тактические задачи. Ее организуют и проводят командиры корпусов и дивизий первых эшелонов, хотя в ряде случаев организация контратак координируется командующим войсками армии. В ходе Великой Отечественной войны контратаки осуществлялись резервами и вторыми эшелонами подразделений, частей и соединений, обороняющих тактическую глубину обороны, силами от взвода до дивизии, а в соответствии с этим их глубина исчислялась от нескольких десятков и сот метров до нескольких километров.

Контратаки могут преследовать самые разнообразные задачи. Они могут упреждать активные намерения противника, изматывать его атакующие части и наносить им потери, дробить их или уничтожать, сковывать резервы

противника, улучшать или восстанавливать утраченное тактическое положение и т. д. Конечная цель любой контратаки — не допустить нарушения или прорыва противником полосы тактической обороны и создать наилучшие условия для выполнения задач обороняющейся стороной.

Значение контратак трудно переоценить. Умело и своевременно проведенные, они играют большую роль в отражении вражеских атак. Нанося противнику огромные потери, ослабляя его наступательную мощь, отсекая от его ударной группировки часть сил и средств, нарушая его боевые порядки, срывая выполнение задач, поставленных противником перед наступающими войсками, контратаки тем самым укрепляют оборону, делают ее более упорной и стойкой, придают ей более действенный, активный характер.

Однако значение контратак не исчерпывается только выполнением этих задач. Опыт Великой Отечественной войны показывает, что контратаки являются одной из лучших форм боевой закалки войск, их моральной подготовки к наступлению, развивающей необходимые для наступления боевые качества.

Из сказанного явствует, что функции контратак чрезвычайно разнообразны. Они определяются сложной природой современного боя и характеризуются многообразием задач, выполняемых войсками в ходе активной обороны.

Успех контратак во многом зависит от умелой организации и искусного проведения их в сложившейся обстановке. Важно прежде всего правильно выбрать направление для контратаки, которая бывает наиболее эффективна, когда организуется по флангам вклинившейся группировки противника или охватывает его с тыла. В обоих случаях контратаки сочетаются с упорной обороной по фронту. Такое направление приводит к наиболее быстрым и решительным результатам, способствует созданию выгодного для обороняющегося соотношения сил и средств на участке контратаки, изолируя вклинившегося противника от его резервов, и создает наилучшие условия для его окружения и уничтожения.

Что представляет собой контрудар, каково его содержание и назначение?

Сущность представлений о контрударе сводится обычно к тому, что он предпринимается с целью разгрома

прорвавшейся или вклинившейся в оборону группировки противника или для восстановления положения, существовавшего до начала наступления противника. Контрудар организуется в армейском и фронтовом масштабах на отдельных направлениях, где противник проявляет наибольшую активность, тогда как на остальных участках фронта войска продолжают обороняться.

Все эти положения бесспорно правильны, но они не вполне исчерпывают содержание понятия контрудара, которое значительно шире и ярче. Богатейший опыт войны наглядно убеждает в этом, предоставляет обширный материал для анализа, суждений и выводов. На основе этого опыта можно видеть, что в действительности представляет собой контрудар, каково его содержание, каковы его задачи, как он организуется, когда и кем осуществляется, каково его значение и как он влияет на выполнение задач, поставленных перед обороняющейся стороной.

Контрудары — функция оперативной обороны и объединений, организующих такую оборону. Обычно она ведется армиями и фронтами. Контрудары проводятся распоряжением командующих войсками армий и фронтов, а в некоторых случаях даже по решению и указаниям Верховного Главнокомандования. Для нанесения контрудара привлекаются вторые эшелоны армий и фронтов, а также соединения, перебрасываемые с соседних направлений и из резерва Верховного Главнокомандования. Естественно, что и глубина их воздействия на боевые порядки противника значительно больше, чем глубина контратак.

Назначение контрударов определяется выполняемыми ими функциями; но как бы ни были эти функции многообразны, все контрудары, проведенные в период войны, можно подразделить по их целям и задачам на две большие группы.

В ходе Сталинградской обороны, как уже убедился читатель, наши войска провели много контрударов, с помощью которых командование стремилось разрешить самые различные задачи. Одни из них преследовали цель восстановить оперативное или тактическое положение, другие организовывались в период подготовки противником наступления, чтобы сорвать или нарушить его планы, третьи сковывали значительные силы наступающего, не позволяя ему использовать их на направлении своего

главного удара, четвертые дезориентировали его и отвлекали его силы на второстепенное направление, создавали угрозу его флангам и тылу.

В оборонительных операциях Советской Армии имели место контрудары, предпринимавшиеся для выполнения и других задач, помимо отмеченных выше.

Основное назначение всех таких контрударов, как бы они ни отличались по своей форме и организации, по оперативно-тактическим задачам, заключалось в том, что они имели целью упрочение оперативной обороны. В этом назначении их общая характерная черта.

Однако в ходе войны имели место многочисленные контрудары, преследовавшие совершенно иные цели. Так, в битве под Москвой (декабрь 1941 года) войска Западного фронта силами выдвинутых общевойсковых армий севернее и южнее Москвы нанесли сильные контрудары на правом и левом крыле фронта против ударных группировок немцев, которые намеревались охватить Москву с севера и юга. Эти контрудары позднее переросли в решительное контрнаступление наших войск, начавшееся 6 декабря 1941 года и продолжавшееся почти два месяца.

Такой же характер носили контрудары и в битве под Курском (июль 1943 года). Мощные контрудары, предпринятые 12 июля 1943 года силами армий Воронежского фронта, сорвали наступление противника: немецко-фашистские войска, понеся значительные потери в живой силе, танках и авиации, были вынуждены на южном фасе Курского выступа перейти к обороне. В тот же день войска Западного и Брянского фронтов перешли в наступление. Одновременно получил задачу на переход в контрнаступление и Центральный фронт. Действиями войск этих трех фронтов против орловской группировки врага началось контрнаступление Советских Вооруженных Сил летом 1943 года, превратившееся затем в мощное наступление на широком фронте.

Эти примеры показывают, что одни контрудары, осуществлявшиеся в процессе оборонительной операции, способствовали укреплению обороны. В ряде случаев они имели целью улучшить оперативное положение войск в обороне, восстановить утраченное положение и снова овладеть важным рубежом или районом, разгромить группировку или часть сил противника, содействовать

войскам на соседних участках, сковать большие силы противника и т. д. Во всех этих случаях контрудары не выходили из рамок оборонительной операции, ограничиваясь решением задач оперативной или стратегической обороны.

Другие же контрудары по своему назначению и содержанию как бы завершали оперативную оборону и представляли не что иное, как первый этап контрнаступления. Такие контрудары организуются, когда оперативная оборона уже завершает выполнение своей задачи, когда противник обессилен, обескровлен и, соотношение сил изменяется в пользу обороняющейся стороны, но от обороны еще требуется последний толчок для того, чтобы окончательно изменить обстановку в свою пользу и затем перейти в решительное контрнаступление. Цели и задачи таких контрударов исходят уже из общего замысла готовящегося контрнаступления.

Контрудар представляет собой наиболее решительную форму боевого воздействия на противника со стороны обороны с конечной целью не допустить нарушения и прорыва полосы оперативной обороны, укрепить положение оперативной обороны, готовящей контрнаступление, или же положить начало подготовленному контрнаступлению, создать выгодную оперативную обстановку для перехода в общее контрнаступление, завершая тем самым оперативную оборону. Контрудар является душой современной оперативной обороны. Без него она мертва и пассивна, бессильна выполнить сложные задачи, которые ставит перед нею напряженная боевая обстановка.

Перерастание контрударов, отнесенных нами ко второй группе, в контрнаступление совершенно закономерно. Чтобы нанести мощный контрудар по главной группировке противника, как это было в битвах под Москвой, под Курском, нужно было провести гигантскую работу по подготовке, перевозке и выдвижению к фронту огромного количества войск, боевой техники и средств материального обеспечения. Все это бесспорно сопровождалось крайним напряжением моральных и материальных сил и средств армии, ее руководства и страны в целом, на что обычно затрачивались огромные средства и дорогое время. Когда такие контрудары завершались успехом, они не могли не перерасти в контрнаступление, так как, во-первых, с успехом на данном направлении нет смысла искать его на

другом и, во-вторых, выгодно использовать эти силы и средства именно здесь, где надломлены главные силы противника. Именно здесь необходимо добиваться решительного успеха в разгроме противника и в достижении целей, которые ставились перед контрударом как первым этапом контрнаступления. Если бы такой контрудар не перерастал в контрнаступление, а ограничивался бы только восстановлением утраченного оперативного положения (существовавшего до начала наступления противника), нарушилось бы основное требование нашего оперативного искусства о необходимости немедленно со всей силой и неослабной энергией развивать достигнутый успех, расширять его, чтобы добиваться решительной победы.

Перерастание таких контрударов в контрнаступление не является случайным потому, что здесь налицо как бы диалектический переход одного качества в другое в применении к явлениям, относящимся к войне.

Контрудары, которыми очень богаты сражения Великой Отечественной войны, отличаются многообразным назначением, сложными задачами и формами; они наносились в различные моменты операции и с самыми разнообразными целями. В зависимости от конкретных условий обстановки контрудары проводились со следующими целями:

— упредить противника, изготовившегося к наступлению, разгромить подготовленные им для удара силы и средства;

— задержать продвижение противника и не допустить его прорыва в оперативную глубину обороны;

— улучшить или восстановить оперативное положение обороны;

— отвлечь силы и средства противника с направления его главного удара;

— не допустить окружения своих войск, продолжающих удерживать важные оперативные пункты или узлы обороны;

— прорвать кольцо оперативного или тактического окружения;

— приостановить наступление противника, разгромить главные силы его ударной группировки и подготовить переход к контрнаступлению.

Остановимся кратко на каждом из перечисленных видов контрударов, рассмотрим их практическое применение на примерах Великой Отечественной войны.

Контрудар перед передним краем обороны с целью упреждения противника, изготовившегося к наступлению, и разгрома подготовленных им для удара сил и средств имеет чрезвычайно большое значение.

Контрудары подобного рода не раз встречались в практике минувшей войны. Примером может служить контрудар, осуществленный войсками 62-й армии под Сталинградом 27 сентября 1942 года. Ввиду того что упорная оборона наших войск в центральной части Сталинграда лишила противника всякой надежды прорваться к Волге на этом участке, немецкое командование с 23 сентября начало сосредоточение трех пехотных и одной танковой дивизий южнее Городище и Мамаева кургана, чтобы глубоким ударом охватить район заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» и выйти к берегу Волги.

Чтобы сорвать наметившееся наступление противника, было решено 27 сентября нанести контрудар по его подготовленной для удара группировке. Для контрудара были использованы две танковые бригады и две стрелковые дивизии. В 6 часов наши войска перешли в атаку. На отдельных участках сразу же обозначился успех, развить который, однако, не удалось. Противник в свою очередь начал сильные контратаки и поддержал их ударами бомбардировочной авиации. Но от нашего контрудара противник понес значительные потери, что ослабило его последующий удар. Три пехотные дивизии, потрепанные нашим контрударом, хотя и были поддержаны 150 танками, поставленной задачи (овладеть поселками Баррикады, Красный Октябрь и выйти к Волге) выполнить не смогли.

Таких примеров из опыта Великой Отечественной войны много.

Улучшить или восстановить в ходе сражения утраченное оперативное положение обороны — также одна из важнейших и наиболее распространенных функций контрудара. Контрудар, как известно, чаще всего и предпринимался с целью разгрома прорвавшейся или вклинившейся в оборону группировки противника и для восстановления положения обороны, существовавшего до начала наступ-

ления. Опыт войны дал многочисленные примеры контрударов, проводившихся с такой целью.

К ним можно отнести, например, ряд контрударов, проведенных в первый период Великой Отечественной войны, когда советские войска вели тяжелые оборонительные сражения и отступали.

Во второй половине августа 1941 года на Брянском фронте, которым пришлось мне командовать, сложилась крайне тяжелая обстановка. Фронт, только что созданный приказом Ставки Верховного Главнокомандования, находился еще в стадии формирования, которое протекало в условиях чрезвычайно быстро развивавшихся событий. Брянский фронт выполнял ответственную задачу — прикрывал московский стратегический район с юго-запада.

Немецко-фашистское командование намеревалось ударом танковой армии Гудериана с ходу разорвать наш фронт обороны и ввести в прорыв крупные мотомеханизированные силы. Однако выполнить эту задачу ему помешало то обстоятельство, что Брянский фронт нанес западнее Трубчевска мощный контрудар, поддержанный нашей авиацией. Ее мощные удары, наносившие огромный урон наступающим войскам противника, тормозили их продвижение.

С утра 26 августа, после сосредоточения нескольких соединений танковой армии Гудериана, противник начал новое наступление на участке 3-й и 13-й армий Брянского фронта. Разгорелись крайне ожесточенные, напряженные бои; в результате их к 28 августа противнику удалось прорвать наш фронт и занять Семцы и Погар; он угрожал Трубчевску. Положение создалось очень тяжелое. Было решено немедленно нанести сильный контрудар по войскам армии Гудериана в направлении Погар, Стародуб с тем, чтобы остановить дальнейшее продвижение противника и восстановить положение. Нанесение контрудара было намечено на 31 августа.

В этот день в районе 20 километров западнее Трубчевска завязалось ожесточенное танковое сражение, в котором с обеих сторон приняло участие несколько сот танков. Противник был не только остановлен, но и отброшен в исходное положение. Наши войска не только восстановили оперативное положение обороны, но и на некоторых направлениях продвинулись вперед на 10—12 километров. Этим сражением советские войска выиг-

рали время, необходимое для строительства оборонительных рубежей вокруг Москвы и для подтягивания резервов. Контрудар советских войск разрушил планы противника на этом участке: гитлеровцы не сумели овладеть Трубчевском.

Такого же рода контрудары были осуществлены в августе 1942 года войсками Сталинградского и Юго-Восточного фронтов на подступах к Сталинграду. Хотя эти контрудары, проводившиеся в сложной оперативной обстановке, создавшейся тогда на сталинградском направлении, не привели к полному выполнению задачи по восстановлению положения, существовавшего до прорыва немцами нашей обороны севернее Сталинграда, тем не менее в результате их осуществления противнику был нанесен серьезный урон в живой силе и технике, его силы севернее Сталинграда были скованы, что лишило гитлеровцев возможности использовать их для удара непосредственно по Сталинграду и облегчило положение наших войск, оборонявших подступы к городу.

Опыт Великой Отечественной войны богат примерами организации контрударов, которые преследовали цель сковать силы противника на вспомогательных направлениях или отвлечь силы и средства противника с главного направления. Такие контрудары чаще всего приходилось организовывать в довольно сложной и напряженной обстановке, когда сильные группировки противника обрушивали мощные удары на избранных главных направлениях. В этих условиях обороняющейся стороне порой трудно бывает ослабить натиск противника огнем или контрударом на участке главного направления его действий. В этих случаях часто оказывалось выгоднее наносить контрудар или правее или левее этого участка, в стороне от района развернувшихся напряженных боев, чтобы таким путем дезориентировать противника относительно своих намерений, создать угрозу его флангам и тылу на других участках и тем самым отвлечь часть его сил и средств с главного направления; это облегчит положение обороняющихся войск.

Примером таких действий может служить контрудар 51-й армии на Садовое (сентябрь 1942 года). Прорвав фронт противника, наши войска глубоко вклинились в его боевые порядки и, выйдя за линию фронта, совершили глубокий рейд на Садовое; в ходе боев наши части раз-

громили несколько полков вражеских войск и захватили трофеи. Успех контрудара на Садовое имел очень важные последствия для войск, оборонявших Сталинград. Противник вынужден был снять с главного направления 14-ю танковую дивизию и оттянуть ее на южный участок, чтобы ликвидировать угрозу своему флангу и тылам, которая возникла для него в результате этого контрудара. Переброска противником на юг танковых дивизий облегчила положение защитников города непосредственно под Сталинградом.

Другим примером может служить дерзкий десант наших войск, произведенный севернее Сталинграда в период боев за сталинградские заводы.

Одной из важнейших функций контрудара является разрыв кольца вражеского окружения. Ярким примером выполнения таковой функции могут служить контрудары, осуществленные войсками Брянского фронта в кольце оперативного окружения в 1941 году.

В первой половине октября 1941 года немецко-фашистским войскам удалось прорваться на флангах Брянского фронта и выйти подвижными частями в район Орла. Противник оказался глубоко в тылу войск Брянского фронта, которые все еще прочно удерживали основные рубежи обороны. В подобных условиях было принято решение нанести противнику, глубоко вклинившемуся в нашу оборону, контрудар с целью уничтожить его силы на флангах, образовавших кольцо оперативного окружения, а затем выйти на новые рубежи, на которых и продолжать борьбу. Трудность контрудара заключалась в необходимости вести борьбу с перевернутым фронтом.

В тяжелых условиях оперативной обстановки, когда противник наносил сильные удары с фронта, флангов и тыла, войска Брянского фронта сумели сохранить организованность и настойчивость в выполнении задачи; армии фронта, осуществлявшие контрудары с перевернутым фронтом, разорвали кольцо оперативного окружения, связали противника и вынудили его втянуться в затяжную борьбу на огромном пространстве; сломив сопротивление противника, войска фронта нанесли ему тяжелые потери и вышли на новые рубежи; противник был лишен возможности сосредоточить свои силы и бросить их на Москву, как это планировалось немецко-фашистским командованием.

В ходе Великой Отечественной войны особо важное значение приобрели контрудары, перераставшие в контрнаступление.

Контрудары с такой функцией преследуют не ограниченную цель — только восстановить утраченное положение, а более широкую. Они решают задачи, которые затем сливаются с крупными оперативными целями начинающегося контрнаступления, а именно: разгром вражеских сил, действующих на главном направлении удара противника, и создание предпосылок для переноса боевых действий на территорию, занимавшуюся до этого противником.

Исследуя операции Великой Отечественной войны, можно установить, что различная оперативная обстановка, в которой осуществлялись контрудары, диктовала не только их задачи, но и формы нанесения этих контрударов. В зависимости от задач, сил и средств, привлекаемых для их выполнения, наличия времени на подготовку и оперативного положения войск избиралась одна из следующих форм:

— контрудар по одному из флангов вклинившейся группировки противника;

— контрудар по обоим флангам вклинившейся группировки по сходящимся направлениям;

— фронтальный контрудар по острию клина наступающей группировки.

Контрудар по одному из флангов вклинившейся группировки противника приводил к быстрым и действенным результатам: изолировал вклинившегося противника от его резервов и тылов, заставлял его бросать большие силы на отражение контрудара, чем сокращал темп наступления противника; иногда же угроза окружения заставляла ударную группировку противника оставлять захваченные выгодные рубежи и отходить назад.

Контрудар по обоим флангам вклинившейся группировки противника являлся еще более эффективной формой; при умелой организации и проведении он обыкновенно приводил к окружению и полному уничтожению прорвавшейся группировки. Но для организации такого контрудара требуется больше времени и сил. Он под силу фронту или двум фронтам (как межфронтовой).

Фронтальный контрудар по острию вклинившейся группировки противника является менее эффективной формой, которая обычно не дает решительного результата и приводит к простому выталкиванию противника. В ходе Великой Отечественной войны такой контрудар применялся. Примером могут служить: контрудар под Сталинградом в районе Абганерово 7—10 августа 1942 года; контрудар войск Брянского фронта в августе — сентябре 1941 года западнее Трубчевска. Эта форма контрудара применялась в тех случаях, когда на производство маневра не хватало времени, а обстановка требовала немедленного контрудара, так как в противном случае создавалась реальная угроза прорыва противника в оперативную глубину обороны и захвата важного пункта. Войска, наносившие такой контрудар, хотя и не имели особо большого продвижения, но зато предотвращали опасность развития удара противника в глубину нашей обороны.

Очень часто применялись комбинированные формы контрудара, т. е. он наносился одновременно или по одному или по обоим флангам вклинившейся группировки противника и по острию ее «клина». Такая форма нанесения контрудара была наиболее решительной, так как она не только ставила под угрозу фланги и тыл группировки противника, но и в то же время не позволяла ему оттягивать свои силы с главного направления для прикрытия флангов. Такой контрудар также требует много сил и, безусловно, может быть лишь фронтовым или межфронтовым. Примером может служить контрудар войск Сталинградского фронта в районе Котельниково по группировке Гота — Манштейна в декабре 1942 года.

Таким образом, оборонительное сражение под Сталинградом в 1942 году дало прекрасные образцы организации активной и устойчивой обороны, примеры контрударов в широком масштабе. Все это в сочетании с накапливаемыми оперативными и стратегическими резервами подготовило в конечном счете условия для перехода в мощное контрнаступление с решительными целями разгрома врага на одном из важнейших участков советско-германского фронта.

Использование обширного опыта Сталинградского оборонительного сражения с учетом всего того нового, что появилось в военном деле после второй мировой

войны, и прежде всего с учетом появившихся новых средств борьбы, будет иметь большое значение для глубокого изучения вопросов организации обороны в условиях современной войны.

* *
*

В заключение остановимся на вопросах подготовки и организации контрудара.

Организация контрудара — сложный процесс, требующий серьезной подготовки и проведения многих оперативных мероприятий, обеспечивающих успех дела.

Организация и проведение контрударов, как показывает многообразный опыт Великой Отечественной войны, обычно проходят в напряженной и сложной оперативной обстановке, часто в крайне ограниченное время и в условиях активного воздействия воздушных сил противника. Вот почему решение на контрудар и его подготовка должны быть проведены в короткие сроки и на основе всесторонней оценки обстановки.

Реальная оценка обстановки имеет важнейшее значение для принятия решения на контрудар. Требуется совершенно ясно и правильно понять весь ход боевых действий, которые в маневренной обстановке чрезвычайно быстро меняются. Нужно уметь предвидеть ход событий. Правильное и обоснованное решение возможно только при условии правильного уяснения задачи, поставленной старшим начальником, и верной оценки оперативной обстановки.

В боевой практике условия обстановки не бывают одинаковыми. Каждому случаю свойственны свои особенности, характерные черты, которые требуют различных решений. Вполне естественно поэтому, что нельзя заранее выработать готовые рецепты решений на все беспредельные по разнообразию условия боевой обстановки, в которой приходится организовывать и проводить контрудар. Поэтому ни в какой мере недопустим шаблон в организации контрудара.

При организации контрудара важно учитывать все сложные условия и элементы обстановки, без конкретного анализа которых нельзя принять и правильно осуществить любое оперативное или тактическое решение.

Решение на контрудар составляет основу всей его организации, и каждый из элементов решения имеет весьма важное и существенное значение. Решение включает замысел контрудара, распределение сил и средств, построение боевого порядка и определение боевых задач подчиненным войскам. Решение на контрудар характеризуется также и некоторыми другими элементами, о которых мы скажем ниже.

Замысел контрудара, т. е. основная идея решения, заключается в выборе направления для приложения главных усилий и в определении последовательности действий для наилучшего выполнения задач, поставленных перед контрударом, в выборе (или вернее — назначении) сроков начала контрудара. Общеизвестно, что в любых условиях для наступательных действий необходимо обеспечение решительного превосходства в силах и средствах над противником на главном направлении. Тем более это важно при организации контрудара. Быть всюду одинаково сильнее противника в современных условиях невозможно, да это и не требуется. Успех достигается путем последовательного разгрома противника по частям. При этом важно нанести начальный удар по той части сил и средств противника, уничтожение или поражение которой будет иметь главное и решающее значение для исхода боя или операции. Поэтому, как правило (которое, однако, не бывает без исключений и от которого в ряде случаев можно и нужно отступать), контрудар наносится по ударной группировке противника, осуществляющей прорыв обороны или нацеленной для проведения такого прорыва.

Основу всякого решения составляет выбор направления главного удара. При организации контрудара выбор направления имеет особо важное значение. Наиболее выгодным следует считать удар во фланг или во фланги наступающей группировки. Это обычно приводит к расстройству боевых порядков противника, к их дезорганизации, легче позволяет раздробить его группировку по частям и нанести ей значительные потери. Вместе с тем это отвлечет основные усилия противника с главного направления, заставит его вести борьбу не на том направлении, которое он избрал для развития своего удара, а на тех направлениях, которые ему навязаны обороняющейся стороной.

Однако опыт войны особенно наглядно убеждает, что удар во фланг не может быть превращен в шаблон, от которого нельзя отступать. Наоборот, удар во фланг — это лишь одно из выгодных направлений, часто дающих максимум результатов. В то же время опыт войны дал ряд примеров, когда контрудары наносились не против главной ударной группировки противника, а на второстепенных направлениях, часто там, где противник не искал успеха и где он обеспечивал боевые действия своей главной группировки. Однако эти контрудары, отличавшиеся от контрударов на главных направлениях, тем не менее, приводили часто к тем же результатам, но с меньшими затратами сил и средств и в ряде случаев с бо́льшим эффектом. Часто бывает недостаточно сил и средств, чтобы организовать контрудар на главном направлении, или этому мешает отсутствие надлежащей обстановки и условий, тогда как контрудар на второстепенном направлении отвлекает силы и средства противника с главного направления, ставит под угрозу его фланги и тыл, неизбежно приводит к ослаблению ударной группировки противника. При условии упорной обороны и достаточной стойкости войск на главном направлении такие контрудары дают большой эффект.

Выбор направления для проведения контрудара определяется, помимо этого, и многими другими факторами, например характером местности. Трудно проводить контрудар, если местность не позволяет скрытно сосредоточить войска и вывести их на исходные рубежи, если местность не позволяет применить механизированные войска и т. д. Вопросы снабжения, материально-технического обеспечения контрудара также могут влиять на выбор направления контрудара, хотя бы в том отношении, что нельзя организовать контрудар на направлении, на котором невозможно обеспечить подвоз боеприпасов и продовольствия для войск и т. д. Но при всем этом наибольшую выгоду дает контрудар там, где противник его не ожидает.

Короче говоря, условия обстановки, все ее сложные элементы имеют весьма существенное значение и влияют на выбор направления контрудара. Но при этом нужно помнить, что благоприятную обстановку необходимо создавать, а не подчиняться всецело складывающимся условиям.

Важно отметить еще одну особенность в выборе направления контрудара. В современных сложных условиях боевой деятельности войск, когда оборонительные и наступательные операции приобретают значительный размах и проводятся на огромной территории, часто имеет значение выбор не одного направления, а ряда направлений для организации контрудара или серии контрударов. Пример организации серии контрударов мы имели под Сталинградом в конце августа и начале сентября 1942 года. Каждый из этих ударов имел свою функцию, свое назначение, предпринимался с различным составом сил и средств. Все это вместе взятое определяло и выбор направления контрударов при их проведении.

Для организации контрудара имеет огромное значение подготовка сил и средств. Для контрудара должны быть привлечены все силы и средства, которые могут быть использованы для этой цели. Это главным образом силы вторых эшелонов и резервов, части и соединения с участков фронта, которые не атакованы противником.

Группировки войск, предназначенные для проведения контрудара, должны быть обеспечены в артиллерийском и танковом отношении, а также надежно прикрыты с воздуха и поддержаны силами авиации. Артиллерийская плотность при организации контрудара и плотность танков могут быть различными. Это определяется обстановкой, особенно размахом операции, теми задачами, которые поставлены перед контрударом. Одно дело, когда необходимо ликвидировать наступление прорвавшегося корпуса противника, другое — когда контрудар нацелен по армии противника, и третье — когда контрудар организуется на второстепенном участке фронта с целью дезориентировать противника и отвлечь его силы. В каждом из таких случаев учитываются обстановка, особенно силы противника, состав своих войск, задачи контрудара, оперативные цели, которые он преследует. Это главным образом и будет определять оперативную и тактическую плотность войск. В условиях проведения контрудара против сильной вражеской группировки, прорвавшей оборону основной оборонительной полосы и развивающей успех, необходима будет большая артиллерийская и танковая плотность, или эта плотность должна заменяться другими средствами поражения. Причем и здесь силы противника, характер местности и многие другие факторы неизбежно

будут вносить серьезные и существенные поправки и уточнения. Например, если необходимо будет провести контрудар в условиях горной местности или в труднопроходимой лесисто-болотистой местности, то в этих случаях, конечно, трудно будет организовать массированное применение артиллерии и танков.

Силы и средства для проведения контрудара должны готовиться заранее, в процессе организации самой обороны, их состав и месторасположение должны уточняться в ходе оборонительного сражения и окончательно определяться при непосредственной организации контрудара и его подготовки.

Для обеспечения успеха контрудара, применения сил и средств, подготовленных для его проведения, очень важное значение имеет завоевание господства в воздухе, в крайнем случае хотя бы местного. Без подавления авиации противника, которая является сильным средством противодействия контратакующим частям, немыслимо обеспечение успеха контрудара, тем более в условиях открытой местности, значительно облегчающей действия авиации. Так, например, контрудары войск, проводившиеся северо-западнее Сталинграда, когда немцы прорвались к Волге, не дали должных результатов также и потому, что у противника было громадное превосходство в воздухе. В то же время контрудар советских войск, проводившийся несколько позднее, против котельниковской группировки врага дал эффективные результаты. Одной из причин успеха этого контрудара следует считать наше превосходство в воздухе. Поэтому завоевание хотя бы местного господства в воздухе при подготовке и проведении контрудара является обязательным условием. Необходимые для этого военно-воздушные силы будут различными в разных условиях оперативной обстановки и должны определяться прежде всего составом сил и средств авиации противника, характером ее деятельности.

Обеспечение контрудара предполагает обязательное прикрытие и обеспечение флангов группировки, наносящей контрудар. Прикрытие флангов, выделение для этого специальных сил и средств имеет большое значение для успеха, так как в этом случае попытки противника воздействовать на фланги группировки, наносящей контрудар, не будут отвлекать ее силы и средства от основной цели, с основного направления. Кроме того, контрудар

должен опираться на упорную и стойкую оборону на флангах прорыва противника.

Инженерное обеспечение и инженерное закрепление успеха, достигнутого при контрударе, является обязательным во всех случаях и для всех частей и соединений. Всякий контрудар на заранее намеченных рубежах или на рубежах, которых достигли войска, наносящие контрудар, должен сопровождаться закреплением успехов, организацией системы огня, в особенности противотанкового, инженерным закреплением местности, захваченной у противника. К этому нужно заранее готовиться, выделяя в процессе организации контрудара специальные силы и средства, саперные и инженерные части, которые получают определенную задачу, обеспечиваются инженерным имуществом и инженерными средствами борьбы, противопехотными и противотанковыми минами и другими средствами заграждения. Не менее важное значение для успеха контрудара имеет и умелая маскировка, которая должна обеспечить скрытность подготовки контрудара и тем самым его оперативную внезапность. Без этого успех контрудара может быть в значительной мере снижен, а иногда и вовсе сорван вследствие того, что противнику удастся своими действиями упредить контрудар.

Исходный рубеж перед началом контрудара целесообразнее занимать в ночное время под прикрытием частей, ведущих бой. Сосредоточение сил для контрудара проводится в жесткие сроки и скрытно, с тем чтобы достигнуть внезапности удара. Район сосредоточения и рубежи развертывания выбираются с таким расчетом, чтобы противник не мог помешать выполнению войсками их боевых задач.

При проведении контрудара, а часто и в ходе его подготовки возможно воздействие воздушнодесантных сил противника. Это также должно быть предусмотрено при подготовке контрудара, что требует организации соответствующей системы связи и оповещения, выделения сил и средств, которые можно было бы использовать в случае атак противника с воздуха.

Организация взаимодействия войск, участвующих в нанесении контрудара, является основным условием его успеха. В основе организации взаимодействия лежит ре-

шение командира, которое определяет группировку взаимодействующих сил и средств и задачи их совместного применения в проводимом контрударе. Штаб армии или штаб фронта тщательно отрабатывают вопросы взаимодействия с начальниками родов войск и служб. Это — один из важнейших и основных вопросов подготовки контрудара.

При организации контрудара взаимодействие организуется между родами войск, общевойсковыми соединениями боевого порядка, боевыми эшелонами и резервами, а также между группировкой, наносящей контрудар, и силами и средствами, обеспечивающими ее действия, в том числе и ведущими оборонительные бои на рубежах обороны. Особого внимания требует к себе взаимодействие родов войск, позволяющее умело использовать все боевые свойства и возможности каждого из них и наиболее эффективно применять их для достижения цели контрудара. Взаимодействие организуется с учетом последовательности выполнения поставленных задач по месту и времени действий войск, составляющих ударную группировку.

Наибольший эффект контрудар дает в такой обстановке, когда главная группировка противника обескровлена, когда она израсходовала ближайшие резервы, а оперативные резервы или не успеют подойти, или же будут дезорганизованы ударами авиации и артиллерии обороняющегося.

Ограниченность времени и сложность боевой обстановки, в которой приходится организовывать контрудар, требуют умелого и своевременного определения кризисного момента в наступлении противника. По возможности необходимо подготовить выгодный рубеж, опираясь на который можно было бы развернуть войска, предназначенные для контрудара. Для той же цели необходимо заранее знать, какие силы можно использовать для нанесения контрудара, порядок их сосредоточения и развертывания на избранных рубежах. Также необходимо заранее определить, где нанести контрудар, чтобы упредить противника и сделать контрудар для него неожиданным. Поэтому условия, способствующие успешному проведению контрудара, необходимо учесть заблаговременно, обычно еще при организации самой обороны и при расположении резервов в глубине.

В ходе оборонительной операции также необходимо стремиться к тому, чтобы создать выгодные условия для осуществления контрудара. Для этого важно прежде всего еще во время боя за основную полосу обороны измотать противника и нанести ему большие потери в живой силе и технике. Упорство и стойкость обороняющихся войск должны вынудить противника израсходовать свои главные силы и ввести в бой оперативные резервы, причем оборона должна стремиться задержать подход этих резервов к полю сражения ударами своей авиации. Удержание рубежа обороны является важным условием, обеспечивающим успешное сосредоточение и развертывание своих войск, предназначенных для контрудара. Упорным сопротивлением обороняющиеся войска должны заставить противника отказаться от дальнейшего наступления. В обеспечении успешного выполнения всех этих задач большая роль принадлежит таким средствам борьбы, как артиллерия и авиация.

Если для успеха контрудара имеет огромное значение выбор направления и места, откуда наносится контрудар, то не менее важное значение имеет и выбор времени, момента его осуществления. Своевременно и хорошо организованный контрудар является тем средством, с помощью которого командующий оперативным объединением в кризисный момент сражения может повернуть ход событий в свою пользу. На примерах разгрома немецких ударных групп севернее и южнее Москвы в декабре 1941 года, организации контрударов в районе Курска видно, как удачно были определены нашим командованием кризисные моменты в наступлении противника. Во всех этих случаях был выбран момент, когда противник, будучи обескровленным и обессиленным, уже израсходовал свои ближайшие резервы, когда он не мог подвести новых резервов, вынужден был, по сути дела, прекратить наступление и перейти к обороне. Контрудары в такой момент дали наиболее эффективные результаты.

Мощь артиллерийских и авиационных сил в условиях минувшей войны была настолько значительна, что в отдельных случаях одни их огневые удары, проведенные с хорошей подготовкой, давали сильный эффект и значительно ослабляли созданную противником ударную группировку, изготовившуюся для наступления. Для такого

воздействия на противника привлекались силы и средства из глубины оперативного построения, из резервов, в то время как войска первого эшелона продолжали занимать свои оборонительные рубежи.

В других случаях, что в боевой практике встречалось обычно чаще, может оказаться выгодным организовать контрудар уже в тот момент, когда противнику только что удалось вклиниться в расположение обороны. Такой контрудар выгодно наносить тогда, когда противник в борьбе за передний край и в процессе борьбы за прорыв обороны, вернее в ходе вклинения в нее, понес большие потери, когда он вынужден был поэтому израсходовать ближайшие резервы, а резервы из глубины отстали. В этих условиях обороняющаяся сторона, имея достаточно сил и средств для организации немедленного контрудара, может добиться серьезного успеха. Такой контрудар может в кратчайший срок с наименьшими потерями привести к восстановлению положения обороны. Но во многих случаях контрудар приходится наносить тогда, когда противник значительно вклинился в оперативное построение обороны, а также в тех случаях, когда противник своим дальнейшим продвижением создает угрозу неминуемого захвата важных в оперативном отношении опорных пунктов или объектов.

Выбор момента нанесения контрудара во многих случаях имеет не только важное, но и решающее значение. Контрудар, предпринятый с опозданием, когда оборона уже прорвана противником, не может обещать успеха. В этом случае фланги войск, наносящих контрудар, будут открыты и удар, как правило, не окажет решающего влияния на исход борьбы. В таком случае противник получит возможность бить обороняющиеся силы по частям: сначала войска, продолжающие вести оборонительные действия, а затем войска, подготовленные для контрудара.

Если же контрудар предпринимается тогда, когда противник еще недостаточно обескровлен и измотан, когда он еще не израсходовал свои резервы в процессе боя за оборонительную полосу, то он также может оказаться безуспешным, так как предпринят преждевременно. В этих случаях выгодно на направлениях ударов противника увеличивать силу сопротивления, укреплять стойкость и упорство войск, чтобы измотать, обескровить и обессилить

противника и тем самым создать условия для успешной подготовки и организации контрудара.

Опыт войны показывает, что правильное определение момента для нанесения контрудара имеет решающее значение для его успеха и в то же время свидетельствует о том, сколь многообразны и сложны условия, определяющие выбор момента для начала контрудара.

Успех контрудара в значительной мере обеспечивается правильным планированием боевых действий. Обычно контрудар планируется еще при организации обороны. При планировании и построении обороны и контрудара необходимо учитывать следующие моменты:

— выбор участка для контрудара и исходного положения;

— выбор направления главного удара;

— создание необходимой группировки войск;

— распределение сил для осуществления окружения и уничтожения противника, если имеются в виду концентрические удары, и для образования внешнего фронта на первый период, когда противник будет пытаться освободить окруженные войска; этот вопрос имеет особо важное значение в том случае, когда контрудар планируется как маневр на окружение, что, однако, не всегда сопутствует контрудару и не всегда обязательно для него, но стремиться к этому важно и нужно;

— определение времени и момента нанесения контрудара.

Искусство планирования контрудара состоит в умении предвидеть его вероятное развитие в связи с осуществлением замысла операции и предусмотреть максимум мероприятий, которые должны обеспечить достижение намеченной цели и выполнение боевой задачи. В основе такого предвидения должен лежать точный расчет сил и средств, места и времени, определяемый данными разведки, знанием организации, вооружения и тактики противника, всей оперативной обстановки. Это предвидение должно быть свободно от предвзятых представлений и шаблонов, поэтому намечаемые планом варианты должны допускать известную гибкость в проведении намечаемого маневра, как и всех других планируемых способов действия.

Боевые действия соединений при подготовляемом контрударе планируются по цели, месту, времени и этапам боя. Умелое планирование позволит наиболее эффек-

Р. Я. Малиновский

П. А. Ротмистров

П. Г. Чанчибадзе

И. И. Миссан

И. С. Варенников

М. И. Денисенко

И. Д. Подгорный

Я. Ф. Еременко

тивно организовать контрудар и получить наилучшие результаты. Во всех случаях для успеха контрудара необходимо достижение внезапности удара, быстрота и решительность действий войск.

Создающиеся в современной операции острота и сложность оперативной обстановки требуют, чтобы организация и планирование контрудара осуществлялись в крайне сжатые сроки, чтобы «не съедалось» время, необходимое войскам для организации и проведения контрудара. Опыт минувшей войны требует от штабов всех степеней расходовать на планирование не более одной четверти времени, которым располагают войска на подготовку контрудара.

Рекогносцировки, которые во всех случаях имеют чрезвычайно большое значение для успеха предстоящего боя, при подготовке контрудара должны проводиться несколько своеобразно. Командующий войсками фронта или армии, организуя контрудар, должен в интересах экономии времени сам выезжать в войска и посылать своих заместителей, а не вызывать к себе командиров и организовывать взаимодействие на месте предстоящих действий.

Опыт войны позволяет сделать следующие основные выводы по организации и проведению контрудара.

Решение и подготовка контрудара должны быть построены на основе всесторонней оценки обстановки; ни в какой мере не допустим шаблон, который устанавливал бы раз и навсегда заведенный порядок организации и проведения контрудара безотносительно к любой обстановке.

Для успеха контрудара особое значение имеют правильная группировка сил и средств, построение боевого порядка, артиллерийское, танковое и авиационное обеспечение, обеспечение флангов группировки, наносящей контрудар, маскировка ее сосредоточения, что способствует достижению оперативной внезапности контрудара.

Основу решения составляет выбор направления контрудара, времени и момента его осуществления и организация взаимодействия всех элементов боевого порядка группировки, подготовленной для контрудара.

Внезапность, быстрота и решительность действий войск при проведении контрудара приобретают важнейшее и решающее значение для его успеха.

Эти наши выводы о контрударах, сделанные исключительно на опыте Великой Отечественной войны, конечно,

не являются рекомендациями на случай войны в будущем. Однако учет опыта прошлых войн всегда оказывал в какой-то мере влияние на развитие военной теории.

Появление сильнейшего, атомно-водородного оружия резко меняет характер операции, а значит, меняются формы маневра — методы проведения операций, меняется тактика, оперативное и военное искусство. Короче говоря, будущая война (если она возникнет) не будет похожа на Великую Отечественную войну.

☆

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

ГЛАВА XIII

ЗРЕЕТ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Идея контрнаступления под Сталинградом, впервые возникшая у меня еще в Москве (1—2 августа 1942 года), во время оборонительных боев за город зрела и укреплялась, постепенно воплощаясь в конкретный план, в практическую подготовку к контрнаступлению. Эта подготовка началась в самый тяжелый период Сталинградской обороны, в августе — сентябре, когда мы с Н. С. Хрущевым возглавляли два фронта.

Нашим первым мероприятием было, естественно, выбрать выгодные направления для ударов, подготовить соответствующие исходные районы для контрнаступления. При этом надо было действовать так, чтобы противник не понял наших замыслов. Для этой цели на самом дальнем, правом крыле Сталинградского фронта 21-я и 63-я армии в конце августа успешно провели операцию по захвату и расширению плацдарма на правом берегу реки Дон, в районе Рубежанский, Котовский, Беляевский, а также в районе Распопинская, Клетская; эти действия имели целью и оказание помощи сталинградцам. 1-я гвардейская армия расширила плацдарм в малой излучине Дона, в районе Ново-Григорьевская, выйдя здесь на рубеж Мело-Меловский, М. Ярки, Шохин, Сиротинская.

В период с 25 сентября по 4 октября на юге также были проведены две важные операции.

Первая операция имела целью захватить межозерные дефиле, находившиеся в руках противника, чтобы тем самым создать выгодные условия для предстоящего наступления. Контрудар осуществляли 57-я и 51-я армии, хорошо выполнившие свои задачи. После проведе-

ния операции левый фланг 57-й армии выдвинулся на рубеж Цаца, Семкин, обеспечив за собой выход из дефиле между озерами Сарпа (север.), Цаца, Барманцак.

Вторая операция, содержанием которой был удар на Садовое, проводилась 51-й армией; о результатах ее говорилось выше.

Операции на юге дали нам прекрасный разведывательный материал: они показали большую чувствительность румын к нашим ударам, их слабую устойчивость. 57-я армия в ходе операции разгромила 4-ю пехотную румынскую дивизию, потерявшую несколько тысяч человек и всю артиллерию. Большие потери понесла также 1-я пехотная румынская дивизия.

Таким образом, северо-западнее и южнее Сталинграда наши войска захватили и подготовили плацдармы, которые впоследствии и составили хорошие исходные районы для контрнаступления. Естественно, что суть и цели этих мероприятий держались в строжайшем секрете и были известны лишь нам с Никитой Сергеевичем.

Как-то в сентябре 1942 года, в конце одного из наших переговоров по ВЧ с И. В. Сталиным, я вернулся к вопросу, поднятому мной в Москве при моем назначении, к вопросу о подготовке контрнаступления. Переговоры, хотя и по ВЧ, велись, конечно, с соответствующими предосторожностями.

— Товарищ Сталин, — обратился я к Верховному Главнокомандующему, — не пора ли начать подготовку для «переселения», и на севере и на юге условия для этого созревают.

— Хорошо, товарищ Еременко, — ответил И. В. Сталин,— подумаем над вопросом подготовки «переселения».

Из переговоров стало ясно, что и в Ставке также вынашивался план контрнаступления.

Новостью о состоявшихся переговорах с Верховным Главнокомандующим я сразу же поделился с Никитой Сергеевичем.

Вообще в ходе Сталинградской обороны, организуя различные контрмероприятия, контрудары, контратаки, проводившиеся войсками обоих фронтов, как непосредственно оборонявшими Сталинград, так и действовавшими на флангах вражеской группировки, мы с Никитой Сергеевичем не раз обсуждали вопросы, связанные с

предстоящими наступательными боями. И так как вопрос о контрнаступлении для нас уже стал самым насущным и волнующим, то сейчас же завязывалась оживленная беседа. Мы пришли к единому выводу о том, что гитлеровские войска под Сталинградом находятся накануне серьезного кризиса.

Враг понес здесь жестокие, невосполнимые потери; все его потуги сколотить резервы безуспешны. Все планы захвата города и назначенные для этого сроки провалились. Продолжавшиеся бешеные наскоки наземных частей и бомбежки с воздуха являлись, несомненно, судорожными усилиями смертельно раненного чудовища.

Близилось время, когда предстояло, не прекращая сопротивления в городе, нанести удар врагу в самых уязвимых для него местах — на северном и южном флангах его сталинградской группировки.

По данным разведки, а также и из непосредственного опыта боевых действий, нам хорошо были известны немецкие военачальники, возглавлявшие вражеские войска под Сталинградом. Это прежде всего командующий 6-й армией генерал-полковник Паулюс (звание генерал-фельдмаршала присвоено ему было позднее, за два дня до капитуляции) и его начальник штаба генерал Шмидт, которые, несомненно, были опытными военачальниками; хотя перед ними и была поставлена неразрешимая задача, они проявили немало изворотливости в стремлении выполнить ее. Нельзя также отказать в опытности и напористости командующему 4-й танковой армией генерал-полковнику Готу. Зверством и нацистским фанатизмом зарекомендовал себя командующий 4-м воздушным флотом генерал-полковник фон Рихтгофен.

Знали мы, конечно, и командиров рангом ниже — командиров корпусов и дивизий. Среди них — командир 29-й танковой дивизии Фромери, несмотря на свою молодость, достаточно опытный и решительный командир; командир 297-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Пфеффер, отличавшийся непомерным честолюбием, всегда стремившийся быть на виду у начальства; это был авантюрист, который, не считаясь с потерями, бросал дивизию в бой при любых обстоятельствах; подчиненные отзывались о нем с нескрываемой злобой и презрением. Имелись у нас данные обо всех более или менее крупных военачальниках.

Часто о боеспособности румынских войск в период минувшей войны отзываются неодобрительно. Битые немецкие генералы делают это в форме, оскорбительной для национального достоинства румынского народа. Нельзя не согласиться с тем, что боеспособность румынских соединений уступала боеспособности соответствующих немецких, но надо, конечно, правильно осмыслить причины этого. Во-первых, если большинство немецких солдат было действительно одурачено длительной нацистской пропагандой, то этого нельзя сказать о румынских крестьянах, насильно переодетых в солдатские шинели. Подавляющее большинство румын, не только солдат, но и офицеров, не понимало целей, за которые они вынуждены были проливать кровь, а зачастую и расставаться с жизнью. Кроме этой основной причины, было и много других, серьезно ослаблявших боеспособность румынских войск. Зачастую они были вооружены устаревшим оружием, ощущали нехватку в боеприпасах, плохо снабжались другими видами довольствия, о чем я говорил уже выше.

Хорошо представляя себе слабость флангов сталинградской группировки противника, на которых располагались как раз румынские войска, мы и планировали нанести решающие удары именно против этих флангов.

В наших беседах мы детально обсудили все существенные вопросы: о направлении ударов, районах сосредоточения и исходных районах для наступления, о частях врага, против которых нацеливался удар, его резервах, их дислокации и т. д. Так выкристаллизовывался наш план, родившийся в результате длительного, конкретного и всестороннего изучения оперативной обстановки; он основывался на знании своих войск, на их стремлении отсюда, из-под Сталинграда, начать освобождение родной земли; он учитывал силы и состояние противника, положение материального обеспечения. Придя к совершенно определенным выводам, мы решили сформулировать их письменно и направить в Ставку. В итоге появился документ, в котором были высказаны соображения, как добиться разгрома гитлеровских войск под Сталинградом. Здесь, в частности, указывалось (цитирую по оперативному донесению, направленному в Ставку):

«Решение задачи по уничтожению противника в районе Сталинграда нужно искать в ударе сильными группами с севера в направлении Калач и в ударе с юга, с фронта 57-й и 51-й армий, в направлении Абганерово и далее на северо-запад, т. е. тоже на Калач».

Чем конкретно мотивировалось это предложение?

Во-первых, слабой боеспособностью войск противника на участках намечаемого прорыва, что обеспечивало возможность прорыва на широком фронте; во-вторых, тем, что войска, которые противник мог использовать в качестве резервов, находились вдали от намеченных участков прорыва, особенно это касалось северного фланга (войска противника в основном были сосредоточены вблизи Сталинграда и в самом городе); в-третьих, наличием ранее специально подготовленных выгодных плацдармов на южном берегу Дона и в районе межозерных дефиле.

Нами приводились и другие соображения, обосновывающие этот план.

В постановке вопроса о переходе в контрнаступление мы подчас были назойливы: дважды мы обращались в Ставку, говорили о том же с товарищами Жуковым, Василевским. Нас надо правильно понять. Сталинградское сражение длилось уже почти три месяца. Все тяжелые дни обороны мы жили мыслью о расплате за все то варварство, с каким фашисты глумились над советским городом и его населением, мы всеми силами стремились приблизить час удара по врагу; мысль о предстоящем нашем наступлении не покидала нас ни на час. Однако это не значит, что мы не учитывали складывавшейся на фронтах обстановки.

Из сказанного выше видно, что и Военный совет фронта внес определенную лепту в вопросы планирования разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. По-видимому, были высказаны также соображения и военными советами других фронтов, действовавших на сталинградском направлении. Несомненно, что в целом план разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом явился результатом большой творческой деятельности военных советов фронтов, Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба. После утверждения его Верховным Главнокомандованием он стал законом для нас.

В первых числах октября из Генерального штаба прибыл генерал-полковник Василевский. Военному совету фронта он сообщил, что план наступательной операции принят Ставкой и что операция намечена на десятые числа ноября. Кроме этого, он довел до нашего сведения состав сил и средств, предназначенных фронту для контрнаступления. Мы обменялись мнениями по вопросам предстоящей операции.

Помню, что после обеда, во время которого Александр Михайлович поделился с нами московскими новостями, рассказал, что столица живет Сталинградом и уверенностью в скорой победе, мы с Никитой Сергеевичем еще раз обсудили детали намеченного нами решения. Около 8 часов вечера, поручив начальнику штаба генералу Варенникову[1] заниматься текущими делами, я заперся у себя в землянке, чтобы окончательно отработать это решение и зафиксировать его на бумаге. Несмотря на то, что оно продумывалось нами уже давно и довольно всесторонне, мне пришлось потрудиться около 12 часов. Так как план наступления войск фронта, естественно, должен был сохраняться в строжайшей тайне, я даже для чисто технической работы никого не привлек. Проверив еще раз соотношение сил по этапам боя и по дням наступления, учтя резервы противника и их возможные действия против нас, я снова и снова прикинул направление главного удара, наметил состав ударных группировок 57-й и 51-й армий, определил подвижные группы, отметил по карте основные этапы операции. Мною, естественно, были учтены все данные, сообщенные товарищем Василевским об общем замысле контрнаступления трех фронтов, а также о силах, дополнительно выделяемых Сталинградскому фронту.

Наибольшую сложность представлял анализ всех вопросов оперативного и тактического характера, особенно относительно выбора направлений главных ударов с тем, чтобы войска, действуя на этих направлениях,

---

[1] Генерал-майор И. С. Варенников был назначен начальником штаба Сталинградского фронта вместо генерала Захарова, ставшего заместителем командующего фронтом

И. С. Варенников — штабной работник высокой культуры, широкого кругозора, обладавший большой работоспособностью. Он сочетал основательную и всестороннюю теоретическую подготовку с солидным опытом практической работы.

были поставлены в наивыгоднейшие условия по отношению к противнику. Незаметно прошла ночь. Ровно в 8 часов утра на следующий день работа была окончена. Решение о контрнаступлении войск Сталинградского фронта было нанесено на карту и в виде конспекта записано на бумагу (схема 16).

По окончании этой работы мы снова встретились с Н. С. Хрущевым. Он подробно ознакомился со всеми наметками решения и после обсуждения деталей заключил:

— Решение хорошее. Оно безусловно сулит нам успех. Надо только со всей решительностью провести его теперь в жизнь.

Мы решили собрать руководящий состав фронта, чтобы поставить перед ним задачи по подготовке наступления. Сейчас же ко мне были приглашены: А. М. Василевский, как представитель Ставки, начальник штаба фронта генерал И. С. Варенников, мой заместитель генерал Г. Ф. Захаров, командующий воздушными силами фронта генерал Т. Т. Хрюкин, командующий артиллерией фронта генерал В. Н. Матвеев, командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал Н. А. Новиков.

Несмотря на усталость (от бессонной ночи), я доложил о нашем решении с большим подъемом. Казалось, одна мысль о намечавшемся наступлении придавала силы.

Я особо обратил внимание на необходимость прорыва обороны противника на широком фронте с расчетом, чтобы уже к исходу первого дня наступления образовалась значительная брешь в его обороне на южном фланге, по меньшей мере шириной до 50 километров по фронту; в этом случае противник не смог бы подтянуть резервы для локализации прорыва. «Вырезать» такой большой «кусок» фронта противника возможно было лишь концентрическими ударами механизированных корпусов на двух направлениях с тем, чтобы эти удары на глубине 20—30 километров сливались в один мощный удар, устремляясь на Калач.

После совещания мы простились с товарищем Василевским, который уезжал в Москву и должен был доложить о нашем окончательном решении Ставке. Пытаюсь заснуть, но безуспешно. В мыслях этап за этапом осуще-

ствляется план разгрома врага, возникают новые вопросы, от решения которых зависит успех дела.

После принятия окончательного решения и вплоть до начала контрнаступления все наше внимание было сосредоточено на осуществлении целого ряда неотложных подготовительных мероприятий. Важнейшими из них были перегруппировка войск и обеспечение скрытности всей подготовки к контрнаступлению.

Перегруппировка войск с целью создания ударных группировок проходила в эти дни особенно интенсивно, но в строгом соответствии с планом штаба фронта. Коснусь лишь крупных передвижений по внутренней перегруппировке. Так, из 64-й армии две дивизии, а именно 169-я и 36-я гвардейская стрелковые, передавались в 57-ю армию, а 126-я стрелковая дивизия — в 51-ю армию Из 57-й армии 15-я гвардейская стрелковая дивизия также была передана в 51-ю армию. В состав же 57-й армии были включены три мотострелковые бригады и пять отдельных танковых батальонов; все эти силы прибыли из резерва Верховного Главнокомандования Из них был сформирован 13-й механизированный корпус. В состав 51-й армии были включены 4-й механизированный и 4-й кавалерийский корпуса.

Второй нашей важнейшей заботой были вопросы маскировки, скрытности сосредоточения своих войск, дезориентировки противника. Всему этому пришлось также уделить максимум внимания. Сосредоточение войск производилось только ночью[1]. Днем демонстрировалась полная «безжизненность» районов, где на день останавливались войска. В отдельных же районах с целью запутать врага производилось движение войск и техники, но в направлениях, уводящих от районов сосредоточения.

В конечных районах сосредоточения, а также на дневных стоянках запрещалось всякое передвижение. На период передвижения и сосредоточения войск штаб фронта учредил комендатуры по маршрутам движения войск, в районах сосредоточения, при переправах. Им были предоставлены широкие полномочия по контролю

---

[1] Следует иметь в виду, что местность в районе сосредоточения была лишена естественных масок, которые могли бы в дневное время скрыть движение людских масс и техники.

за соблюдением установленного порядка движения, дисциплины и в особенности маскировки.

Эшелоны с пополнениями, подвозившимися по одноколейным железным дорогам, из-за беспрерывных налетов авиации приходилось разгружать на большом удалении от мест назначения, и войска вынуждены были преодолевать 300—400-километровые расстояния походным порядком. Но сложность транспортировки заключалась не только в этом. На пути было еще одно препятствие — Волга, находившаяся под особо жестким контролем противника. При нехватке переправочных средств даже для обеспечения 62-й и 64-й армий переброска на правый берег больших контингентов войск представляла дополнительные трудности. К тому же осенний спад воды более чем на 3 метра вынудил заново оборудовать все причалы. Начавшийся затем ледоход еще более осложнил переброску войск.

Вся эта непосредственная подготовка к операции протекала в ходе продолжавшихся упорнейших боев с врагом в городе.

Справедливости ради следует сказать, что два других фронта, готовившие контрнаступление, — Донской и Юго-Западный — находились в этом отношении в более благоприятных условиях, так как против них противник не предпринимал крупных боевых действий, а их коммуникации для сосредоточения войск, их материального обеспечения были несравненно более выгодными, чем наши. И все же, несмотря на все наши затруднения, Сталинградский фронт не отставал от других.

В начале подготовки к контрнаступлению командование фронта осуществляло руководство с прежнего командного пункта, так как не могло ослабить внимание к армиям, борющимся в городе. Однако в это время часто приходилось выезжать в войска, сосредоточиваемые в районах, откуда готовилось контрнаступление.

Продолжительное время командармы ничего не знали о контрнаступлении, но, естественно, догадывались о том, что готовится нечто важное. Лишь в начале ноября вызванные на командный пункт командармы 57-й и 51-й генералы Толбухин и Труфанов получили устный приказ о подготовке к контрнаступлению. К 10 ноября они должны были закончить всю подготовку к операции

и отработать на местности с командирами корпусов и дивизий, а также с артиллерийскими и авиационными начальниками вопросы взаимодействия. Что касается постановки задачи на контрнаступление товарищу Шумилову, то это было сделано мной непосредственно на командном пункте 64-й армии несколько позже, но с расчетом, чтобы у него хватило времени на подготовку (в это время еще продолжались действия по осуществлению контрудара в районе Купоросного). Заметим попутно, что о готовящемся контрнаступлении знал ограниченный круг командиров; они обычно ставились в известность о предстоящей операции в такой срок до начала действий, чтобы успеть произвести необходимую подготовку. (Конкретно было отведено 8 дней на планирование и подготовку контрнаступления.)

9 ноября к нам на фронт прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего товарищ Жуков с задачей проверить нашу готовность к контрнаступлению. На 10 ноября было назначено совещание командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. На совещании, состоявшемся в районе командного пункта 57-й армии, в одном из домиков поселка Татьянки, прижавшегося к Волге и скрытого углублением обрывистого берега поймы реки, присутствовали товарищи Хрущев, Жуков, я, мои заместители Захаров, Попов, командующий бронетанковыми войсками фронта Новиков, командующий артиллерией фронта Матвеев, командармы Толбухин, Труфанов, командиры механизированных корпусов Вольский, Танасчишин, командир 4-го кавалерийского корпуса Шапкин, члены военных советов 51-й и 57-й армий Халезов и Мартыненко, начальники родов войск и служб фронта и командиры дивизий, входивших в ударные группы.

На совещании, которое проводилось Военным советом фронта, были заслушаны решения командующих армиями, командиров отдельных корпусов, некоторых командиров дивизий. Мы внесли ряд поправок в решения и утвердили их. Выступивший в заключение товарищ Жуков положительно отозвался о решениях и подготовке Сталинградского фронта, подчеркнув, что доложит в Ставке суть этих решений.

В конце совещания был отработан план взаимодействия фронтов, в особенности Сталинградского и Юго-

Западного, которые наступали навстречу друг другу и должны были соединиться и замкнуть кольцо окружения.

В приподнятом настроении разъехались военачальники по своим войскам. Утром следующего дня товарищ Жуков отправился в Ставку Верховного Главнокомандования.

12 ноября командный пункт был перенесен из Красного Сада в Райгород; здесь, между прочим, с целью маскировки командный пункт был организован как ВПУ; на нем находились оперативная группа, товарищ Хрущев и я.

Все последующие после совещания дни мы продолжали заниматься исключительно подготовкой частей и соединений, предназначенных для участия в наступлении на главном направлении. Лично я проверил тактическую подготовку большинства ударных батальонов, во многих из них провел занятия на местности. При поверке боевой подготовки обращалось внимание также на моральное состояние; в зависимости от обстановки собирал роты, батальоны, беседовал с солдатами; в механизированных корпусах и в 126-й стрелковой дивизии провел совещание со всем командным составом. В других частях подобную же работу с присущей ему энергией провел товарищ Н. С. Хрущев. За два дня до контрнаступления в 64, 57 и 51-й армиях было проведено специальное совещание с командирами дивизий и полков, которые были подробно ознакомлены с предстоящими задачами.

Особое внимание мы уделили подвижным частям и соединениям, игравшим решающую роль в деле окружения противника. Только в результате стремительного и глубокого удара можно было рассчитывать на их выход в назначенный срок в район Калача, где предстояло установить непосредственную тактическую связь с подвижными соединениями Юго-Западного фронта и замкнуть кольцо окружения. Все эти части и соединения были в основном вновь сформированы и прибыли из резерва Ставки, их личный состав не мог еще в полной мере получить «сталинградской» закалки.

Мимоходом хочется заметить о сравнениях сталинградского наступления с битвой под Седаном в 1871 году и так называемым «чудом на Марне» в первую мировую

войну. Подобные сравнения, довольно широко распространенные в иностранной печати военного времени, конечно, не выдерживают критики. Они носят, безусловно, поверхностный характер, так как не исходят из глубины содержания сражений. Конечно, можно найти между этими разнообразными боевыми событиями сходство в деталях, но совершенно ясно, что Сталинград — это качественно новое явление. Еще никогда в истории войн не было использовано одновременно и на сравнительно ограниченном пространстве такое колоссальное количество техники. Ведь к началу контрнаступления под Сталинградом (т. е. к 19 ноября) у обеих сторон было более 1500 танков, 2450 самолетов, свыше 25 000 орудий и минометов.

Напряженная работа командования фронта и армий в период подготовки контрнаступления дала свои результаты: боевые действия войск, начавших контрнаступление, сразу же развернулись успешно.

Крайне важно то, что противник просмотрел нашу подготовку. Ведь здесь имел место не простой военный обман; налицо была не только тактическая внезапность в действиях какого-то отдельного соединения или части, которые можно довольно легко скрыть. Здесь речь шла о стратегической внезапности: к участкам намеченных прорывов обороны противника сосредоточивались значительные силы за счет резервов Ставки и внутренних перегруппировок фронтов; подготовка к наступлению трех фронтов оказалась неразгаданной. Невиданный в истории позор для воюющей армии!

Главный просчет немецкого командования заключался в недооценке сил советского народа, его армии и переоценке своих сил. Немецкое командование всерьез считало, что Советская Армия в 1942 г. была не способна к большим наступательным операциям. Геббельсовская пропаганда даже утверждала, что Советская Армия находится накануне полного краха. Это, безусловно, усыпляло бдительность и командования, и войск противника, хотя в ряде операций, особенно в оборонительном сражении под Сталинградом, немцы должны были убедиться в обратном.

Наши военные кадры оказались более зрелыми, более способными. Наши мероприятия, направленные к дезинформации противника, возымели свое действие: мы за-

ставили его думать о нас так, как нам было в то время выгодно. Сейчас надо прямо признать, что немецкая разведка всех видов, в том числе и разведка наземных войск под Сталинградом, действовала плохо. Командование 6-й и 4-й танковой армий, увлекшись боями за город, потеряло перспективу в отношении фронта в целом. Оно плохо знало наши войска и совершенно не знало наши командные кадры. Характерно, что в книгах немецких генералов и историков, вышедших спустя 10 и более лет после окончания войны, почти совершенно нет упоминаний о советских военачальниках, а если такие упоминания изредка и встречаются, то они тоже свидетельствуют о полной неосведомленности наших противников в данном вопросе.

☆

ГЛАВА XIV

20 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Дни, непосредственно предшествовавшие контрнаступлению, были пасмурными, с большой облачностью и туманами. Это помогло сосредоточению войск в исходных районах.

За три дня до начала контрнаступления командование фронта было поставлено в известность о решении Ставки начать действия Сталинградского фронта на одни сутки позже двух других фронтов. Это было частичным удовлетворением нашей просьбы. Мы, как известно, настаивали на двухсуточной отсрочке.

Дело в том, что такая разновременность в начале контрнаступления могла принести нам более решительные успехи при меньших затратах сил и средств. В результате этого у противника сложилось бы мнение о том, что прорыв на севере и есть единственная, главная опасность; поэтому все резервы, и прежде всего танковые части, были бы брошены туда (поскольку резервы врага были вообще малочисленны и находились непосредственно под Сталинградом); сталинградское направление было бы сильно ослаблено; весьма возможно, что гитлеровское командование сняло бы свои войска и с неатакованных участков. Все эти войска, снятые с подготовленных позиций, начали бы сосредоточение для ликвидации нашего успеха на севере. И в этот момент совершенно неожиданно их настиг бы наш удар с юга. В этом случае имелась полная гарантия весьма глубокого и быстрого проникновения в тылы противника и выхода к Калачу и в район Гумрак при малой затрате времени, людских и материальных ресурсов. Ставка приняла решение,

которым установила разновременность в открытии контрнаступления лишь в одни сутки вместо двух.

В основе нашего предложения лежали не догадки, не предположения, а довольно точные расчеты. Вот они. Совершенно ясно, что лишь к концу первого дня наступления противник в полной мере мог оценить обстановку, сложившуюся в связи с нашим ударом на севере. Ночь ушла бы на составление плана контрмероприятий. Утром началось бы передвижение резервов и других сил, главным образом из района Сталинграда, т. е. примерно на расстояние от 100 до 150 километров. Лишь утром третьего дня, т. е. 21 ноября, эти силы начали бы сближение с наступавшими. И как раз в это время на юге, в непосредственной близости от Сталинграда, был бы нанесен новый, совершенно неожиданный для врага удар, в районе, где не осталось бы совершенно ни резервов, ни других войск, которые без ущерба для других участков фронта могли бы быть направлены для заполнения пробитой нами бреши. 57-я армия и левое крыло 64-й армии получили бы полную свободу действий. Я и сейчас убежден в том, что если бы Сталинградский фронт перешел в наступление на два дня позже, т. е. 21 ноября, то разгром немецких войск под Сталинградом наступил бы намного раньше, примерно не позже конца ноября 1942 года.

Рано утром 19 ноября ко мне зашел Никита Сергеевич, а вскоре собрались также генералы Попов (заместитель командующего), Варенников (начальник штаба), Хрюкин (командующий ВВС), Матвеев (начальник артиллерии), Новиков (начальник АБТУ). Мы наметили, где каждый из нас должен находиться в момент начала контрнаступления. Товарищи Хрущев и Попов направлялись в 51-ю армию, а я с начальниками артиллерии и автобронетанковых войск товарищами Матвеевым и Новиковым — в 57-ю армию. Меня сопровождал также офицер для поручений капитан Ф. В. Орлов[1].

---

[1] Капитан Орлов на протяжении длительного времени в период Сталинградской битвы отлично выполнял нелегкие обязанности офицера для поручений при командующем войсками фронта. Товарищ Орлов, когда это позволяла обстановка, фиксировал мои указания подчиненным. После войны он помог мне восстановить в памяти отдельные детали боевой жизни под Сталинградом, а также принял участие в обработке некоторых материалов, использованных в книге.

Сложность предстоящей операции требовала исключительно мобильного и оперативного руководства войсками. Болезненное же состояние командарма 57-й генерал-лейтенанта товарища Толбухина беспокоило меня, поэтому я и поставил своей задачей помочь ему в управлении войсками.

Вторая цель нашего выезда в эту армию заключалась в оказании помощи командиру 13-го механизированного корпуса полковнику Т. И. Танасчишину. Это очень храбрый военачальник. Его корпус только что заканчивал формирование, и ряд вопросов требовал доработки и вмешательства со стороны командования фронта. Дело в том, что в связи с усилившимся ледоходом на Волге бо́льшая часть автотранспорта корпуса осталась на левом берегу, а переправленные машины имели лишь половину заправки горючего. Разобравшись с этими и некоторыми другими недоделками, я поручил товарищу Новикову к утру 20 ноября обеспечить корпус машинами и горючим, хотя бы даже путем изъятия машин из других частей.

Еще одной целью моего пребывания в 57-й армии была увязка взаимодействия 64-й и 57-й армий, в особенности в отношении средств артиллерийского усиления, которые использовались сначала на участке 57-й армии, а затем на участке 64-й армии. Когда все вопросы взаимодействия, намеченные мною, были решены, вечером 19 ноября я вернулся на ВПУ фронта, в Райгород.

Здесь из Ставки получил благоприятные данные о действиях Юго-Западного фронта. У нас последние приготовления закончены, войска заняли исходное положение для атаки; артиллерия стала на огневые позиции; чтобы продолжать сохранять в тайне наши замыслы, пристрелка артиллерии делалась отдельными орудиями в разное время заблаговременно; механизированные части, тщательно замаскированные, находились в выжидательных районах, а с наступлением темноты выдвигались в исходное положение на такое расстояние от противника, чтобы не было слышно гула моторов.

Следует коротко рассказать, что представляла собою и в каком порядке была сосредоточена ударная группировка Сталинградского фронта, предназначавшаяся для контрнаступления. По нашему плану контрнаступления фронту предстояло нанести два удара. Первый («пра-

вый»), более сильный удар наносили смежными флангами 64-я и 57-я армии, второй («левый») — наносила 51-я армия (схема 17).

64-я армия со средствами усиления (командующий генерал М. С. Шумилов) наносила удар своим левым флангом. С этой целью на исходных рубежах, примыкая к правому флангу 57-й армии, сосредоточилась прославившаяся в боях 38-я стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Гания Бакировича Сафиуллина. Правее занимала исходное положение 204-я стрелковая дивизия полковника А. В. Скворцова, который в наступательных боях проявил высокие организаторские способности и выдающееся мужество, в связи с чем получил звание генерал-майора и Героя Советского Союза. В составе ударной группировки также находилась 157-я стрелковая дивизия под командованием Героя Советского Союза полковника А. В. Кирсанова, зарекомендовавшего себя в предыдущих боях волевым и храбрым командиром.

Во втором эшелоне за левым флангом ударной группировки 64-й армии сосредоточилась 154-я отдельная морская стрелковая бригада полковника А. М. Смирнова.

57-я армия (командующий генерал-майор Ф. И. Толбухин, член Военного совета И. М. Мартыненко, начальник штаба армии полковник Н. Я. Прихидько) наносила удар своим правым флангом и заняла исходное положение на рубеже Ивановка, Дубовый овраг.

В первом эшелоне армии находились: на правом фланге закаленная в боях 36-я стрелковая дивизия, ее возглавлял полковник М. И. Денисенко, который за умелое руководство войсками и личный героизм получил звание генерал-майора и Героя Советского Союза; рядом (левее) исходные позиции занимала 169-я стрелковая дивизия под командованием полковника Я. Ф. Еременко (мой однофамилец). Это был храбрый и волевой начальник, уверенно водивший в бой свое соединение; вскоре он получил звание генерал-майора. Еще левее занимала исходное положение для атаки 422-я стрелковая дивизия подполковника И. К. Морозова, который отличался большой энергией, инициативой и смелостью.

Левый фланг ударной группировки 57-й армии с юга

и юго-запада обеспечивала 143-я отдельная морская бригада под командованием полковника Ивана Григорьевича Русских. Этот чрезвычайно храбрый командир отличался некоторой горячностью. Со своими обязанностями он как командир бригады хорошо справился.

Второй эшелон 57-й армии — 13-й механизированный корпус возглавлял опытный танкист полковник Т. И. Танасчишин. Его смелость и напористость известна всем сталинградцам. Несмотря на некоторую неуравновешенность его характера, на этого командира можно было положиться в любом самом ответственном боевом деле. Второй эшелон, как известно, предназначался для развития успеха после прорыва обороны противника с целью выхода на его ближние и глубокие тылы, чтобы во взаимодействии с 4-м механизированным корпусом 51-й армии замкнуть кольцо окружения в районе города Калача.

Вторую (левую) ударную группировку составляла 51-я армия со средствами усиления. Командующий генерал-майор В. Ф. Труфанов — замечательный военачальник, хорошо подготовленный в теоретическом отношении и обладавший необходимым практическим опытом. Членом Военного совета армии был генерал-майор А. Е. Халезов, а начальником штаба армии — генерал-майор Кузнецов А. М.

В первом эшелоне ударной группировки 51-й армии на участке озеро Сарпа, озеро Цаца исходное положение заняли: 15-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Е. И. Василенко; далее на участке от озера Цаца до озера Барманцак находилась 126-я стрелковая дивизия боевого командира полковника Д. С. Куропатенко; южнее располагалась 302-я стрелковая дивизия полковника Е. Ф. Макарчука, о командирских достоинствах которого мы говорили уже выше. Во втором эшелоне сосредоточился 4-й кавалерийский корпус генерал-майора Т. Т. Шапкина, воплотившего в себе лучшие черты донского казачества, выходцем из которого был товарищ Шапкин. Рядом сосредоточился 4-й механизированный корпус генерал-майора В. Т. Вольского.

Таково было построение и состав ударной группировки Сталинградского фронта. Последующие события

наглядно показали, что возложенные на нее задачи оказались ей по плечу.

Нельзя не отметить ту большую многостороннюю работу, которую проделали для надлежащей подготовки войск военные советы армий, командование корпусов и дивизий, партполитаппарат и все коммунисты частей и соединений, предназначенных для осуществления исторической задачи окружения и разгрома противника под Сталинградом.

Высокоактивной была многосторонняя деятельность по моральной подготовке войск, политическому обеспечению всех мероприятий, предшествовавших контрнаступлению, начальников политотделов армий генерал-майора Н. Т. Зяблицына (57-я армия), полковника И. В. Воронкова (51-я армия).

Политическую работу по подготовке войск к наступлению в тех условиях приходилось проводить в весьма сложной обстановке. Нельзя забывать, что конкретно говорить воинам о готовящихся мероприятиях из соображений секретности до самых последних дней не разрешалось. Тем не менее работа шла упорная и настойчивая, она развертывалась прежде всего по линии воспитания вновь прибывших на традициях сталинградцев. Большое значение также имело ознакомление солдат и командиров, влившихся в состав фронта, с клятвой, данной сталинградцами к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Настроение у героев-сталинградцев было боевое. Они чувствовали постоянную заботу о них партии, всего народа. Эта забота вселяла в них твердую уверенность в неизбежности нашей победы.

Сама длительность обороны Сталинграда, героизм, проявленный при этом, еще более усиливали эту уверенность; повсеместно было распространено убеждение, что именно здесь, у стен Сталинграда, должна быть одержана решающая победа.

Это во многом объясняло то, что наши части, будучи зачастую не полностью укомплектованы людьми и оружием, проявляли столь высокую боеспособность, неодолимый наступательный порыв.

Перед ударной группировкой Сталинградского фронта оборонялись части 29-й моторизованной немецкой дивизии, входившей в состав 4-й танковой армии, и

6-го армейского румынского корпуса, входившего в состав 4-й румынской армии (схема 17). Конкретно они располагались так: перед левым флангом 64-й армии на участке Елхи, Андреевка — 29-я моторизованная дивизия; перед правым флангом 57-й армии на участке Андреевка, Культурный — 20-я пехотная румынская дивизия; перед центром и левым флангом этой армии на участке Культурный, Дубовый Овраг — части 2-й пехотной румынской дивизии; перед 51-й армией, ее правым флангом и центром на участке озеро Сарпа, Семкин — части 18-й и 4-й румынских пехотных дивизий; перед левым флангом 51-й армии на рубеже Ханата, урочище Мендересте — части 6-го румынского армейского корпуса, в том числе кавалерийские дивизии.

Местность в полосе наступления степная, несколько холмистая, местами пересечена довольно глубокими оврагами. Небольшие реки и ручьи текут в южном направлении. По линии Красноармейск, Тундутово поднимается гряда небольших высот, по гребню которых и проходил передний край обороны врага.

Для маскировки местность предоставляет очень небольшие возможности. Удачны в этом отношении лишь дефиле между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак, где имелись заросли камыша и высокой болотной травы.

19 октября Военный совет фронта обратился к войскам с приказом.

«Товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Настал час грозной и справедливой расплаты с подлым врагом — немецко-фашистскими оккупантами.

Немецко-фашистские захватчики вероломно напали на нашу мирную страну, разоряют ее и оскорбляют наш великий народ.

Только недавно мы отпраздновали 25-ю годовщину Великого Октября. Октябрьская социалистическая революция передала власть из рук помещиков и капиталистов в руки рабочих и крестьян, дала свободу и полное равноправие угнетенным народам России и невиданно преобразила нашу страну.

Мы жили мирной жизнью, мы упорным трудом создавали заводы и фабрики, колхозы и совхозы, школы и университеты.

Мы все стали уже пожинать плоды нашего великого

труда. Враг нарушил наш мирный труд, он хочет покорить нашу страну, а наших людей сделать рабами немецких баронов и помещиков.

Гитлер и его банда обманули немецкий народ, ограбили европейские страны и обрушились на наше государство. Врагу удалось дойти до Сталинграда.

У стен волжской твердыни мы остановили его. В результате действий наших войск противник в боях под Сталинградом понес колоссальные потери.

Бойцы и командиры Сталинградского фронта показали примеры доблести, мужества и геройства.

Теперь на нашу долю выпала честь начать мощное наступление на врага.

За кровь загубленных фашистскими людоедами наших жен и детей, за пролитую кровь наших бойцов и командиров мы должны пролить потоки вражеской черной крови.

В наступление, товарищи!

Идя в бой, каждый из нас знает, что мы идем освобождать свою священную землю, свои города и села, свой народ от немецких мерзавцев, захвативших часть нашей страны и угнетающих свободолюбивых советских людей.

За время войны мы с вами закалились в борьбе, получили большой военный опыт. К нам на усиление фронта прибыли новые части. Мы имеем все условия для того, чтобы наголову разбить врага, и мы это сделаем обязательно.

Идя в бой, мы знаем, что мы идем освобождать наших братьев и сестер, томящихся в фашистской неволе. В наших руках, товарищи, находится судьба Родины, судьба нашего великого советского народа. От нас с вами, от нашего упорства и умения зависит, будет ли каждый советский человек жить в своей свободной стране или будет гнуть спину рабом у барона.

Очистим нашу страну от гитлеровских поработителей и отомстим за все надругательства, какие враг чинил и чинит на нашей земле.

Великая честь выпала сегодня нам — идти в сокрушительный бой на проклятого врага.

Какой радостной будет для нашего народа каждая весть о нашем наступлении, о нашем продвижении вперед, об освобождении нашей родной земли!

Мы сумели отстоять волжскую твердыню — Сталинград, мы сумеем сокрушить и отбросить вражеские полчища далеко от Волги.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Войскам Сталинградского фронта перейти в решительное наступление на заклятого врага — немецко-фашистских оккупантов, разгромить их и с честью выполнить свой долг перед Родиной.

Смерть немецким оккупантам!»

Ночь на 20 ноября. Медленно, в напряжении идет время. Заснуть не могу. Волнуюсь. Это волнение перед боем знакомо каждому солдату. Нельзя не волноваться перед наступлением и командующему фронтом (правда, этого волнения нельзя показывать окружающим). Ведь военачальнику народ, партия вручили судьбы многих тысяч людей. Необходимо добиться победы, не растратив напрасно жизней и крови воинов фронта, своих сограждан, братьев-единомышленников. Разве можно без волнения выполнять такую задачу.

Утро 20 ноября. 6 часов. На востоке чуть заметно бледнеет небо. Приближался рассвет. Земля окутана легким туманом. Почему-то припомнилось утро перед Торопецкой операцией 9 января 1942 года. Между тем утром и нынешним, казалось, было что-то общее, вернее всего, это сходство определялось моим состоянием. Торопецкое наступление прошло успешно. Я был уверен, что Сталинградское пройдет еще лучше. В час этих раздумий ко мне зашел начальник штаба фронта товарищ Варенников. Улыбаясь, он спросил: «Ну, как настроение, товарищ командующий?» — «Прекрасное», — помню, ответил я. Затем начальник штаба коротко доложил о том, что армии готовы и ждут нашего сигнала. Его, как и меня, беспокоил туман. В это время раздался звонок ВЧ из Москвы:

— Ставка беспокоится, начнете ли вы вовремя? — запрашивал начальник оперативного управления Генерального штаба.

— Сейчас туман; если рассеется, начнем вовремя, все готово, — ответил я.

Мы надеялись начать в срок, в 8 часов, рассчитывая, что туман не будет слишком густым. Начальник штаба передал командармам, что сигнал начала артиллерийской подготовки будет дан в установленный срок.

В 7 часов утра мне позвонил Никита Сергеевич и с большою радостью, волнуясь, поздравил с днем наступления и пожелал успеха. Я взаимно поздравил его и пожелал также успеха. После этого мы выехали в гущу войск.

К 7 часам 30 минутам я был уже на передовом наблюдательном пункте 57-й армии, на выс. 114,3, откуда при хорошей видимости обычно открывался замечательный обзор большого участка, во всяком случае всего участка главного удара. К сожалению, сгустившийся туман ухудшил видимость, которая не превышала 200 метров. Артиллеристы волновались. Пришлось оттянуть начало артподготовки на один час, затем еще на час. Ставка выражала беспокойство, требовала «скорее начинать». Пришлось не совсем тактично разъяснить генштабистам, что командующий не в кабинете сидит, а находится на поле боя и ему виднее, когда нужно начинать.

Уже 9 часов. Все люди в напряжении ждут сигнала. Прижалась к земле пехота, готовая к броску. Артиллеристы, номера которых были в готовности на местах, зарядили пушки и взялись за шнур. В глубине слышен рокот танков, прогревающих моторы.

Вот туман стал подниматься, рассеиваться. Видимость приближалась к нормальной. В 9 часов 30 минут был дан сигнал начать артподготовку в 10 часов. Таким образом, начало контрнаступления Сталинградского фронта из-за тумана было отодвинуто на два часа. Первыми заиграли «катюши». За ними начали свою шумную работу артиллерия и минометы. Трудно передать словами те чувства, которые испытываешь, вслушиваясь в многоголосый хор артиллерийской канонады перед началом наступления, но главное в них — это гордость за мощь родной страны и вера в победу. Еще вчера мы, крепко стиснув зубы, говорили себе: «Ни шагу назад», — а сегодня Родина приказала нам идти вперед. Свершилось то, о чем так долго мечтали сталинградцы. Наступление! Казалось, нет ничего более отрадного для тех, кто познал горечь отхода и кровавый труд многих месяцев обороны. В памяти один за другим проходят те, кто отдали светлые жизни, чтобы приблизить час долгожданного наступления.

За несколько минут до начала атаки пехоты и танков мы произвели огневое нападение из минометов, автома-

тов и винтовок. Перед самой атакой ударили мощные гвардейские минометы М-30. Это был сигнал атаки. И вот поднялись из окопов бесконечные цепи наших солдат; раздалось могучее, протяжное «ура»; послышался деловой стрекот танковых моторов.

Атака началась! В 51-й и 57-й армиях началась она раньше. 64-я армия, ожидавшая прибытия и переключения тяжелой артиллерии и минометов с участка 57-й армии (после артиллерийской подготовки), начала наступление позже 57-й армии на два часа. Дело в том, что у нас общая артиллерийская плотность была очень низкой, поэтому мы вынуждены были увеличивать ее за счет маневра; сначала мы обрабатывали участок прорыва 57-й армии, а затем 64-й армии. С учетом этого маневра артиллерийская плотность была доведена до 60 орудий на 1 км фронта прорыва. Успех наступления был повсеместным. Сильно укрепленный передний край обороны противника был прорван 51-й армией к 11 часам, 57-й — к 13 часам, на ее левом фланге — на участке 143-й морской бригады — к 11 часам, 64-й армией — к 15 часам.

В самом начале наступления на фронте прорыва 57-й армии, на участке 143-й морской бригады, произошел один поучительный случай. Началось с неправильно понятого сигнала. При отработке вопросов взаимодействия было установлено, что удары тяжелых гвардейских минометов будут служить сигналом: первый удар — для начала артиллерийской подготовки; второй удар (в конце артподготовки) — для начала атаки танков и пехоты. Казалось бы, несложная система, которая всем была понятна. В действительности оказалось не так. Наблюдая за ходом артиллерийской подготовки, я прошелся биноклем справа налево по всему участку прорыва. О ужас! На левом фланге, после того как тяжелые «катюши», описав «краснохвостыми кометами» дугу, вспахали длинными огненными полосами боевые порядки противника, пехота перешла в атаку и в быстром темпе направилась к первой траншее противника. От неожиданности у меня выступил холодный пот. В чем дело? Ведь раз атака началась, приостановить ее невозможно. Оказывается, командир 143-й морской бригады полковник Иван Григорьевич Русских спутал сигнал и, вместо того чтобы поднять бригаду в атаку после второго удара тяжелых «катюш», поднял ее вслед за пер-

вым ударом. Что делать? Ясно, что на этом участке артиллерийская подготовка сорвана. Хорошо, что это произошло не на главном направлении удара, а на его фланге. Решаю прекратить артиллерийскую подготовку на этом участке и перейти на поддержку атаки пехоты, что и было немедленно сделано (со мной находились командующие артиллерией фронта и армии). Атака протекала успешно. Через 20 минут после ее начала бригада преодолела вторую траншею и стала скрываться за горизонтом. Думаю о поддержке храброй 143-й бригады другими средствами. Со мной рядом находился командир 13-го механизированного корпуса. Приказываю ему ввести в прорыв головную бригаду корпуса. Он попытался тактично напомнить мне, что по армейскому плану боя, мною утвержденному, 13-й корпус вводится в прорыв с рубежа, лежащего в трех километрах в глубине обороны противника, а не на том участке, где действует 143-я бригада; по времени это планировалось через 2 часа 30 минут после начала атаки пехоты.

— Верно, товарищ Танасчишин, план таков, но обстановка внесла коррективы. Немедленно вводите бригаду! — тоном, не терпящим возражений, закончил я.

Бригада двинулась двумя маршрутами. Через 20 минут, не встречая сопротивления со стороны противника, она также скрылась за горизонтом. Вслед за ней пошла вторая бригада. Еще не закончилась артиллерийская подготовка, а две бригады уже вошли в прорыв; вслед за ними двинулся и весь 13-й механизированный корпус. Быстро продвигаясь в глубину обороны противника, корпус оказал большое влияние на успех наступления. Так иногда на войне даже непредвиденная случайность, если не растеряться и не следовать шаблону, может не только не ухудшить положение, а, наоборот, укрепить его.

В результате ожесточенного боя фланговые дивизии 64-й армии и дивизии первого эшелона 57-й армии прорвали оборону противника и вышли на рубеж высот 112.5, 110.8. Противник здесь за несколько часов потерял до 1000 человек и почти всю артиллерию.

Ударная группировка 51-й армии, разгромив противостоявшие ей силы румын (18-я и 2-я дивизии), вышла на рубеж совхоз Приволжский, Кош, Васильев; был прорван фронт и на участке между озерами Цаца и Барманцак.

Механизированные корпуса, введенные в прорыв, в первый день наступления вышли: 13-й корпус — в район хутора Блинников, а 4-й — в район Плодовитое. 13-й корпус, встретив в районе Блинников, Нариман ожесточенное сопротивление противника, вел напряженные бои вплоть до вечера 22 ноября. 4-й же корпус, уничтожив отходившие под нашими ударами части 18-й и 20-й румынских дивизий, еще засветло 21 ноября (второй день наступления) вышел в район Зеты и... беспричинно задержался там. Почувствовав в этой задержке неуверенность командира корпуса товарища Вольского, я рано утром 22 ноября направил ему на самолете записку, в которой категорически потребовал ускорить движение с тем, чтобы не позднее 12 часов этого дня выйти на рубеж Кривомузгинская, Карповка. Приказ был выполнен точно. К 12 часам дня 22 ноября корпус достиг рубежа Мариновка, Советский. Враг безуспешно пытался отбросить корпус с рубежа реки Карповка, чтобы освободить путь отхода своей главной группировке.

С выходом к исходу дня в район Советский (бывшая Кривомузгинская) 4-го корпуса и взаимодействовавшего с ним 13-го корпуса на рубеж Ракотино, Варваровка войска Сталинградского фронта выполнили свою часть задачи по окружению войск противника под Сталинградом. Важнейшие коммуникации, связывавшие врага с его тылами (Котельниково — Сталинград и Калач — Сталинград), были перерезаны. Войска фронта к тому времени занимали следующее положение (о механизированных корпусах уже только что сказано): 57-я армия, завернув левый фланг, выдвинулась в район Гавриловки к рубежу реки Червленная, став фронтом на север; 51-я армия быстро выдвигалась вслед за 4-м механизированным корпусом; 4-й кавалерийский корпус и остальные соединения фронта заканчивали разгром 4-й и 1-й пехотных румынских дивизий, выдвигаясь на рубеж реки Аксай с целью обеспечения операции с юга и юго-запада и расширения прорыва.

Вопросы твердого, непрерывного, мобильного и конкретного управления войсками в ходе контрнаступления играют очень важную роль.

Если будут элементы самотека в управлении войсками в ходе контрнаступления, то это может привести

к весьма тяжелым последствиям и даже к провалу операции.

Маневренный характер боевых действий, насыщенность армий механизированными войсками и танками, сложность операции по замыслу, большая глубина удара и вытекающая из всего этого трудность организации взаимодействия обязывали командующих фронтами и армиями в период контрнаступления всегда быть в курсе боевой обстановки, ни на минуту не прерывать живой связи с войсками и штабами соединений, осуществлявших контрнаступление с тем, чтобы, учитывая реально складывавшуюся обстановку, добиваться полного и точного выполнения задач в соответствии с общим планом операции.

Максимум командирской воли и настойчивости, максимум оперативной гибкости и умения учесть действительную обстановку были теми моментами, из которых складывался успех в руководстве войсками.

С настоятельной потребностью самого тесного контакта с войсками и нижестоящими штабами была связана посылка представителей высших штабов в штабы подчиненные.

Я противник мелочной опеки, стремления всегда иметь подобных «уполномоченных» в войсках, но в тех условиях, когда речь шла о выполнении решающей задачи оперативно-стратегического масштаба, пришлось прибегнуть к временному учреждению и такого вида связи и контроля. В штабы армий, корпусов, войска которых осуществляли контрнаступление, и даже в некоторые дивизии на направлении главного удара были посланы представители штаба фронта, выполнявшие главным образом функции контроля и дополнительной связи. Ни в какой степени непосредственно не вмешиваясь в дела соответствующего командира или штаба, они при возникновении шероховатостей в управлении и особенно во взаимодействии безотлагательно сигнализировали в штаб фронта. Так с помощью представителя штаба фронта было, например, исправлено положение в 4-м механизированном корпусе, где произошла неоправданная заминка с продвижением, о чем уже говорилось выше.

При развитии контрнаступления (в первые дни погода не благоприятствовала этому) использовались с

целью связи и информации самолеты-разведчики, непрерывно следившие за действиями наших войск и войск противника.

Жаль, что в то время не было еще вертолетов, они очень бы пригодились.

После моего донесения о действиях войск фронта за 22 ноября вечером в тот же день мне позвонил И. В. Сталин. Он спросил, правда ли, что нами взята станция Кривомузгинская. Я подтвердил.

— Это очень хорошо! Завтра вам следует соединиться с Юго-Западным фронтом, войска которого подошли к Калачу.

Уставным «слушаюсь» принял я к исполнению приказ Верховного Главнокомандующего.

На следующий день, 23 ноября, войска обоих фронтов, продолжая стремительное наступление, соединились между Советским (Кривомузгинской) и Калачом. Первыми встретились 4-й механизированный корпус под командованием генерала Вольского (Сталинградский фронт) и 4-й танковый корпус под командованием генерала Кравченко (Юго-Западный фронт); одновременно в тот же район подошел и 26-й танковый корпус под командованием генерала Родина. Двадцать две дивизии врага оказались зажатыми в довольно тесном кольце; оперативное окружение завершилось. Нельзя не сказать, что войска указанных корпусов добились соединения в итоге напряженных боев, отражая многочисленные контратаки противника. Вражеское командование, чтобы сорвать наш замысел, стремясь не допустить соединения войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов, срочно направило в район Калача, Советский 24-ю и 16-ю танковые дивизии, которые предприняли 23 ноября многочисленные контратаки.

Известие об окружении противника с быстротой молнии облетело войска фронтов. Нашей радости не было предела.

В итоге наступательной операции фронт разгромил 6-й армейский румынский корпус; 1, 2, 18, 20-я пехотные дивизии противника перестали существовать; тяжелые потери понесла 29-я моторизованная дивизия; войсками фронта было взято более 10 тысяч пленных, значительные трофеи, в том числе склады оружия и боеприпасов на станции Абганерово.

А. В. Скворцов

А. В. Кирсанов

А. М. Смирнов

Г. Б. Сафиулин

Ф. И. Толбухин

И. М. Мартыненко

Н. Я. Прихидько

Н. Т. Зяблицын

«Правда» в передовой статье 23 ноября 1942 года писала: «С чувством глубокой радости узнает советский народ об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда. Прорвав оборонительные линии противника, советские войска за три дня напряженных боев продвинулись на 60—70 километров. Заняты г. Калач, расположенный западнее Сталинграда на восточном берегу Дона, станция Кривомузгинская (Советский) и станция и город Абганерово. Обе железные дороги, снабжающие войска противника, расположенные восточнее Дона, оказались прерванными.

Немецко-фашистские захватчики понесли серьезное поражение. Нашими войсками полностью разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизии врага, нанесены большие потери семи вражеским пехотным, двум танковым, двум моторизованным дивизиям. На поле боя обнаружено свыше 14 000 трупов солдат и офицеров, захвачено большое количество пленных — 19 000 человек, взяты крупные трофеи...

Почти три месяца в районе Сталинграда идут невиданные еще в мировой истории бои. Бессмертна слава защитников Сталинграда. Затаив дыхание, весь мир следил за гигантской битвой, развернувшейся на берегах Волги... В дыму и пламени сражений закалялась воля советских бойцов и командиров... И они выстояли! Они дождались светлого и радостного часа возмездия, успешного наступления наших войск в районе Сталинграда».

Успеху операции содействовали внезапность нашего удара, дерзкие действия войск первого эшелона, своевременный ввод в прорыв подвижных частей, хорошо организованное взаимодействие между армиями и фронтами и надежное управление войсками. Скрытность подготовки операции, хорошая маскировка войск, тылов и штабов не позволили врагу разгадать наши планы не только первоначально (в начале осуществления удара), но и в последующем, в ходе наступления. Дело в том, что, например, 57-я армия первоначально атаковала в южном и юго-западном направлениях, в том же направлении в это время действовал и 13-й механизированный корпус; потом же, в ходе наступления, был сделан резкий поворот на запад, а еще позднее — на северо-запад, а затем на север; при выходе на рубеж реки Червленная войска действовали фронтом на северо-восток. Почти та-

кой же сложный путь проделала и ударная группировка 51-й армии. Первоначальная атака развивалась строго в западном направлении; противнику казалось, что мы нацеливали наш удар на Котельниково, но с выходом наших подвижных частей на линию железной дороги в районе Абганерово они резко повернули на север и на северо-запад, в направлении на Карповку. Таким образом, в первый день наступления противник не понял нашего замысла, о котором мы уже говорили выше. Наши подвижные части, оставив позади себя взломанную оборону противника на фронте шириной 50—70 километров, вышли на оперативный простор. Остановить в этих условиях продвижение подвижных групп, а тем более закрыть «ворота» прорыва противник не имел возможности (время для перегруппировки было упущено). Часть резервов противника в ночь накануне нашей атаки перебрасывалась у Песковатки через Дон, другая часть возможных резервов выдвигалась против наступавших войск Юго-Западного фронта. Однако, почувствовав с утра 20 ноября опасный удар на юге, командование противника начало организовывать возвращение резервов обратно. Время, затраченное врагом на бесцельное передвижение резервов, мы, конечно, использовали.

Коснусь еще одной любопытной детали, имевшей место 20 ноября. В этот день я три раза докладывал Верховному Главнокомандующему о развитии операции. В конце последнего доклада об обстановке сообщил И. В. Сталину, что к полудню (20 ноября) войска фронта взяли около семи тысяч пленных. Он усомнился в этой цифре и осведомился у меня, проверены ли мной лично эти данные. На мой ответ, что проверить еще не имел возможности, но видел, как большие колонны пленных двигались в наш тыл, И. В. Сталин приказал официально донести точное число пленных. В этих сомнениях, конечно, ничего удивительного не было, так как до Сталинградского контрнаступления мы имели пленных в крайне незначительном количестве, что естественно в обороне и особенно при отступлении, когда много пленных не возьмешь. Приказал еще раз подсчитать пленных. В действительности, по точному подсчету, пленных оказалось более десяти тысяч, о чем и было донесено в Ставку.

И еще одна деталь. Так как до этого времени контин-

генты пленных у нас были незначительны, то и практики в организации приема больших партий военнопленных у нас не было. И вот, когда солдаты противника в результате сильного и стремительного удара наших частей начали массами сдаваться в плен, наши тыловые органы оказались недостаточно подготовленными к этому. Пришлось срочно выправлять положение: сразу же были созданы комендатуры для охраны, продовольственные пункты и т. п.

Если останавливаться здесь только на оперативных, организационных и других крупных вопросах, то читатель не всегда сможет осмыслить суть наших успехов, содержание побед. Где решается успех боя, отчего он зависит? В первую очередь от человека (воина), непосредственно ведущего бой, действующего в танке, у миномета, пушки, во взводе, роте, батальоне, полку. Успех боя решают именно эти люди, которые в составе небольших, но дружных, хорошо сколоченных подразделений ведут ближний бой и каждую минуту бесстрашно смотрят в глаза смерти. Если в этом звене — успех, то успешны действия дивизии, армии; если в этом звене нет успеха, все тормозится. Поэтому я не могу не коснуться тактических действий отдельных подразделений, без успеха которых не было бы и успеха фронта.

Так, командный состав 4-го механизированного корпуса в ноябрьских боях показал свою оперативную и тактическую зрелость. В бою при взятии станции Тингута образцово взаимодействовали 2-й мотострелковый батальон и 21-й танковый полк. Танки с ходу атаковали вражеские части, занимавшие станцию в тот момент, когда батальон обошел противника с другого фланга. Внезапный сосредоточенный огонь танков с ходу и удар вызвали смятение в рядах противника. В результате боя сдался в плен полностью румынский полк с вооружением, было захвачено много складов с боеприпасами, имуществом связи, обмундированием и продовольствием. Умело применяя взаимодействие с мотострелковыми подразделениями, 21-й танковый полк 21 ноября в районе фермы № 3 разгромил, разоружил и взял в плен пехотный полк 2-й румынской пехотной дивизии.

Боевые эпизоды периода Сталинградского контрнаступления полны героизма, мужества, дерзости наших воинов.

В успехе наших действий велики заслуги прославленных танкистов. Так как оборону врага, сильно насыщенную противотанковыми средствами, наша артиллерия не всегда могла уничтожить полностью, танкисты не упускали ни одного случая, чтобы не расстрелять вражеские орудия. Так поступили лейтенанты Головахин и Меняйло, подавив по нескольку орудий. Так экипажи лейтенанта Трепкина и младшего лейтенанта Боровика, вырвавшись со своими танками вперед, уничтожили три вражеских орудия. В ходе боя наши танки иногда делали короткие остановки, предварительно находя укрытие. Лейтенант Ющенко, поставив свою машину за вражеский полуразрушенный дзот, открыл по гитлеровцам огонь; тремя выстрелами были уничтожены более 20 солдат и одно орудие врага. Пехота тем временем, пользуясь помощью танкистов, быстро овладела высотой, лежавшей в полосе наступления, и закрепилась на выгодном рубеже. Несколько танкистов во главе со старшиной Шепиловым, выскочив в удачный момент из машин с автоматами в руках, взяли в плен несколько десятков вражеских солдат.

Такой вид взаимодействия пехоты с танками, как танковые десанты, в этих боях давал особо эффективные результаты. Приведу рассказ одного из участников таких десантов солдата Григория Чупрунова (рассказ записан моим адъютантом после награждения пехотинца).

«На танке нас было трое: мордвин сержант Андрей Ассорин, татарин рядовой Сайфуддинов и я — все трое автоматчики. Наш танк, шедший головным, вскоре достиг окопов врага; враг начал отходить; тогда танки пошли наперерез отступающим, уничтожая их огнем и гусеницами. А нам — десанту — предстояло закрепиться здесь до подхода нашей пехоты. Рассыпавшись по полю, мы стали очищать его от фашистов, укрывшихся в различных местах. Заметив в стороне кустик, показавшийся мне подозрительным, я не подал виду, что заметил его, и продолжал обыскивать соседние окопы. А кустик тем временем не выпускаю из поля зрения, а он, проклятый, начал шевелиться. Моих товарищей Сайфуддинова и Ассорина, ушедших вперед, я не теряю из виду. Зашел к кустику сбоку и бросился на него. Прятавшийся автоматчик дал очередь, одна пуля царапнула меня, но я сумел прижать фашиста, находившегося в окопчике и рас-

полагавшего большим запасом патронов. Ассорину и Сайфуддинову также удалось обезвредить несколько таких скрытых огневых точек врага. Мы понимали, что принесли немалую пользу нашим товарищам пехотинцам, которым замаскировавшиеся фашисты могли бы нанести большой урон».

Вот еще пример взаимодействия пехоты с танками.

На участке батальона товарища Алексеенко доро́г почти совсем не было; всюду простирались пески и небольшие лощинки, поросшие мелким высохшим кустарником. Мертвой была эта степь. Но вот она вдруг ожила: командир поднял своих солдат в атаку. Всесторонне продумав предстоящий бой, он сразу же отрезал врагу пути, по которым доставлялись ему боеприпасы и по которым он мог выйти на соединение со своими частями. Атакованных гитлеровцев, куда бы они ни бросались, всюду встречал огонь наших стрелков и минометчиков. О случившемся командование противника узнало с опозданием, но все-таки подбросило подкрепление. Когда бойцы взвода младшего лейтенанта Романова, ворвавшись в расположение врага, быстро стали закрепляться на выгодном рубеже, на взвод пошла в контратаку вражеская рота. «Не обнаруживать себя!» — приказал Романов. Лишь когда цепь противника приблизилась на 25—30 метров, раздался дружный залп, а затем полетели гранаты. Не более половины состава контрнаступающей роты спаслось бегством. Тогда в контратаку пошли немецкие танки. Их было 15. Из захваченных окопов врага поднимались наши пехотинцы; они забрасывали стальные чудовища гранатами, бутылками с горючей смесью; открыли по ним огонь бронебойщики. На помощь пехоте подоспели танки. Старший лейтенант Новиков, подбив метким выстрелом из пушки тяжелый танк врага, взял его на буксир и доставил в свое подразделение. Младший лейтенант Чихунов и старшина Белоусов подожгли два танка. Поддержанные танками, пехотинцы смелее стали применять свое противотанковое оружие, в результате повредили еще шесть танков врага. Продвигаясь вперед, батальон Алексеенко взял до сотни пленных и много трофеев.

Хорошо взаимодействовала пехота также с артиллерией и минометами. Так, утром третьего дня наступления, пользуясь туманом, майор Мальчевский подтянул

своих стрелков как можно ближе к вражеским позициям, вместе с ними придвинулись к переднему краю врага и минометчики; артиллеристы выдвинулись на высоты, чтобы вести огонь прямой наводкой.

Идя вслед за огнем артиллерии, роты атаковали противника с трех сторон. Ключом к вражеским укреплениям здесь была безыменная высота, куда и направил командир батальона свои основные силы.

Овладев высотой, батальон получил возможность развивать успех. С высоты по гитлеровцам теперь били наши пулеметы. Левый фланг атакующих, продвигаясь вперед, достиг небольшого населенного пункта, но здесь был остановлен сильным минометным огнем. Майор попросил помощи у артиллеристов; вражеские минометы быстро были подавлены.

Просачиваясь мелкими группами в тыл врага, наши автоматчики и разведчики сеяли там панику. Фашисты стали поспешно откатываться. Пехота усилила напор на флангах, артиллеристы перенесли огонь в глубь обороны врага. К исходу дня батальон полностью овладел населенным пунктом и закрепился в нем.

Наряду с высоким мужеством и самоотверженностью мы встречаем много изобретательности и сметки у пехотинцев, ведших наступательные бои. Одна из высот участка, где наступала рота лейтенанта Тарасенко, была превращена гитлеровцами в опорный пункт. Все подступы к ней контролировались врагом, высота казалась неприступной. Однако эта высота мешала успеху дальнейшего продвижения полка. Командир роты решил нанести комбинированный удар с нескольких пунктов. Специально выделенные для наблюдения за высотой разведчики установили расположение вражеских огневых точек, выяснили подступы к ним (как с нашей стороны, так и со стороны противника).

Три группы автоматчиков ночью скрытно приблизились к противнику. Выдвинувшиеся на свои позиции минометные расчеты и пулеметчики по сигналу командира роты открыли огонь. Первыми же минами был разрушен сарай, где засела группа гитлеровцев. Огневые точки врага на высоте были также подавлены.

Когда одна из групп автоматчиков сигнализировала, что она зашла в тыл врагу, минометчики перенесли огонь на ходы сообщения, чтобы воспрепятствовать подходу

резервов противника. В то же время вторая группа автоматчиков, ворвавшись в опорный пункт, вела там борьбу с оставшимися гитлеровцами. Третья группа, также находившаяся в тылу, держала под огнем подступы к высоте со стороны противника.

Очистив высоту, рота использовала остаток ночи для закрепления на выгодном рубеже. На рассвете враг хотя и предпринял несколько контратак, но все они были отбиты с большими для него потерями. Высота стала хорошей позицией и прекрасным наблюдательным пунктом нашей артиллерии, которая продолжала поддерживать дальнейшее наступление наших войск.

Самоотверженно и настойчиво действовал взвод автоматчиков лейтенанта Подковина, продвигавшийся на правом фланге. Отлично использовав местность, которая была сильно пересеченной, автоматчики приблизились к врагу на близкое расстояние. В дальнейшем, оставив небольшое прикрытие с фронта, они обходили занятые противником участки, а затем окружали и уничтожали его мелкие группы.

К середине дня каждый воин уже знал, говоря по-суворовски, свой маневр: это — короткая быстрая перебежка, длинная очередь из автоматического оружия для поддержки товарищей — и снова вперед, без единой минуты для передышки врагу. Подступы к одной из высот враг оборонял особенно настойчиво, попытка совершить обходный маневр не дала результатов. Фашисты перешли в контратаку, при этом их оказалось вдвое больше, чем наступавших. Пришлось залечь. Командир взвода приказал не стрелять. Когда враг подошел примерно на 80 метров, раздался шквал автоматных очередей, а затем полетели и гранаты. Контратака захлебнулась.

Когда враг предпринял еще одну контратаку, автоматчики, сменив позицию, ударили ему во фланг. Враг бросил против взвода около десятка танков. Подпустив их на 15—20 метров, оживленно заработали автоматчики: под гусеницы полетели гранаты; два танка было повреждено, остальные замедлили ход. Но в это время по ним открыла огонь наша артиллерия.

Нельзя без благодарности отозваться о нашей доблестной артиллерии, стяжавшей себе под Сталинградом заслуженную славу «бога войны». Позволю себе

привести рассказ командира артиллерийского взвода младшего лейтенанта Падьина. Вот о чем он рассказал:

«Находясь в обороне, мы были готовы к наступлению. Накануне мы еще раз проверили орудия. К их станинам привязали длинные постромки, сшитые из брезента. Для чего это? Иногда у коней не хватает силы тащить пушку в гору, и вот, имея небольшое приспособление, артиллеристы могут помочь коням. А часто в наступлении приходится передвигать орудия на новую позицию и без помощи лошадей.

Ночью накануне наступления взвод занял исходное положение в боевых порядках пехоты. От врага мы находились на таком расстоянии, что могли бить прямой наводкой по его дзотам и блиндажам.

После залпов гвардейских минометов, возвестивших начало артподготовки, влился в общую канонаду и голос наших орудий. Через 45 минут началась атака, танки и пехота двинулись вперед. Огневики, ведя стрельбу, поддерживали атаку; разведчики, продвигаясь вперед вместе с пехотой, отыскивали и указывали все новые цели (связь с ними осуществлялась по телефону). Уже были подавлены три пулеметные точки и один дзот.

На правом фланге наступление затормозилось. С нашей позиции мы не могли достать пулеметную точку, задерживавшую продвижение стрелков. Перейти на новую огневую позицию мы тоже не могли, так как враг мог вывести из строя расчет. Помог нам командир стрелковой роты. Бойцы роты силой своего ружейно-пулеметного огня прижали врага к земле. Воспользовавшись этим, мы выдвинули одну пушку несколько вперед и вправо. Двумя снарядами прямой наводки «влепили» прямо во вражеский блиндаж, и он вместе с гарнизоном был выведен из строя. С трех сторон пехотинцы ринулись на высоту, на которой бой завершился рукопашной схваткой. При дальнейшем продвижении рота встретилась с огнем, который гитлеровцы открыли из пулеметов и автоматов из района какой-то разваленной будки. Я приказал ударить беглым огнем, который и был мгновенно дан в быстром темпе. Взрывы, удачно накрывшие гитлеровцев, помешали им вести прицельный огонь по наступающим. Рота броском продвинулась вперед и окружила район будки; атакованный враг был уничтожен, лишь отдельным единицам удалось спастись бегством.

Темп продвижения нарастал. Мы двигались вместе с пехотой. В момент, когда одна пушка меняла позицию, а другая вела огонь по отступающим, раздался голос разведчика: «Танки справа!» Наши пушки, находившиеся на скатах высоты, только успели расположиться: одна — в полуразрушенном дзоте, другая — в воронке. В нескольких метрах от нас заняли окопы, брошенные противником, бронебойщики. Фашисты рассчитывали на внезапность и стремительность танкового удара, которым они, очевидно, намеревались восстановить утраченное положение. Однако это у них не вышло. Прямой наводкой с дистанции 500—600 метров мы стали бить по фашистской броне. Два танка были повреждены сразу. Одна машина, свернувшая влево, попала под огонь бронебойщиков. Фашисты стали поворачиваться назад, мы подбили при этом еще один танк. Только после этого враг обнаружил наши позиции и открыл артиллерийский огонь по высоте, но с помощью пехотинцев мы перекатили орудия на другой скат высоты. В это время по вражеским батареям ударила наша дальнобойная артиллерия. Рота продолжала наступление. Гитлеровские танки больше не показывались.

За двенадцать часов наступления вместе со стрелковой ротой, поддерживая ее огнем и колесами, мы продвинулись более чем на 10 километров. Результаты были неплохие: подавлено несколько пулеметных точек, разбито много блиндажей, отражена танковая контратака фашистов».

Несмотря на крайне тяжелые метеорологические условия первых дней контрнаступления (постоянные туманы, низкая облачность), наши военно-воздушные силы все же оказали помощь наступающим. Активность авиации значительно возросла к 26 ноября в связи с улучшением погоды. Штурмовая авиация поддерживала танки и пехоту, нанося удары по боевым порядкам противника; бомбардировочная авиация громила вторые эшелоны и резервы противника, бомбила тылы; истребительная авиация непрерывно прикрывала наземные войска, а также сопровождала штурмовую и бомбардировочную авиацию. Так, например, уже 26 ноября ударами с воздуха было уничтожено до 80 танков, более 120 автомобилей и значительное количество живой силы противника. Мастерство наших летчиков проявлялось на каждом

шагу. Вот летчик-истребитель старший лейтенант Соломатин, прикрывая наши штурмовые самолеты, действовавшие по скоплениям вражеских танков, заметил, как два «мессершмитта» атаковали наш бомбардировщик. Быстрым маневром Соломатин перерезал путь одной из вражеских машин и сбил ее очередью из пулемета. Второй «мессершмитт», увидев, что Соломатин подбирается и к нему, обратился в бегство.

Рассказывали о таком эпизоде. Два советских истребителя, возвращавшиеся после выполнения боевого задания, повстречались над городом с двенадцатью двухмоторными бомбардировщиками «Дорнье-217» и шестью «мессершмиттами». Вражеские самолеты держали курс к одному из наших аэродромов.

Старший лейтенант Зажаев, просигнализировав старшине Бубенкову «За мной», устремился на врага. Строй вражеских самолетов сразу же был нарушен. Отогнав в сторону одного из истребителей противника, Бубенков длинной очередью сбил его. От выстрелов Зажаева загорелся другой «мессершмитт». Остальные самолеты врага, видя такую картину, резко изменили курс. Так два советских аса одержали победу над восемнадцатью вражескими самолетами, не допустив их до нашего аэродрома.

Питомец ленинского комсомола младший лейтенант Александр Прудников повторил легендарный подвиг капитана Гастелло. Направившись для действий против автоколонны противника, летчик попал под сильный зенитно-артиллерийский огонь. Некоторое время самолет оставался невредимым. Три успешные атаки произвел Прудников, истребив немало врагов и их техники. Но вот один из вражеских снарядов зажег бензобак самолета. Твердой рукой Прудников направил свою пылающую машину на скопление вражеских автомашин и орудий. Раздался мощный взрыв, разметавший на сотни метров по полю остатки вражеской техники. Гордый сокол нашей Родины сам отомстил врагу за свою безвременную смерть.

О беспримерном мужестве, самоотверженности и большой инициативе воинов Сталинградского фронта в первые дни наступления можно говорить без конца.

Солдат Попов в составе взвода, атаковавшего противника, с гранатой в руке стремительно бежал на врага.

В 20 шагах от него убегали три вражеских солдата; вдруг они исчезли, спрятавшись в окопе. Попов метнул гранату; для двух врагов окоп стал могилой, но третий, отстреливаясь, выскочил. Левую руку Попову обожгло пулей. Правой он бросил вторую гранату и сразу рухнул на землю. Короток разговор с подбежавшим санитаром: «Давай перевяжу и отправляйся в госпиталь!» «Нет,— отвечал Попов,— мне не в госпиталь, а вон в тот дом. Мы должны его взять».

И вот он опять, обгоняя других, стреляя, бросая гранаты, бежит, ложится, ползет. Еще два раза его ранило. Четвертое ранение лишило его на некоторое время сознания. Придя в себя, он спросил склонившегося над ним санитара: «Где мы?» — «В доме, который приказано было взять», — прозвучал ответ.

«Ну вот, теперь можно и в госпиталь, тащи»,— тоном человека, закончившего неотложную работу, распорядился Попов.

Было много случаев, когда отвага и находчивость позволяли нашим бойцам разить врага его же оружием. Так, солдат Горбачев, бывший артиллерист, находившийся в составе отделения, неожиданно захватившего артиллерийскую позицию противника, произвел по отступающим фашистам 24 выстрела из их собственной пушки.

Нельзя забыть о подвиге санитарки Натальи Кочуевской (секретаря комсомольского бюро санитарного батальона). Она находилась вместе со стрелковой ротой, ведшей бой. Рота упорно продвигалась вперед; за одним опорным пунктом она брала другой, третий. Сраженные вражеской пулей, падали солдаты. Часто слышалось: «Помоги, сестрица!» После 12-часового боя набралось уже 20 раненых воинов. Всех их вместе с оружием вынесла с поля боя хрупкая на вид девятнадцатилетняя девушка. «Сопровождайте раненых в госпиталь»,— распорядился командир. По пути в медсанбат комсомолка заметила группу гитлеровских автоматчиков, оставшихся в нашем тылу. Наташа перенесла всех раненых из повозки в блиндаж, а сама, вооружившись винтовкой и гранатами, укрылась рядом. Враги окружили блиндаж. Меткими выстрелами девушка убила двух гитлеровцев, но и сама была смертельно ранена; собрав последние силы, она вставила запалы в несколько гранат и подорвала их

в тот момент, когда добрый десяток фашистов подошли к ней вплотную; враги были или убиты или ранены. Погибла и комсомолка Наталья Кочуевская. Раненых же доставили в госпиталь подоспевшие солдаты соседней роты.

Приведем здесь и примеры героизма воинов Юго-Западного фронта. Отважно и мужественно действовал командир роты лейтенант Бражников (373-го гвардейского стрелкового полка 47-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й танковой армии) в бою за хутор Большой. 19 ноября 1942 года он, будучи раненным, возглавил атаку роты против упорно сопротивлявшегося врага. По роте был открыт сильный огонь, и она начала отходить. Бражников в бессознательном состоянии остался на поле боя; очнувшись через несколько минут, он поднялся, призвав воинов своей роты к безостановочному наступлению на врага: «За Родину, вперед!». Солдаты, воодушевленные своим командиром, смело ринулись на врага и захватили хутор.

Командир роты 622-го стрелкового полка коммунист Авентисов во время прорыва вражеской обороны в трудную минуту появился среди наступавших бойцов и повел свою роту на штурм. Прорвав вражескую оборону, его рота уничтожила до 50 гитлеровцев, 2 противотанковых орудия и захватила до 12 пулеметов.

Храбро дрались танкисты 8-й гвардейской танковой бригады. Рота танков КВ под командованием старшего лейтенанта Сабонкина 20 ноября очистила южную часть хутора Блиновский и, посадив на машины десант автоматчиков, смелой атакой подавила батарею врага в хуторе Карасево, захватив два немецких танка.

Приведенные примеры говорят о том, что наше наступление под Сталинградом не было, как это иногда описывается, триумфальным шествием наших войск. Отходивший враг оказывал упорное сопротивление. Прикрываясь обычно сильными частями, ведшими подвижные бои с нашими ударными группами, противник всячески стремился задержать наше движение. То на одном, то на другом рубеже гитлеровцы предпринимали ожесточенные контратаки пехотными группировками, поддержанными танками. Лишь после очередного мощного удара наших войск противник начинал откатываться дальше.

В первые дни наступления мне пришлось часто бывать в войсках, ездить по полям наших побед. Припорошенная снегом волжская степь имела необычный вид. Всюду следы жарких боев, сокрушительных ударов, нанесенных то здесь, то там советскими войсками по врагу. Вот на скате высоты огневые позиции артиллерии: крупнокалиберные пушки повернуты жерлами на восток; рядом несколько повозок, груженных ящиками с боеприпасами, которые не успели разгрузить; враг, застигнутый врасплох, оставил вокруг позиции множество трупов, выделяющихся серыми точками на снегу. Волжские степные просторы стали огромным кладбищем для гитлеровцев и их приспешников, стали свалками разгромленной и уничтоженной фашистской техники. По пути встречались остовы сгоревших немецких танков, подбитые машины, обозы с каким-то имуществом. Сотни трупов лошадей. Возле некоторых лежат и поверженные всадники; по степи еще носятся оседланные кони румынских кавалерийских частей.

...Небольшая железнодорожная станция. На ней длинной вереницей выстроились товарные вагоны, по-видимому с грузами, брошенными врагом. На следующей станции, расположенной к востоку, уже приступили к работе трофейные команды; они собрали и стянули в одно место свыше двух тысяч автомашин, сотни пушек, целые горы боеприпасов и стрелкового оружия.

На обратном пути навстречу бесконечной вереницей тянутся колонны пленных, идущих на восток.

В итоге наступательной операции Сталинградский фронт выполнил поставленную перед ним задачу. Оборона врага была рассечена двумя сильными и глубокими ударами; войска противника, оказавшиеся между этими двумя участками прорыва, были в большей своей части уничтожены или пленены.

Стремительное развитие наступления привело к соединению войск Сталинградского фронта с войсками Юго-Западного фронта. Стальное кольцо окружения замкнулось. Таким образом, Сталинградский фронт, который принял на себя всю мощь непрерывных наступательных ударов врага, нашел в себе силы не только устоять и причинить врагу колоссальные потери в период оборонительного сражения, но и прорвать фронт против-

ника, разгромить противостоящие ему вражеские войска в период контрнаступления.

Большую работу проделали также войска двух соседних фронтов. Ударная группировка Юго-Западного фронта, возглавлявшегося командующим фронтом генералом Н. Ф. Ватутиным, членом Военного совета генерал-лейтенантом А. С. Желтовым, начальником штаба фронта генерал-майором Г. Д. Стельмах, в составе 5-й танковой армии под командованием генерала П. Л. Романенко и 21-й армии под командованием генерала И. М. Чистякова в первый же день наступления прорвала тактическую зону обороны противника в полосе 3-й румынской армии. Танковые корпуса, введенные в бой в середине дня с целью завершения прорыва, выполнили эту задачу с ходу. Они продвинулись в глубину расположения противника на 30—35 километров. 1-й танковый корпус 5-й танковой армии после боев с 22-й танковой дивизией противника в районе Медвежьего к исходу 22 ноября вышел на реку Лиска, выслав передовые отряды на Суровикино. 26-й танковый корпус, сломив сопротивление противника у Перелазовского, стремительно продвинулся на юго-восток и к утру 22 ноября выдвинулся на Дон в районе Калача, захватив исправной переправу через реку. Одновременно 4-й танковый корпус 21-й армии, разгромив 14-ю дивизию противника, 21 ноября вышел на Дон севернее Калача, а на следующий день переправился на левый берег реки.

Войска фронта по частям громили подтягиваемые противником подкрепления. В результате боев четыре румынские дивизии были уничтожены, а четыре понесли значительные потери.

Таким образом, 23 ноября части 26-го и 4-го танковых корпусов, овладев Калачом, установили в районе Советского (Кривомузгинская) связь с 4-м механизированным корпусом Сталинградского фронта, о чем уже было сказано выше. Западнее 5-й танковой армии действовали войска 1-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко в общем направлении Боковская, Обливская. Задача Юго-Западного фронта была выполнена, ибо с выходом к Дону на участке Калач, Большенабатовский перерезались пути отхода противнику на юго-запад и запад; во взаимодействии со Сталинградским фронтом кольцо окружения было замкнуто.

На Донском фронте (командующий генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, член Военного совета генерал-майор К. Ф. Телегин, начальник штаба фронта генерал-майор М. С. Малинин) обстановка сложилась несколько менее удачно для нас. Несмотря на трехдневные напряженные бои, ударной группе 24-й армии (командующий генерал-лейтенант И. В. Галанин) не удалось прорвать вражескую оборону и разъединить задонскую и сталинградскую группировки противника. Враг сохранил за собой переправы у Вертячего и Песковатки. Таким образом, полного окружения врага в излучине Дона войскам фронта в эти дни не удалось достичь.

65-я армия (командующий генерал-лейтенант П. И. Батов) Донского фронта сумела прорвать вражескую оборону на участке Клетская, Ближняя Перекопка и нанесла врагу серьезный урон; эта армия прикрывала левый фланг ударной группы Юго-Западного фронта от удара с востока. Тем самым ставились под угрозу фланги и тылы задонской группировки противника. Таковы были итоги первых дней наступления трех фронтов, в результате которого был создан не только внутренний, но и внешний фронт окружения.

Несмотря на явный успех нашего контрнаступления и очевидность его далеко идущих последствий, Гитлер и его штаб продолжительное время пытались скрыть от немецкого народа надвигавшуюся катастрофу. Однако в последующем обстановка все же вынудила гитлеровский штаб в осторожной форме признать факт прорыва немецкого фронта под Сталинградом, при этом колоссальные потери германской армии по-прежнему замалчивались.

Геббельсовская служба начала фабриковать всевозможные фальшивки о потерях советских войск под Сталинградом. Однажды в начале нашего контрнаступления было сообщено, что за два дня немецкие войска разбили более 10 советских дивизий; при этом приводились такие номера соединений, которых в действительности не существовало. В другой раз Геббельс прибег к обычному жульническому трюку — широковещательным разговорам о создании якобы нового чрезвычайно эффективного оружия: танка-огнемета, перебрасывающего пламя через пятиэтажные дома, и электрического пулемета, выпускающего 3000 пуль в минуту. Но эти лживые заявления уже не производили прежнего впечатления.

Совсем иначе отзывались о советском контрнаступлении те, кто воочию почувствовал силу наших ударов. Один из захваченных в плен штабных офицеров противника показал: «Удар советских войск был настолько сильным, что наша пехотная дивизия оказалась полностью разгромленной в первый же день советского наступления. Бо́льшая часть личного состава сдалась в плен, другие были убиты, и лишь некоторые сумели отойти. Командир дивизии бежал в числе первых, а командир нашего полка сошел с ума, когда понял, что полк разгромлен».

Советское контрнаступление заставило многих задуматься, изменить свои расчеты. Как известно, некоторые круги Турции обещали Гитлеру, что Турция вступит в войну против СССР после падения Сталинграда, однако сражение под Сталинградом удержало их от этого шага. Надежды Гитлера на вступление Турции в войну были похоронены. Турецкая печать стала более объективно оценивать события под Сталинградом. Так, газета «Ени Сабах» в передовой статье подчеркнула, что «отныне никакими суждениями нельзя скрыть того непреложного факта, что немцы целиком просчитались в своих предположениях и расчетах в отношении России». Газета «Ватан» отмечала, что «русские достигли стратегических успехов и поставили германскую армию в тяжелое положение...»

Значение Сталинградского наступления было вскоре понято и нашими союзниками. Уже 24 ноября большинство влиятельных английских и американских газет правильно оценили контрнаступление в большой излучине Дона. Так, английская газета «Стар» указывала: «Ноябрь — это месяц, в течение которого пошатнулось много гитлеровских надежд. Сталинград поднялся, как привидение, и если мешок, в котором, по-видимому, оказалась огромная гитлеровская армия, стоявшая под Сталинградом, будет закрыт, тогда Германия окажется перед военным поражением».

Газета «Таймс» писала, что «мощный советский контрудар, произведенный в районе Владикавказа, уже предвещал в дальнейшем крупные события. И в действительности за этим незамедлительно последовал новый, более сильный удар. Три дня жестоких боев вокруг Сталинграда отчетливо показали, кто из двух противников

оказался в большей степени способным перенести физическое и моральное напряжение четырехмесячной осады. В глазах мира германская армия не приобретет больше никакого престижа, поскольку ее поражение под Сталинградом очевидно для всех».

В таком же духе оценивала сталинградские события и американская печать. Вот выдержка из газеты «Нью-Йорк геральд Трибюн»: «За последние две недели внимание американцев концентрировалось главным образом на событиях в Северной Африке и южной части Тихого океана. Однако недавние сообщения Совинформбюро напомнили о том, что в течение уже полутора лет Красная Армия выносит на себе основное бремя борьбы с германскими армиями и, таким образом, сделала возможным мобилизацию и развертывание англо-американской мощи».

Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Советская победа свидетельствует, что Гитлеру угрожает серьезная опасность, если он попытается теперь перебросить войска с Восточного фронта. Ресурсы Гитлера чрезвычайно напряжены. Ясно, что он скоро вынужден будет перейти к обороне, однако и она скоро станет невозможной, так как союзники Гитлера сохраняют лояльность к нему лишь из-за страха перед ним».

По заявлению обозревателя агентства Ассошиэйтед Пресс Лонга, советское наступление в районе Сталинграда изменило положение на всем Восточном фронте; по его мнению, оно свидетельствует о том, что Советский Союз берет инициативу в свои руки и угрожает всем германским войскам в районе Сталинграда, в то время как англичане и американцы создали угрозу державам оси в Средиземном море.

Так писали наши союзники того времени. Ясно, что, если бы одновременно с ударом наших войск в районе Сталинграда были бы начаты военные действия в Западной Европе, война закончилась бы, наверное, в течение следующего, 1943 года. Однако по ряду причин, а прежде всего в связи с тем, что монополистические круги США были заинтересованы в продлении войны на возможно более долгий срок, этого не случилось. И человечество еще на два с половиной года было обречено на ужасы кровопролитной войны.

☆

ГЛАВА XV

СЖИМАЕМ КОЛЬЦО ОКРУЖЕНИЯ

Последние дни ноября (24—30) бои велись с главной целью: с одной стороны, сжать кольцо окружения противника и ускорить разгром окруженных, с другой стороны, создать для обеспечения этой операции внешний устойчивый фронт.

Внешний фронт, созданный нашими войсками, вначале проходил на расстоянии 30 километров от кольца окружения. В некоторых местах он прерывался. Поэтому очень важно было как можно скорее затянуть эти разрывы.

На внутреннем фронте по сжатию кольца окружения должны были действовать войска Сталинградского и Донского фронтов. Последнему были переданы из состава Юго-Западного фронта 21-я армия, 4-й и 26-й танковые корпуса, вышедшие на внутренний фронт. На внешнем фронте действовали войска Юго-Западного фронта и 51-й армии нашего фронта. Перед ними стояла задача создать устойчивый внешний фронт.

К исходу 23 ноября войска трех фронтов занимали следующее положение. Сталинградский фронт, овладев Советским, отбросил врага на линию Ракотино, Мариновка. Армии Юго-Западного фронта и 65-я армия Донского фронта подошли к рубежу Калач, Назмищенский, Мостовский, Большенабатовский, Голубая, Ближняя Перекопка. На сковывающем фланге Донского фронта и в полосе 62-й армии шли напряженные бои на прежних рубежах.

С утра 24 ноября ударные группировки Сталинградского фронта продолжали наступление, охватывая противника с юго-запада. Однако успех был уже менее зна-

чительным, чем раньше; противник понял серьезность обстановки и начал предпринимать ожесточенные контратаки на фронте 57-й армии. В контратаку бросались группы по два — три пехотных полка, поддержанных 50—60 танками. Однако эти попытки успеха не имели. Напряженные бои разгорелись на рубеже рек Карповка, Червленная и у южной окраины поселка Купоросное.

Противник успел повернуть назад танковые дивизии, уже начавшие движение на север. Начни Сталинградский фронт наступление днем позже, он добился бы гораздо большего успеха. Тогда танковые соединения противника оказались бы вовлеченными в боевые действия на севере; вряд ли их можно было бы оторвать с направления Юго-Западного фронта, а если бы это немцам и удалось сделать, эти дивизии запоздали бы не менее чем на сутки. Это несомненно ускорило бы разгром всей сталинградской группировки врага.

62-я армия, также перешедшая 24 ноября в наступление, сумела до конца ноября отбить у врага ряд кварталов в северной части города.

Ожесточенные бои последнюю неделю (24—30) ноября шли и на фронте 64-й армии, которая за это время продвинулась своим левым флангом на 18 км, хотя перед ней была сильно укрепленная полоса обороны противника. Ударная группа армии левым флангом вышла в район Цыбенко и развернулась фронтом на север.

51-я армия, действовавшая на внешнем фронте, отодвинула его и продолжала вести бои на рубеже реки Аксай.

Одновременно на Донском фронте 21-я армия, взаимодействуя с частями Сталинградского фронта, овладела рубежом Платоновский, Илларионовский и начала бои по освобождению Сокаревки и Песковатки. 65-я армия продолжала выполнять задачу по окружению задонской группировки противника, а соседняя с ней (к востоку) 24-я армия направляла свой удар по противнику на участке Вертячий, Песковатка с тем, чтобы отрезать ему пути отхода из излучины Дона на юго-восток. Враг оказывал всем этим армиям ожесточенное сопротивление и вместе с тем отводил свои войска на левый берег Дона. 24-й армии не удалось захватить Вертячий и Песковатку, и в это время далее Нижне-Гниловского она не продвинулась. 65-я армия 27 ноября вышла на рубеж Лучен-

ский, Нижне-Герасимов. К 30 ноября, однако, обе эти армии заняли Песковатку и Вертячий и достигли рубежа Мариновка, Дмитриевка.

66-я армия Донского фронта (командующий с 14 октября 1942 г. генерал-лейтенант А. С. Жадов) в силу успешных контрмероприятий противника оказалась в затруднительном положении. Враг, поспешно отошедший, сократил свой фронт и сумел организовать прочную оборону на новом участке. В результате этого 66-й армии удалось соединиться лишь с группой Горохова в районе Рынок; к основным силам 62-й армии, как это предполагалось, она в этот момент прорваться не смогла.

Несмотря на все нарастающее сопротивление противника, территория, занимавшаяся им, уменьшилась уже более чем вдвое и на 30 ноября составляла 1500 квадратных километров. Эта площадь простреливалась из дальнобойных полевых орудий в любом направлении.

На 2 декабря было назначено наступление двух фронтов (Сталинградского и Донского) с целью расчленения окруженных. Однако к этому времени не удалось подтянуть отставшую тяжелую артиллерию и тылы. Наступление было начато 4 декабря. Пять дней шли напряженные бои на участках обоих фронтов. Однако сколько-нибудь значительных результатов на этот раз достигнуто не было. Противник уже успел организовать оборону на новых выгодных рубежах и, частично используя наши обводы, сумел создать надежную систему огня; но самое главное — враг разгадал направление нашего главного удара. Для предотвращения его успеха немецко-фашистское командование перебросило с других направлений наиболее полнокровные и надежные соединения: 113-ю пехотную, 3-ю и 29-ю моторизованные дивизии со значительным количеством танков. Следует при этом иметь в виду, что большая часть нашей артиллерии так и не была подтянута к началу наступления. Солдаты же наши были сильно утомлены предшествующими десятидневными непрерывными боями. Очень важно также, что в момент окружения командование наступающих фронтов не знало действительного количества окруженных вражеских войск. В данных нашей разведки оно было сильно преуменьшено. Как стало известно позже, действительная численность немецко-фашистских войск составляла 330 тысяч человек, входивших в 22 дивизии и в

различные специальные части резерва главного командования.

Наше наступление было прервано. Стало ясно, что быстро решить задачу расчленения и уничтожения окруженных нельзя. Надо было усиливать наступающих свежими частями. Однако вскоре события развернулись так, что выполнение этой задачи пришлось передвинуть на более отдаленные сроки. Гитлеровская ставка предприняла попытки разорвать кольцо окружения извне.

В этот период у нас возникли большие затруднения в обеспечении войск боеприпасами, горючим и продовольствием: ледоход на Волге стал непреодолимым препятствием как для паромов, так и для катеров. Пришлось ввести строжайшую экономию во всех наших основных расходах.

Однако и у войск противника, окруженных под Сталинградом, положение со снабжением было не из легких: его запасы были ограниченны; примерно на третий или четвертый день после окружения началась доставка всех видов довольствия по воздуху. Первоначальные расчеты противника, видимо, строились на том, чтобы материалы, главным образом продовольствие, доставлять и днем и ночью. Ночью, как правило, грузы просто сбрасывались в определенных пунктах, а днем снабжение осуществлялось посредством посадочных десантов. В связи с дальними расстояниями и недостаточным оборудованием воздушной и наземной трасс грузы, которые сбрасывались окруженным, нередко попадали к нам, и вскоре противник ограничился лишь дневными операциями. Все полеты транспортных самолетов прикрывались истребителями, которые сопровождали их до зоны снижения на посадку. Трассы полетов проходили из Донбасса, Ростова и Сальска. Эти воздушные линии с юга и юго-запада тянулись через район Сталинградского фронта.

В первые дни этого способа снабжения, когда мы еще не имели опыта против подобного рода действий, довольно много самолетов противника безнаказанно проходило к окруженным. Наши истребители не успевали по времени, так как оповещение было построено на воздушном наблюдении и, пока сигналы поступали в соответствующие авиационные части, противник успевал подойти к цели и начать посадку. Это, конечно, не могло не беспокоить нас. Мы приняли решительные меры, направ-

ленные к тому, чтобы усилить противовоздушную блокаду. Была установлена тесная взаимосвязь нашей истребительной авиации и зенитной артиллерии.

Не помню точно числа, но знаю, что в первых числах декабря мне позвонил по ВЧ Верховный Главнокомандующий и спросил: «Как вы организовали воздушную блокаду?» Я доложил. Внимательно выслушав мой доклад, И. В. Сталин сказал, что необходимо пересмотреть еще раз всю организацию воздушной блокады и принять меры к тому, чтобы ни один самолет противника не мог пролететь к окруженным.

После этого еще раз был всесторонне продуман вопрос усиления воздушной блокады и намечены следующие мероприятия:

а) на направлении Котельниково, Цимлянская послали несколько разведчиков-наблюдателей с радиостанциями, которым поставили задачу — как только они услышат гул моторов транспортных самолетов, немедленно давать условный сигнал;

б) для того, чтобы не опаздывала наша авиация, мы перебазировали 235-ю истребительную дивизию (командир дивизии подполковник И. Д. Подгорный) на полевые аэродромы и площадки в район южнее Сталинграда. Здесь же был размещен передовой командный пункт фронта. Авиаполки между собой, а также с командным пунктом фронта были связаны телефоном и радиосвязью;

в) усилили зенитную артиллерию на направлениях основных маршрутов движения самолетов противника.

Такая система организации воздушной блокады дала сразу же положительные результаты.

11 декабря. Пасмурный день (помню его, как будто это было вчера). Над землей густая облачность высотою 300—400 метров. Накануне, поздно вечером, мне доложили, что соответствующий приказ выполнен, истребительные полки 235-й дивизии посажены на полевые аэродромы и площадки, связь с ними установлена, наблюдатели с радиостанциями на месте. Около 10 часов утра наблюдатель передал, что за облаками слышен сильный гул самолетов. Самолеты противника идут на Сталинград. Сразу же была дана команда поднять в воздух все три авиаполка. Не успели наши самолеты собраться в зоне ожидания, как вдруг, не доходя 20—30 км до Гумрак — аэродрома посадки, воздушная колонна против-

ника начала пробивать облачность и, выйдя из нее, вся оказалась на виду. В колонне шли 16 самолетов Ю-52, которые прикрывались четырьмя истребителями. Наши истребительные полки, как только заметили колонну противника, пошли на перехват; сразу же завязался воздушный бой. Строй колонны противника нарушился. Один за другим сбитые самолеты Ю-52 падали на нашей территории. Со сбитых самолетов было взято в плен 16 летчиков. Я приказал доставить их на командный пункт фронта.

Об этом замечательном успехе воздушной блокады было немедленно доложено Верховному Главнокомандующему. Он поблагодарил нас и просил передать свою благодарность всем летчикам, участвовавшим в этом бою. В конце разговора приказал мне лично поговорить с пленными летчиками, предложить им вернуться к Паулюсу, изложить ему суть дела и передать, что командующий Сталинградским фронтом предлагает начать переговоры о сдаче в плен, так как с этого дня снабжение по воздуху будет полностью нарушено нами.

Как только привезли первую партию летчиков, я приказал накрыть стол и начал беседовать с ними. Были поставлены различные вопросы, летчики более или менее правдиво отвечали на них. В конце нашего разговора я сообщил пленным летчикам наши условия, сказав следующее:

«Мы переправим вас в «котел» к Паулюсу. По прибытии туда доложите, что все ваши самолеты сбиты, а вы сами попали в плен, где говорили с командующим Сталинградским фронтом Еременко, обещавшим всем находящимся в «котле» при условии капитуляции сохранение жизни». Летчики, выслушав это предложение, попросили несколько минут, чтобы обдумать ответ. У них возникли бурные «прения». Часть высказалась за то, чтобы принять предложение, но большинство было другого мнения, а вскоре и остальные склонились на их сторону. В заключение один из пленных офицеров попросил разрешения задать вопрос. Я разрешил. Он сказал: «Господин генерал, как бы вы отнеслись к такому предложению, если бы к вам явился русский офицер из немецкого плена и предложил вам, чтобы ваши войска капитулировали. Что́ бы вы ему на это ответили?» Я ответил: «Отдал бы его под суд». — «А нас, господин, генерал, за

одно слово о капитуляции не под суд отдадут, а немедленно расстреляют. Поэтому, с вашего разрешения, мы не пойдем к Паулюсу, а останемся в плену, каким бы горьким для нас он ни был».

На этом наша беседа закончилась. Пленные летчики были отправлены в лагерь для военнопленных. О подробностях этой беседы я доложил в Ставку.

С этого дня мы систематически уничтожали почти все транспортные самолеты противника, которые посылались для доставки грузов окруженным. Наша воздушная блокада нанесла колоссальный ущерб врагу. Самолетами Сталинградского фронта было сбито более 400 транспортных самолетов противника.

Таким образом, под Сталинградом фашисты потеряли почти всю транспортную авиацию и все ее летные кадры.

Положение окруженных все более и более осложнялось. Всевозможными способами Гитлер пытался поддержать моральный дух своих солдат, попавших в «котел»; об этом, в частности, свидетельствовала перехваченная нами радиограмма из фашистской ставки; она требовала немедленно представить списки достойных награждения и повышения в звании. А тем временем суточный рацион гитлеровцев снижался и снижался. Сначала он составлял 300 граммов хлеба, а затем уменьшился до 100 граммов (другие продукты солдатам вообще не выдавались).

Нелегко было правителям фашистской Германии расстаться с мечтой о захвате юга нашей страны, и прежде всего Кавказа, а без удержания района Сталинграда этот план рушился. Овладение Кавказом не было пределом в тщеславных стремлениях Гитлера и германских монополистов. Юг нашей страны, по их оптимальным планам, должен был послужить военно-стратегическим трамплином для вторжения на Средний Восток, а затем и в Индию, с целью нанесения смертельного удара Великобритании со стороны ее глубоких колониальных тылов. В свою очередь, овладение громадными экономическими ресурсами этой части Азии должно было содействовать осуществлению всего комплекса бредовых планов германского национал-социализма о завоевании мирового господства.

Поражение же под Сталинградом было сокрушительным ударом по всем этим заманчивым проектам; оно

вместе с тем ставило под угрозу срыва и более ограниченные расчеты на скорую победу над нашей страной и делало самое возможность такой победы весьма проблематичной.

Гитлеровская армия вновь теряла стратегическую инициативу, причем в худших условиях по сравнению с зимой 1941/42 года. Важно, что на непосредственное проведение Сталинградской контрнаступательной операции были использованы сравнительно ограниченные силы, без создания общего превосходства над противником в районе, где она была осуществлена. В этом отношении правильный выбор участков прорыва обеспечил нам решающее превосходство за счет экономии сил на второстепенных направлениях (здесь мы придерживались суворовского завета «побеждать не числом, а уменьем»).

Попутно скажем здесь об одной «горе-теории», выдвинутой битыми гитлеровскими генералами и поддержанной их покровителями в США. Отрицать теперь то, что немецкие генералы биты, нельзя: ведь этому никто не поверит. И вот они утверждают, что они, видите ли, биты лишь потому, что у русских было превосходство в силах, выворачивают знаменитый суворовский афоризм наизнанку и кричат, что их били-де не уменьем, а числом. Напрасные потуги, господа! Если кто воевал числом, и не только, конечно, числом обманутых геббельсовским враньем солдат, но также числом танков, самолетов, пушек и концлагерей,— то это ведь сами гитлеровцы. Стоило лишь незначительно упасть их превосходству в технике, как хваленые гитлеровские «стратеги» начали топтаться на месте, либо отступать.

Прорыв вражеской обороны производился там, где она была наиболее слабой, где ее занимали части, не отличавшиеся особой стойкостью, где у противника не было достаточных резервов. Очень важное значение имело также и то, что прорыв осуществлялся тремя фронтами, каждым в нескольких направлениях (всего в семи направлениях). Это, естественно, не позволяло врагу производить сколько-нибудь широкое маневрирование, так как сами резервы оказывались изолированными друг от друга, а подчас и рассеченными. Была отчасти нарушена система управления войсками у врага.

Практически прорыв подготовленной обороны противника осуществлялся массированными ударами под-

держанных артиллерией и танками стрелковых соединений, составлявших первый эшелон наступавших ударных групп; развитие же тактического прорыва в оперативный, завершение окружения и образование внутреннего фронта окружения возлагалось на танковые и механизированные соединения, действовавшие во втором оперативном эшелоне армий. Такое построение ударных групп на главном направлении наступления, правильно учитывавшее боевые свойства тех и других соединений, как известно, имело применение и в последующих операциях Великой Отечественной войны.

Высокий темп прорыва обороны противника, положенный в основу замысла Сталинградской наступательной операции, обеспечил не только разгром оборонявшихся на флангах войск противника до подхода резервов, но и окружение крупной группировки противника.

Темп нашего продвижения по двум фронтам (Сталинградскому и Юго-Западному) в среднем в сутки составил 30—35 километров. Подвижные соединения Сталинградского фронта, в частности 4-й механизированный корпус, за два дня с боями прошли более 100 километров.

Решающим в успехе контрнаступления была работа Коммунистической партии в массах. Эта работа обеспечила могучий политический подъем в войсках, высокий наступательный порыв советских воинов — участников незабываемых событий. Последние приготовления к контрнаступлению совпали с празднованием годовщины Октября, когда исполнилось четверть века пролетарской революции в нашей стране. Тысячи политработников неутомимо работали в войсках. Помню, с начала ноября и вплоть до наступления Никита Сергеевич перестал бывать на командном пункте: он все время проводил в соединениях и частях. Усилия воинов направлялись на выполнение задач контрнаступления. Надо было проверить расстановку коммунистов и комсомольцев, на наиболее ответственные участки поставить проверенных в деле, стойких товарищей. В частях проводились митинги, с каждым солдатом в отдельности командиры и политработники вели беседы, чтобы подготовить бойцов к выполнению предстоящей задачи.

Характерной особенностью работы Никиты Сергеевича всегда была забота о людях, живая связь с ними. Он всюду признавал решающую роль за простым чело-

веком, как за частицей народа, творящего историю. Стоит поучиться у него тому уважению, с которым он относился к любому солдату и командиру. Он быстро раскрывал характер человека, находил его главные достоинства. И люди открывали ему всю душу, все свои сокровенные думы.

Первые дни нашего контрнаступления. Погода стояла морозная, температура ниже минус 10 градусов, первый еще неглубокий снег покрыл поля. Никита Сергеевич тогда постоянно находился в войсках. Припоминаю, как он прибыл в район 15-й гвардейской стрелковой дивизии. Наступление к ночи здесь несколько затихло. Один из полков дивизии сосредоточился в районе маленького хуторка с тем, чтобы привести себя в порядок и поужинать. Несколько полуразрушенных домов хуторка, конечно, не могли вместить всех. Вокруг домиков появились костры, где грелись и сушили обувь солдаты, как обычно делясь своими впечатлениями от минувшего дня тяжелых боев и маршей.

К одной из таких групп подошел Никита Сергеевич. Слушая разговор солдат, он понял, что хорошее боевое настроение их несколько нарушено. Вступив в беседу, он узнал, что полк сегодня получил только завтрак, а ужина не предвидится, сухой паек кончился. Видно, отстали тылы.

— Постараюсь помочь вам в этом деле, товарищи,— сказал Никита Сергеевич и сейчас же отправился искать дивизионное начальство. Ночью, в ходе ведущегося наступления, это дело, как известно, нелегкое, тем не менее Никита Сергеевич не уехал из этого района, пока не нашел командира дивизии и не убедился, что продовольствие будет еще до утра доставлено в полк.

Ко времени сталинградского наступления был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР, предоставлявший право командующим фронтами, армиями, командирам корпусов, дивизий, бригад и полков награждать орденами и медалями отличившихся воинов. Это право было широко использовано всеми фронтами, в частности Сталинградским фронтом. В первые же дни наступления командующий фронтом вручил на поле боя несколько сотен орденов и медалей: героизм в те дни был поистине массовым.

Широко была развернута информация о подвигах на-

гражденных. Велась и устная, и печатная пропаганда. Практиковались благодарственные письма и так называемые «бюллетени передовой линии», сообщавшие о боевом опыте как целых подразделений, так и отдельных воинов.

Важное значение имело обнародование 22 декабря 1942 года решения правительства об учреждении медалей за оборону Ленинграда, Севастополя, Одессы и Сталинграда. «Правда» тогда писала: «Медаль на груди защитников этих городов будет памятью о героических днях, когда, затаив дыхание, вся страна следила за мужественной борьбой, когда весь мир выражал свое изумление и восхищение перед стойкостью, бесстрашием советских воинов, перед их беззаветной преданностью Родине.

Да будет вечная слава героям Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда!»

«Правда» подчеркивала: «Успех наступления Красной Армии обусловлен выдающейся стойкостью защитников Сталинграда и непоколебимым мужеством и отвагой, которую не могло сломить ни численное превосходство врага, ни его техника, ни бешенство его самолетов, тучей носившихся над Сталинградом».

А какое огромное воспитательное значение в создании высокого наступательного порыва сыграла переписка между тылом и фронтом! Уже в один из первых дней наступления в адрес фронта поступило более 160 тысяч писем, а фронт отправил более 40 тысяч. Труженики тыла и труженики фронта (полагаю, что советские солдаты вполне заслужили это название) обменивались радостями своих побед, своими надеждами и взаимными пожеланиями успеха. Письма на фронт приходили не только от родных и близких (их в эти дни было особенно много), но и от незнакомых людей, а также от коллективов предприятий, правлений колхозов, деятелей науки и искусства.

Трудящиеся поселка Каменское Архангельской области писали:

«Сообщение о ваших героических подвигах в районе Сталинграда наполнило наши сердца радостью и гордостью за свою любимую Красную Армию. Мы готовы перенести любые трудности, лишь бы дать вам все необходимое для победы».

По поручению рабочих и служащих Башкирской неф-

теразведки товарищи Лосников, Куликов, Челогаев писали: «Своими успехами на фронте вы, защитники Сталинграда, вселяете в нас новый прилив трудового энтузиазма. Обещаем вам работать еще лучше!»

Горняки шахты имени Кирова Черемховского бассейна заверяли: «Обязуемся ежедневно дополнительно давать на-гора 350 тонн угля. От всего сердца желаем вам, горячо любимые сталинградцы, боевых успехов».

Сталинградцам писал секретарь Хабаровского крайкома партии Борков:

«Большевистскими делами, героическим трудом перекликаются трудящиеся нашего края с героями великой Сталинградской эпопеи.

Мы с вами, дорогие товарищи! Еще крепче удар по озверелым ордам немецко-фашистских захватчиков. Очистим нашу священную советскую землю от гитлеровской нечисти».

Поэт Максим Рыльский в письме, озаглавленном «Слава вам и земной поклон!», писал сталинградцам: «Я — литератор, человек, главное оружие которого — перо. В эти дни хочется, чтобы перо превратилось в огненный меч, рассекающий фашистскую тьму, чтобы слово поэта было делом бойца. И я знаю, что мои собратья в эти дни славного наступления Красной Армии... утроят, удесятерят свои силы... Все для победы! — таков лозунг трудящихся Советского Союза, таков лозунг советских писателей».

Трудящиеся Грузии прислали письмо, подписанное академиками Н. Мусхелишвили, Кецховели, писателями Дадиани, Абашидзе и многими другими. Они писали: «Доблестные герои Сталинграда! С вами весь советский народ. Беспощадно громите, отбрасывайте и уничтожайте вражеские орды! Идите вперед!»

Девушки Московской обувной фабрики «Парижская Коммуна» сообщали, что назвали свою комсомольско-молодежную бригаду именем защитников Сталинграда и что эта бригада с честью оправдывает свое название, давая ежедневно сверх плана 60 пар армейской обуви. Свое письмо девушки заканчивали так:

«Наша самая горячая и задушевная мечта — после разгрома немецких захватчиков обнять вас и крепко, подружески, пожать ваши руки».

Сталинградцам писал и президент Академии наук СССР Комаров:

«Дорогие сыны наши! Всему миру показали вы умение сокрушать гитлеровские орды... Судьба Отечества, его честь и независимость в ваших руках!»

Разведчик товарищ Злобин получил письмо в стихах от своей дочки-школьницы Нины, напечатанное потом во фронтовой газете. Бесхитростные, искренние детские стихи заканчивались такой строфой:

Разгромить фашистов, выгнать палачей
Родина позвала всех отцов и сыновей!
До счастливой встречи, папочка родной!
Ждем тебя с победой к нам скорей домой!

Письмо всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина «Богатырям Сталинграда» было одним из наиболее впечатляющих в этом потоке писем к воинам-сталинградцам.

М. И. Калинин писал: «За операциями сталинградцев следит весь мир. Ваши успехи высоко подняли мнение всех мировых военных авторитетов о боеспособности Красной Армии, мужестве ее бойцов и искусстве командиров.

Но самое главное — это то, что наше наступление на Сталинградском фронте принесло величайшую радость народам Советского Союза. Каждое сообщение о победах на фронте с чувством огромного воодушевления переживается всеми нашими людьми от мала до велика. В порыве глубокой признательности они несут вам восторженные пожелания еще больших успехов в нанесении немецко-фашистским войскам новых сокрушительных ударов».

В ответных письмах, полных боевого энтузиазма, сталинградцы заверяли своих близких, своих сограждан, что они с честью выполнят свой высокий долг перед Родиной и народом.

Вот отрывок из письма одного из фронтовиков — бывшего сталинградского грузчика Медведева своей жене:

«Дорогая жена, милые детки Саша, Валя и Алька!

В первых строках моего письма радуюсь я, что вы живы и здоровы, как передал мне Ваня Петров, который служит теперь в нашем полку и который видел, как вы... уходили в колхоз «Красный Заволжец». Трудно описать, как началось наше горе, как загорелся наш причал и

как сквозь дым увидел я, что над Красной Слободой кружат стервятники. Прибежал я с переправы, а двор наш пустой... на глухой стене, что на Волгу выходит, я прочитал то, что ты написала там углем: «Прощай, Николай. Ухожу с детьми, куда — не знаю...» Прочитал я эти слова, посмотрел, как горит наш Сталинград, и, прости, родимая, не тебя разыскивать пошел, а командира ополчения... С тех пор и началась моя боевая жизнь...»

Николай Медведев писал далее о том, что он стал сапером, что вернется к своему домику, как только враг будет окончательно разбит.

Солдат Абдурахман Саматбатиев писал своей жене (Алма-Атинская область, Панфиловский район, колхоз «Ават»):

«Дорогие мои, жена Хасият и сын Абайдалла! Шлю вам письмо с фронта. Мы наступаем. Горжусь тем, что иду в бой среди героических защитников Сталинграда. Мы идем вперед, мы гоним врага. Рядом со мной сражаются мои друзья: русский автоматчик Михаил Давыдов, казах стрелок Джафсарбай Шабинеров, латыш артиллерист Андрей Клава, киргиз пулеметчик Атаканов... Каждый вечер мы подсчитываем, сколько километров прошли за день... Каждый шаг, сделанный нами вперед, приближает день освобождения...

Дорогая Хасият, в последнем своем письме ты пишешь, что стала стахановкой. Очень хорошо. Надо, чтобы все в колхозе работали отлично, об этом просят написать мои друзья. Береги сына, Хасият, он будет жить в счастливое время после победы над врагом».

Сообщив семье самое важное о себе, поделившись с близкими своими успехами и фронтовыми радостями, воин с легким сердцем шел в бой.

Велики были чувства братской дружбы между воинами различных национальностей. Среди войск фронта были представители всех народов нашей необъятной страны. И воины всех национальностей показали себя здесь истинными патриотами своего социалистического Отечества. Так, в числе награжденных орденом Красного Знамени приказом № 60/Н командующего войсками фронта были: русский сержант Семен Филиппович Сазонов, украинец майор Григорий Петрович Савчук, грузин военный инженер 3 ранга Андрей Георгиевич Азадзамия.

В составе фронта сражались знаменитые Богунский и Таращанский полки, созданные легендарным Щорсом. У стен Сталинграда эти полки преумножили свою былую славу. Подвиги богунцев и таращанцев вдохновляли на борьбу с врагами как воинов-украинцев, так и всех воинов фронта.

Украинский поэт Микола Бажан, обращаясь в своем призыве «К сынам Украины, сражающимся за Сталинград», писал:

«Весь мир слышит гром советских орудий под Сталинградом. Весь мир видит блеск советских штыков в заснеженных степях Волги и Дона. Грохот и пламя величественной битвы встают над землей, оповещая все человечество, что близится час гибели его злейшего врага — гитлеризма.

Слышит этот грохот, видит это пламя и наша мать Украина, замученная немецкими палачами. Через линии фронтов... доходит до ваших отцов, жен, братьев и сестер радостная весть о подвигах красных воинов под Сталинградом...

Загораются вновь потускневшие от слез глаза ваших седых матерей, и руки ваших угнетенных братьев берутся за оружие и вырастают отряды орлов Украины — отважных партизан... В жестоком бою на берегах Волги куется освобождение Украины».

Свидетельством самой тесной связи воинов-сталинградцев со своей родной Коммунистической партией, доказательством сыновней любви к ней было стремление солдат и офицеров перед решающими боями стать коммунистами, о чем я уже говорил в разделе, посвященном оборонительному периоду. Теперь в дни наступления новые тысячи воинов потянулись к партии: они хотели победить или умереть, став членами великого содружества единомышленников-коммунистов, созданного и выпестованного бессмертным Лениным.

В первые дни наступления в одном из полков фронта было подано 200 заявлений с просьбой о приеме в партию. Их подали лучшие воины части. Среди них участник обороны Царицына сержант Поваляев, разведчик Багиров, командир взвода лейтенант Щербань, наводчик Корбанов, солдат Токарюк. Всё это воины, которые уже не однажды показали в боях свою доблесть и отвагу.

В. Ф. Труфанов

А. Е. Халезов

А. М. Кузнецов

И. В. Воронков

В. Т. Вольский

Т. И. Танасчишин

А. Г. Кравченко

Л. Г. Родин

Партийные комиссии решали вопрос о приеме в партию тут же в блиндажах, в окопах стрелковых частей, на огневых позициях артиллерии. Заявления воинов с просьбой о приеме их в ряды Коммунистической партии, как правило, рассматривались немедленно.

Новые члены партии шли в бой, на штурм вражеских укреплений с партийными билетами, стремясь новым подвигом доказать, что они достойны высокого звания коммуниста.

Кандидат партии сержант товарищ Васильев, храбро сражавшийся в дни обороны Сталинграда, был награжден двумя орденами. В наступательных боях он также дрался доблестно. В ходе одного из боев товарищ Васильев обеспечил успех своего подразделения при отражении вражеской контратаки. Он был принят в члены партии.

Снайпер Георгий Красицкий (за 18 дней боев истребивший более полусотни гитлеровцев), принятый кандидатом в члены партии, на следующий же день после приема совершил подвиг. Поздно вечером он подполз к вражескому блиндажу и залег около него. Вокруг блиндажа шагали часовые, их было двое. Меткими выстрелами из винтовки снайпер снял охрану и тут же бросился в блиндаж. У выхода он прикладом сразил гитлеровского офицера. Больше в блиндаже никого не оказалось. Забрав документы, воин вернулся в свое подразделение. Захваченные документы дали нам много ценных сведений.

Так отвечали воины-сталинградцы на доверие, оказанное им Коммунистической партией, принявшей их в свои ряды.

Подвиги молодых коммунистов вдохновляли на самоотверженную борьбу тысячи новых патриотов. Боевые дела наиболее отличившихся воинов быстро делались достоянием всего личного состава той или иной части и соединения. В свою очередь отличные действия тех или иных частей и соединений становились достоянием всего личного состава фронта. Так, к исходу одного из первых дней наступательных боев весь фронт знал о боевых делах одного из полков, уничтожившего за день 18 блиндажей и дзотов, 9 противотанковых орудий, 42 пулемета, 300 солдат и офицеров и захватившего около тысячи пленных. Вечером того же дня воины полка узнали, что

их смелые, инициативные и умелые однополчане — 242 человека — награждены орденами и медалями.

Нет возможности перечислить, хотя бы бегло, все то, что было сделано сталинградскими коммунистами для надежного обеспечения успеха нашего наступления.

Необходимо тщательно изучить и обобщить методы и формы политической работы в войсках, которые были применены в условиях сталинградского наступления. Необходимо, чтобы этот ценнейший опыт был использован не только как историко-познавательный материал. Он во многом пригодится и для практической работы в войсках. Беда в том, что об этом опыте пока что ничего не написано. А жаль. Бывшие работники политуправления Сталинградского фронта (начальник товарищ П. И. Доронин и другие) могли бы в этом отношении многое сделать. Дела партийных организаций и политорганов Сталинградского фронта заслуживают того, чтобы советский народ, его армия знали о них.

☆

ГЛАВА XVI

РАЗГРОМ ГРУППИРОВКИ ГОТА — МАНШТЕЙНА

К началу декабря обстановка на фронтах была следующей (схема 18). Внутренний фронт окружения проходил по линии Рынок, высоты 122,9, 126,7, Мариновка, Ракотино, Цыбенко, Елхи, Купоросное; в северной части города линия фронта шла по кварталам, прилегающим к берегу Волги. Внешний же фронт, образованный войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов, шел от Рубежинского по рекам Кривая, Чир, затем по Дону до станицы Верх. Курмоярская, а от нее на Верхне-Яблочный, Гремячая, Дарганов, Нугра. Между окруженными вражескими дивизиями и нашим внешним фронтом была полоса шириной в самом узком месте около 40 километров.

То обстоятельство, что у окруженных войск противника к началу декабря почти полностью отсутствовали транспортные связи с внешним миром, за исключением воздушных, не заставило ни гитлеровскую ставку, ни командование окруженных войск трезво взвесить создавшуюся обстановку и реальное соотношение сил. Они по-прежнему рассчитывали сохранить за собой сталинградский плацдарм, занятый войсками 6-й армии и частью сил 4-й танковой армии (сведенных затем в одну — 6-ю армию), надеясь, что связь с ними будет восстановлена одновременными ударами извне и изнутри по одному из участков кольца наших войск. Сохраняя этот плацдарм, Гитлер полагал оставить за собой возможность для дальнейшего наступления в южном направлении, чтобы в конечном счете осуществить свои планы по овладению Кавказом. Часто это решение Гитлера расценивают как каприз маньяка, но это, конечно,

не совсем так: нужно иметь в виду, что развертывавшиеся под Сталинградом события не имели прецедента в мировой военной истории, поэтому фашистский фюрер не верил в свое поражение у стен города, который почти на 50% находился в его руках. Мало этого. Решение Гитлера, как известно, поддерживало большинство германского генералитета, хотя теперь оставшиеся в живых приспешники Гитлера всеми способами открещиваются от этого, взваливая все на фюрера.

Следует заметить, что события под Сталинградом в тот момент рассматривались и достаточно авторитетными в военных и политических делах людьми как граничащие с чем-то сверхъестественным. Так, например, Уинстон Черчилль в своем выступлении по радио 29 ноября 1942 года говорил:

«Успехи в Африке, как бы быстры и решительны они ни были, не должны отвлекать нашего внимания от ударов, которые наносят русские на восточном фронте и которые граничат с чудом. Весь мир приходит в восхищение при мысли о гигантской силе, которую Россия смогла сохранить и применить».

Сразу же после нашего прорыва вражеская оборона на флангах начала расползаться. Захваченные врасплох войска противника зачастую так бежали, что даже теряли соприкосновение с наступающими. Опасаясь, что этот отход, превратившийся на отдельных участках в паническое бегство, приведет к потере наиболее выгодных для обороны рубежей, гитлеровцы начали лихорадочно создавать оборону по рубежу реки Чир (левый приток Дона); они предполагали, что именно в этом направлении будут развиваться наши удары после овладения Калачом. Свободных резервов в этом районе у противника не было, и он вынужден был привлечь для создания здесь обороны первые попавшиеся под руку части, подразделения, команды и т. п. (здесь были использованы разбитые части 3-й румынской армии, 48-го танкового корпуса, созданного заново незадолго до нашего контрнаступления и сразу же сильно потрепанного, а также различные учебные и тыловые части 6-й армии, не попавшие в окружение).

Позволю себе привести здесь выдержку из уже неоднократно цитировавшейся нами книги Дёрра, тем более что он был непосредственным участником описываемых

событий как начальник 2-го немецкого штаба связи при 4-й румынской армии. В его свидетельствах, несомненно, мы находим в этом отношении значительную долю правды.

Сведения разведки Юго-Западного фронта в силу ряда обстоятельств, в том числе и действительно объективных, не могли дать полной картины на этом участке. По ее данным, здесь имелась целая группировка, так называемая «тормосинская группировка»; этим малочисленным войскам, задачей которых было стабилизировать положение перед собственным фронтом, приписывались с самого начала иные цели, а именно контрудар с целью освобождения окруженных.

Приводимый ниже отрывок из книги Дёрра отчетливо показывает, насколько далеки от истины подобные утверждения.

«Организация обороны на р. Чир до начала наступления с целью деблокирования окруженных войск (с 24 ноября до 11 декабря 1942 г.).

Для нас было счастьем, что русские после проведения операции против 6-й армии сделали передышку для укрепления фронта окружения. Это дало возможность немецкому командованию (группы армий «Б») прекратить отход и расположить на рубеже р. Чир 3-ю румынскую армию, значительная часть которой уже переправилась через р. Чир в его верхнем течении на запад. Костяк этой оборонительной позиции составляли немецкие боевые группы, которые образовывались частично по инициативе командиров соединений, частично по приказу группы армий «Б» уже начиная с 19 ноября. Они создавались поспешно, включая в себя всех до последнего солдата: из сводных рот, штабов, комендатур, подразделений службы тыла, команд отпускников, строительных частей, наземного состава ВВС, железнодорожников, т. е. из любых подразделений, имевших номера полевой почты и находившихся в тыловом районе 6-й армии. В большинстве своем там были люди, по боевой подготовке, снаряжению и вооружению не подготовленные для действий в качестве пехотинцев в сложившейся тогда исключительно тяжелой обстановке...

Уравновешенному, обладавшему большой выдержкой командующему 3-й румынской армией удалось снова

взять управление армией в свои руки. Под его командованием (во главе его штаба был поставлен от немецкой стороны полковник генерального штаба Венк) на рубеже станция Чир, плацдарм в этом районе, станция Дмитриевка, Суровикино, Обливская, Варламов была организована оборона. Вначале было намечено оборудовать ее севернее дороги Морозовск — Сталинград, по которой осуществлялось снабжение армии, но этот план удалось выполнить лишь частично.

Штабу 3-й румынской армии подчинялись штабы боевых групп:

«группы Штумпфельда» (начальник артиллерии 108-й дивизии); группа занимала правый фланг до Обливская (включительно);

«группы Шпанга» (начальник тылового района фронта); группа занимала левый фланг до Варламов.

Далее на север нашим войскам удалось стабилизировать положение и снова занять рубеж по р. Чир. Прибывший в район Нижний Астахов 17-й армейский корпус 24 ноября отбросил противника западнее р. Чир в его верхнем течении на восток, занял плацдарм в районе Боковская, продвинулся по долине р. Кривая на север и захватил Дубовский. В течение следующих дней он занял оборону на реках Чир и Кривая. От Дубовский линия фронта отходила назад на северо-запад, где в районе Токин в 40 км северо-западнее Боковская проходил слабо обеспеченный стык с 8-й итальянской армией на Дону. 26 ноября остатки 48-го танкового корпуса, пробившиеся из окружения в районе Чернышевская, включились в оборону на р. Чир, заняв полосу по обе стороны населенного пункта Чир между 3-й румынской армией и 17-м армейским корпусом.

После того как 30 ноября из тыла была подтянута еще «группа Штахеля» (8-й авиакорпус), занявшая полосу между группой Штумпфельда и группой Шпанга в районе станция Секретев, Караичев, можно было считать, что обстановка в большой излучине Дона была стабилизирована. Между западным флангом армейской группы Гота у устья Аксая севернее Потемкинской и плацдармом в Верх.-Чирская оборону на западном берегу Дона занимала располагавшая небольшими силами «группа Адама» (позже «группа Абрахама»), на которую была возложена также и оборона плацдарма.

26 ноября противник возобновил свои действия на флангах 6-й армии. Его первые и уже не прекращавшиеся атаки имели своей целью захват за Доном плацдарма, который в конце месяца был сужен в результате действий противника. Одновременно он вел разведку боем на фронте 3-й румынской армии и на нескольких участках перешел в наступление. 29 ноября он прорвал оборону восточнее Суровикино, вышел на южный берег р. Чир и овладел Островский.

Чтобы ликвидировать возникший в результате этого плацдарм противника, расширенный в следующие дни, севернее Сысойкин была сосредоточена усиленная 336-я пехотная дивизия, которая 7 декабря должна была нанести контрудар.

Наступление этой дивизии 7 декабря натолкнулось на встречное наступление значительно превосходящих сил противника с его плацдарма на юг; по-видимому, он ставил перед собой задачу ликвидировать немецкий плацдарм в районе Верх.-Чирская, действуя с высот в районе Нижне-Солоновский. 336-я пехотная дивизия была вынуждена перейти к обороне, ей удалось остановить противника непосредственно севернее Солоновский. В тяжелых боях в конце концов удалось, введя в бой подтянутую в этот район 11-ю танковую дивизию, разбить вклинившегося противника, причем обе стороны понесли большие потери. Наши войска снова овладели господствующими высотами южнее р. Чир.

Войска, занимавшие плацдарм в районе Верх.-Чирская, подвергшиеся в то же время атакам превосходящих сил противника, были оттеснены вплоть до самого моста, где они заняли круговую оборону, и отрезаны от фронта на р. Чир.

Русские перенесли направление главного удара в район западнее Суровикино и в результате занятия Чувилёвский снова создали тяжелую обстановку, которую удалось разрядить только после того, как был сдан населенный пункт Суровикино; оборона его поглощала много сил. 12 декабря высоты на юге р. Чир прочно удерживались немцами.

В целом фронт на р. Чир, несмотря на нехватку в людях и технике, выстоял перед натиском сил противника, во много раз превосходивших наши силы. Это имело огромное значение для начавшегося 12 декабря

деблокирующего наступления армейской группы Гота восточнее Дона. Однако теперь нельзя было и думать, что силы, находившиеся на плацдарме у Верх.-Чирская, смогут принять какое-нибудь участие в операции»[1].

Из приведенного отрывка, несмотря на то что Дёрр преуменьшает силы своих войск на этом участке фронта, все же с очевидностью вытекает, что вначале оборона по рубежу реки Чир создавалась лишь с целью закрепиться на выгодном рубеже. Затем враг здесь проявил некоторую активность, подтянув резервы, и прежде всего 336-ю пехотную дивизию, так как, конечно, понимал, что пассивная оборона не позволит удержать рубеж. Но после того как эта попытка закончилась крайне незначительным успехом (был взят Рычковский, форсирован на узком участке Дон и на его левом берегу создан небольшой плацдарм), противник прекратил здесь активные действия.

Это, однако, подкрепило данные разведки Юго-Западного фронта о создании противником тормосинской группировки. Неточные сведения разведки ввели в заблуждение не только Генеральный штаб, но и Верховного Главнокомандующего. В связи с этим началось спешное подтягивание войск на борьбу с тормосинской группировкой, что приводило к ослаблению других участков нашего фронта.

Дёрр в этом разделе, допуская передержки, стремится выгородить немцев, а отчасти и румын. Это сразу бросается в глаза. Он утверждает, что 336-я пехотная и 11-я танковая дивизии разбили наши войска у Нижне-Соленовского; в действительности же эти самые «разгромленные» войска нанесли затем удар по чирской обороне немцев и румын.

Преувеличивая наши силы, он преуменьшает силы гитлеровцев. Явно также переоценивается значение чирского оборонительного фронта вообще, и в частности для деблокады окруженных. Однако тенденциозность Дёрра не мешает нам понять, что вначале какие-либо серьезные наступательные действия отнюдь не входили в задачи войск, вытянувшихся довольно узкой полосой северо-восточнее Тормосина.

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 81—83.

Несколько слов о том, чем была вызвана ошибка разведки Юго-Западного фронта.

Дёрр свидетельствует, и нет оснований ему не верить, что на первых порах оборонительный фронт по Чиру сколачивался из многих разрозненных частей и подразделений, некогда входивших в крупные соединения. Разведчики Юго-Западного фронта приняли остатки этих соединений за сами соединения. Вот у них и получилось, что на сравнительно ограниченной территории сосредоточиваются до десяти соединений неприятеля. На самом деле там едва ли набралось бы (по численности) до двух дивизий на фронте протяженностью до 30 километров, причем все это — разрозненные подразделения, которые невозможно было «сколотить» в короткий срок.

Правда, в последующем, в период после 24 ноября, противник пытался создать здесь определенный резерв для возможного нанесения вспомогательного удара, но войска, предназначенные для этого, гитлеровцы вынуждены были использовать на других направлениях, особенно в связи с действиями Юго-Западного фронта.

Одновременно с упрочением обороны по реке Чир происходило формирование в районе Котельниково действительно мощной ударной группировки, состоявшей первоначально из трех полностью укомплектованных танками танковых дивизий.

Уже с самого начала формирования этой группировки командование Сталинградского фронта опасалось, что основной удар будет нанесен именно этой группировкой из района Котельниково. И с точки зрения выбора района для ее сосредоточения, и с точки зрения быстроты и решительности этого сосредоточения, а также качества подтягиваемых соединений можно было предполагать, что проводимые здесь мероприятия имеют далеко идущие цели. Командование фронта стало принимать все зависящие от него меры, чтобы не быть захваченным врасплох.

Мы обратились к И. В. Сталину с просьбой выделить нам помощь в виде танковых частей. Мы считали, что необходимо нанести удар на Котельниково, в районе которого сосредоточивается основная группировка, предназначенная для освобождения окруженных. Но И. В. Сталин пообещал нам незначительную помощь — три танковых полка (т. е. 60 танков).

Представитель Ставки товарищ Василевский, предполагая, что противник будет наносить удар с целью деблокады из района Тормосин, предложил обеспечить внешний фронт окружения по линии Громословка, Абганерово, Ивановка.

Забегая несколько вперед, скажу, что дальнейшие боевые действия показали, что если бы мы создали свой внешний фронт в соответствии с этим предложением, то, во-первых, мы не разведали бы сосредоточения противника в районе Котельниково, а это привело бы к тому, что вражеский удар отсюда оказался бы для нас неожиданным; во-вторых, наш внешний фронт был бы настолько близок к окруженным (примерно 40 км), что при внезапном ударе противник мог бы преодолеть нашу оборону за 1—2 суток.

Чтобы доказать правильность своих выводов, командование Сталинградского фронта решило с целью разведки сил противника и отнесения внешнего фронта окружения на большую глубину от окруженных войск врага нанести удар наличными силами двух стрелковых дивизий, действовавших до этого на широком фронте (правда, ослабленных предыдущими боями), двух, также малочисленных, кавалерийских дивизий 4-го кавалерийского корпуса при поддержке танковой бригады. Мы полагали, что таким образом удастся окончательно выяснить реальную обстановку в районе Котельниково: если там противник не сосредоточил сил для основного удара, а лишь отвлекает наше внимание от тормосинской группировки, как это считал товарищ Василевский, мы и имеющимися у нас (перечисленными выше) силами овладеем Котельниково; если же именно отсюда враг предполагает нанести свой главный удар, как считали мы, тогда наши действия выльются в крупную оперативную разведку и раскроют всем нам истинный смысл намерений противника; одновременно наш внешний фронт отодвинется примерно на 40—50 километров дальше, что сыграет важную роль в упрочении кольца окружения.

Наступление на Котельниково началось 28 ноября. Стрелковые дивизии, действуя вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград и восточнее ее, потеснили румынские части противника. Наиболее упорные бои за-

вязались в 8 километрах от Котельниково. Здесь румынские части оказались под контролем немцев. В то же самое время 4-й кавалерийский корпус в составе двух малочисленных кавалерийских дивизий: 61-й под командованием генерал-майора А. В. Ставенкова и 81-й под командованием полковника В. Г. Баумштейна — смело нанес удар на Котельниково с севера и северо-запада и ворвался в Котельниково.

Противник, вынужденный принять этот бой, чтобы обеспечить возможность дальнейшего сосредоточения своих войск в районе Котельниково, бросил против наших атакующих войск танки. Завязались напряженные бои, продолжавшиеся 1, 2 и 3 декабря. И без того малочисленные части кавалерийского корпуса товарища Шапкина понесли большие потери. Под ударами танков противника (около 200 танков сосредоточивавшегося 57-го танкового корпуса) наши части были отброшены от Котельниково. Однако свою основную задачу они выполнили. Намерения противника были раскрыты. От пленных, взятых в этой операции, мы узнали, что сюда переброшена из Франции свежая полнокровная 6-я танковая дивизия, разгрузившаяся на станции Морозовская и следовавшая к месту своим ходом. Удалось обнаружить также подход эшелонов с танками из района Сальска. Все это говорило о том, что здесь формируется мощный танковый кулак, что для сосредоточения его используются обе имеющиеся в этом районе железные дороги. Стало совершенно ясно всем, где сосредоточивается основная ударная группировка противника. Особенно важным оказалось то, что мы получили эти данные своевременно и тем самым выиграли не менее 10 суток, которые позволили сосредоточить резервы для парирования удара, а затем и для полного разгрома котельниковской группировки противника.

Об итогах нашего удара на Котельниково я сразу же подробно доложил И. В. Сталину. Сделав в конце доклада выводы о намерениях противника, мы просили подбросить резервы, чтобы парировать готовящийся удар со стороны Котельниково. И. В. Сталин обещал разобраться и по возможности усилить нас. Обещание усилить нас «по возможности» мы поняли в том смысле, что И. В. Сталин продолжал опасаться удара из района Тормосин.

Эти опасения, конечно, имели под собой почву, поскольку возможность удара из района Нижне-Чирской не была полностью исключена, но Сталинградскому фронту, тем не менее, угрожала весьма серьезная опасность.

После этих переговоров мы посоветовались с Никитой Сергеевичем и, заслушав начальника штаба фронта товарища Варенникова, начальника разведки, решили, что надо принять срочные меры для создания такой группировки войск, которая могла бы парировать удар противника со стороны Котельниково и не допустить встречного удара из кольца окружения. Что конкретно мы сделали? Преодолевая большие трудности, перебросили из-за Волги две стрелковые дивизии — 300-ю и 87-ю, сняли с фронта и вывели из боя 4-й и 13-й механизированные корпуса. 4-й механизированный корпус заменили 300-й стрелковой дивизией, а 13-й механизированный корпус заменили пятью батальонами укрепленного района. 4-й механизированный корпус предварительно привел себя в порядок, а 13-й сразу же был передан из состава 57-й в 51-ю армию с целью усиления ее на главном направлении вдоль железной дороги на Котельниково. Оба корпуса были малочисленны: в боях они потеряли до 50% танков и личного состава. 87-я стрелковая дивизия сосредоточивалась в районе Зеты, Крепь. Наш танковый и артиллерийский резерв: 235-я танковая огнеметная бригада КВ, 234-й отдельный танковый полк (39 танков) и 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада — был сосредоточен в районе Выпасной. 4-й механизированный корпус, 87-я стрелковая дивизия, 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 235-я танковая бригада и 234-й танковый полк, составившие фронтовую группу, предназначались для того, чтобы во взаимодействии с правым крылом 51-й армии не допустить развития удара противника из района Котельниково с целью деблокировать окруженных. А чтобы не допустить встречного удара из кольца окружения, командарму 57-й было приказано на направлении вероятных действий противника создать широкую систему минных заграждений, что и было аккуратно выполнено.

Предпринятая нами перегруппировка заняла около 10 суток.

Остановимся кратко на силах, группировке и намерениях противника к этому времени.

Сразу же после окружения 6-й и 4-й танковой армий гитлеровская ставка начала принимать меры по освобождению окруженных ударом извне. Генерал-полковник (впоследствии генерал-фельдмаршал) Манштейн 28 ноября был назначен командующим группой армий «Дон». В эту группу вошли все войска, составлявшие прежде группу армий «Б», в том числе 6-я армия (окруженная), а также вновь сколоченная бывшим управлением 4-й танковой армии армейская группа Гота. В группу армий «Дон», в частности, входили 4-я румынская армия в составе 7-го и 6-го армейских корпусов; боевые группы 2-го немецкого штаба связи; 57-й танковый корпус в составе 6, 23 и 17-й танковых дивизий, 16-й и СС «Викинг» моторизованных дивизий (все перечисленные соединения находились восточнее Дона). Западнее Дона располагались 384-я пехотная дивизия (группа Адама, позже Габленца); 48-й танковый корпус; 3-я румынская армия (группы Штахеля и Шпанга); 17-й армейский корпус с 1-м и 2-м румынскими армейскими корпусами, а также войска окруженной 6-й армии (4, 8, 11, 51-й армейские и 14-й танковый корпуса).

Эта мера гитлеровской ставки имела определенный оперативный смысл: координировались действия войск, находившихся вне кольца окружения, с окруженными.

Непосредственное осуществление прорыва извне было возложено на армейскую группу Гота. Подготовкой к удару, как и самими действиями, весьма конкретно и систематически руководил генерал Манштейн, так как войска Гота были тем объединением в составе группы армий «Дон», на которое возлагалась основная задача.

Задача, возложенная командованием группы армий «Дон» на армейскую группу Гота, состояла в следующем: «Наступая восточнее р. Дон на север, пробиться к 6-й армии». 6-й армии было приказано: «Подготовиться к тому, чтобы прорваться на юг, когда армейская «группа Гота» выйдет к высотам восточнее Ерико-Крепинский» [1].

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 90.

Таким образом, котельниковская группировка противника должна была двигаться вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград и юго-западнее Тундутово соединиться с окруженными. При этом 57-й танковый корпус должен был двигаться от Котельниково на северо-восток вдоль железной дороги, имея задачей уничтожить наши силы, находившиеся между железной дорогой и Доном, форсировать реку Аксай и захватить кругляковский плацдарм с участком западнее его. 4-я румынская армия 7-м армейским корпусом должна была обеспечить оборону восточного фланга прежнего оборонительного фронта противника. Для защиты правого фланга 57-го танкового корпуса 4-я румынская армия создавала из 5-й и 4-й румынских кавалерийских дивизий кавалерийский корпус под командованием генерала Попеску. Ему ставилась задача первоначально занять населенные пункты Дарганов и Шарнутовский, а в дальнейшем следовать за танковым корпусом уступом вправо через Жутово-2 к реке Аксай. 6-й армейский румынский корпус имел задачу до начала наступления удерживать позиции по обеим сторонам Пимен-Черни, а затем, двигаясь за танковым корпусом, «очистить» район северо-западнее Котельниково. Впоследствии 6-й корпус должен был в районе нижнего течения реки Аксай обеспечивать западный фланг.

Район, где наносился удар по кольцу окружения, был хорошо известен командованию армейской группы Гота. Здесь именно в конце августа разгромленная теперь нами 4-я танковая армия под командованием Гота наносила удар на Ракотино, в результате чего армия соединилась с Паулюсом восточнее Ново-Рогачик. Враг стремился идти наиболее выгодным путем, чтобы, прикрываясь грядой высот, тянущихся на северо-восток от реки Аксай, параллельно железной дороге Котельниково — Сталинград, прорваться восточнее верхнего течения реки Мышкова через эти высоты, пересекающие здесь железную дорогу на Ракотино.

В составе ударной группировки Гота были вначале[1] две полнокровные танковые дивизии (6-я и 23-я), насчитывавшие в своем составе, по самым скромным подсче-

---

[1] Вскоре сюда были подтянуты также 17-я танковая и две моторизованные дивизии (16-я и СС «Викинг»).

там, до 500 танков и самоходных орудий. С помощью этой техники противник намеревался в самый короткий срок овладеть рубежом реки Аксай, подвергнув разгрому наши войска, находившиеся южнее реки между железной дорогой и Доном. С этой целью 6-я танковая дивизия должна была пробить брешь в нашем фронте и выдвинуться к рубежу реки Аксай западнее железнодорожной линии.

23-й танковой дивизии предписывалось наступать уступом правее и, продвигаясь восточнее железнодорожной линии, через Небыков выйти к селению Аксай.

Вернемся к действиям наших войск.

Действия войск Сталинградского фронта с юго-запада обеспечивала 51-я армия. В первых числах декабря эта армия отразила атаки противника, пытавшегося, правда без большой настойчивости, развить успех из района Котельниково после нашей разведки, и перешла к обороне на широком фронте протяжением до 140 километров. Оборона армии проходила по рубежу Верх. Курмоярская, Гремячая, Дарганов, Кануково, Обильное, Нугра. Задача армии в этот период сводилась к тому, чтобы не допустить прорыва противника на северо-восток к Сталинграду и удержать занимаемый рубеж, что обеспечивало разгром группировки противника, окруженной под Сталинградом.

К этому времени в составе 51-й армии находились всего три стрелковые дивизии — 302, 126 и 91-я, 76-й укрепленный район, 4-й кавалерийский корпус, 13-я и 254-я танковые бригады, один пушечный артиллерийский полк резерва Верховного Главнокомандования, четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка и один минометный полк. Некомплект частей достигал 50%.

К началу наступления группировки Гота — Манштейна соотношение сил 51-й армии и котельниковской группировки противника сложилось в пользу противника. По личному составу оно составляло 1 : 1,2; по полевой и противотанковой артиллерии — 1 : 1,9; по танкам — 1 : 5. Противнику удалось, таким образом, перед фронтом нашей 51-й армии создать двойное превосходство в артиллерии и пятикратное в танках. На направлении же главного удара соотношение сил было еще большим в пользу противника.

Однако по вопросу о соотношении сил Манштейн в своем труде «Утерянные победы» пытается ввести читателя в заблуждение. Оперируя понятием соединения, он ставит на одну доску, с одной стороны, немецкие танковые дивизии, с другой — наши танковые и механизированные бригады, уступавшие им в силах примерно в 5—6 раз.

Подобная манипуляция с соотношением сил приводит Манштейна к утверждению, что наши силы превосходили немецко-фашистские якобы в несколько раз, чего в действительности, как мы видим из приведенного соотношения сил, не было.

Манштейн всячески преуменьшает свои силы, утверждая, что в ударной группе у Гота было всего две танковые и не то одна, не то две авиаполевые дивизии. В этой лжи отставного фельдмаршала изобличают его же коллеги — Типпельскирх и Бутлар, заявляющие в один голос, что Гот имел четыре танковые, одну пехотную и три авиаполевые дивизии. Документально установлено, что в группировку Гота входили 23, 6, 17-я танковые, 16-я и СС «Викинг» моторизованные дивизии, 6-й и 7-й румынские армейские корпуса и 15-я авиаполевая немецкая дивизия.

Ранним утром 12 декабря после сильной артиллерийской подготовки и массированного налета авиации противник значительными силами мотопехоты, поддержанной 200 танками, из района Пимен-Черни (близ Котельниково) перешел в наступление вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград на Гремячую, Небыков (схема 19). Как только стало известно, что противник с большой массой танков перешел в наступление, я сразу же доложил И. В. Сталину. Взволнованный этим сообщением, он передал мне: «Держитесь. Мы сейчас же пошлем резервы». Теперь и в Ставке поняли, откуда угрожает опасность. Обстановка создалась очень серьезная: резервы могли не успеть.

Удар врага пришелся по стыку 302-й стрелковой дивизии и 4-го кавалерийского корпуса. В первый же день противнику удалось преодолеть тактическую глубину нашей обороны и овладеть населенными пунктами Гремячая и Небыков. Это было началом крупной операции, задуманной гитлеровской ставкой и рассчитанной на ликвидацию всех наших успехов на сталинградском направ-

лении. Руководили действиями фашистской группировки матерые милитаристы — генералы Гот и Манштейн, обладавшие большим опытом и недюжинными способностями военачальников.

На следующий день противник продолжал наступление. Ему удалось создать танковый таран: на главном направлении удара наступали две танковые дивизии (6-я и 23-я). При массированной поддержке бомбардировочной и истребительной авиации фронт прорыва был значительно расширен: к исходу дня гитлеровцы овладели населенными пунктами Верх. Курмоярская, Верх. Яблочный, Кошара 2-я.

В связи с этим 302-я стрелковая дивизия отвела свои значительно потрепанные правофланговые части в северо-восточном направлении и заняла оборону на рубеже Бирюковский, совхоз Терновый, а 81-я кавалерийская дивизия отошла на север. Чтобы закрыть образовавшийся прорыв, мы спешно выдвинули 13-й механизированный корпус (в нем было 28 танков и 1600 бойцов мотопехоты), передав его из 57-й армии в подчинение командарма 51-й; 41-й танковый полк этого корпуса был направлен в район Жутово для прикрытия железной дороги.

13-й механизированный корпус с 302-й и 126-й стрелковыми дивизиями действовал с переменным успехом; противнику здесь не удалось добиться серьезных успехов. В последующем корпус вместе с указанными дивизиями, нависнув на флангах ударной группировки противника, действовавшей вдоль железной дороги и западнее ее, остановил его.

По-иному развивались события западнее железной дороги в направлении Верхне-Кумский, Громославка. Здесь танковые дивизии противника легко теснили 81-ю и 61-ю кавалерийские дивизии с 85-й танковой бригадой, имевшей не более 15 танков. Создавалась явная угроза быстрого выхода противника на тылы 57-й армии, ведшей бои с войсками противника, окруженными под Сталинградом, которые в свою очередь готовились к встречному удару на соединение с группировкой Гота — Манштейна.

В этой обстановке необходимо было во что бы то ни стало задержать продвижение противника до подхода оперативных резервов Ставки.

Для руководства сосредоточением войск и главным образом для координации и увязки взаимодействия их в последующих боевых действиях 12 декабря, сразу же, как началось наступление противника из Котельниково, была создана небольшая оперативная группа во главе с моим заместителем генерал-лейтенантом Г. Ф. Захаровым.

13 декабря все части 4-го механизированного корпуса, после того как они были сменены 300-й стрелковой дивизией, находились на марше; к этому времени корпус уже более 20 суток вел непрерывные бои и имел потери более 60% личного состава и материальной части. У него оставалось 42 танка и 2000 бойцов. Также второй день двигалась из-за Волги 87-я стрелковая дивизия, подходя головным полком в район Капкинского. Одновременно танковый и артиллерийский резервы подходили к Громославке. В войсках находились представители штаба фронта, посланные туда сразу же после принятия нами решения о создании группировки для парирования угрозы со стороны Котельниково. Их основной задачей было всеми силами содействовать ускорению темпа сосредоточения и продвижения войск.

С утра 14 декабря эти части, получившие еще на марше свои задачи, смело бросаются навстречу противнику, нанося контрудар на Верхне-Кумский. Завязался огневой встречный бой механизированных частей. Населенный пункт был атакован 4-м механизированным корпусом с двух направлений: с одного он прорывался в населенный пункт, а с другого охватывал его справа. Одновременно из района Громославки 235-я танковая бригада с подчиненным ей отдельным танковым полком охватывала этот пункт с востока. 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада с подоспевшим головным 1378-м стрелковым полком 87-й стрелковой дивизии (остальные части, задержавшиеся на переправах через Волгу, были на подходе) развернулась левее (восточнее) 235-й танковой бригады на уровне Верхне-Кумского и остановила продвижение группы противника, наносившей удар восточнее Верхне-Кумского. В результате стремительного контрудара передовые части противника были полуокружены и понесли большие потери в живой силе и технике (до 40 танков и много мотопехоты). Под давлением наших частей противник оставил Верхне-Кумский и отошел на рубеж реки Аксай.

Первый контрудар войск внешнего фронта окружения — 4-го механизированного корпуса и 235-й танковой бригады — 14—15 декабря 1942 года в районе Верхне-Кумского против танковых соединений котельниковской группировки дал успешный результат. Это был характерный пример встречного боя, возникшего после прорыва противником внешнего фронта окружения с целью освобождения своей окруженной группировки.

15 декабря мы послали в Ставку следующую телеграмму: «В связи с тем, что все резервы, нацеливавшиеся на юго-запад и группировавшиеся в районе Плодовитое, Зеты, совхоз Крепь, получили свое предназначение (т. е. израсходованы), Сталинградский фронт не имеет сейчас никаких резервов. Восточнее линии Ивановка, Аксай нет вообще ни одного человека. Если противник разовьет удар вдоль железной дороги на Абганерово и из района Цыбенко на Зеты, то он поставит войска фронта в крайне тяжелое положение, поскольку выйдет на растянутые и без того напряженно работающие тылы.

Нами принят ряд мер: из 64-й армии взяты две дивизии, правда, очень слабые, и передвинуты в район Зеты, станция Абганерово с целью занять оборону по внешнему сталинградскому обводу до подхода резервов. При этом докладываю, что ведшие в течение трех дней напряженные бои 126-я и 302-я стрелковые дивизии были весьма малочисленны; сейчас ведут бои 4-й и 13-й мехкорпуса.

14 декабря под Верхне-Кумским во встречном бою с каждой стороны участвовало примерно по 90 танков. 4-й мехкорпус вывел из строя 40 танков противника, потеряв 32 танка.

Такие же потери и в 13-м мехкорпусе. Положение очень напряженное. Прошу немедленно направить в мое распоряжение один мехкорпус в район Зеты, а также один танковый корпус и два стрелковых корпуса в район Ляпичев, Бузиновка, совхоз Крепь с задачей нанести удар с участка Шабалинский, Громославка на Котельниково».

Наша просьба была удовлетворена. На помощь сталинградцам выдвигалась 2-я гвардейская армия (командующий Р. Я. Малиновский, начальник штаба С. С. Бирюзов) в составе двух стрелковых корпусов и одного

механизированного корпуса. Кроме того, на этом же направлении предполагалось сосредоточить еще один механизированный корпус.

Однако эта помощь могла быть оказана не раньше, как через 5—7 дней. Поэтому, несмотря на наш успех 14 декабря под Верхне-Кумским, положение продолжало оставаться крайне напряженным. Ведь за два предшествующих дня (12 и 13 декабря) противник, прорвав наш внешний фронт, продвинулся на 50 километров.

Правда, на одном из флангов вражеского прорыва упорные действия 13-го механизированного корпуса сдерживали дальнейшее продвижение противника, отвлекая его танки; зато на другом фланге прорыва, где действовал обескровленный 4-й кавалерийский корпус (товарища Т. Т. Шапкина), положение было критическим: восполнить потери корпуса было совершенно нечем, никаких, ни кавалерийских, ни других резервов у нас не было. Угроза деблокирования окруженных по-прежнему оставалась вполне реальной.

Для создания более прочной обороны по рубежу реки Аксай было приказано к исходу 15 декабря отвести 4-й кавалерийский корпус и остальные части правого крыла 51-й армии. Они заняли рубеж Городской, Перегрузный. Части левого крыла в этот период успешно отражали попытки врага прорвать наш фронт и на этом участке.

С утра 16 декабря наши части, добившиеся успеха в бою 14—15 декабря, продвинулись к югу от Верхне-Кумского и по рубежу южнее и юго-восточнее этого пункта организовали противотанковую оборону. Гитлеровцы, приведя в порядок главные силы двух танковых дивизий, наступавших в первом эшелоне, в 10 часов утра 16 декабря снова перешли в наступление на Верхне-Кумский. На только что названном рубеже сразу же разгорелся сильный танково-артиллерийский бой. Несмотря на то, что противник имел большое преимущество в силах, особенно в танках, упорство наших войск, беспримерная стойкость и храбрость воинов 4-го механизированного корпуса, 235-й танковой бригады, 20-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, 55-го отдельного танкового полка, 1378-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии не позволили противнику развить успех. 6 дней на этом рубеже не затихали бои.

Верхне-Кумский несколько раз переходил из рук в руки. Все части в этом неравном бою проявили исключительный героизм; особенно выделились 1378-й стрелковый полк (командир полка подполковник М. С. Диасамидзе) и 55-й отдельный танковый полк (командир полка подполковник А. А. Асланов).

В этих боях отличились также 235-я танковая бригада (командир полковник Д. М. Бурдов) и 20-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада (командир майор П. С. Желамский).

Эти части и соединения, сражаясь до последнего снаряда, до последнего патрона, выдержали упорный шестидневный бой, но ни на шаг не отступили перед врагом. В боях они потеряли почти всю материальную часть, которая была разбита или раздавлена. Высокий героизм проявил личный состав 20-й бригады, хотя и понес огромные потери в людях и материальной части; задержав продвижение противника на своем участке, он нанес врагу большой урон, не отдав ему ни одного метра занятого им участка.

Очень тяжелые бои в районе Кругликов, Жутово вели две бригады 13-го механизированного корпуса (командир генерал Танасчишин) и совершенно ослабленные 302-я стрелковая дивизия (командир полковник Макарчук) и 126-я стрелковая дивизия (командир полковник Сычев). Против них враг бросил в наступление свежую авиационно-полевую дивизию, группу полковника Панвитц, поддержанных танками и румынским армейским корпусом.

Здесь уместно упомянуть о следующем эпизоде.

В период этих тяжелых боев в районе Жутово стойко оборонялся малочисленный отряд автоматчиков (до 50 человек) из 126-й стрелковой дивизии, поддержанный двумя танками и одним орудием. Почти неделю эта горстка советских людей сражалась в полуокружении. Враг неоднократно бросал в атаку метопехоту с танками. Несколько раз атакующие врывались на окраины, но каждый раз вынуждены были откатываться назад. Лишь в ночь на 19 декабря, поддержав свой удар пятнадцатью танками, гитлеровцы захватили селение. Однако дерзкой контратакой наши автоматчики вновь овладели его северной частью, где продержались до 25 декабря, когда

фашисты, укрепившиеся в южной части селения, были окружены главными силами дивизии.

Величайшая заслуга наших частей и соединений, вступивших в неравный бой с группой войск Гота — Манштейна, состоит в том, что они ценой неимоверных усилий и жертв выиграли восемь дней драгоценнейшего времени, необходимого для подхода резервов, чем собственно спасли положение, так как теперь уже к месту боев стали подходить головные части 2-й гвардейской армии.

Бои в районе Жутово и в особенности в районе Верхне-Кумского — это ярчайший образец доблести воинов Советской Армии, насмерть стоявших на своих рубежах. Это герои, которые первыми преградили путь фашистским войскам, рвавшимся освободить окруженных. Они действительно достойны того, чтобы о них страницы истории Сталинградской битвы были написаны золотыми буквами. На поле боя в районе Верхне-Кумского и в районе Жутово следует соорудить обелиски в честь славных воинов, героически выполнивших здесь свой священный долг перед Родиной.

Лишь 19 декабря противник, подтянув на этот участок свежую 17-ю танковую дивизию, смог продвинуться. В этот день он наносил удар на широком фронте Ново-Аксайский, Антонов; наступали танковые дивизии. Главный удар снова обрушился на 4-й механизированный корпус, 235-ю танковую бригаду, 20-ю истребительно-противотанковую бригаду, 55-й отдельный танковый полк и 1378-й полк 87-й стрелковой дивизии, которые занимали позицию в 6 километрах севернее реки Аксай. По нашим боевым порядкам, особенно на громославском рубеже, произвела мощный удар вражеская авиация (до полутора тысяч самолето-вылетов). Танковые части противника под прикрытием авиации с ходу атаковали участок фронта на рубеже колхоз имени 8 марта, Нижне-Кумский, Заготскот в общем направлении на Черноморов. Неоднократно повторявшиеся атаки противника отбивались, но в самом конце дня ценою огромных потерь противнику удалось выйти на рубеж реки Мышкова и овладеть районом Нижне-Кумский, Васильевка.

В силу этого наши войска в районе Верхне-Кумского оказались в крайне тяжелом положении. В связи с тем, что головные части 2-й гвардейской армии достигли к

этому времени рубежа реки Мышкова, войскам 51-й армии было приказано отойти из района Верхне-Кумского к реке Мышкова. Остановленный упорным сопротивлением наших войск, противник уже не смог здесь продвинуться на север; переправиться через реку Мышкова ему также не удалось.

С 20 по 23 декабря на рубеже реки Мышкова продолжались ожесточенные бои, в которых приняли участие и передовые части 2-й гвардейской армии.

Упорное сопротивление наших войск на этом рубеже сорвало все попытки врага преодолеть нашу оборону. Тем временем было закончено сосредоточение ударных группировок.

В итоге 12-дневных упорных и ожесточенных боев котельниковская группировка немцев понесла большие потери. Она израсходовала значительные силы: за эти дни противник потерял 160 танков, 82 самолета, около 100 орудий и только убитыми до 8000 человек.

Утром 24 декабря войска 2-й гвардейской и 51-й армий перешли в решительное наступление с целью окончательно разгромить котельниковскую группировку противника.

Действия наших войск на котельниковском направлении поддерживались авиацией 8-й воздушной армии. Хотя силы этой армии в основном сосредоточивали свои усилия на борьбе с окруженной вражеской группировкой под Сталинградом и на перехвате немецких самолетов, снабжавших окруженные войска по воздуху, тем не менее она выделила значительные силы и для борьбы с противником на котельниковском направлении. Бомбовыми ударами она уничтожала танковые и моторизованные войска противника, наступавшие на север. С 12 по 23 декабря наша авиация произвела свыше 1500 самолето-вылетов для ударов по деблокирующей группировке врага.

Лишь теперь, когда точно выяснены все обстоятельства и детали боевой обстановки того времени, можно в полной мере понять, какое важное, если не решающее, значение для разгрома окруженных сыграло отнесение внешнего фронта окружения с намеченных представителем Ставки рубежей под Котельниково.

2-я гвардейская армия под командованием товарища Р. Я. Малиновского, включенная с 15 декабря в состав

Сталинградского фронта, получила 16 декабря 1942 года боевое распоряжение штаба Сталинградского фронта на ускоренное выдвижение частей армии сначала на рубеж реки Ерик, а затем на рубеж реки Мышкова. Было указано на необходимость корпусам к утру 17 декабря выйти в следующие районы: 1-му гвардейскому стрелковому корпусу (командир генерал-майор Иван Ильич Миссан) в район Ляпичев, Братский; 13-му гвардейскому стрелковому корпусу (командир генерал-майор Порфирий Георгиевич Чанчибадзе) в район ферма № 3, Ерико-Крепинский, Ерик; 2-му гвардейскому механизированному корпусу (командир генерал-майор танковых войск Иван Петрович Корчагин) в район совхоз Крепь, ферма № 1.

7-й танковый корпус (еще не входивший в состав 2-й гвардейской армии) под командованием генерал-майора танковых войск П. А. Ротмистрова сосредоточивался в районе Рычковского.

В дальнейшем, указывалось в приказании, части армии должны были к утру 18 декабря выйти на рубеж Ковылевский, Шабалинский, Громославка, Капкинский для нанесения удара по котельниковской группировке противника в общем направлении Громославка, Котельниково.

Для ориентировки сообщалось, что 51-я армия будет наносить удар вдоль железной дороги Абганерово — Котельниково. Разгранлиния с ней — Верхне-Царицынский, Капкинский, Кругляков, Котельниково, все пункты включительно для 2-й гвардейской армии.

4-й кавалерийский корпус предназначался для прикрытия 2-й гвардейской армии с запада.

Базирование 2-й гвардейской армии временно опиралось на станцию Качалинская (Донской фронт), в соответствии с чем и располагались тылы армии, кроме 2-го механизированного корпуса, тылы которого развернулись в направлении Цаца, Трудолюбие.

Оперативная группа штаба 2-й гвардейской армии выдвигалась в Верхне-Царицынский; 2-й эшелон штаба — в Колпакчи.

С выходом 2-й гвардейской армии в указанные районы появилась возможность для контрудара по котельниковской группировке врага. Однако опасность еще ни в коем случае не миновала, так как армия не могла ус-

петь с выходом, а враг продолжал оставаться достаточно сильным. Было очень важно, бдительно наблюдая за врагом, не пропустить наиболее выгодного момента для нанесения удара по нему.

Перед тем как перейти к основному для нашего фронта событию декабря — контрудару против Манштейна и разгрому его группировки, кратко проследим за действиями войск нашего соседа — Юго-Западного фронта, также начавшего 16 декабря наступление. Своевременное решение Ставки о наступлении Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта не дало противнику возможности дополнительно усилить котельниковскую группировку, чем была оказана большая помощь сталинградцам.

1-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Кузнецова В. И. наносила удар на участке Красно-Ореховое, Журавка. В результате трехдневных боев к исходу 18 декабря ее соединения первого эшелона прорвали оборону противника, разгромили части 3-й итальянской пехотной дивизии «Равенна» и 298-й германской пехотной дивизии и вышли частями 4-го и 6-го гвардейских стрелковых корпусов на рубеж Поповка, Ново-Никольск, Лофицкое, Купинка, Галиевка; одновременно 153-я стрелковая дивизия, находившаяся на левом фланге наступавших, прорвала неприятельский фронт в районе хутора Мещеряков и, отбросив части итальянской дивизии, оборонявшейся здесь, к Мешкову, выдвинулась на линию Мрыхин, Громчанский.

3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко, перешедшая в наступление одновременно с 1-й гвардейской армией, прорвала фронт неприятеля на участке Нижне-Калининский, Астахов, Дуленский. К исходу 18 декабря соединения армии вышли на линию Кружилин, Кривошлыков, Вислогубов, Боковская, Старый Земцов. В результате армия выполнила свою задачу по окружению и уничтожению неприятельской группировки в районе Кружилин.

5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко вплоть до 18 декабря вела тяжелые бои в районе Обливская, которые, к сожалению, не увенчались успехом.

6-я армия под командованием генерал-майора Ф. М. Харитонова к исходу 18 декабря вышла на рубеж Новая

Калитва, Сапково, Орогинский, Дубовиковка, прикрыв правый ударный фланг 1-й гвардейской армии.

16 декабря были введены в бой подвижные соединения фронта, которые начали преследование отходящего противника (8-я итальянская и 3-я румынская армии). Эта общая положительная для нас оперативная обстановка благоприятствовала нам, в частности для нанесения контрудара с целью разгрома котельниковской группировки противника.

Вернемся к действиям войск Сталинградского фронта. К 19 декабря войска фронта, нацеленные против котельниковской группировки, имели следующее расположение. На правом фланге части 51-й армии находились на рубеже реки Мышкова; на левом фланге сохранялось прежнее положение: там удерживался рубеж Перегрузный, Кенкря, Обильное и далее до озера Батырмала (части 126-й, 91-й стрелковых дивизий и 76-го укрепленного района). 302-я стрелковая дивизия сосредоточивалась в районе станции Заря. На рубеж реки Мышкова выдвигались из резерва фронта 300-я и 87-я стрелковые дивизии, получившие задачу оборонять участок Ковылевский, Васильевка; 38-я стрелковая дивизия, выведенная из состава 64-й армии, по указанию командования фронта заняла и подготовила к обороне рубеж Капкинский, Абганерово.

О 2-й гвардейской армии, развертывавшейся на рубеже реки Мышкова, уже говорилось.

Помимо 4-го кавалерийского корпуса, пришлось отвести с фронта еще 4-й механизированный корпус, теперь уже переименованный за свои боевые заслуги в 3-й гвардейский механизированный корпус. Он также понес большие потери и был переброшен в район Тингутского лесничества для приведения себя в порядок и укомплектования пополнением.

В районах совхозов Крепь и имени Юркина, поселка Зеты был сосредоточен противотанковый резерв в составе истребительной противотанковой артиллерийской бригады, истребительного полка и двух полков гвардейских минометов.

23 декабря враг разновременно предпринял две атаки: одну на Васильевку и другую на Бирзовой — и овладел этими пунктами. Эти действия противника мы

расценили как боевую разведку, направленную на выявление группировки наших сил, и как стремление улучшить тактическое положение своих войск, прежде чем продолжить наступление (после вынужденной паузы из-за больших потерь, понесенных 6, 17 и 23-й танковыми дивизиями врага, а также другими частями, принимавшими участие в наступлении в период 12—24 декабря). Имелись основания предполагать, что враг готовится перейти в дальнейшее наступление не позднее 25—26 декабря; к тому же времени готовился и встречный удар со стороны окруженных войск противника.

В этих условиях важно было не упустить момент для решающего удара по котельниковской группировке врага. И этот момент командованием фронта не был упущен.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению боевых событий, считаю долгом рассказать о том, что предшествовало удару против Манштейна.

К 22 декабря, изучив обстановку, мы решили вопрос не только о направлении главного удара, но также и о создании группировки. В соответствии с нашим решением к этому времени заканчивалось сосредоточение войск на исходных рубежах.

22 декабря от представителя Ставки Верховного Главнокомандования товарища Василевского нам был доставлен план операции 2-й гвардейской армии, графически изображенный на карте (схема 21). Изучая план, я пришел к заключению, что он, к глубокому сожалению, не соответствовал оперативной обстановке момента и ни в какой степени не увязывался со временем, которое предоставлялось нам этой обстановкой.

За работой по изучению полученного плана предстоящих действий 2-й гвардейской армии меня застал Никита Сергеевич. Он только что вернулся из этой армии и зашел, чтобы поделиться своими впечатлениями о ней. Товарищ Хрущев успел ознакомиться с соединениями армии лишь очень бегло, но сделал вывод, что сосредоточение армия совершает организованно. Настроение у людей бодрое.

Так как в создавшихся условиях выбор времени и направления для удара по котельниковской группировке противника имел решающее значение, я не мог не поде-

литься с Никитой Сергеевичем возникшими у меня сомнениями. Вопрос стоял так: или мы разобьем котельниковскую группировку, или противник сумеет прорваться к окруженным войскам. Предлагавшийся контрудар по котельниковской группировке противника с охватом и обходом ее с востока нарушал весь ход операции по разгрому окруженных войск. Осуществление подобного плана не только не сулило нам успеха, но было чревато крайне нежелательными последствиями.

Никита Сергеевич, внимательно выслушав мои доводы и согласившись с ними, предложил немедленно выехать во 2-ю гвардейскую армию, чтобы доложить Александру Михайловичу наше несогласие с наметками указанного плана, обсудить на месте наши соображения. Было решено просить товарища Василевского прибыть на командный пункт 2-й гвардейской армии.

Понятно, что возражать против решения старшего начальника (товарищ Василевский был тогда начальником Генерального штаба и официальным представителем Ставки) можно было лишь имея очень существенные основания. Но такие основания у нас были.

Через 30 минут мы были уже в пути.

В чем же, однако, состояла разница между нашим замыслом и предложением товарища Василевского?

По плану, полученному нами, 2-я гвардейская армия должна была нанести свой главный удар в направлении Абганерово, Аксай, Дарганов и далее на Котельниково (схема 20). Такое направление удара вело к сложной перегруппировке войск, которую мы должны были произвести перед фронтом противника. По существу это была рокировка войск, на которую потребовалось бы немало времени; помимо того, она обнажала наш правый фланг. Так, при реализации этого замысла 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса, а также один стрелковый корпус должны были вначале передвинуться к востоку до линии железной дороги в районе Абганерово, а затем направиться к югу на Шелестов, Аксай, Перегрузный и далее на Дарганов и лишь после этого повернуть на запад — на Котельниково. В соответствии с таким планом механизированные части при своем передвижении должны были описать дугу, чтобы выйти к слабому правому флангу противника, на

котором были румынские части (полагаю, что не всегда возможно руководствоваться только этим принципом; важно суметь поставить свои войска в наивыгоднейшие условия по отношению к противнику). При этом оставлялось выгодное направление для удара тоже по уязвимому и притом близкому левому флангу противника. Я уже не говорю о том, что в значительной степени нарушалась почти сосредоточенная группировка, нацеленная для удара с рубежа Черноморов, Громославка в общем направлении на Котельниково.

Для перегруппировки войск 2-й гвардейской армии в этих условиях потребовалось бы дополнительно минимум двое — трое суток, т. е. мы смогли бы осуществить удар не ранее 27, а возможно и 28 декабря. Но, как знать, может быть, этого времени и было бы достаточно противнику, чтобы подтянуть резервы, привести в порядок свои войска, сделать еще один нажим и соединиться с войсками 6-й армии. Ведь до нее оставалось не более 25—30 километров.

Обстановка, таким образом, требовала от нас немедленных контрмероприятий, чтобы ни в коем случае не дать противнику отдыха после продолжительных и ожесточенных боев.

Недостатки предложенного нам плана заключались не только в этом. Марш трех корпусов (стрелкового, танкового и механизированного) в указанном направлении протекал бы в очень трудных условиях: местность, по которой проходил путь рокируемых частей, характеризовалась сильно пересеченным рельефом; на ней имелось колоссальное количество оврагов, глубоких балок, в ту пору занесенных снегом; двигаться можно было лишь по дорогам, весьма малочисленным. Корпуса оказались бы в крайне тяжелом положении в отношении снабжения их горючим, которое мы для них получали тогда через Донской фронт, из района Качалино.

Все это могло задержать корпуса в пути, что вынудило бы стрелковые соединения наносить удар без поддержки танков и мотопехоты. Такая операция не могла не захлебнуться и не получила бы необходимого развития.

Кроме того, рокировка 2-й гвардейской армии влево привела бы к перемешиванию войск 2-й гвардейской и

51-й армий, что стеснило бы действия войск этой последней. Выдвинутые в предложенный район корпуса 2-й гвардейской армии не смогли бы в дальнейшем принять участие в ударе на правом берегу Дона.

Здесь следует сделать еще одно замечание о предполагаемых действиях 2-й гвардейской армии. Как только командованию и штабу Сталинградского фронта стало известно о том, что 2-я гвардейская армия будет передана в состав фронта, началась работа по планированию ее действий. К описываемому моменту эта работа подходила к концу и, по сути дела, уже вылилась в определенный план разгрома группировки Гота силами гвардейцев в тесном взаимодействии с войсками 51-й армии при скрупулезном учете реальной обстановки. Поэтому весьма странным выглядело полученное нами решение, в котором совершенно не были учтены эти наши наметки.

Все эти соображения были мной изложены товарищу Василевскому в присутствии Никиты Сергеевича по прибытии в район сосредоточения 2-й гвардейской армии. Следует отметить, что товарищ Василевский воспринял критику, как подобает коммунисту, и тут же попросил меня изложить свои предложения. Я кратко сообщил суть нашего замысла. План предусматривал немедленное нанесение главного удара в направлении вдоль Дона на Котельниково. Такой удар приходился частично по левому флангу противника и мог быть осуществлен (силами четырех корпусов) в короткие сроки и не требовал проведения какого-либо маневра и перегруппировки сил и средств. Меня горячо поддержал Никита Сергеевич.

— Ну хорошо,— сказал товарищ Василевский, выслушав нас,— вы командующий фронтом, вы и решайте, как находите нужным.

Поддержка этого замысла Н. С. Хрущевым сыграла решающую роль в его принятии. Оценив оперативную обстановку, товарищ Хрущев быстро и точно определил наиболее верное, соответствующее данному моменту и сложившимся условиям решение и защитил его с партийной принципиальностью и прямотой. Так зачастую Никита Сергеевич решительно и бесповоротно отбрасывал все, что не помогало делу, и поддерживал то, что содействовало быстрому движению к цели.

Через полчаса собрались вызванные нами генералы: командующий 2-й гвардейской армией товарищ Малиновский, командиры корпусов и другие. Присутствовали также товарищи Н. С. Хрущев и А. М. Василевский. Прежде чем поставить задачи, я задал несколько вопросов товарищу Малиновскому и командирам корпусов с целью выяснения готовности войск. Все в один голос доложили, что будут готовы только 25 декабря. Разъяснив, что это будет поздно, я назначил начало действий на 24 декабря.

После этого была поставлена задача (схема 21). Привожу ее по сохранившейся записи:

«Противник осуществляет удар из района Котельниково с целью освободить окруженных. В первом его эшелоне наступают 17, 6 и 23-я танковые дивизии противника, их фланги уступом назад обеспечивают пехотная и кавалерийская дивизии. Во втором эшелоне следует не менее двух моторизованных дивизий. Все эти силы входят в 4-ю танковую армию, которая, по данным разведки, через один — два дня должна нанести окончательный удар с целью соединиться с окруженными. По приказу Гитлера они должны соединиться к 25 декабря, т. е. к рождеству. Главное направление удара противника Крепь, Зеты.

По первоначальному плану предполагалось осуществить прорыв 12—20 декабря, но благодаря героическим действиям войск фронта упорнейшие девятидневные бои не принесли немецко-фашистским войскам желаемого успеха. Обе стороны понесли большие потери.

В результате выиграно время, необходимое для сосредоточения 2-й гвардейской армии.

Задача армии по приказу Ставки — окончательный разгром котельниковской группировки противника. Это также единственное условие разгрома всех немецко-фашистских войск в районе Сталинграда.

Во исполнение этого замысла решаю: не теряя времени, чтобы не дать противнику передышки, 24 декабря нанести силами четырех корпусов удар по левому флангу врага, который он вынужден был подставить нам в результате действий 51-й армии. Котельниковская группировка немецко-фашистских войск должна быть разгромлена в два этапа:

1-й этап — силами 2-й гвардейской армии во взаимодействии с правым флангом 51-й армии прижать врага к реке Аксай, уничтожить танковые дивизии противника и успешно переправиться через реку;

2-й этап — удар по Котельниково; главный удар справа с охватом Котельниково с запада и юго-запада.

51-я армия наносит частный вспомогательный удар на Котельниково с востока, выдвигая свои, хотя и слабые, механизированные корпуса глубоко на коммуникацию Дубовское, Зимовники.

Приказываю 2-й гвардейской армии начать наступление в 10 часов 24 декабря с ближайшей задачей уничтожить 17, 6 и 23-ю танковые дивизии противника в районе Капкинский, Громославка, Верхне-Кумский, Кругляков; в дальнейшем главный удар правым флангом на Котельниково.

На первом этапе наиболее сильный удар наносят 1-й гвардейский стрелковый, 7-й танковый и 2-й механизированный корпуса — с фронта Шабалинский, Громославка с охватом противника с запада на Бирюков. Операцию с запада на рубеже от Верхне-Рубежного до реки Аксай обеспечивает 300-я стрелковая дивизия.

13-й гвардейский стрелковый корпус наносит удар с фронта (искл.) Громославка, Капкинский на Шестаков и далее вдоль железной дороги на Котельниково.

6-му механизированному корпусу продолжать ускоренным темпом сосредоточиваться в районе Зеты и быть в готовности для контрудара к исходу 24 декабря».

Приказ был отдан устно; решение нанесено на карту. Все присутствующие были предупреждены о строгой необходимости сохранить в тайне наши планы.

После того как соединения 2-й гвардейской армии вышли в район сосредоточения, а ее передовые дивизии достигли рубежа Шабалинский, Громославка, часть соединений фронта была отведена в тыл (о чем уже говорилось). 3-й гвардейский механизированный корпус, отведенный сначала в Тингуты, без задержки был затем переброшен в Тундутово. Пришлось также снять с фронта и 13-й механизированный корпус, как потерявший боеспособность, и направить его в район Бага-Малан. Оба механизированных корпуса, как понесшие большие по-

К. К. Рокоссовский

К. Ф. Телегин

М. С. Малинин

И. М. Чистяков

П. Л. Романенко

П. И. Батов

И. В. Галанин

В. Ф. Герасименко

тери, были выведены с расчетом быстро восстановить хотя бы частично их боеспособность и создать из них подвижную группу 51-й армии для глубокого охвата противника слева (с востока). Все это нам удалось сделать довольно быстро.

Дело в том, что до вывода механизированных корпусов из боя отдел укомплектования фронта получил от меня указание использовать для их укомплектования 3000 хорошо подготовленных солдат, собранных по распоряжению заместителя наркома товарища Щаденко из войск военных округов и направленных в Сталинград. Пока корпуса сосредоточивались в назначенных районах, пополнение подошло. Каждый корпус получил по 1500 человек. Каждая из бригад этих корпусов (их было три в каждом корпусе) получила по 500 отличных солдат, знатоков своего дела — снайперов, минометчиков, бронебойщиков. Кроме того, каждый механизированный корпус получил по 20 новых танков. К исходу 23 декабря корпуса были укомплектованы и получили задачу. Забегая вперед, хочу отметить, что оба соединения справились отлично со своими задачами. Их действия не только отличались исключительной дерзостью, но и сыграли существенную роль в развитии успеха в глубину и окружении противника. С ударом Манштейна из района Котельниково с целью деблокирования окруженных механизированные корпуса были брошены, чтобы вместе с другими частями задержать наступление противника до подхода резервов, и эту задачу они с честью выполнили. При нашем контрударе по котельниковской группировке противника механизированные корпуса нанесли глубокий охватывающий удар, что сыграло большую роль в окончательной ликвидации попыток противника деблокировать окруженных.

В ходе боев с 20 до 23 декабря нам удалось значительно улучшить группировку войск фронта, уплотнив их боевые порядки. 4-й кавалерийский корпус с 23 декабря был сосредоточен в районе Ермохинский, Логовский, 87-я стрелковая дивизия, переданная в подчинение командующего 51-й армией, организовала оборону на участке Бирзовой, выс. 157,0 фронтом на запад. 300-я стрелковая дивизия, стянутая к правому флангу 2-й гвардейской армии, заняла рубеж Зимовской, (иск.) Шабалинский. 1-й гвардейский стрелковый корпус

2-й гвардейской армии был выдвинут на участок Шабалинский, Громославка, а 13-й гвардейский стрелковый корпус той же армии — на участок (иск.) Громославка, Капкинский; 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса были сосредоточены в балках северо-восточнее Черноморов, Громославка (за 1-м гвардейским стрелковым корпусом). В районе Зеты заканчивал сосредоточение 6-й механизированный корпус (ожидавший горючего). Таким образом, мы видим, что в результате предпринятых фронтом мероприятий основная масса войск сосредоточилась на северном берегу реки Мышкова. В полосе же вероятных действий окруженного противника, чтобы не допустить его прорыва из окружения навстречу котельниковской вражеской группировке, как мы уже отмечали, были поставлены части укрепленного района; многие участки местности были заминированы.

Как же к 24 декабря сложилось соотношение сил?

Чтобы не получилось неправильного представления об этом соотношении (ведь мы оперируем корпусами, на стороне же противника дивизии), необходимо сразу же оговориться. Рассмотрим сравнительный состав соединений.

Наш механизированный корпус того времени фактически состоял из трех механизированных бригад, двух танковых отдельных полков (по 20 танков в каждом), одного артиллерийского полка и нескольких мелких подразделений; механизированная бригада имела три батальона мотопехоты и один танковый полк (20 танков). Таким образом, в механизированном корпусе было пять танковых полков (по 20 танков в каждом), девять батальонов мотопехоты и 24 орудия.

В немецкую же танковую дивизию входили два танковых полка, каждый из которых имел до 100 танков, пехотный батальон, артиллерийский полк и несколько мелких подразделений. Таким образом, немецкая танковая дивизия по фактическому составу превосходила наш механизированный корпус в два раза.

В 10 часов 24 декабря после короткой артиллерийской подготовки войска 2-й гвардейской и 51-й армий начали наступление против войск Гота — Манштейна. Главный удар наносился правым крылом — силами 2-й гвардейской армии. 51-я армия, наносившая сковывающий

удар, своей подвижной группой обходила противника с востока в направлениях Шебалин, Заветное (глубокий тыл противника) и далее с поворотом на запад на Зимовники, Куберле с целью перерезать железнодорожную линию (основную коммуникацию врага).

1-й и 13-й гвардейские стрелковые корпуса 2-й гвардейской армии в первый день наступления прорвали боевые порядки противника на южном берегу реки Мышкова и начали развивать успех в южном направлении. Контратаки пехоты и танков противника оказались бессильны остановить их наступление. Введенные в бой 7-й танковый и 2-й гвардейский механизированный корпуса (2-й эшелон) стремительным ударом сразу же опрокинули боевые порядки пехоты и танков противника. На следующий день наши войска достигли рубежа реки Аксай. Заняв здесь выгодные позиции, противник пытался оказать упорное сопротивление. Но 26 декабря наши войска прорвали вражескую оборону и на рубеже реки Аксай. За три дня напряженных боев армии продвинулись вперед до 30 километров. Немецкие и румынские войска, действовавшие на рубежах рек Мышкова и Аксай, подверглись разгрому и стали откатываться на юг. Войска Сталинградского фронта перешли к их неотступному преследованию.

7-й танковый корпус генерал-майора П. А. Ротмистрова 26 декабря занял Верхне-Яблочный, а уже на следующий день ударом с севера пытался с ходу ворваться в Котельниково, но организованная противником сильная противотанковая оборона воспрепятствовала этому, и наше командование направило главные силы корпуса в обход города с юго-запада.

Гитлеровцы с особым упорством держались в некоторых населенных пунктах на подступах к городу. Противник сумел стянуть к Котельниково значительное количество войск.

Позиции в городе были весьма выгодными для гитлеровцев. Река с обрывистыми берегами, протекающая севернее Котельниково (Аксай Курмоярский), служила естественной противотанковой преградой. С высот хорошо просматривалась вся прилегающая местность.

Два наших танковых подразделения продолжали вести наступление с севера, где завязались ожесточенные бои. К 15 часам 27 декабря для противника на этом на-

правлении создалось настолько критическое положение, что он вывел сюда почти все свои подвижные резервы, стал оголять западные окраины. Внимание врага сосредоточилось на северных подступах к городу. Пользуясь этим, наша мотопехота мелкими группами просочилась к переправам через реку на западе и заняла их. Мостов здесь не было. Саперы, взломав лед, подготовили броды для танков. Быстро и организованно танки, выйдя из укрытий, форсировали водную преграду, миновали боевые порядки пехоты и на высоких скоростях прошли вперед. К 23 часам танкисты перерезали железную дорогу, захватили аэродром. Появление наших танков на аэродроме было для гитлеровцев полной неожиданностью. Несколько исправных, готовых к вылету самолетов составили наши трофеи.

В северной части города бой продолжался всю ночь. Наши танки, используя естественные укрытия и умело маневрируя, уничтожали огневые средства противника. Усилив натиск, наши подразделения вышли к реке и пересекли железную дорогу и в этом районе. Мотопехота офицеров Дьячука и Подгурского ползком перебралась через еще тонкий лед на реке и блокировала здесь дома и блиндажи. Гранатометчики Подгурского выбили врага из первых домов северной окраины и закрепились в них. На другой день группы наших автоматчиков и гранатометчиков просочились дальше в город. Система обороны врага была нарушена.

Ударные части танкового корпуса, ворвавшись в Котельниково с запада, разгромили вражеские войска, оборонявшие город. Ночью 29 декабря мелкие вражеские группы автоматчиков еще удерживали отдельные дома, но к рассвету город был полностью очищен от противника. Остатки вражеских войск в панике бежали на юг. На улицах города осталась масса разбитой техники врага: сожженные танки, перевернутые машины, подбитые орудия.

В уличных боях в Котельниково решающую роль сыграли действия мелких групп. Отличились здесь воины подразделений Минина, Кочедыкова, Суркова.

В сложных условиях действовали танкисты. Экипажи товарища Бондаренко с исключительным мастерством и отвагой пользовались малейшей возможностью, чтобы продвинуться вперед. Поддерживая под ожесточенным

огнем свою пехоту, танкисты доставили пехотный десант к городу. Слаженное взаимодействие танков с пехотой обеспечило решительный успех.

Наши войска в городе захватили большие трофеи: 15 самолетов, 40 орудий, 40 танков, большие склады с продовольствием, боеприпасами и горючим.

6-й механизированный корпус, переброшенный из района Зеты в Аксай, 26 декабря совместно с войсками 51-й армии уничтожил вражеский гарнизон в Жутово. Части корпуса начали стремительное продвижение на юго-запад и 29 декабря овладели поселком Нагольным, находящимся в 4 километрах южнее Котельниково.

Для разгрома противника, действовавшего против левого фланга 51-й армии, и для выхода на глубокие тылы котельниковской группировки были использованы 13-й и 3-й гвардейский механизированные корпуса. Начав свои действия из района Бага-Малан (13-й корпус) и Тундутово (3-й корпус), они развивали удар в общем направлении на Заветное и Зимовники. 13-й механизированный корпус, сломив сопротивление противника, преследовал отходившие в беспорядке румынские части. 27 декабря в Верхне-Сальске он уничтожил до двух батальонов вражеской пехоты и захватил 500 пленных. На следующий день он окружил и уничтожил гарнизон в Шебалине, где также разгромил гарнизон (до 500 человек) и захватил много пленных. К 30 декабря, громя по пути разрозненные части противника, корпус вышел в район Ильичев-Терновский. 3-й гвардейский механизированный корпус, овладевший к 28 декабря населенными пунктами Заветное, Кичкино, к 30 декабря занял Глубокий. Противник понес при этом огромные потери как убитыми, так и пленными. Пехота 2-й гвардейской и 51-й армий, наступавшая за подвижными соединениями, к 30 декабря вышла на рубеж Семичный, станция Семичная, Андреевская, Ильичев-Терновский, Глубокий, Валуевка. На этом рубеже обе армии получили новые задачи, связанные с дальнейшим преследованием немцев и наступлением на Ростов.

В результате стремительного успешного контрудара по группировке Манштейна войска Сталинградского фронта расчленили отходившие силы противника на изолированные одна от другой группы и разбили их по частям. Войска 2-й гвардейской и 51-й армий вышли на

тылы вражеских войск. Действия обеих армий поддерживались авиацией 8-й воздушной армии, которая весьма эффективно содействовала наземным войскам в разгроме котельниковской группировки врага.

К 30 декабря оперативное положение наших войск коренным образом улучшилось. Замысел немецко-фашистского командования — прорвать кольцо наших войск и освободить окруженные под Сталинградом немецкие армии — потерпел полный крах; остатки разбитых войск ударной группировки Гота — Манштейна спасались бегством в юго-западном и западном направлениях.

Совинформбюро приводило следующие данные по итогам разгрома котельниковской группировки:

«За время наступления южнее Сталинграда (имеется в виду наступление против группировки Гота — Манштейна) наши войска продвинулись вперед на 100—150 км и освободили более 130 населенных пунктов. В ходе боев с 12 по 30 декабря нашими войсками разгромлены 6, 17 и 23-я танковые и 16-я моторизованная дивизии немцев, 4-я и 18-я пехотные, 5-я и 8-я кавалерийские дивизии румын. Немецко-фашистские войска потеряли только убитыми 21 000 человек, взято в плен 5200 солдат и офицеров противника. Среди богатых трофеев, захваченных нашими войсками: самолетов — 40, танков — 94, орудий — 292, автомашин — 329, а также много другого вооружения, авиационное и танковое имущество. В ходе боев нашими войсками уничтожено самолетов — 306, танков — 467, орудий — 257, автомашин — 945 и много другого военного имущества».

2-й гвардейский механизированный корпус, форсировавший реку Аксай, 26 декабря получил задачу наступать в тормосинском направлении и овладеть этим пунктом Выйдя к 28 декабря в район Верх. Курмоярская, войска корпуса во взаимодействии с 33-й гвардейской стрелковой дивизией с ходу начали форсирование Дона. Сравнительно легко преодолев такую значительную водную преграду и уничтожив части прикрытия врага на правом берегу, корпус и дивизия 29 декабря вышли на рубеж Жирный, Агинов. На следующий день, 30 декабря, продвижение продолжалось успешно: наступавшие достигли рубежа Минаев, Епифанов. Отсюда, обеспечив себя с запада и северо-запада 33-й гвардейской стрелковой дивизией, 2-й гвардейский механизированный

корпус продвинулся по направлению к Тормосину, который и был занят во взаимодействии с частями 5-й ударной армии, наступавшей с востока. Следует заметить, что вследствие действий войск Юго-Западного фронта и до этого небольшие силы врага на этом участке уменьшились в связи с переброской части войск к Морозовску и Тацинской. Легкость, с которой произошло форсирование Дона, а в дальнейшем и наступление на Тормосин, показала, что действительно никакой ударной группировки здесь не было.

31 декабря была занята также и Элиста. Здесь советские войска разгромили 60-й моторизованный полк противника, саперный батальон и батальон 156-го моторизованного полка.

Разгром ударной группировки Гота — Манштейна в боях на рубеже рек Аксай и Мышкова имел существенное значение для последующего развития событий на всем южном крыле советско-германского фронта.

В этой связи небезынтересна оценка этих боев, данная бывшим гитлеровским генерал-лейтенантом танковых войск Ф. В. фон Меллентином в его книге «Танковые сражения 1939—1945 гг.».

«В этот период произошли полные трагизма события, историческое значение которых трудно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что битва на берегах этой безвестной речки (Аксай. — *А. Е.*) привела к кризису Третьего рейха, положила конец надеждам Гитлера на создание империи и явилась решающим звеном в цепи событий, предопределивших поражение Германии».

В данном случае Меллентин недалек от истины. В самом деле бои на этом рубеже окончательно положили конец попыткам освободить окруженных, а значит, и предрешили их окончательный разгром. Описав довольно подробно и выразительно бои на реке Аксай, Меллентин так отозвался о характере этих боев:

«Характерными особенностями этих трагических боев были высокая подвижность, быстрая реакция и необычайная стойкость обеих сторон. Основным боевым средством были танки, причем каждая из сторон понимала, что главной задачей танков является борьба с танками противника.

Русские не прекращали своих атак с наступлением темноты и стремились немедленно и решительно развить

любой наметившийся успех. Иногда атаки проводились танками, мчавшимися на предельной скорости, и следует признать, что высокий темп наступления и сосредоточение сил были основными причинами успеха русских. В зависимости от сложившейся обстановки направления танковых ударов быстро изменялись».

В связи с этим нельзя не отметить еще раз высокий героизм войск 2-й гвардейской и 51-й армий.

Параллельно с проведением котельниковской операции планировался разгром окруженных войск; большую роль в этом должны были сыграть испытанные сталинградские армии: 62, 64 и 57-я.

Уже к концу декабря были подготовлены и спланированы оперативные мероприятия по выполнению этой задачи. Они, естественно, связывались с изменившейся обстановкой на котельниковском направлении, где противнику к этому времени было нанесено решающее поражение, и он вынужден был отходить под ударами наших войск в юго-западном направлении. Главной задачей 62, 64 и 57-й армий в этой связи являлось в тесном взаимодействии с Донским фронтом уничтожить окруженную группировку противника под Сталинградом.

Командующим 62, 64 и 57-й армиями предлагалось вести усиленную подготовку к наступательным действиям согласно устным указаниям командования фронта, усиливая наземную и воздушную блокировку окруженного противника, не допуская транспортировки грузов по воздуху и попыток прорыва окруженных в южном и юго-западном направлениях.

С этой целью 64-й армии предстояло прочно оборонять занимаемый рубеж силами 7-го стрелкового корпуса, 169, 29, 151, 36-й гвардейской стрелковых дивизий, 66-й мотострелковой бригады, 143-й стрелковой бригады и 118-го укрепленного района, выделив контратакующую группу в районе Варваровка, Гавриловка в составе 204-й стрелковой дивизии, 154-й стрелковой бригады, 90-й танковой бригады и 184-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка для нанесения контрударов в направлениях балка Самородная и высот 131,8; 106,4. Необходимо было также усилить оборону на всем правом фланге.

Одновременно 57-я армия должна была прочно оборонять занимаемый рубеж силами пяти артиллерийских

противотанковых бригад, 422-й и 15-й гвардейской стрелковых дивизий, имея контратакующие группы: одну в составе 61-й мотострелковой бригады, 565-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 235-й танковой бригады и 91-го гвардейского минометного полка в районе балка Бирючная, Выпасной, выс. 100,5 для контратак в направлении МТФ, выс. 84,1, а вторую в составе 38-й стрелковой дивизии и 254-й танковой бригады в районе колхоз имени 8 марта, Бузиновка для контратак в направлении высоты 110,5; 119,3. Планировалось усиление обороны левого фланга армии с помощью противотанковых средств и минирования.

Инженерным войскам фронта предстояло усилить 57-ю армию миннозаградительным батальоном, а 64-ю и 57-ю армии обеспечить силами для разминирования соответствующих участков в полосе предстоящего наступления.

8-я воздушная армия и части противовоздушной обороны должны были усилить воздушную блокаду окруженной группировки и исключить возможность снабжения ее по воздуху, для чего предполагалось использовать до 50% истребительной авиации, ночную бомбардировочную авиацию и приданную авиацию дальнего действия.

Кроме того, командующему Сталинградским районом противовоздушной обороны вменялось в обязанность дальнейшее усиление борьбы с транспортной авиацией противника зенитными средствами; предполагалось использовать дополнительно не менее пяти дивизионов зенитной артиллерии с прожекторами для создания двух полос зенитного заграждения на участке Зеты, Сталинский; в случае же наступления танков противника зенитную артиллерию предполагалось, как и раньше, использовать для целей противотанковой обороны; одновременно усиливалась и сеть ВНОС. Она надежно связывалась с аэродромами истребительной авиации и зенитной артиллерией, что до минимума уменьшало время на оповещение активных средств борьбы с транспортной авиацией противника.

Я остановился так подробно на этих мероприятиях с тем, чтобы показать, насколько серьезно готовилось командование фронта к решению предстоящей задачи по ликвидации окруженных (с затратой минимально необ-

ходимых сил и времени). Мы вместе с тем стремились к тому, чтобы наши решительные действия заставили командование окруженных принять условия капитуляции.

Общая атака против окруженных войск противника намечалась на 6 января 1943 года. Ледяной покров на Волге позволял уже передвинуть тяжелую артиллерию и зенитную артиллерию из-за реки.

Однако в разгар наших подготовительных мероприятий стало известно, что ликвидация окруженной группировки возложена на Донской фронт, в состав которого было приказано передать три сталинградские армии (62, 64 и 57-ю). Сталинградский же фронт преобразовывался в Южный.

Это решение было для нас полной неожиданностью. Обычно подобные решения (изменение основной задачи фронта, его реорганизация) согласовывались с командованием фронта; во всяком случае запрашивалось мнение командующего фронтом и члена Военного совета. На этот раз нам был сразу предъявлен к исполнению соответствующий приказ Верховного Главнокомандующего. И мы обратили всю свою энергию на подготовку решения новой сложной задачи, поставленной войскам фронта.

☆

ГЛАВА XVII

ЛИКВИДАЦИЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ГИТЛЕРОВЦЕВ

Как уже знает читатель из предыдущей главы, командование Сталинградского фронта не смогло принять непосредственного участия в заключительном этапе Сталинградского сражения. Тем не менее оно проявляло к нему естественный интерес. С армиями Сталинградского фронта, с которыми мы пережили самые тяжелые дни сталинградской страды и которые теперь вошли в состав Донского фронта, у нас сохранилась самая живая связь.

Боевые действия по ликвидации окруженной группировки составляли восьмой, заключительный, этап Сталинградской битвы. Здесь уместно напомнить, что успех этого последнего этапа операции был не только подготовлен, но по существу предрешен всем ходом сражения в предыдущие периоды, а также начатой еще в ноябре воздушной блокадой, сыгравшей важную роль в истощении войск противника. С момента разгрома котельниковской группировки Гота — Манштейна судьба окруженных была предрешена.

К январю 1943 года боевые условия в районе Сталинграда вполне сложились для того, чтобы покончить с фашистскими войсками в окружении. Боеспособность окруженных немецко-фашистских войск к январю была сильно ослаблена. Лишенные почти всякой связи с внешним миром, вражеские солдаты и офицеры были не только в своем большинстве морально подавлены, но и физически крайне истощены длительной голодовкой. Окруженные испытывали также нехватку боеприпасов и горючего. Немецкое командование, прежде всего гене-

рал-полковник Паулюс, не могло не видеть бесперспективности дальнейшей борьбы.

Причинами продолжавшегося сопротивления немцев были либо фанатизм, либо ложно понятое чувство долга перед Германией, либо, в подавляющем большинстве, чувство обреченности людей, отравленных геббельсовской пропагандой, либо, наконец, прямое принуждение со стороны эсэсовцев.

Юго-Западный фронт, разгромив 8-ю итальянскую армию и остатки 3-й румынской армии и продвинувшись на рубеж Новая Калитва, Марковка, Беловодск, Миллерово, Скасырская, Обливская, Нижне-Чирская, изолировал окруженных от какой-либо помощи со стороны среднего течения Дона. После разгрома котельниковской вражеской группировки войска Сталинградского фронта (теперь Южного фронта), неотступно преследовавшие ее остатки, продвигались на юго-запад к Сальску, Новочеркасску, Ростову. На Острогожск и Россошь двигались войска Воронежского фронта. Наши войска развивали успешное наступление. Таким образом, внешний фронт окружения отодвинулся от внутреннего кольца на 300 и более километров и продолжал удаляться. Изоляция и безнадежность положения окруженных стали полными.

Как ни призывал Гитлер войска к славе, как ни свирепствовали эсэсовцы над солдатами, события развивались своим чередом, моральное состояние войск падало, катастрофа надвигалась очень быстро. Костлявая рука голода брала за горло. Для поднятия морального духа войск Паулюс, правда, широко использовал приказ Гитлера, написанный им еще в начале декабря, в котором говорилось:

«Битва под Сталинградом достигла своего высшего напряжения. Противник прорвался в тыл немецких частей и в отчаянии пытается вернуть в свои руки важную для него крепость на Волге. Под руководством боевых генералов в любых условиях вы должны удержать позиции Сталинграда, завоеванные такой большой кровью. Это должно быть нашим непременным решением. Что касается моей власти, то я сделаю все, чтобы поддержать вас в нашей героической битве».

Нельзя сказать, что стремление гитлеровцев во что бы то ни стало сохранить сталинградский плацдарм было совершенным безумием, как это часто трактуется. Нет,

на то были существенные причины у германского главнокомандования. Кратко охарактеризуем их. Изгнание немцев из Сталинграда с политической точки зрения являлось признанием провала не только кампании 1942 года, но и более значительного периода войны. Союзникам гитлеровской Германии оно показывало слабости «великого райха». С военной точки зрения катастрофа под Сталинградом отнимала у гитлеровцев всякую надежду на дальнейшие наступательные действия на юге. Гитлеровская же ставка, продолжавшая переоценивать свои силы и недооценивать увеличившиеся возможности Советского государства, строила расчеты на то, чтобы сохранить сталинградский плацдарм до весны 1943 года и использовать его потом как исходный рубеж для нового удара на юг.

Однако всякому, кто способен серьезно проанализировать обстановку, должно стать ясным, что к середине января сопротивление окруженных стало совершенно бесцельным. Поэтому особенно дико выглядят попытки Манштейна представить дело так, что сопротивление окруженных имело смысл с точки зрения сковывания наших сил и тем самым якобы спасло от разгрома кавказскую группировку немцев.

Манштейн был командующим группой армий «Дон», в которую вошла 6-я армия. Более чем кому-либо другому ему было ясно, что когда войска, предназначенные для деблокирующего удара, подверглись разгрому, а отброшенные их остатки откатились далеко на юго-запад и запад, почти под Ростов, то дальнейшее сопротивление окруженных стало бесцельным, так как они к этому моменту полностью исчерпали свои боевые возможности и выполнили свою последнюю оперативно-стратегическую задачу по сковыванию наших сил в районе Сталинграда в период с 23 ноября по 15—18 января 1943 года. Если Манштейн действительно не был бы согласен с Гитлером и взял бы на себя ответственность, разрешив войскам Паулюса капитулировать, то было бы спасено дополнительно к тем 90 тысячам человек, что были взяты в плен в заключительный период Сталинградской битвы, еще по крайней мере 150—200 тысяч жизней.

Следует иметь в виду, что основные потери окруженные понесли в период с 15 января по 2 февраля 1943 года. По свидетельству Дёрра, «только в период с 24 января

по 2 февраля было убито и умерло еще более 100 000 человек»[1]. Хотя эта цифра явно преуменьшена, она, во всяком случае, показывает, когда именно погибла основная масса окруженных.

Приведем здесь также передаваемый генералом Меллентином в книге «Танковые сражения 1939—1945 гг.» рассказ своего сослуживца фашистского полковника Динглера:

«В этот период многие старшие командиры и офицеры штабов получили приказ вылететь на самолете из сталинградского кольца. Среди них был и полковник Динглер. В то время разбитые части 3-й моторизованной дивизии, в которой служил полковник, оборонялись около водокачки в Воропоново. Вместе с генералом Хубе, командиром 14-го танкового корпуса, полковник Динглер должен был вылететь из Сталинграда и попытаться улучшить снабжение окруженных частей. С тяжелым сердцем оставлял он своих солдат. Предварительно он посоветовался относительно своего отъезда с командиром дивизии и другими офицерами — они надеялись, что ему, возможно, удастся как-то облегчить их положение. На мотоцикле с коляской — единственном средстве транспорта, оставшемся в дивизии, — он поехал на аэродром в Гумрак. На дороге валялись трупы солдат, то и дело попадались сгоревшие танки, брошенные орудия — все свидетельствовало о том, что армия доживала свои последние дни. Аэродром являл собой ту же печальную картину: это была снежная пустыня с разбросанными по ней в беспорядке самолетами и автомашинами. Повсюду лежали трупы: слишком измученные, чтобы двигаться, солдаты умирали прямо на снегу»[2].

Эту картину, кстати, следовало бы представить себе тем из фашиствующих демагогов, которые до сих пор пытаются убедить общественное мнение в том, что в Советском Союзе удерживаются бывшие военнослужащие гитлеровской армии. В действительности же те, кого безутешно оплакивают матери, жены и дети в Германии, по вине Гитлера и его приспешников нашли себе могилу

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 121.

[2] Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 176.

в сталинградских степях либо попали в плен в таком безнадежном состоянии, что спасти их не удалось.

Здесь уместно привести и свидетельство другого очевидца — речь идет о бывшем командире 295-й немецкой пехотной дивизии Отто Корфесе, плененном нами. Он заявил: «Немецкие военнопленные из-под Сталинграда прибывали в лагеря... истощенными, изголодавшимися и больными... (В котле) свирепствовали дизентерия и сыпной тиф... Заражались десятки тысяч... Многие умерли, несмотря на героические усилия советского медицинского персонала. Погибло также два советских врача и четырнадцать медсестер»[1]. В подтверждение своих слов он приводит цитату из книги боннского профессора богословия Гольвитцера, которого никак нельзя заподозрить в дружеских чувствах по отношению к СССР. Гольвитцер не только подтверждает слова Корфеса, но и указывает, что самопожертвование советского медицинского персонала «заставило военнопленных посмотреть на Советы другими глазами и пойти за Национальным комитетом «Свободная Германия»[2].

С другой стороны, стремление Манштейна доказать, что сопротивление окруженных на всем протяжении их борьбы и сама их гибель имели смысл и спасли кавказскую группировку противника, является не чем иным, как попыткой обелить себя в глазах немецкого народа.

Простой расчет времени показывает, что наши армии, действовавшие под Сталинградом, в случае капитуляции окруженных фашистских войск в срок, указанный в нашем ультиматуме, все равно не смогли бы принять участие в боях против фашистских войск на кавказском направлении. Им для этого потребовалось бы минимум 2—3 недели. Кроме того, они предназначались после перегруппировки, пополнения и отдыха для действий на другом участке. Кроме всего прочего, приказ об отходе кавказской группировки был отдан Гитлером, по свидетельству генерала Цейтцлера[3], еще в конце декабря 1942 года, когда обе армии (1-я танковая и 17-я) начали

---

[1] Komission der Historiker der DDR und der UdSSR Probleme der Geschichte des zweiten Weltkrieges Bd. 2. Akademie-Verlag Berlin, 1958, S. 433—434.

[2] Там же.

[3] См. З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. Роковые решения. Воениздат, 1958, стр. 198.

отход. К середине января 1943 года группировка, окруженная под Сталинградом, не могла играть для них решительно никакой роли.

Бессмысленная гибель более 200 тысяч солдат и пленение 90 тысяч других, доведенных до крайней степени истощения, долго не изгладятся из памяти немецкого народа. Вдовы и сироты погибших не простят этого Гитлеру и его ближайшим соучастникам. Поэтому-то так и изворачивается Манштейн, пытаясь отвести от себя гнев народа. Несомненно, что действия Гитлера и его подручного — Манштейна, заставивших людей драться до последнего, были проявлением бессмысленной жестокости. В бессильной ярости они стремились до последней возможности всеми способами ввести своих солдат в заблуждение: широко распространялись сведения о приближающейся помощи, различные фальшивки об ужасах большевистского плена. Так, в одном из приказов командования группы армий «Дон» говорилось: «Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление. Большинство из нас ожидает верная смерть либо от вражеской пули, либо от голода, холода и страданий в позорном сибирском плену. У нас есть только один выход. Бороться до последнего патрона... Будем и в дальнейшем твердо надеяться на наше близкое избавление, которое находится уже на пути к нам».

Однако действительные настроения окруженных были уже таковы, что подобная агитация не достигала своих целей. И гитлеровские генералы стали прибегать к иным действиям. Весьма красноречив в этом отношении приказ командира 376-й германской пехотной дивизии от 6 декабря 1942 года за № 1027: «Мне сообщают, что в подчиненных вам частях советская листовка, озаглавленная «К окруженным под Сталинградом немецким частям», подписанная командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, вызвала у солдат и офицеров склонность к капитуляции, поскольку создавшееся положение расценивается как безнадежное. Далее до меня дошли слухи о случаях отказа повиноваться командирам во время атак, о переходе солдат на сторону врага, особенно группами, об открытом выступлении солдат за прекращение борьбы и сдачу в плен.

Приказываю всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, включая показательные расстрелы, прекратить всякое упоминание о капитуляции со стороны солдат и офицеров. Всем офицерам и солдатам надлежит еще раз указать на необходимость безусловного выполнения приказа фюрера о том, что немецкий солдат должен погибнуть, если он сдал пост. Все части до последнего человека должны быть введены в бой.

Генерал Даниэльс».

Так драконовскими мерами гитлеровские генералы пытались остановить катастрофическое падение морального духа немецких войск и их боеспособности. Но расстрелами, как известно, морального духа не поднимешь.

Моральному падению и физическому истощению немецких войск способствовала воздушная блокада, организованная нами. Своим острием она была направлена против транспортной авиации, доставлявшей осажденным продовольствие. В воздушной блокаде участвовали 8-я и 16-я воздушные армии и часть сил 17-й воздушной армии, войсковая зенитная артиллерия и части корпусного района противовоздушной обороны. Немецкое командование для обеспечения снабжения окруженных войск по воздуху сосредоточило под Сталинградом более половины своей авиации, находившейся на советско-германском фронте.

Блокада, как мы уже отмечали выше, осуществлялась в порядке тесного взаимодействия зенитной артиллерии и истребительной авиации. Созданная в этих целях заградительная зона состояла из двух полос. Внешняя полоса была областью действий нашей истребительной авиации. Эта полоса шириной до 50 километров делилась на пять секторов. Каждый из них обслуживался определенным количеством авиаподразделений, число которых зависело от интенсивности действий вражеской авиации в том или ином секторе. При этом в случае каких-либо изменений в системе вражеских рейсов соответственно изменялись силы того или иного сектора. Наведение самолетов на цель осуществлялось радиостанциями, которые на дальних подступах засекали самолеты противника и передавали истребительной авиации время, место и курс полетов. Несмотря на несовершенство техники наведения того времени, перехват самолетов осуществлялся

весьма успешно благодаря высокой выучке и боевому энтузиазму как летчиков, так и связистов. Вторая полоса была областью действий зенитной артиллерии. Ее внутренняя линия почти касалась переднего края врага; ширина этой полосы в среднем равнялась 10 километрам. В результате этих мер было уничтожено более 1000 самолетов противника. Касаясь этих потерь, генерал Вестфаль пишет: «Самые ценные люди, в том числе инструкторы, были принесены в жертву, когда командование пыталось поддерживать с воздуха окруженные сталинградскую и другие группировки» [1].

Подобная блокада, наряду с целым рядом других мероприятий, не только сильно затруднила снабжение окруженных по воздуху, но к началу января почти исключила его.

По расчетам начальника инженерной службы 6-й немецкой армии полковника Зелле, для ежедневного минимального снабжения этой армии требовалось 750 тонн грузов (имеются в виду продовольствие, боеприпасы и горючее). Для подвоза такого количества грузов требовалось, чтобы самолеты «Юнкерс-52» совершали в сутки до 1000 рейсов. Приведя в своих воспоминаниях эти расчеты, гитлеровский полковник пессимистически заключает: «Остается фактом, что с первого дня окружения ежедневно не делало посадки ни 1000, ни 500, ни 300, ни даже 100 самолетов. В первые дни образования «котла» прибывало 50—70 самолетов, но очень скоро их число снизилось до 25—11 в день... Мрачная трагедия Сталинграда по существу целиком выражается этими потрясающими цифрами, перед которыми очевидным становится все актерство гитлеровского блефа» [2].

Зелле, правда, не объяснил, почему число самолетов снизилось с 50—70 до 25 и даже 11. Дело в том, что хорошо организованная воздушная блокада вывела из строя большое количество транспортных самолетов противника. За ноябрь и декабрь Сталинградский фронт уничтожил на земле и в воздухе до 400 самолетов. Основная воздушная трасса немцев проходила с юга и юго-запада как раз над районом нашего фронта.

---

[1] З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. Роковые решения. Воениздат, 1958, стр. 260.

[2] Английский журнал «Армейский трехмесячник», № 2, июль, 1949 г.

Солдаты противника буквально голодали: в январе они получали в сутки только 120 граммов хлеба. Известно, что уже к 10 января на территории, занятой сталинградской группировкой противника, были съедены не только лошади, но даже кошки и собаки.

В немалой степени, по-видимому, ослабил моральный дух окруженных ультиматум от 8 января, переданный командованию окруженных. После того как оно отвергло ультиматум, его текст неоднократно передавался по радио, а также был распространен в листовках. Содержание ультиматума, несомненно, стало известно очень многим из окруженных.

В силу уже известных читателю причин боеспособность окруженных немецко-фашистских войск к этому времени резко снизилась. Ее уже нельзя было сравнивать с положением в декабре, когда была сделана первая попытка ликвидировать окруженных. Несмотря на почти полуторамесячные усилия блокированной группировки по созданию обороны (при широком использовании наших оборонительных обводов), 6-я армия теперь не смогла противостоять тем же, по существу, силам, которые безуспешно пытались ее разгромить в начале декабря.

Ликвидацию окруженных вражеских войск осуществлял, как было сказано выше, Донской фронт. План этой операции заключался в том, чтобы ударами в нескольких направлениях рассечь окруженные войска и уничтожить затем каждую часть обособленно.

По общему замыслу операции главный удар с целью расчленения окруженной группировки противника (сначала на две части) наносился войсками 65-й армии и смежных с ней флангов 21-й и 24-й армий из района южнее Вертячего в общем направлении на завод «Красный Октябрь».

Войска Донского фронта, имея почти равные силы с противником в людях и танках, превосходили его в артиллерии в 1,3 раза. Однако в результате проведенной перегруппировки советские войска на направлении главного удара превзошли противника в живой силе в 3 раза, а в артиллерии более чем в 10 раз; здесь было создано также превосходство в танках и подавляющее превосходство в воздухе (это, в частности, касается участка 65-й армии).

Боевые действия начались 10 января после отказа командования 6-й армии принять ультиматум о капитуляции.

За первые три дня наступления наши войска продвинулись на 8—10 километров и вышли на реку Россошка, где проходила вторая линия обороны противника. Западный выступ окруженных был уничтожен, но рассечь группировку не удалось; противник пошел на дальнейшее сокращение фронта окружения, но не допустил расчленения своих сил.

15—17 января наступление продолжалось, особенно на направлениях, где действовали 21-я и 24-я армии. Их действия были поддержаны 57-й и 64-й армиями. Уже 15 января оборона противника на рубеже рек Россошка и Червленная была прорвана. Враг, неся большие потери, стал отходить к городу.

К вечеру 17 января наши войска продвинулись на 20—25 километров и приблизились к нашему бывшему внутреннему обводу, на котором враг занял оборону. Расчленить окруженных пока не удавалось. Противник всячески пытался остановить наступление советских войск, неоднократно переходил в контратаки, с особым упорством он стремился удержать населенные пункты. Наши войска в наступлении вели борьбу с противником, по-прежнему проявляя величайший героизм и самоотверженность. Территория, занятая окруженными, сократилась теперь почти в два раза. Последующие три дня войска фронта готовились к прорыву обороны противника, созданной на внутреннем обводе. 22 января наступление возобновилось. Оборона противника и здесь была прорвана. Замысел советского командования на заключительном этапе операции предусматривал ударами 21-й и 65-й армий расчленить и окончательно уничтожить прижатую к Волге группировку противника; встречный удар наносила 62-я армия.

К исходу 26 января войска 21-й и 62-й армий соединились в районе Мамаева кургана, в результате чего окруженная группировка была расчленена на две части.

С 25 января началась массовая сдача в плен целых частей и соединений. К 31 января сопротивление южной группы окруженных фактически прекратилось, и она капитулировала. В этот же день был взят в плен и генерал-фельдмаршал Паулюс со своим штабом.

Вот что рассказал мне командующий 64-й армией товарищ М. С. Шумилов о пленении генерал-фельдмаршала Паулюса.

«29 января нам стало известно, что штаб 6-й армии отошел на западную окраину Сталинграда, но, где точно он находился, мы пока не знали. 30 января захваченные пленные показали, что штаб Паулюса находится в подвале универмага, т. е. в полосе наступления нашей армии. Мною было принято решение не прекращать действий и этой же ночью окружить универмаг. С этой целью был организован подвижный отряд из танков, мотопехоты 38-й мотобригады с армейским инженерно-саперным батальоном для разминирования подступов к универмагу. При отряде находился начальник разведки бригады старший лейтенант Ильченко со средствами связи.

К 6 часам утра отряд окружил танками и мотопехотой универмаг и предложил штабу 6-й армии сдаться. Один из ответственных генералов штаба Росске заявил, что переговоры о сдаче в плен будут вестись только с представителями командования армии или фронта. Об этом старший лейтенант Ильченко немедленно доложил на наблюдательный пункт армии, который находился на северной окраине Ельшанки. В штаб Паулюса были немедленно направлены начальник оперативного отдела штаба армии полковник Лукин и начальник разведывательного отдела подполковник Рыжов с несколькими офицерами и охраной. Им было приказано предъявить ультиматум о полной капитуляции армии без каких-либо условий. Прибыв к универмагу, эта группа встретилась здесь со старшим лейтенантом Ильченко и заместителем командира бригады по политической части. Переговоры велись сначала с генералом Росске, затем с начальником штаба 6-й армии генерал-лейтенантом Шмидтом. В результате переговоров была достигнута договоренность о капитуляции южной группировки окруженных; однако штаб Паулюса не имел возможности доставить приказ о капитуляции в войска, так как на этом участке наши части глубоко вклинились в оборону противника. Было решено доставить приказ совместно с нашими офицерами. Для этого были выделены начальник разведывательного отдела штаба армии подполковник Рыжов и начальник

политотдела штаба армии полковник Мутовин. Отдать приказ северной группировке о капитуляции Шмидт и Паулюс отказались, мотивируя это тем, что в каждой группировке имеется свое командование. Лишь после того, как приказ о капитуляции войск южной группировки был отправлен в части, начальник штаба Шмидт провел нашу делегацию к Паулюсу. Полковник Лукин рассказывал, что, когда наши офицеры вошли, Паулюс сидел на кровати, но, увидев вошедших, встал и приветствовал их. Как свидетельствуют члены делегации, он производил впечатление уставшего, нервного человека, у него подергивались веки. На сборы штаба 6-й армии был дан один час. В это время сюда прибыл направленный мной начальник штаба 64-й армии генерал-майор Ласкин, который получил приказание доставить Паулюса и его начальника штаба Шмидта на командный пункт 64-й армии, в Бекетовку.

В комнату дома, где размещался штаб, вошел высокий, худой, с проседью в волосах человек в форме генерал-полковника; это и был Паулюс.

По укоренившейся за годы гитлеровского режима привычке он поднял руку и хотел, видимо, произнести нацистское приветствие, но тут же, поняв неуместность этого, опустил руку и сказал обычное немецкое «гутен таг». Генерал-полковник Шумилов попросил пленного предъявить документы. Паулюс, вынув из кармана бумажник, отыскал в нем и протянул советскому командарму солдатскую книжку, являвшуюся документом всех военнослужащих германской армии. Посмотрев документ, Михаил Степанович потребовал предъявления документов, удостоверяющих то, что Паулюс является командующим 6-й немецкой армией. Получив такой документ, он спросил, действительно ли Паулюсу присвоено звание генерал-фельдмаршала. Генерал Шмидт, вмешавшись в беседу, подчеркнуто официальным тоном заявил: «Вчера приказом фюрера генерал-полковнику фон Паулюсу присвоено высшее военно-полевое звание империи «генерал-фельдмаршал».

— Значит, — подчеркнул генерал Шумилов, обращаясь к самому Паулюсу, — я могу донести в Ставку о том, что войсками моей армии пленен генерал-фельдмаршал Паулюс?

— Йаволль![1] — прозвучал и без перевода понятный ответ.

Затем был проведен официальный допрос «высокопоставленных» военнопленных, во время которого Паулюс держал себя спокойно, отвечал на вопросы, обдумывая каждое слово. Разница в поведении и облике Паулюса, очевидно, объяснялась тем, что при первой встрече с представителями 64-й армии ему еще не было ясно, как отнесутся к нему в плену; встретив же гуманное отношение к себе и к окружавшим его офицерам и генералам штаба, он, по-видимому, сумел овладеть собой.

После этого пленным предложили пообедать, на что они с радостью согласились. Характерно, что Паулюс попросил подать, если это возможно, русской водки. Когда на стол была поставлена бутылка, он разлил всем и, подняв бокал, сказал: «Предлагаю тост за тех, кто нас победил, за русскую армию и ее полководцев». Все пленные, стоя, последовали примеру своего шефа».

Вскоре пленные генералы и офицеры штаба 6-й армии во главе со своим командующим Паулюсом были через штаб фронта препровождены в Ставку Верховного Главнокомандования.

Таким образом, длившаяся более полугода Сталинградская битва завершилась полным и окончательным разгромом тех, кто, выполняя волю Гитлера и его хозяев, с таким упорством стремился овладеть городом.

Как известно, после Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров.

По вине германского империализма тысячи представителей немецкой нации нашли себе могилу на полях Сталинграда.

Сталинград праздновал свои первые мирные дни, широко отмечая великую победу.

Здесь я не могу не рассказать об одном памятном эпизоде, глубоко тронувшем меня. Военный совет Южного, бывшего Сталинградского, фронта был приглашен на эти дни в Сталинград. Я, к глубокому сожалению, по состоянию здоровья поехать туда не смог,

---

[1] Так точно

В Сталинграде на многолюдном митинге Никита Сергеевич от имени командования фронта горячо поздравил сталинградцев — военных и гражданских — с большой исторической победой.

Вечером же за скромным ужином, который устроили городские власти, генерал Шумилов — командующий 64-й армией, части которой пленили фельдмаршала Паулюса и его штаб, передал личное оружие командующего 6-й германской армией Никите Сергеевичу, сопроводив эту передачу такими словами:

— Оружие побежденного фельдмаршала должно находиться у командования Сталинградского фронта, вынесшего на своих плечах всю тяжесть обороны и принявшего самое активное участие в контрнаступлении под Сталинградом.

Возвратясь на командный пункт фронта, Никита Сергеевич пришел ко мне. Измученный непрекращавшимися болями в ноге, я лежал. Товарищ Хрущев подробно рассказал мне о своих впечатлениях от поездки. Закончив свой рассказ, он передал мне небольшой вороненый револьвер:

— Это личное оружие генерал-фельдмаршала Паулюса. Командование 64-й армии передало его нам, как командованию бывшего Сталинградского фронта. Считаю, что это оружие по праву принадлежит тебе, Андрей Иванович.

На мое возражение, что оружие принадлежит нам обоим, Никита Сергеевич безапелляционно заявил:

— Бери, оружие принадлежит тебе — командующему Сталинградским фронтом.

С благодарностью я принял пистолет как память о незабываемых днях великой битвы.

* * *

В заключение хочется сказать несколько слов о командных пунктах, с которых пришлось осуществлять управление войсками.

В практике минувшей войны у нас в крупных объединениях (армиях, фронтах) применялись основные командные пункты и передовые командно-наблюдатель-

ные пункты. Пользовались мы и вспомогательными пунктами управления (сокращенно ВПУ) [1].

Сразу же после организации Юго-Восточного фронта управление его войсками осуществлялось с основного командного пункта. Штаб в то время находился в процессе формирования; еще не было ни начальника штаба, ни командующего ВВС, ни заместителей командующего войсками. До 14 августа командный пункт фронта находился в центральной части города Сталинграда, в двух километрах южнее реки Царица (теперь Пионерка); оперативное управление и командующий размещались в помещении школы. Это время было наиболее тяжелым с точки зрения организации управления войсками.

После того как состоялись назначения: товарища Н. С. Хрущева членом Военного совета, а меня командующим обоими фронтами (Юго-Восточным и Сталинградским), управление войсками пришлось осуществлять через командный пункт каждого из этих фронтов. Оба командных пункта располагались в центре города, а их оперативные управления и узлы связи размещались в подземных убежищах, вырытых в виде штолен в отвесных склонах глубокого оврага, по дну которого протекала река Царица. Штольня, которую занимал командный пункт Сталинградского фронта, находилась запад-

---

[1] У нас иногда было принято называть передовые командно-наблюдательные пункты вспомогательными пунктами управления, что, конечно, неверно. На передовом командно-наблюдательном пункте во время осуществления операции зачастую находились командующий фронтом, командующий ВВС, командующий артиллерией и командующие другими родами войск и начальники служб, а также группа оперативных работников, подвижный узел связи и другие средства управления.

Отличие передового командно-наблюдательного пункта от вспомогательного пункта управления как раз и заключается в том, что на ВПУ находятся не основные начальники, а их заместители; с этим связано и различие в их функциях. Назначение ВПУ состоит в том, чтобы помогать командующему и фронтовому управлению руководить войсками, особенно в области организации взаимодействия и контроля за планомерным развитием боевых действий; отсюда также вовремя должна поддерживаться разумная инициатива войсковых командиров Личный состав ВПУ, находясь, как правило, ближе к своим войскам и противнику, содействует более быстрому и точному информированию командования фронта о ходе действий своих войск и войск противника.

нее моста, по которому проходила основная городская магистраль; штольня, которую занимал командный пункт Юго-Восточного фронта, находилась восточнее того же моста (ближе к Волге).

Местопребыванием командования фронтов (командующего и члена Военного совета) был командный пункт Сталинградского фронта. Здесь штольня, построенная еще до войны, была получше. Она представляла собой убежище П-образной формы, двумя своими концами выходящее к реке Царица. Кроме проходного ствола, в котором размещался узел связи, имелось еще пять комнат. В них работали оперативный и разведывательный отделы, командование. Оборудование убежища было удовлетворительным; некоторые недостатки имела вентиляция. Углубление убежища составляло 15—20 метров. Что касается убежища Юго-Восточного фронта, то оно было сделано надежно, но более примитивно.

Таким образом, оперативные группы и основные узлы связи обоих фронтов к началу массированных налетов авиации противника были укрыты. Это в значительной мере способствовало надежности управления войсками при самых ожесточенных бомбардировках с воздуха, а вместе с тем и обеспечило непрерывную связь как с Верховным Главнокомандованием, так и с командующими армиями (хотя связь довольно часто нарушалась).

Здесь командные пункты фронтов находились с 16 по 27 августа. Сложность управления войсками, которые действовали в этот период на широком фронте, заключалась в том, что осуществлять его приходилось через два управленческих аппарата. Чтобы в этих условиях содействовать большей конкретизации управления, приближению его к войскам, было создано два вспомогательных пункта управления: один на Сталинградском фронте во главе с моим заместителем по этому фронту товарищем Гордовым, второй на Юго-Восточном фронте во главе с моим заместителем по Юго-Восточному фронту товарищем Голиковым.

С выходом противника к Волге, в район Латашанка, Рынок, фронты оказались разъединенными: Сталинградский фронт оказался к северу от Сталинграда, Юго-Восточный же фронт — к западу от него. На войска послед-

него легла основная тяжесть выполнения задачи по непосредственной обороне города.

После 23 августа, с наступлением периода массированных систематических налетов вражеской авиации на город, когда он по существу был превращен в руины, оставлять основные командные пункты в центре города было весьма опрометчиво. Было решено командный пункт Сталинградского фронта перенести на север от Сталинграда, в район селения Ивановка, тем самым приблизив его к своим войскам; небольшая оперативная группа была оставлена при командовании фронтами. Основной командный пункт Юго-Восточного фронта был переброшен за Волгу, в район деревни Ямы. Прежний пункт на реке Царица превратился теперь в передовой командно-наблюдательный пункт, на котором остались мы с Никитой Сергеевичем и небольшая группа оперативных работников.

Лишь 27 августа, когда противник в ряде мест вышел к окраинам города и подходы к расположению нашего пункта оказались в зоне ружейного и пулеметного огня, пришлось наш пункт перенести в район, находившийся вне досягаемости стрелкового оружия, на берег Волги, примерно туда, где теперь находится речной вокзал. Там имелось небольшое убежище. Это убежище представляло собой тоже штольню, вырытую в откосе волжского берега. Это сырое, тесное помещение было плохо приспособлено для работы. Тем не менее мы руководили отсюда войсками примерно в течение недели. В этот период очень часто прерывалась наша связь со Ставкой. Специального бронированного телефонного кабеля, который можно было бы опустить на дно Волги, у нас не было, пользовались обычным кабелем, а он беспрерывно рвался. С разрешения Ставки мы 7 сентября перешли на левый берег Волги, в район деревни Ямы, где и расположился первый оперативный эшелон командного пункта фронта.

Условия управления значительно улучшились. Войска Юго-Восточного фронта, игравшие теперь решающую роль в обороне Сталинграда, были в непосредственной близости от нас; на прежнем месте мы оставили небольшую оперативную группу.

Работа на новом месте затруднялась лишь бомбардировкой с воздуха и артиллерийским обстрелом района

командного пункта, хотя противник и не знал места его расположения; велся обстрел наших артиллерийских позиций, расположенных неподалеку; близкие попадания были весьма частыми, ежедневно фиксировалось от 70 до 150 снарядов и мин. Здесь мы находились до конца сентября, а затем перешли в Красный сад, где возможно было лишь авиационное воздействие противника.

Несомненно, что с командного пункта, находившегося под огнем противника, затруднялось управление войсками, но бесспорно и то, что его близость к войскам давала возможность принимать решения более оперативно, в соответствии с реальной обстановкой. Близость командного пункта к войскам предоставляла командованию фронта возможность частого живого общения с ними, а это сказывалось на их моральном состоянии.

В начале ноября командный пункт фронта был перенесен в Райгород, куда сначала перешел оперативный эшелон штаба во главе с командованием.

Перенос сюда командного пункта можно было бы осуществить и раньше, но от этого нас удерживало то обстоятельство, что именно на этом направлении готовился прорыв фронта противника. Перенос командного пункта мог бы в какой-то степени демаскировать подготовляемые нами мероприятия. Необходимая же работа в войсках этого направления проводилась нами посредством систематических выездов в войска.

В Райгороде мы находились вплоть до января 1943 года, т. е. до момента переименования Сталинградского фронта в Южный.

Для организации более надежного взаимодействия войск и контроля за их деятельностью в начале декабря в районе Громославка, Зеты был создан ВПУ во главе с заместителем командующего фронтом генералом Захаровым. Ему было поручено обеспечить также своевременное сосредоточение войск, выделенных фронтом с других направлений для парирования удара противника из района Котельниково с целью освобождения окруженных.

С 21 декабря этот вспомогательный пункт управления превратился в передовой командно-наблюдательный пункт, так как к этому времени сюда прибыло командование фронта, чтобы руководить войсками по разгрому группировки Гота — Манштейна.

Вот те пункты, с которых осуществлялось руководство и управление войсками фронтов, принимавших участие в битве за Сталинград.

Умение правильно выбрать район для командного пункта, своевременно предвидя развитие событий, наметить момент его переноса на новое место, а также создать при определенной обстановке вспомогательный пункт управления и передовой командно-наблюдательный пункт играет очень важную роль в управлении войсками и отнюдь не может считаться чем-то второстепенным, поэтому я и счел необходимым сказать об этом несколько слов отдельно.

☆

КРАТКИЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ ПО КОНТРНАСТУПЛЕНИЮ

Говоря о военно-политических итогах контрнаступления, следует подчеркнуть, что уничтожением окруженной группировки противника завершилось грандиозное контрнаступление советских войск под Сталинградом. Сталинградская битва явилась величайшим событием в истории минувшей войны, которое ознаменовало перелом в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны. В результате сокрушительного по своей силе удара немецко-фашистская армия полностью потеряла 32 дивизии и 3 бригады, а 16 дивизий понесли крупные потери. Вся военная машина фашистской Германии была потрясена до основания этим ударом, от которого она уже не смогла оправиться. Поражение армий фашистского блока под Сталинградом имело величайшие политические последствия.

Контрнаступление Советской Армии под Сталинградом явилось выдающимся образцом контрнаступления в минувшей войне. Контрнаступления, подобного Сталинградскому по размаху и решительности целей, по масштабам применения в нем сил и средств, по результатам, не было еще в военной истории. Уроки его использовались во всех крупнейших наступательных операциях, проведенных Советской Армией после 1942 года, хотя в ходе войны у нас почти не было времени полностью и всесторонне обобщить опыт его подготовки и проведения.

Сейчас можно сделать некоторые обобщения и выводы, тем более что о контрнаступлении вообще и о Сталинградском в частности в период после Великой Отечественной войны было написано много, но единого мнения не выработано.

В связи с известными высказываниями И. В. Сталина, изложенными в его письме полковнику Разину, у нас очень много полемизировали по поводу контрнаступления. Нет нужды напоминать здесь о том, что конкретно тогда писалось по этому вопросу. Некоторые из взглядов того времени нанесли определенный вред делу воспитания наших армейских кадров.

Мы рассматриваем контрнаступление как явление, тесно связанное с другими явлениями войны, без приписывания этому виду наступления несвойственных ему черт, преувеличивающих его значение, но вместе с тем и без умаления этого значения. Некоторые из высказанных И. В. Сталиным положений о контрнаступлении подверглись в свое время справедливой критике. И. В. Сталин указывал на необходимость самого пристального внимания к контрнаступлению, рассматривая его лишь как наступательные действия после отступления. Результатом этого и явилось появление теорий об «активной обороне», предшествовавшей нашему стратегическому контрнаступлению. Само же контрнаступление трактовалось как высшая форма стратегического и оперативного искусства, как наиболее важное достижение советской военной науки. Поскольку подобный тезис повторялся всюду, нашим армейским кадрам прививался взгляд, что только контрнаступление, как неизбежный вид боевых действий, будет иметь решающее значение в будущей войне. При этом, как мы видим, было поднято на щит «контрнаступление после успешного наступления противника, не давшего однако решающих результатов». Таким образом, вольно или невольно армейским кадрам прививалась мысль, что для победы необходимо допустить наступление противника, захват им значительной части территории. Если иметь в виду, что это положение распространялось вместе с утверждением о том, что «неагрессивные» нации всегда отстают с подготовкой к войне, то станет ясно, что этим способом внушалось представление о фатальной неизбежности для социалистических стран стать в будущей войне театром военных действий со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это и сказалось весьма вредно на воспитании армейской молодежи, не имевшей собственного боевого опыта.

Следует отчетливо подчеркнуть, что контрнаступление после успешного наступления противника — это всего

лишь один из многих видов контрнаступления, связанный, как правило, с ошибками в руководстве войсками. Подобный вид контрнаступления имел место в первый период Великой Отечественной войны. Наиболее ярким примером такого контрнаступления является контрнаступление под Москвой, когда в силу недостатков в подготовке страны к обороне и в ведении боевых действий в первые месяцы войны враг получил возможность вплотную подойти к столице нашей Родины.

Подобным же контрнаступлением явилось и великое Сталинградское контрнаступление.

Контрнаступление можно рассматривать и в аспекте оперативного искусства. Ведь нельзя же представить себе, что в будущей войне наступление будет вестись на всех участках тысячекилометровых фронтов; на каких-то участках противник неизбежно будет обороняться, а значит, и представится возможность перехода с этих участков в контрнаступление при попытках противника организовать здесь наступательные операции.

Подобный вид контрнаступления имел место и в минувшую войну. В известном смысле таким было контрнаступление под Курском, где наступление противника не принесло ему почти никакого успеха.

Контрнаступление представляет собой особый и притом наиболее сложный вид наступления, предпринимаемый для разгрома наступательной группировки противника.

Основной целью контрнаступления является разгром крупной наступательной группировки противника с перенесением военных действий на территорию, занимавшуюся врагом до начала его наступления, и овладение важными стратегическими или оперативными объектами и рубежами, обеспечивающими благоприятные условия для развития дальнейшего решительного наступления. При этом разгрому подвергается не только его главная группировка, но и основные глубокие резервы, привлекаемые обычно для срыва начавшегося контрнаступления или освобождения своих окруженных войск. Все это окончательно вырывает из рук врага оперативно-стратегическую инициативу, ставит его в крайне тяжелое, часто катастрофическое положечие, приводит к крушению его основных стратегических планов. На примере контрнаступления Советской Армии ясно видно, к каким круп-

Н. Ф. Ватутин

А. С. Желтов

Д. Д. Лелюшенко

И. П. Корчагин

Т. Т. Шапкин

С. И. Богданов

А. В. Ставенков

В. Г. Баумштейн

ным стратегическим результатам оно приводило, вызывая в каждом случае крах всех планов генерального штаба фашистской Германии.

В свете анализа вопросов контрнаступления не может не вызвать критики и точка зрения Г. К. Жукова, высказанная им в бытность Министром обороны. Подвергнув критике трактовку этих вопросов И. В. Сталиным, он не только не внес ясность в эту проблему, но, пожалуй, еще более затруднил ее решение. В начале своих суждений товарищ Жуков говорит: «Мы должны воспитывать и готовить наши вооруженные силы к тому, чтобы переход в контрнаступление в начальный период войны осуществлялся не после отхода и потери значительной части территории, а в результате успешных действий наших войск в приграничной зоне с тем, чтобы войну сразу же перенести на территорию агрессора».

Несколько же далее он пишет: «Контрнаступление — это вынужденный способ действий. В своей основе оно является следствием неблагоприятных условий, которые дали возможность противнику получить известные успехи, оно является следствием непредусмотрительности высшего командования, плохого знания противника, неудовлетворительного управления своими войсками».

Таким образом, сначала речь идет о том, что мы должны стремиться к переходу в контрнаступление в результате успешных действий наших войск, а там, где делается попытка теоретически определить контрнаступление, говорится, что это вынужденный вид военных действий, результат неудовлетворительного управления войсками. Явное противоречие. Два положения взаимно исключают друг друга.

Но вернемся к анализу контрнаступления.

Переход в контрнаступление в зависимости от условий обстановки может осуществляться в начале или в ходе наступления противника.

В начале наступления противника контрнаступление может быть предпринято в тех случаях, когда мы располагаем силами и средствами для перехода в наступление, но противник упредил наши войска в развертывании боевых действий, вынудив использовать часть этих сил для отражения первоначального удара. Это может быть также тогда, когда, заранее зная о готовящемся наступлении противника, мы, имея силы и средства для пере-

хода в наступление, преднамеренно избираем оборонительный способ действия с тем, чтобы в ходе оборонительного сражения обескровить его ударные группировки, а затем довершить их разгром путем перехода в контрнаступление. Так было, например, под Курском в 1943 году.

В ходе наступления противника контрнаступление может предприниматься в условиях, когда противнику удалось захватить инициативу и своим наступлением добиться оперативных результатов. В этих случаях контрнаступление чаще всего будет готовиться в более тяжелых условиях, в ходе ожесточенного оборонительного сражения при отсутствии стабильного положения сторон, когда обороняющийся, расходуя значительные силы на отражение ударов противника, в максимальной степени изматывает и обескровливает его наступательные группировки, одновременно собирает силы и средства, чтобы самому перейти от обороны к наступлению, чтобы тем самым поставить противника в положение обороняющейся стороны. При этом основным путем собирания и подготовки сил для предстоящего контрнаступления явится их жесткая экономия в тяжелых условиях оборонительной борьбы. Подобные условия подготовки контрнаступления наиболее характерны для контрнаступления под Москвой в 1941 году, контрнаступления под Сталинградом в 1942 году и контрнаступления в районе Балатона в 1945 году.

Это, конечно, не значит, что подготовка к контрнаступлению в начале наступления противника дело более легкое. Здесь необходимо трезво оценить соотношение сил, умело рассредоточить и своевременно подготовить необходимые оперативно-стратегические резервы, правильно определить направление главного удара и умело выбрать момент начала перехода в контрнаступление, для чего быстро и массированно собрать войска.

Следовательно, контрнаступление является весьма сложным видом наступления, и оно более всего связано с оборонительной операцией. При этом следует указать, что не всякая оборонительная операция должна заканчиваться контрнаступлением. Бывает такая обстановка, когда войска, отразив наступление противника, не переходят в контрнаступление, а продолжают удерживать занимаемые позиции. Это может быть в том случае, если

обороняющиеся войска не располагают необходимыми силами и средствами для перехода в контрнаступление или этот переход невыгоден в данной обстановке.

Организация и ведение контрнаступления является чаще всего функцией нескольких фронтов. Для его осуществления, как правило, вводятся в действие крупные оперативные и стратегические резервы, создается решающий перевес в силах на основных (стратегических и оперативных) направлениях. При подготовке перехода в контрнаступление необходимо остановить наступление противника, произвести соответствующую перегруппировку войск, подвести резервы, увеличить плотность артиллерии и танков, создать необходимое превосходство в силах на решающих направлениях, завоевать превосходство в воздухе и одновременно обеспечить операцию в политическом и материально-техническом отношении.

В ходе контрнаступления требуется высокое мастерство в управлении боевыми действиями войск, в правильном использовании родов войск и новых средств борьбы, в организации взаимодействия всех сил и средств.

Контрнаступательная операция предполагает широкое применение различных родов войск, средств вооруженной борьбы, действия и усилия которых должны органически сочетаться. Успех операции обусловливается прежде всего правильным их применением и использованием на всех этапах операции, их гармоническим взаимодействием.

Помимо всесторонней и тщательной подготовки контрнаступательной операции, умелого выбора направления главного удара и момента начала контрнаступления, искусного массирования сил и средств на решающих направлениях, применения решительных форм оперативного маневра, правильного использования родов войск, немаловажное значение для успеха операции имеет и вопрос ее оперативно-стратегического обеспечения.

Контрнаступательная операция развивается обычно в высоких темпах, имеет широкий размах и большую глубину. Это связано с тем, что контрнаступление зачастую приходится организовывать в таком стратегическо-опе-

ративном направлении, где противник наносит или намеревается нанести главный удар, а следовательно, сосредоточивает главную группировку. Чтобы сокрушить ее, необходимы целеустремленность и применение решительных форм оперативного маневра.

Стратегическое контрнаступление — в большинстве случаев комплексная операция нескольких фронтов. Поэтому важное значение приобретает оперативно-стратегическое взаимодействие фронтов, осуществляющих контрнаступление.

При планировании контрнаступательной операции исключительно важная роль принадлежит изучению возможностей противника, особенно возможностей маневра его стратегических резервов, непрерывной глубокой разведке и построенному на этом оперативно-стратегическому предвидению. В связи с этим полезно вспомнить исход битвы под Москвой в 1941 году, когда не все перечисленные моменты были учтены.

В связи с высказанными положениями коснусь некоторых вопросов военного искусства.

Советское военное искусство — во многом результат творчества наших военачальников, на практике применяющих принципы марксизма-ленинизма в области военного дела. В деле достижения победы важную роль играют организаторские способности командного состава. Опыт Великой Отечественной войны показал, что серьезное значение имеет умение организовать бой, операцию, правильное использование родов войск и их взаимодействие.

Взаимодействие выступает как один из существенных вопросов современного оперативного искусства и вместе с тем как одна из сторон организаторских способностей наших командных кадров.

Военачальник в современных условиях должен обладать широким военным и политическим кругозором, а также высокой тактической и оперативной подготовкой, острым и широким мышлением и сильной волей; военачальнику при известных условиях надо идти на риск, но этот риск обязательно должен основываться на прозорливом предвидении; каждому нашему военачальнику следует упорно вырабатывать у себя умение быстро разбираться в обстановке, делать из нее правильные выводы и на этой основе предвидеть.

На чем конкретно основывается такое предвидение? Оно основывается на тщательном изучении многих вопросов, относящихся как к непосредственным действиям войск, так и к их взаимодействию. Важен учет качества войск, их морального состояния и боеспособности, качества вооружения, технических средств современных видов оружия, правильного соотношения сил, районов предстоящих действий, отношения населения к нам и противнику, задачи, поставленной перед войсками. Короткий, но ясный вывод из анализа всех этих вопросов и будет той основой, на которой военачальник может строить свое предвидение. Никакого шаблона, конечно, в этом вопросе быть не должно.

Конкретные сведения и те научные данные, которые постепенно накапливаются в нашем сознании, составляют то, что обычно называют опытом. Они не только позволяют нам правильно оценить обстановку, но и помогают понять, как она будет развиваться в будущем. На каких моментах основывается наше предвидение, мы только что говорили. Оно легче и более точно, когда мы организуем наступление, когда инициатива боевых действий находится в наших руках. Трудней это делать, когда противник наступает, а мы отбиваемся, но и при обороне предвидение возможно и необходимо; разница только в том, что наши решения в этом случае (в обороне) находятся в большой зависимости от противника (значит, его нужно знать особенно хорошо). Своими контрмероприятиями мы должны заставить врага действовать так, как нам выгодно, навязать ему свою волю.

«Масштаб» предвидения зависит от масштаба боевых действий (предвидение развития событий на участке фронта, армии, корпуса, дивизии и т. д.).

Командующий фронтом, например, излагая замысел операции, определяя цели и ставя задачи, должен предвидеть ход последовательного развития этой операции (по задачам или дням) с учетом характера действий наших войск и войск противника на протяжении всей операции. Само собой разумеется, что более ясно будут представляться те события, которые относятся к начальному периоду действий; развитие событий в следующие периоды операции будет представляться уже в более общем виде, но тем не менее необходимо охватывать

весь ход операции, ее итог и даже ближайшие события после ее окончания.

Так как события военного времени протекают обычно бурно и остро, при этом не плавно, то известные колебания в планах операций всегда будут. Предвидение в какой-то степени будет уточняться, подправляться. Сами события будут выступать в роли «критиков» нашего предвидения. Военачальники, «реализуя» эту критику, естественно, будут корректировать свое предвидение. Каждый военачальник обладает определенными командными качествами, воспитанными у него нашей партией; у одних командиров эти качества развиты в большей степени, у других, возможно, в меньшей (в этом вопросе многое зависит от индивидуальных качеств командиров). Но наши командные кадры должны знать, что все эти качества, как и умение правильно анализировать обстановку, ясно и остро понимать ход событий, вырабатываются упорным трудом. Поэтому над выработкой этих качеств, их совершенствованием надо неустанно трудиться.

При подготовке контрнаступательной операции особое место в работе командующего войсками должен занять вопрос о резервах и средствах огневого воздействия на противника (авиации, артиллерии и других современных видов оружия).

Почему важен вопрос о резервах? В первую очередь потому, что в любом случае контрнаступающий должен будет направлять главные усилия не только на прорыв и окружение противника, находящегося непосредственно перед ним, не только на создание внешнего фронта окружения, но также и на ликвидацию попыток противника деблокировать окруженных, приостановить наше контрнаступление. Необходимо в этих условиях стремиться к тому, чтобы контрнаступление перерастало в общее стратегическое наступление. Только в этом случае оно дает желаемый результат. Вот почему успешной можно считать только ту контрнаступательную операцию, в результате которой противник вынужден отказаться от первоначального плана действий, утрачивает инициативу и подчиняет свои действия воле наступающего.

Контрнаступление может начаться в различных условиях оперативной обстановки.

Его начало может иметь форму внезапного одновременного наступления главной группировки (или группировок) на одном или нескольких операционных направлениях или же форму последовательных наступлений, согласованных планом операции во времени. В некоторых случаях (для разведки противника, оперативной маскировки, улучшения исходных рубежей) контрнаступлению могут предшествовать широкие наступательные действия войск с ограниченными целями.

Опыт войны, как, в частности, и Сталинградской битвы, необходимо, конечно, изучать умело. Естественно, что многое, типичное для минувшей войны, не будет характерным для войны будущего, если империалисты развяжут ее. Понятно, что непрерывное развитие техники, и прежде всего военной техники, скажется на методах ведения боевых действий и их характере.

☆

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сталинградская битва вошла страницей немеркнущей славы не только в историю Великой Отечественной войны Советского Союза, но и в мировую историю. Советский народ и его Вооруженные Силы продемонстрировали перед всем миром непревзойденное могущество Советского государства, железную стойкость, мужество и массовый героизм, превосходство советской военной науки и советской военной организации над буржуазной военной наукой и буржуазной военной организацией.

Сталинградскую битву выиграл весь советский народ, руководимый великой Коммунистической партией.

Руководство Коммунистической партии было решающим условием победы. В армии, сражавшиеся под Сталинградом, партия послала тысячи своих лучших представителей, которые сумели поднять огромные массы советских людей на самоотверженную борьбу. От первых дней оборонительного сражения до полного торжества победы над врагом здесь находился виднейший деятель партии и Советского государства Н. С. Хрущев, деятельность которого была поистине неутомимой.

Лучших своих сынов послали в Сталинград города и села нашей необъятной Родины. Все, что нужно было для завоевания победы, щедрой рукой давали труженики заводов и колхозных полей. Рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, советская интеллигенция, молодежь самоотверженно трудились во имя Родины, во имя победы над врагом. Трудно выразить словами ту огромную, ни с чем не сравнимую моральную поддержку и помощь, которую оказывал сталинградцам весь советский тыл. Сотни тысяч писем, посылок, телеграмм получали бойцы и командиры часто от совершенно незнако-

мых людей. В каждое такое послание была вложена частица души советского патриота, страстно призывавшего воинов к мужеству и героизму.

С победой под Сталинградом большой подъем охватил советских людей на фронте и в тылу. Она вселила в них новые силы и уверенность в окончательном разгроме врага.

Сталинградская битва знаменовала собой решительный поворот в ходе Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом. Прав был И. В. Сталин, когда говорил, что «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться».

Сталинград явился началом конца фашистского государства и его армии. Под Сталинградом не только погибла колоссальная немецкая армия: там же было покончено с долго жившей в Германии традицией, на которой воспитывались целые поколения немцев. Был опровергнут миф о непобедимости германской армии, о ее превосходстве над всеми армиями мира.

Весь мир был потрясен грандиозным успехом Советской Армии в битве за Сталинград. Еще гремели орудия, еще наши танки, авиация и пехота вели бои с сопротивлявшимся врагом, а слава о Сталинграде катилась через материки и океаны.

Товарищ Морис Торез еще в начале 1943 года писал: «Славная эпопея Сталинграда знаменует решительный поворот в справедливой войне цивилизованного мира против гитлеровской Германии... О советскую скалу разбились волны фашистских орд... 6-я германская армия, которая, как ураган, пронеслась по Франции, целиком уничтожена» [1].

Слово Сталинград не сходило со страниц мировой печати в то время.

Президент Соединенных Штатов Рузвельт 5 февраля 1943 года в послании Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину указывал, что эта победа будет «одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и

---

[1] Морис Торез. «Коммунистический интернационал», 1943, № 2—3, стр. 17.

женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага»[1].

В грамсте, адресованной защитникам Сталинграда, он пишет: «Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против агрессии».

Иранская газета «Мехри-Иран» писала в то время: «По справедливости надо сказать, что советское командование имеет полное право гордиться своей великолепной победой под Сталинградом. Героическая оборона Сталинграда будет жить многие века. Немцы, легко покорившие Париж, Варшаву, Белград, никак не думали, что на берегах Волги их постигнет такая судьба и что они положат здесь сотни тысяч солдат и потеряют огромное количество вооружения».

Через день после окончательного разгрома окруженной группировки немцев, 4 февраля 1943 года, шведская газета «Стокгольмс Тиднинген» писала: «Имя этого города будет вечно сиять как памятник мужества русских, которых не могли сломить жесточайшие удары. Разгром немцев под Сталинградом имеет для русских величайшее значение. Волга опять течет свободно. Престиж Красной Армии поднялся еще выше благодаря этой победе, которая не имеет себе равной».

Тогда сплошь и рядом появлялись заявления различных буржуазных деятелей о том, что историки могут рассматривать битву под Сталинградом как поворотный пункт в судьбах Европы и, быть может, всего мира.

О Сталинградской битве как переломном моменте в ходе второй мировой войны вынуждены после войны говорить и многие наши враги из числа тех, кто еще сохранил способность к объективному анализу исторических событий.

---

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. II. Госполитиздат, 1957, стр. 52—53.

Так, генерал Ганс Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград», являющейся, пожалуй, наиболее пространным во всей западной военно-исторической литературе описанием этой битвы, прямо свидетельствует:

«...В 1942 г. Сталинград стал поворотным пунктом второй мировой войны.

Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709 г.) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав» [1].

Не оспаривая деталей этого высказывания, мы видим, что даже наши явные враги, если они способны объективно взвешивать исторические факты, вынуждены признать огромнейшее влияние Сталинграда на исход второй мировой войны.

Другой, еще более известный гитлеровский генерал, Гейнц Гудериан, в статье «Опыт войны с Россией» пишет: «Итак, летняя кампания 1942 года закончилась для немецкой армии тяжелым поражением. С этого времени немецкие войска на Востоке навсегда перестали наступать».

Безусловно, не может подлежать какому-либо сомнению, что именно в результате победы под Сталинградом наша армия захватила в свои руки инициативу боевых действий и перешла в общее наступление на огромном фронте от предгорий Кавказского хребта на юге до подступов к Ленинграду на севере. Началось освобождение оккупированных врагом областей нашей Родины.

Курт Типпельскирх в своей «Истории второй мировой войны» также признал:

«Хотя в рамках войны в целом событиям в Северной Африке отводят более видное место, чем Сталинградской битве, однако катастрофа под Сталинградом сильнее потрясла немецкую армию и немецкий народ, потому что она оказалась для них более чувствительной. Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 г., — гибель окруженной противником армии» (имеется в виду разгром Наполеоном I прусско-саксонской армии в сражениях под Иеной и Ауэрштедтом 14 октября 1806 г. —

---

[1] Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 15.

Ред.) [1]. Говоря о Северной Африке, Типпельскирх явно щадит самолюбие тех, кто платит ему деньги.

Наиболее определенно о поворотном пункте второй мировой войны высказался генерал Цейтцлер, бывший во время Сталинградской битвы начальником генерального штаба сухопутных войск вермахта. «Ход событий, — заявляет он, — показал.., что Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны» [2].

Приведенные высказывания, количество которых можно без труда умножить, не требуют комментариев. Они отчетливо говорят о великом значении Сталинграда для исхода второй мировой войны, для судеб человечества.

В этой связи, однако, следует обратиться к книге бывшего фельдмаршала Манштейна «Утерянные победы», одной из основных тенденций которой является стремление опровергнуть эту точку зрения и показать, что Сталинград не был поворотным пунктом войны в том смысле, как понимает это большинство людей нашей планеты. Он, конечно, не может полностью отрицать переломного значения Сталинградской битвы, но делает это в такой форме и обставляет такими оговорками, что по существу сводит на нет это утверждение.

«Конечно, Сталинград постольку является поворотным пунктом в истории второй мировой войны, поскольку на Волге разбилась волна немецкого наступления, чтобы затем откатиться обратно, подобно волне прибоя. Но как ни тяжела была утрата 6-й армии (одной 6-й армии?! — *А. Е.*), это не означало еще проигрыша войны на Востоке и тем самым войны вообще. Все еще можно было добиваться ничейного исхода, если бы такую цель поставила перед собой немецкая политика и командование вооруженных сил».

А дальше: «Сражение за Сталинград по вполне понятным причинам рассматривается Советами как решительный перелом в войне. Англичане приписывают подобное же значение «битве за Англию», то есть отражению немецкого воздушного наступления на Британские острова в 1940 г. (Неизвестно, однако, какие именно ан-

---

[1] Курт Типпельскирх. История второй мировой войны. Издательство иностранной литературы, М., 1956, стр. 256.

[2] З. Вестфаль, В. Крейпе, К. Цейтцлер и др. Роковые решения. Воениздат, 1958, стр. 209.

гличане? Ведь даже Черчилль считает таким моментом разгром Роммеля в Африке — *А. Е.*). Американцы склонны приписывать окончательный успех союзников своему участию в войне. Также и в Германии многие считают, что Сталинград имеет значение «решающего сражения». В противоположность этому следует констатировать, что нельзя приписывать никакому из тех или иных отдельных событий решающее значение. Это следствие влияния целого ряда факторов, важнейшим из которых является, видимо, то, что Германия в конце концов в результате политики и стратегии Гитлера оказалась безнадежно слабее своих противников» [1].

Здесь Манштейн восходит, так сказать, на самую вершину объективизма, и с этой «головокружительной» высоты все события и факторы для него становятся равнозначными: и усиление противовоздушной обороны в Англии в 1940 году, и материальные ресурсы воюющих сторон, и разгром отборных армий под Сталинградом, и провал честолюбивых помыслов «бесноватого».

Остановимся несколько подробнее на высказываниях Манштейна, так как его суждения о переломном моменте войны способны сбить с толку даже более или менее квалифицированного читателя.

Манштейн, во-первых, старается свалить в одну кучу разные по масштабам события, спутать карты, поставить на место событий, как таковых, причины их возникновения, причем не главные, а второстепенные.

Ясно, что никто сейчас (кто, конечно, стремится разобраться в событиях прошлой мировой войны) не станет утверждать, что то или иное сражение этой войны явилось причиной полного разгрома Германии. Таких причин несколько. Но главная из них — это преимущество нашего социалистического общественного строя перед тем порядком, который был создан фашистами в Германии и насаждался ими в покоренных странах.

Манштейн главную причину поражения Германии видит в том, что она «в результате политики и стратегии Гитлера оказалась безнадежно слабее своих противников». Если иметь в виду только Германию, то ясно, что по своим ресурсам она при любой самой безупречной

---

[1] Manstein E. Verlorene Siege. Bonn. Athenäum Verlag, 1955, S. 302.

политике будет слабее блока таких трех мировых держав, как СССР, США и Англия. Слабее их она, несомненно, была даже и тогда, когда благодаря политике Гитлера и не без содействия империализма США и Англии захватила все ресурсы Западной и частично Восточной Европы. Не секрет и то, что одни ресурсы (имеются в виду экономический потенциал и людские ресурсы) без учета других факторов не могут решить исход войны.

Если обратиться, например, к такому факту, как разгром Франции Германией в 1940 году, то не трудно понять, что Франция по своим собственным ресурсам при наличии помощи, оказанной ей Англией, была едва ли слабее Германии того периода.

Ясно, что в данном случае не в этом суть, хотя экономический потенциал и людские ресурсы играют самую существенную роль, особенно в затяжной войне. Беда, однако, заключается в том, что Манштейн пустился в свои объективистские рассуждения о многих факторах и значении ресурсов с определенной целью: сбить читателя с толку и уйти от ответа на вопрос, когда же, в какой именно момент второй мировой войны стало ясно, что фашистская Германия по своим материальным ресурсам, моральным потенциям и т. п. уступает коалиции союзников и прежде всего Советскому Союзу, принесшему на алтарь общего дела наибольшие усилия и жертвы. Но Манштейну так и не удалось уйти от этого неприятного для него ответа. Он проговаривается, когда говорит, что после Сталинграда надо было искать ничейного исхода войны, именно после Сталинграда, а отнюдь не после разгрома Роммеля, не после усиления ПВО на Британских островах.

Здесь мы видим, что, хотя Манштейн и стремится умалить роль Сталинградской битвы, вместе с тем он оценивает это сражение как генеральное.

Со времен Клаузевица в военной теории и практике германского милитаризма утвердился ряд положений, которые в свое время в большинстве случаев основывались на реальной действительности. Затем же, когда условия изменились, эти положения начали превращаться в догмы. Мы не собираемся здесь подробно разбирать вопрос о судьбах учения Клаузевица. Напомним лишь, что, по Клаузевицу, война может быть выиграна лишь в слу-

чае выигрыша генерального сражения, на которое следует израсходовать максимум сил и средств; при проигрыше же такого сражения дело следует вести к ничейному результату. Хотя Манштейн и не ссылается на Клаузевица в данном случае, тем не менее ясно, что он целиком находится в плену этого учения. В самом деле, во всей своей книге, вплоть до Сталинградской битвы, он нигде не обмолвился ни словом о необходимости сведения войны вничью. Наоборот, он рьяно защищает мысль о том, что при правильном руководстве боевыми действиями со стороны гитлеровской ставки — т. е. при выполнении пожеланий Манштейна — война была бы выиграна. Невольно он признает (по существу) Сталинградскую битву генеральным сражением, после проигрыша которого ничего не оставалось делать, как стремиться свести войну вничью. Это заключение он повторяет не раз. И Гитлера он теперь обвиняет именно в том, что тот вовремя не понял этого.

Наша военная наука далека от того, чтобы приписывать какому-либо из сражений современной войны тот характер, какой приписывает Клаузевиц генеральному сражению. Однако, изучая реальные военно-исторические события, нельзя не видеть, что в каждой из значительных войн современности имеется такое сражение, исход которого оказал решающее влияние на исход войны в целом (например, битва на Марне в период первой мировой войны).

Мы не можем согласиться с Манштейном в том, что якобы после Сталинграда войну можно было свести вничью. Нет, Сталинград был закатом немецко-фашистской армии; Советская Армия исключила для врага всякую возможность оправиться после сталинградского удара. Говоря это, следует учитывать, что, во-первых, это крупнейшее поражение враг потерпел при отсутствии второго фронта в Европе, во-вторых, силы нашей армии и народа непрерывно возрастали, в то время как силы фашистского государства начали иссякать.

Не исключено, что Манштейн рассчитывал на возможность нечистой политической игры — на попытки раскола антигитлеровской коалиции, но при этом ведь надо сбросить со счетов волю народов союзных стран, которые не позволили бы своим правительствам пойти на компромисс с гитлеризмом.

Таким образом, основной тезис Манштейна о том, что Сталинград не сыграл той роли, которую ему справедливо придает мировая общественность, разбит в основном им же самим.

Разбирая доводы Манштейна, мы наглядно убедились в полном соответствии исторической действительности нашего тезиса о том, что Сталинград был переломным пунктом или поворотным моментом как в ходе Великой Отечественной войны, так и в ходе всей второй мировой войны.

Излагая события, последовавшие за Сталинградом, Манштейн пытается навязать читателю мысль о том, что ему якобы с его группой армий «Дон» удалось локализовать наш успех под Сталинградом и даже в какой-то мере парировать удар советских армий, а тем самым и подготовить условия для дальнейших наступательных действий гитлеровцев; но намечавшиеся победы были утеряны якобы лишь из-за ошибок фюрера, выразившихся в оттягивании начала летнего (1943 года) наступления немцев. По Манштейну получается даже так, что он как будто после Сталинграда сумел отобрать у нас инициативу.

Характеризуя значение операции «Цитадель» (попытка наступления на Курской дуге), Манштейн пишет:

«Она («Цитадель». — *А. Е.*) была последней попыткой сохранить нашу инициативу на Востоке. С ее неудачей, равнозначной провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. Поэтому операция «Цитадель» является решающим поворотным пунктом войны на Восточном фронте...» (стр. 473).

Несколько ранее, подводя итоги зимней кампании на Восточном фронте, Манштейн опять-таки утверждает:

«...Путь от Сталинграда до Донца потребовал от противника больших жертв. В конце этой кампании он потерпел два тяжелых поражения[1]. Противник не достиг своей цели... В конце зимней кампании инициатива вновь перешла к немецкой стороне... Нам удалось почти в без-

[1] Тяжелыми поражениями Манштейн считает то, что Юго-Западный фронт, исчерпав резервы, был оттеснен в районе между Донцом и Днепром на рубеж реки Миус (конец февраля, начало марта 1943 года), а также взятие противником Харькова и Белгорода в середине марта.

надежном положении в конце кампании завоевать пальму победы»[1].

Оставим на совести Манштейна пресловутую «пальму победы». После потери шести армий, из них двух отборных немецких, гитлеровцам удалось воспользоваться некоторыми нашими просчетами и на одном участке частично потеснить наши войска, не успевшие еще закрепиться на достигнутых рубежах. (Дело здесь в том, что наши наступавшие Юго-Западный и Воронежский фронты продвинулись слишком далеко, не имея достаточных резервов; поэтому предпринятые врагом частные контрудары имели успех.) В устах Манштейна этот успех выглядит как победа, вернувшая германской армии наступательную инициативу. Кто поверит в серьезность этих доводов?

Стоит вспомнить о масштабах поражения, понесенного гитлеровцами в зимней кампании. Их Манштейн довольно красноречиво описал:

«Если в заключение сделать краткий обзор хода боев и событий этой зимней кампании 1942/43 года в Южной России, то прежде всего необходимо отметить бесспорно большой успех советских войск. Советам удалось окружить целую армию (две армии. — *А. Е.*), причем самую сильную — 6-ю армию — и уничтожить ее. Кроме того, Советы смели с лица земли четыре союзные армии, боровшиеся на стороне немецких войск... как боеспособная сила на фронте; они были уже потеряны... группа Холлидта в марте 1943 года получила название 6-й армии; все же мы окончательно потеряли основную массу солдат, почти двадцать дивизий и значительную часть артиллерии и инженерных частей РГК.

...К потерям войск надо еще присоединить овладение русскими всей захваченной нами в результате летнего наступления 1942 года огромной территорией с ее ресурсами. При этом нам не удался захват кавказской нефти, что являлось одной из главных целей нашего наступления»[2].

---

[1] Manstein E. Verlorene Siege. Bonn. Athenäum Verlag, 1955, S. 474—475.

[2] Manstein E. Verlorene Siege. Bonn. Athenäum Verlag, 1955, S. 467—468.

Гитлеровцы в течение всей Сталинградской битвы потеряли более чем миллионную армию; в течение четырехмесячного оборонительного сражения они произвели, как известно, более 700 атак; с громадным упорством днем и ночью враг атаковывал наши позиции; на карту было поставлено все, чтобы выполнить приказ фюрера, вновь и вновь требовавшего захвата города. Прав Дёрр, утверждающий, что под Сталинградом Россия выиграла битву на уничтожение, чем не могли похвалиться ее союзники [1].

Нужно иметь также еще в виду, что гитлеровцы под Сталинградом оказались на пороге потери своего превосходства в воздухе.

Здесь нашла себе могилу транспортная авиация Германии и понесли большие потери 4-й воздушный флот и 8-й авиационный корпус. Всего противник потерял свыше 1000 самолетов (один Сталинградский фронт сбил 499 транспортных самолетов). Ясно, что это потеря не только материальной части, но и кадров (причем лучших) летного состава (захваченные в плен вражеские летчики показывали, что в Сталинград были направлены все инструкторы летных школ). Да и другие виды авиации, особенно бомбардировочная и истребительная, равно как и все виды техники (танки, артиллерия, инженерные, транспортные средства), также понесли огромные потери. И вот, забывая о катастрофическом разгроме, Манштейн не постыдился сказать о «пальме победы», якобы попавшей в руки гитлеровцев в конце зимней кампании 1942/43 года. Незначительные, имевшие случайный характер успехи гитлеровцев на отдельных участках в конце февраля — начале марта Манштейн возвел в ранг выдающихся побед, якобы вернувших вермахту инициативу. В действительности же инициатива окончательно и бесповоротно перешла в наши руки под Сталинградом.

Уже сам замысел операции «Цитадель», разработанной генералом Цейтцлером и принятой Гитлером, показывает, насколько была сбита спесь у фюрера и его приспешников в результате разгрома под Сталинградом. Если летом 1942 года, чтобы захватить инициативу после нашей победы под Москвой, германские вооруженные

---

[1] См. Г. Дёрр. Поход на Сталинград. Воениздат, 1957, стр. 16.

силы получили задачу наступать на тысячекилометровых просторах юга одновременно в двух направлениях на Кавказ и на Сталинград, то теперь, летом 1943 года, после длительных пересудов и грызни гитлеровская ставка решила нанести удар на весьма ограниченном фронте и с довольно ограниченной целью — срезать Курский выступ. Предполагалось (об этом стали теперь мечтать гитлеровцы) свести войну к ничейному результату. Жалобы Манштейна на то, что операция «Цитадель» провалилась из-за оттяжки срока ее начала, являются не более как игрой с краплеными картами. Понятно, что суждения Манштейна не могут поколебать нашего вывода о том, что именно Сталинград явился решительным поворотом в ходе войны, что именно с момента начала Сталинградского контрнаступления инициатива окончательно и бесповоротно перешла в наши руки.

Показательна оценка Сталинградской битвы некоторыми военными историками в Германской Демократической Республике. Выступив на научной сессии историков Советского Союза и Германской Демократической Республики в Лейпциге в 1957 году, Отто Корфес (бывший командир 295-й немецкой пехотной дивизии, в настоящее время научный сотрудник Военно-исторического института) заявил: «Мы знаем, что она (Сталинградская битва. — *А. Е.*) не только имела решающее военное значение, но и положила начало перемене в международной политической обстановке... Поражение под Сталинградом явилось поражением агрессивных сил империализма... Битва под Сталинградом оказала огромное политическое воздействие на немецкий народ, на союзников Германии, на Европу, на весь мир».

Стоит также привести оценку итогов зимней кампании 1942/43 года, данную немецким генералом Бутларом в его статье «Война в России»:

«В результате отхода немецких войск с Волги и Кавказа все районы, захваченные в период летне-осеннего наступления, были почти полностью отданы противнику. При этом немецкие войска потеряли много сил, так и не добившись серьезного ослабления боевой мощи русских. Все надежды на вовлечение стран Среднего Востока в борьбу против Англии и на захват нефтяных месторождений Кавказа, которые должны были способствовать

росту немецкой авиации и моторизации, немцам пришлось оставить...

Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта (имеется в виду правое крыло Южного фронта. — *А. Е.*) в конце января 1943 года, был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й армии удалось спастись лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков. От остальной части и соединений уцелели только жалкие остатки. Из числа немецких войск, действовавших в полосе 8-й итальянской армии, остались лишь потрепанные остатки нескольких немецких дивизий, которым удалось спастись за рекой Оскол. Связь с группой армий «Центр» и с группой армий «Дон» была потеряна, стыки находились под угрозой...

Недооценка немцами сил противника и огромной территории его страны, а также переоценка своих собственных материальных и людских ресурсов в сочетании со стратегическими и оперативными ошибками, виновником которых был в большинстве случаев сам Гитлер (здесь по установившемуся шаблону Бутлар сваливает вину на фюрера.— *А. Е.*), привели к тому, что все тяготы, перенесенные немецкими войсками, и все их жертвы оказались напрасными» [1].

Никита Сергеевич Хрущев как в личных беседах с автором этих строк, так и в публичных выступлениях во время войны указывал, что в Сталинградской битве, длившейся более шести месяцев, советский народ и его армия совершили немеркнущий подвиг: нанесли величайшее поражение фашистской армии и добились перелома войны в свою пользу.

Выше мы приводили мнение по этому вопросу И. В. Сталина.

Все изложенное выше еще раз убедительно подтверждает наши доводы о том, что окончательный захват стра-

---

[1] Мировая война 1939—1945 гг. Сборник статей. Издательство иностранной литературы, 1957, стр. 204, 206, 208.

тегической инициативы и перелом в войне произошел в результате нашей победы под Сталинградом и в дальнейшем он был закреплен в битве под Курском и на Днепре.

С анализом значения Сталинградской битвы и ее места в цепи событий минувшей войны непосредственно связан вопрос о периодизации Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом, поскольку Сталинград явился поворотным пунктом в ходе этих величайших событий в истории человечества. Важно, чтобы при разработке периодизации войны учитывалось то обстоятельство, что Сталинградская битва представляла собой *единый комплекс оборонительных и наступательных операций*, который при изучении и составлении истории минувшей войны нецелесообразно разрывать, относя части битвы к разным периодам.

Сталинград явился величайшим источником мужества и стойкости для трудящихся всего мира. Все народы по достоинству оценили значение этого подвига и прониклись глубокой любовью к советскому народу, отстаивавшему под руководством Коммунистической партии дело всего прогрессивного человечества. Для народов, стонавших под игом фашистской Германии, Сталинград был яркой вспышкой света во мраке ночи; он стал для них путеводной звездой, ведшей их к освобождению. Вот почему и сейчас, спустя много лет после окончания гигантского сражения, свободолюбивые народы мира хранят светлую память о героях Сталинграда, которые под руководством своих командиров и политработников показали чудеса мужества, выдержали неимоверное боевое напряжение. Не случайно многие приезжающие к нам из-за рубежа стремятся взглянуть на город-герой.

На Сталинградском фронте, как и на других фронтах Великой Отечественной войны, выросли замечательные, крупные военачальники, которые проявили себя не только в боях под Сталинградом, но и в последующих сражениях, в которых они применяли полученный опыт и добивались блестящих успехов в руководстве фронтами, армиями, дивизиями.

Огромная организаторская работа наших командных кадров, направленная к достижению победы, мобильное управление войсками вместе с широко развернутой военно-политической работой дали замечательные результаты.

Громадное значение битвы нашло свое отражение и в том, что она широко освещается в литературе, прежде всего, естественно, в военно-исторической.

О Сталинграде пишут не только участники битвы, но и те, кто не принимали в ней непосредственного участия. Роль Сталинградской битвы как переломного момента в истории заставляет их делать это.

События Сталинградской битвы освещаются во многих книгах, вышедших в Федеративной Республике Германии. Это — Г. Дёрр «Поход на Сталинград», Манштейн «Утерянные победы», Курт Типпельскирх «История второй мировой войны», Гудериан «Опыт войны с Россией». Список подобных трудов можно продолжить.

Не мог не отвести известного места Сталинграду и У. Черчилль в своих мемуарах.

Я не касаюсь здесь многих книг, посвященных Сталинграду, вышедших в странах народной демократии.

О Сталинграде написано много военно-исторических исследований у нас в стране. Однако нельзя признать, что Сталинградская битва освещена уже достаточно полно.

Широкое отражение нашел Сталинград также в художественной литературе. Здесь без труда можно перечислить десятки книг. Назовем наиболее значительные: роман Некрасова «В окопах Сталинграда», повесть Симонова «Дни и ночи», роман Гроссмана «За правое дело», книга А. Коптяевой «Дружба». О Сталинграде пишутся стихи и поэмы, сценарии и пьесы, создаются кинокартины, художественные полотна, скульптуры.

Все это говорит о том, какой глубокий след в сознании человечества оставила Сталинградская битва.

Пройдут века, сотрутся в памяти людей многие события, но человечество никогда не забудет героических дней Сталинградской битвы.

События, благодаря которым по всему свету распространилась слава о советском городе-герое, должны быть широко увековечены.

По решению Центрального Комитета КПСС уже сейчас ведутся работы по строительству на Мамаевом кургане панорамы и памятника-монумента, как и ряда других сооружений, отражающих героику Сталинградской битвы. Это замечательный вклад в дело увековечения победы в этой битве, так высоко оцененной всем прогрессивным человечеством. Но эти сооружения будут нахо-

диться в черте города. Для более же полного отражения героики Сталинграда в тех пунктах, которые после внимательного историко-топографического анализа будут признаны наиболее подходящими, следует воздвигнуть ряд мемориальных сооружений. Внешняя форма их должна в наилучшей степени отражать сущность боевых событий, память о которых они запечатлеют на века. Решение этой задачи возможно в плане самых разнообразных скульптурно-архитектурных сооружений. Мне они представляются в виде обелисков. Необходимо, однако, чтобы на них было помещено, кроме обычных кратких мемориальных надписей, и возможно более подробное описание события. Желательно, чтобы это было сделано в запоминающейся художественно-выразительной форме.

Едва ли есть нужда в подробном обосновании необходимости этой работы, ибо те, кто отдал жизнь за счастливое настоящее и еще более светлое будущее нашей страны, за сохранение цивилизации и культуры всей нашей планеты, достойны того, чтобы память о них сохранялась вечно. Важно также и то, чтобы и у нынешнего молодого поколения, наших детей и внуков и у всех будущих поколений было правильное и полное представление о тех поистине исторических событиях, которые ознаменовали собой поворот в кровопролитнейшей из войн, когда-либо пережитых человечеством.

Вот, в сущности, и конец многолетнего нелегкого труда, которым было для меня написание книги, посвященной Сталинградской битве. В ней я изложил то, что видел, то, что пережил, то, что передумал и перечувствовал в дни битвы и после ее окончания. Я всей душой, всем сердцем люблю свою Родину и страстно ненавижу ее врагов; это чувство всегда помогало мне легче переживать тяжелейшие дни боевых испытаний.

Во всех своих переживаниях, мыслях и чувствах я никогда не отделял себя от своего народа, от своей Родины. Невзгоды и горести народа были моим личным несчастьем, его победы и достижения были моим личным успехом и счастьем.

Все шесть месяцев Сталинградской битвы запечатлелись в моей памяти, как действия по боевой тревоге. Все эти шесть напряженных месяцев не было сигнала отбоя солдатам-сталинградцам, они всегда находились в боевом напряжении. Я с ними вместе, как солдат партии,

вел напряженную работу на командных пунктах, в штабах и войсках. Когда приходилось бывать у воинов, которым через несколько минут предстояло ринуться в самое пекло сталинградских пожарищ, когда бессонными ночами под гул не утихавших ни на минуту сражений, склонившись над картой, я вновь и вновь искал наилучших оперативных решений, когда сурово требовал от командиров биться до последнего, когда подбадривал воинов, замерших на исходном рубеже для атаки, — всегда со мной было два самых возвышенных и чистых, звучащих как клятва слова: партия и народ. Во всех невзгодах и неудачах войск, тяжелых раздумьях, во всех радостях и победах я чувствовал рядом с собой плечо верного друга-единомышленника, старшего товарища по партии Никиты Сергеевича Хрущева. Его поддержка, советы, умение вдохнуть в человека веру в свои силы были для меня незаменимым подспорьем.

Сейчас, когда и раны давно зажили, и палка, без которой я не мог тогда передвигаться, выброшена, когда и времени уже прошло более полутора десятилетия, вспоминаешь те тяжелые и славные дни победы, и все сталинградцы от командармов до рядовых бойцов представляются мне единой ударной бригадой нашего народа, бригадой, все члены которой были спаяны партией в единый монолит, были неразрывно связаны единством цели, поставленной перед нами партией и народом, — разбить врага, свершить поворот в ходе смертельной борьбы, заложить краеугольные камни будущей победы над врагом. Мне хотелось бы, чтобы все, кто был под Сталинградом, всегда и везде чувствовали себя членами этой бессмертной бригады, всегда были примером доблести, мужества и трудолюбия.

Заканчивая последние строки своей книги, я мысленно встаю и обнажаю голову перед вечной памятью тех сталинградцев, которые без раздумий отдали свои жизни во имя счастья своего народа, во имя счастья всех грядущих поколений человечества.

Сталинград был для меня тем величайшим событием в жизни, которое, как резкий порыв ветра, всколыхнуло все мое существо до глубины души. Поток чувств и переживаний после окончания битвы переполнял меня.

☆

Командующий Южным фронтом генерал-полковник А. И. Еременко и член Военного совета фронта Н. С. Хрущев наблюдают за боем в районе Зимовники. Январь 1943 г.

А. А. Асланов

М. С. Диасамидзе

Командующий 64-й армией допрашивает пленного генерал-фельдмаршала Паулюса. На снимке слева направо: М. С. Шумилов, З. Т. Сердюк и Паулюс

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Приказом Ставки Верховного Главнокомандования с 1 января 1943 года Сталинградский фронт был переименован в Южный и определен в составе 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий (28-я армия была очень малочисленной и действовала на астраханском направлении, удаленном на 400 километров от основных сил фронта).

Командование фронта сохранилось в прежнем составе (А. И. Еременко — командующий войсками фронта, Н. С. Хрущев — член Военного совета, И. С. Варенников — начальник штаба фронта).

Основные армии Сталинградского фронта — 62, 64 и 57-я — были переданы в состав Донского фронта. Северная и южная границы Сталинградского фронта становились границами Южного фронта. Сразу же по получении директивы Ставки я незамедлительно поставил об этом в известность войска фронта. В Генеральный штаб было отправлено итоговое боевое донесение о действиях войск Сталинградского фронта. Содержание его изложено в той части настоящих воспоминаний, которая посвящена Сталинградской битве.

Перед войсками Южного фронта стояла очень важная задача — разгромить противника в нижнем течении Дона, овладеть Батайском, Ростовом, Новочеркасском с целью отрезать немецко-фашистские войска, находившиеся на Северном Кавказе (1-ю танковую и 17-ю германские армии). Это была большая задача.

Командование германской группы армий «Дон», хорошо знавшее обстановку, прилагало все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать нам в осуществлении этих целей.

4-я танковая армия Гота, созданная после окружения сталинградской группировки гитлеровцев заново и из-

рядно опять потрепанная в ходе неудачных попыток деблокировать окруженные войска, не смогла бы устоять против сильного натиска советских войск. Ее 57-й танковый корпус понес большие потери, особенно пострадали 23-я и 17-я танковые дивизии; 16-я моторизованная дивизия также была сильно потрепана; лишь дивизия СС «Викинг», переданная Готу из группы армий «А», сохранила свои силы. Румынские 2, 4, 18-я пехотные дивизии и 8-я кавалерийская дивизия были настолько подавлены и физически и морально, что не могли оказать сколько-нибудь серьезного противодействия советским войскам. Поскольку эти силы, по мнению командования противника, не могли устоять под натиском наших войск, им на помощь была подтянута в полном составе 1-я танковая армия, сохранившая почти все свои силы. Это было своевременное и правильное решение противника.

После этого наши наступавшие войска лишились количественного превосходства; не исправило полностью положения и подчинение нам 5-й ударной армии (из Юго-Западного фронта), имевшей задачу наступать севернее нижнего течения Дона на Шахты, поскольку эта армия была так же малочисленна, как и большинство наших армий, и не имела танков; ударной она называлась лишь по традиции.

В связи с этим утверждение Манштейна о том, что якобы наши силы имели большое превосходство над силами гитлеровцев, является явно необоснованным. Оно основано на сопоставлении количества соединений, но известно, что наши соединения по штатному составу в несколько раз уступали немецким дивизиям и были в то время крайне ослаблены; особенно это касается танковых и механизированных корпусов.

Войска фронта, преодолевая отчаянное сопротивление противника, продолжали продвигаться в западном и юго-западном направлениях.

Наше решение по разгрому противника в нижнем течении Дона, в районе Шахты, Новочеркасск, Константиновская, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом было представлено в Ставку Верховного Главнокомандования с просьбой о выделении дополнительно нескольких автомобильных батальонов для подвоза грузов к войскам. В связи с тем что наши механизированные и танковые корпуса понесли большие потери, мы просили

Ставку пополнить их материальной частью и людьми; испрашивалось пополнение и для 5-й ударной армии.

Наступление войск Южного фронта согласовывалось с действиями Закавказского фронта, войска которого получили задачу: силами черноморской группы прорвать фронт обороны противника южнее Краснодара и выйти в район Тихорецка. Предполагалось в результате действий двух фронтов закрыть немецко-фашистским войскам пути отхода через Ростов и Таманский полуостров в Крым и уничтожить кавказскую группировку противника.

Войска Южного фронта, ведя безостановочное наступление, получили весьма серьезные новые задачи, однако у них остались старые коммуникации, растянутые на сотни километров от баз снабжения.

Немецко-фашистское командование после разгрома его котельниковской группировки и начавшегося наступления Южного фронта на ростовском направлении почувствовало угрозу тылу всего южного фланга своих армий, особенно тылу 1-й танковой армии. Поэтому оно решило отвести эту армию из районов Моздока, Прохладного и Нальчика.

Прикрываясь сильными арьергардами, войска 1-й танковой армии противника в конце декабря начали отходить к Ростову; на рубеже реки Маныч она вместе с 4-й танковой армией противника прикрыла ростовское направление.

В ходе выполнения операции по разгрому кавказской группировки войск выяснилось, что Закавказский фронт не учел обстановки, создавшейся в результате стремительного наступления Южного фронта. Не учел он, очевидно, и решения противника о снятии 1-й танковой и 17-й армий с предгорий Кавказа и отводе их на рубеж Краснодар, Сальск, река Маныч с целью оказать сдерживающее сопротивление наступающим войскам Южного фронта. Черноморская группа Закавказского фронта, начавшая наступление с большим опозданием, продвигалась медленно. Командование фронта не смогло своевременно усилить ее.

Это позволило командованию противника, во-первых, совершить упомянутый маневр и, во-вторых, оказать упорное сопротивление войскам Южного фронта на ру-

беже реки Маныч, а войскам Закавказского фронта — на рубеже Краснодар, Тихорецк.

В первой половине января на необозримых просторах донских степей от Дона до Сальска развернулись жестокие бои. Обе стороны пытались добиться стратегического успеха. Мы хотели ударом в направлении Ростов овладеть городом. Фашистское командование, бросая в бой все новые и новые соединения, стремилось стабилизировать оборону и удержать для себя главную коммуникацию Тихорецк, Ростов.

Стояли сильные холода, перемежавшиеся с оттепелями и даже дождями. Войска фронта продолжали решительное наступление, неотступно преследуя противника.

Особая роль в этих боях принадлежала нашим танковым и механизированным корпусам, которые были брошены для развития успеха на направлении главного удара.

Вслед за Котельниково, Элистой и Тормосином они освободили еще несколько десятков населенных пунктов, взяли много пленных. Отступая, гитлеровцы бросили большое количество техники и различного вооружения. 2 января были взяты районный центр Дубовское и железнодорожная станция Ремонтная. Наши части подошли к рубежу реки Куберле, на котором противник пытался задержать наше дальнейшее продвижение (схема 22).

2 января вечером Ставка потребовала, чтобы войска 2-й гвардейской армии в случае упорного сопротивления противника в станице Цимлянской блокировали Цимлянскую и как можно скорее захватили станицу Константиновскую. Это указание в штабе фронта получил начальник штаба генерал-майор Варенников. Мы с Никитой Сергеевичем в это время находились как раз во 2-й гвардейской армии. В связи с этим 3 января 2-я гвардейская армия была нацелена на захват станицы Константиновской. В ходе наступления за этот день войска фронта значительно продвинулись вперед.

54-я механизированная бригада, смяв противника у Цимлянской, овладела ею. Преследуя противника, войска вышли на подступы к станицам Романовская, Кутейниково. 3-й гвардейский механизированный корпус и 87-я стрелковая дивизия завязали бои за город Зимовники.

Противник стал оказывать серьезное сопротивление. В районе северо-восточнее станицы Романовской и в районе Зимовников он перешел к активной обороне. Удерживая Зимовники частями СС «Викинг», командование противника усиливало здесь свои части, пытаясь сохранить фланговое положение в отношении 2-й гвардейской армии, наступавшей на Константиновскую.

Большие трудности наступавшие войска испытывали в подвозе боеприпасов, горючего и продовольствия (из-за большого отставания тылов). Появилась настоятельная необходимость усиления фронта тяжелыми самолетами для организации снабжения по воздуху подвижных частей горючим.

4 января войска фронта, преодолевая нарастающее сопротивление противника, вели наступательные бои на прежних направлениях. В районы Орловской и Куберле (железнодорожные станции юго-западнее Зимовники) фашисты подбрасывали эшелоны с танками и пехотой. Немецко-фашистские части выдвигались из Орловской на Куберле и на Каменско-Балковский, а из Куберле — на Зимовники и на Кутейниково.

5 января 5-я ударная армия вела бои за овладение населенными пунктами Севастьянов, Черкасский, Ниж. Парамонов. 2-я гвардейская армия развивала наступление на запад; 3-й гвардейский танковый корпус к 14 часам занял Ново-Золотовскую, Семикаракорскую и завязал бои за Константиновскую; группа генерала Крейзера в составе 2-го гвардейского механизированного корпуса, 300, 387 и 33-й гвардейской стрелковых дивизий (с 315-й стрелковой дивизией из состава 5-й ударной армии) к 14 часам овладела Тавриченским, Сметановским, Великановом, Паршиковом, Суланковом, Лозным. 98-я стрелковая дивизия овладела районом Каргальского.

51-я армия 302-й и 87-й стрелковыми дивизиями вела бой за Зимовники; 13-й механизированный корпус, находившийся во втором эшелоне в районе Власовская, Ильичев, Терновский, Мазанов, к исходу дня перешел в район Кравцов, Троицкий, Власовская; 3-й гвардейский механизированный корпус располагался в районе Черкесский, Пролетарское, Губарево; 126-я стрелковая дивизия, находившаяся в движении из района Камышев, Секретов в западном направлении, к исходу 5 января сосредоточи-

лась в районе Остробянский, Веселый, Пролетарская, Чапаев; 91-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Ставрополь, что юго-западнее Пролетарское; 36-я танковая бригада — в районе Сталино, Новоселовка.

28-я армия 6-й гвардейской танковой бригадой и 51-м танковым полком со 152-й механизированной бригадой к 16 часам 5 января вышла на рубеж Степного, а 152-я стрелковая бригада главными силами подошла к району Терновой; 34-я гвардейская стрелковая дивизия выдвинулась к совхозу № 8 южнее Терновой; 248-я стрелковая дивизия заняла Приютное, Балык; 159-я стрелковая бригада, овладев Чекин-Сала, закрепилась в районе Коблоты; остальные соединения армии (98, 99, 76, 52, 156-я стрелковые бригады), следуя в район сосредоточения из Элисты на Богородское, находились на марше.

За пять дней боев войска Южного фронта захватили 27 самолетов, около 50 танков, свыше 200 орудий и минометов, а также много другого вооружения, много складов с имуществом и продовольствием, боеприпасами и вооружением. За это же время было взято в плен около 4 тысяч солдат и офицеров. У железнодорожной станции Ремонтной противник оставил свыше 8 тысяч голов рогатого скота и около 3 тысяч лошадей. За ту же пятидневку наши войска уничтожили около 80 самолетов, 100 танков. Только убитыми противник потерял свыше 10 тысяч солдат и офицеров. Понимая свое отчаянное положение, боясь второго «Сталинграда», гитлеровцы непрерывно контратаковывали наши передовые части; то и дело завязывались встречные бои. Особенным ожесточением отличались контратаки на рубеже реки Куберле (район Зимовников), где действовала моторизованная дивизия СС «Викинг» (около 100 танков). Однако, понеся значительные потери, враг не добился здесь какого-либо успеха.

После того как 3-й гвардейский танковый корпус, развивая наступление вдоль южного берега Дона на Новочеркасск, 5 января овладел районом Семикаракорской, захватил плацдарм на северном берегу Дона у Ново-Золотовской и завязал бои за Константиновскую, армии фронта получили уточненные задачи.

5-я ударная армия должна была главными силами к исходу 6 января выйти на реку Кагальник, а к исходу

7 января — на реку Северный Донец; 2-й гвардейской армии частями, наступающими по северному берегу Дона, к исходу 7 января предстояло выйти на Северный Донец; 3-й гвардейский танковый корпус овладевал станицей Багаевской и отдельными отрядами выходил здесь на западный берег Дона, прочно обеспечивая захваченные переправы; 98-я стрелковая дивизия наносила удар в направлении Мартыновка, Бол. Орловка для расширения и закрепления полосы прорыва 3-го гвардейского танкового корпуса с последующим выходом в район Багаевской.

3-й гвардейский танковый корпус укреплялся двумя стрелковыми дивизиями с тем, чтобы к утру 7 января овладеть переправой у хутора Веселого. 2-й гвардейский механизированный корпус также нацеливался из района Мокросоленый, Сухосоленый, ферма № 1 для действий в направлении на Семикаракорская, Кутейниково и Зимовники.

51-й армии во взаимодействии с подвижной группой 28-й армии предстояло к исходу 6 января овладеть Пролетарской, а в дальнейшем нанести удар на Буденновскую с целью окружения и уничтожения зимовниковской группы противника.

Инженерные войска должны были своевременно обеспечить переправы через реки Северный Донец, Дон и Маныч, а 8-я воздушная армия надежно прикрыть с воздуха 3-й гвардейский танковый корпус в районе Семикаракорской и подвижные группы 51-й и 28-й армий, действовавшие в направлении на Пролетарскую, а бомбардировочными действиями на железнодорожном участке Белая Глина — Сальск не допустить подвоза войск противника к станции Пролетарской.

В эти дни наши части вели ожесточенные бои с противником, который, яростно сопротивляясь, часто переходил в контратаки.

В районе Кутейниково, Пролетарская, Бол. Орловская противник сосредоточил танковые и механизированные соединения, намереваясь ударить по левому флангу 2-й гвардейской армии. К счастью, мы это заметили и предприняли соответствующие меры. Тем не менее противник оказывал все более упорное сопротивление продвижению войск 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий.

Все это время мы с Н. С. Хрущевым проводили в войсках на направлениях, где велись наиболее напряженные бои.

Посетив 10 января командный пункт 51-й армии, расположенный на северо-восточной окраине Зимовников, и ознакомившись у товарища Труфанова с обстановкой на фронте армии, я направился в 4-й гвардейский механизированный корпус к товарищу Танасчишину.

По пути в корпус проехал по улицам Зимовников. Город только что был взят в жарких боях. На его окраинах — груды разбитой техники (сгоревшие танки, орудия), штабеля снарядов и бомб, много трупов, которые еще не успели убрать.

С командного пункта 4-го гвардейского механизированного корпуса мы вместе с товарищем Танасчишиным проехали в бригады. Побеседовав с танкистами и удостоверившись в их хорошем боевом настроении, я, к моему удовлетворению, нашел, что снабжение и питание в бригадах корпуса организовано хорошо. Пожелав танкистам успехов в боях за освобождение советской земли, мы затем навестили 302-ю стрелковую дивизию (командир дивизии полковник Макарчук). Штаб дивизии располагался в районе станции Грушевка. Вдоль железной дороги Котельниково — Сальск шли напряженные бои. Враг сопротивлялся. Боевые действия наземных войск поддерживались авиацией.

На обратном пути с командного пункта дивизии произошел случай, надолго оставшийся в моей памяти. Два полка наших штурмовиков («илов»), сопровождаемые группой истребителей, шли на боевое задание в район Сальска. Через 3—4 минуты группа самолетов скрылась из виду, а спустя еще 2—3 минуты затих и гул моторов. Вскоре мы заметили, что один из наших ястребков, участвовавших в сопровождении штурмовиков, начал отставать от группы; по-видимому, имелись какие-то неполадки. Командир эскадрильи, заметив это, приказал летчику вернуться на свою базу. И вот, когда самолет был уже на полпути к своему аэродрому, его перехватили истребители противника (Ме-109) и атаковали. Он вынужден был принять неравный бой. Первая атака Ме-109 не принесла победы фашистам. Меткой очередью один из самолетов врага был подбит и со снижением по-

шел на свою базу. Летчик нашего ястребка, свалив машину в пике, резко пошел вниз, имитируя падение, но на высоте 100—120 метров вывел самолет из пике, спланировал и приземлился, не выпуская шасси (на «пузо», как говорят летчики).

Фашистские истребители, заметившие, что «падавший» самолет благополучно приземлился, поняли, что обмануты советским летчиком. Они немедленно обстреляли его из пушек и пулеметов, пикируя на цель. После двух заходов каждого Ме-109, а их осталось два, наш самолет загорелся. Фашистские самолеты, сделав круг над своей жертвой, ушли в западном направлении. Мы оказались невольными свидетелями этого эпизода. Что же с летчиком? Возможно, он ранен?

Когда немецкие самолеты ушли, мы подъехали к горевшему самолету. Летчика, однако, не оказалось. Вокруг без конца расстилалась степь. Снег слегка припудрил землю, более плотно он лежал во впадинах и трещинах, сглаживая их поверхность. Лишь шары перекати-поле несколько нарушали степное однообразие. Наконец мы обнаружили след, ведший от самолета. Сев в машину, поехали по следу. Проехав примерно 200—300 метров, мы заметили и летчика, лежавшего за кустом перекати-поле. Вдруг над нами засвистели пули. Одна из них пробила наше ветровое стекло. Летчик обстреливал нас из пистолета. Выскочив из машины, мы криком дали ему знать, что «свои». Стрельба прекратилась. Поднявшись из своего «укрытия», он не мог выговорить ни слова: так растерялся, с него градом катил пот, хотя было довольно холодно. Успокоившись, летчик рассказал, что потерял ориентировку; он предполагал, что сел на территории, занятой гитлеровцами; наши машины (они были трофейные) он принял за вражеские. Эпизод лишний раз показал нам самоотверженность и патриотизм наших воинов. Молодой летчик, вся жизнь которого была еще впереди, не раздумывая шел на явную смерть; ему и в голову не приходило сдаться в плен, чтобы сохранить свою жизнь.

Выяснилось, что летчик был из состава истребительного корпуса генерал-майора авиации И. Т. Еременко (моего однофамильца). Части корпуса действовали с передовых аэродромов, прикрывая наступление наших

войск и сопровождая штурмовики. Посадив летчика в машину, мы доставили его в штаб корпуса, который находился недалеко. Летчик был представлен к награде. Нельзя не подчеркнуть здесь, что авиакорпус генерала Еременко, расположенный на передовых аэродромах, тесно взаимодействовал с наземными войсками и показал замечательную боевую выучку и организованность.

Покидая штаб авиационного корпуса, мы получили печальную весть: вскоре после нашего отъезда из 302-й стрелковой дивизии погиб командир дивизии полковник Макарчук; следуя на машине в один из полков, он подвергся в открытом поле нападению истребителей противника и был смертельно ранен (пулеметной очередью с пикирования). Погиб талантливый, мужественный командир дивизии. Для нас это была тяжелая утрата.

Тогда же побывали мы в 28-й армии (командующий генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко). Здесь, кроме решения обычных вопросов, я постарался наладить связь и взаимодействие с соседом фронта слева — 44-й армией Северо-Кавказского фронта. 28-я армия наступала в условиях бездорожья, в безводных полупустынных калмыцких степях с редко встречающимися небольшими населенными пунктами. Снабжение войск боеприпасами, горючим, продовольствием и даже водой было сложной проблемой. Несмотря на тяжелые условия для наступления (войска порой испытывали недостаток в горючем, продовольствии и боеприпасах), моральный дух бойцов и офицеров войск фронта оставался высоким. Воины были полны решимости очистить советскую землю от фашистской нечисти. Воины видели результаты хозяйничанья немецко-фашистских захватчиков и их зверств над советскими гражданами и пленными красноармейцами. На хуторе Малахов Ростовской области после изгнания оттуда фашистских мерзавцев было обнаружено семь трупов советских воинов, зверски замученных фашистами. Пленному красноармейцу Александру Ильичу Зубко гитлеровцы выкололи глаза, выбили зубы и изрезали лицо. Остальным пленным немецкие палачи размозжили головы и изуродовали лица до такой степени, что их невозможно было опознать.

На всем пути нашего наступления противник оказывал упорное сопротивление, постоянно переходя в контр-

атаки, стремясь задержать наше продвижение с целью прикрыть левый фланг своей кавказской группировки. Но все эти попытки остановить наше наступление и удержаться на рубеже реки Маныч оказались для него безуспешными. Охватывающие удары 28-й армии с юга, 2-й гвардейской армии с севера и сильные режущие удары частей 51-й армии через реку Маныч заставили противника отходить в западном направлении из опасения вновь попасть в окружение.

9 и 10 января бои с новой силой разгорелись на правом фланге Южного фронта в районе 5-й ударной армии (командующий армией генерал-лейтенант В. Д. Цветаев), где создалось очень серьезное положение. Силами 6-й, 11-й танковых, 336-й пехотной дивизий противник овладел населенными пунктами Демкин, Араканцев, Алифанов, пытаясь 10 января развить успех в юго-восточном направлении, чтобы выйти при этом на рубеж реки Кагальник. На усть-быстрянском направлении противник силой до пехотного полка и 50 танков при поддержке авиации атаковал Нов. Россошанский и также потеснил наши части. Свыше 100 вражеских танков при поддержке пехоты с трех направлений контратаковали наши части в районе Вифлянцев.

Командующему 2-й гвардейской армией было приказано немедленно выбросить два танковых полка 6-го стрелкового корпуса и резервный полк 387-й стрелковой дивизии в район Каргальско-Белянский, а передовые части этой группы на рубеж совхоз № 37, Кондаков и войти в связь с левым флангом 5-й ударной армии.

Чтобы нанести поражение танковым соединениям противника, мы вынуждены были здесь перейти к обороне. Северная группировка противника в составе пяти дивизий (более 120 танков) вела активные наступательные бои против частей ослабленной 5-й ударной армии и правого фланга 2-й гвардейской армии. Эта группировка стремилась последовательными ударами разгромить их, чтобы в дальнейшем получить возможность направить свои главные силы полностью против 2-й гвардейской армии.

В связи с этим по нашей просьбе Ставка передала из состава 5-й танковой армии Юго-Западного фронта 40-ю гвардейскую стрелковую дивизию и 8-ю гвардей-

скую танковую бригаду в подчинение командующего 5-й ударной армией. Одновременно часть сил 5-й танковой армии должна была нанести контрудар с севера на юг во фланг противнику, атакующему части 5-й ударной армии.

12 января войска фронта на правом фланге вели бои на прежних рубежах, а остальными силами вели наступление. Авиация противника непрерывно бомбила боевые порядки наступающих 51-й и 28-й армий.

В связи с тем, что в районе Ряска, Лозовой, Буденновская сосредоточивалась вражеская танковая группа в составе 120—150 танков, армии фронта получили следующие задачи: 8-я воздушная армия — всей штурмовой и бомбардировочной авиацией нанести 13 января удар по этой группе танков; 2-я гвардейская, 51-я и 28-я армии — решительными атаками в тесном взаимодействии с авиацией 8-й воздушной армии разгромить танковую группу противника.

Весь день 14 января центром и левым крылом фронт наступал в направлениях на станицы Буденновская, Пролетарская. В результате напряженных пятидневных боев с 17-й, 23-й танковыми дивизиями и моторизованной дивизией СС «Викинг» наши части продвинулись вперед до 15 километров и овладели станицами Батлаевская, Московский, Ряска, Украинский, Атамановский, Орловская (и одноименной железнодорожной станцией), Двойная.

При бое за станицу Орловскую большие потери понес 4-й мотополк дивизии СС «Викинг»; только у железнодорожной станции противник оставил около 700 трупов солдат и офицеров. Стремительная ночная атака нашими войсками противника, занимавшего станицу Орловскую, была для него неожиданной; враг в панике поспешно бежал из Орловской.

День 14 января мы с товарищем Н. С. Хрущевым провели во 2-й гвардейской армии. Детально ознакомившись с последними данными обстановки, с обеспеченностью соединений боеприпасами, горючим и продовольствием, мы вместе с генералом Р. Я. Малиновским проехали к танкистам 3-го гвардейского танкового корпуса, которым командовал генерал Ротмистров (3-й гвардейский танковый корпус — бывший 7-й танковый корпус, показав-

ший в наступательных боях образцы доблести и мужества [1]).

В боях за железнодорожную станцию Дубовское танкисты захватили эшелон с боеприпасами, 15 танков и много другого вооружения. Мы поздравили танкистов с присвоением гвардейского звания и с победой. Особо отличившиеся в боях танкисты были награждены. Корпус получил новую задачу: решительно наступать, разрезая боевые порядки противника, окружая и уничтожая его; захватить Ростов и Батайск. Танкисты обещали не пожалеть сил для достижения победы над врагом.

После этого мы заехали в 24-ю гвардейскую стрелковую дивизию 1-го гвардейского стрелкового корпуса, только что перешедшую во второй эшелон корпуса. Эта дивизия, мужественно сражавшаяся с врагом, наступавшая почти все время в первом эшелоне, понесла серьезные потери. Но моральный дух воинов-гвардейцев был по-прежнему высок. 12 января дивизия еще вела бои с противником, несколько раз контратаковавшим ее танками и пехотой. Рота младшего лейтенанта Василенко подверглась удару вражеского батальона при поддержке 14 танков. Гвардейцы, как обычно, встретили танки противника огнем из противотанковых ружей; пять немецких танков загорелись, остальные повернули обратно. Контратака была отбита. Гитлеровцы потеряли до двухсот солдат и офицеров. За отличные боевые действия Военный совет фронта наградил храбрых воинов; командиру дивизии было приказано представить младшего лейтенанта Василенко к очередному званию.

17 января войска фронта вышли на всем протяжении на восточный берег реки Северный Донец, где встретили организованное сопротивление противника. 2-я гвардейская и 51-я армии вышли на правый берег реки Маныч и канала Маныч, начав бои за Пролетарскую. Передовые части 248-й стрелковой дивизии и 159-й стрелковой бригады овладели городом Дивное.

---

[1] По представлению командования фронта звания «гвардейских» были присвоены следующим подвижным соединениям фронта: 7-му танковому корпусу — 3-го гвардейского танкового корпуса, 13-му механизированному корпусу — 4-го гвардейского механизированного корпуса, 4-му механизированному корпусу — 3-го гвардейского механизированного корпуса, 6-му механизированному корпусу — 5-го гвардейского механизированного корпуса.

Немцы особенно упорно обороняли сильный узел сопротивления — железнодорожную станцию и город Пролетарская. Здесь они сосредоточили полк СС «Германия», остатки различных разбитых немецких частей, много артиллерии, танков и до двух батарей шестиствольных минометов. Почти трое суток, днем и ночью, шли бои за Пролетарскую. Враг жестоко сопротивлялся. В результате решительной атаки наших частей 20 января враг был разгромлен и отброшен за Маныч. Наши войска заняли Пролетарскую. Противник оставил на улицах города сотни убитых и раненых, была захвачена артиллерийская батарея и много пленных. К этому дню войска фронта полностью очистили восточный берег реки Маныч, а в некоторых местах форсировали ее.

На севере ударами 5-й ударной армии противник к середине января был отброшен за реку Северный Донец.

Форсировав реку Маныч на нескольких участках, части 51-й армии во взаимодействии с частями 28-й армии в результате решительной атаки овладели городом и крупным железнодорожным узлом Сальск, районными центрами Константиновская, Веселый, крупным населенным пунктом Новый Егорлык.

На новочеркасском направлении, на рубеже реки Северный Донец, противник, подтянув резервы, стал оказывать упорное сопротивление войскам 5-й ударной армии.

20 января авангард механизированной группы 2-й гвардейской армии (3-й гвардейский механизированный корпус) подошел к Батайску и перерезал железную дорогу южнее Батайска, завязав бои на южной окраине города. Единственный выход для кавказской группировки врага на Ростов (по железной дороге) оказался под угрозой.

21 января наши части заняли населенные пункты Дубровский, Бугровский, Кочетовская, Красный Ловец, Красное Знамя, Красный Кут, Спорный.

Усилив ростовско-батайское направление не менее чем 70 танками, гитлеровцы непрерывными контратаками на рубеже Арпачин, Красный стремились воспрепятствовать выходу наших войск к Ольгинской и Батайску, затем они намеревались окружить наши механизированные части южнее Батайска и, изолировав его, сохранить проход к Ростову для своей кавказской группи-

ровки. На подступах к Батайску завязывались тяжелые бои, два дня авангард механизированной группы вел их изолированно. Главные силы группы ввязались в бои на рубеже Манычская, Самодуровка, Красный Лес и не могли помочь своему авангарду. Генерал Ротмистров отвел свои части из района населенных пунктов имени Ленина и имени ОГПУ в район Манычской, объяснив это тем, что 3-й гвардейский танковый корпус, в котором в строю осталось всего 11 танков, не в состоянии один вести активные боевые действия. 18-я и 1-я гвардейские танковые бригады этого корпуса, сосредоточившись в районе конного завода № 35, приводили себя в порядок; 3-я гвардейская танковая бригада вместе со 2-й мотострелковой бригадой вела бои в направлении Зеленой Рощи. 2-й и 5-й гвардейские механизированные корпуса, к сожалению, тоже были значительно ослаблены и на 23 января имели вместе не более 50 танков, почему, естественно, не могли быть эффективно использованы на этом участке против контратакующих танков и пехоты противника.

В 6 часов 30 минут 23 января 2-й гвардейской армии было приказано срочно занять группой Ротмистрова оставленные ею накануне населенные пункты имени Ленина и имени ОГПУ, перерезать южнее Батайска железную дорогу и подготовиться для занятия Батайска. 13-й гвардейский стрелковый корпус, прикрывшись с юга, должен был нанести решительный удар на Зеленую Рощу. Начальник автобронетанковых войск получил приказание к исходу 24 января сосредоточить 55-й танковый полк в Бол. Орловке и к этому же времени подтянуть аэросанные батальоны, имея в виду использовать их для действий в последующем в направлении на Батайск.

Попутно коснусь действий аэросанных батальонов. Идея создания этих батальонов была связана с представлением о большой подвижности и маневренности этих саней при наличии легкого вооружения (пулемет и автоматы). Предполагалось, что применение аэросаней для боевых действий в зимних условиях даст большой эффект, особенно в моральном отношении. На поверку оказалось, что аэросани не смогли удовлетворить требованиям, предъявляемым к боевым машинам. Они были уязвимы для вражеского огня и ненадежны даже как

средство передвижения, так как были весьма капризными и чувствительными к переменам погоды. Аэросанные батальоны, будучи плохо управляемыми подразделениями, не имели ни надежной подвижности, ни маневренности, а значит, и боеспособности. Таким образом, создание аэросанных батальонов, к сожалению, оказалось пустой затеей, вызвавшей лишнюю затрату средств.

24 января войска фронта главными силами 2-й гвардейской армии продолжали наступление с целью выхода в район Батайска. 51-я и 28-я армии развивали наступление в общем направлении на Мечетинскую. Противник, перейдя на ростовском направлении в контрнаступление, на отдельных участках потеснил наши войска. Дело в том, что во второй половине января войска фронта стали испытывать все большие затруднения с подвозом боеприпасов и особенно горючего. Из-за большой протяженности грунтовых путей подвоза, достигавших в отдельных случаях 500—600 километров, запасы на фронтовых базах снабжения все более сокращались, пока не иссякли. Бывали дни, когда некоторые подвижные соединения совсем не имели горючего, а другие имели по ползаправки.

Несмотря на это, войска фронта, особенно его левое крыло, продолжали поистине героическое наступление на Ростов.

Наступление левого фланга 28-й армии Южного фронта шло в тесном взаимодействии с правым флангом Северо-Кавказского фронта, танковые и кавалерийские подвижные группы которого наступали на уровне подвижных групп 28-й армии.

Передовые части 28-й армии 20 января в районе Лопанка соединились с 30-й кавалерийской дивизией 5-го кавалерийского корпуса Северо-Кавказского фронта. После этого мы все время чувствовали локтевую связь с соседом, поддерживая своими механизированными группами подвижные группы Северо-Кавказского фронта.

В связи с указанием Ставки о необходимости как можно более скорого овладения Батайском мы напрягали все силы. Зачастую приходилось бросать войска в бой с ходу. Так, 24 января командующему 51-й армией было приказано механизированную группу (3-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса) направить не на Азов, а на захват Батайска и Койсуга.

Сильное сопротивление, оказанное противником на батайско-ростовском направлении, не позволило нам восстановить положение, которое первоначально занимал 3-й гвардейский танковый корпус. Требовалась некоторая подготовка и перегруппировка войск.

26 января мы направили в Ставку следующую телеграмму:

«Авангард из состава 3-го гвардейского танкового корпуса под командованием полковника Егорова в составе танков Т-34 — 8 штук, Т-70 — 3 штуки, бронетранспортеров — 9 штук, бронемашин — 5 штук, пехоты на танках до 200 человек в ночь на 20 января выступил по маршруту: Мал. Западенка, Красный, Слава Труду, Батайск, Койсуг как авангард группы Ротмистрова и, не ввязываясь в бой на пути своего движения, к рассвету 20 января вышел в район совхоза им. Ленина и пункта им. ОГПУ; продолжая дальнейшее наступление на Батайск, он уничтожил у противника юго-восточнее Батайск 10 самолетов, 2 орудия, 1 миномет; при подходе к Батайск был остановлен сильной обороной противника, потеряв при этом в бою 5 танков Т-34 и 2 танка Т-70.

В результате этих потерь полковник Егоров прекратил наступление и занял круговую оборону в районе совхоза им. Ленина и им. ОГПУ.

В то время главные силы мехгруппы (2-й и 5-й гвардейские механизированные корпуса) были связаны боями с противником на рубеже Манычская, Самодуровка, Красный Лес и не смогли продвинуться вперед; авангард продолжал в течение 20 и 21 января вести бои с нарастающими силами противника один, изолированно, одновременно подвергаясь сильной бомбежке с воздуха, расходуя последние запасы горючего и боеприпасов.

Командир корпуса генерал Ротмистров, опасаясь, что авангард будет уничтожен, решил самостоятельно, не ставя никого в известность, в ночь на 22 января отвести его в исходный район, что и было выполнено полковником Егоровым...»

Приведу также боевое донесение генерала Ротмистрова от 26 января на имя командующего 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанта Малиновского.

Надо сказать, что генерал П. А. Ротмистров, будучи хорошо подготовленным командиром, обычно глубоко разбирался в обстановке и правильно принимал реше-

ния. Соединения, которыми он командовал, наносили врагу сильные удары. В своем донесении он докладывал:

«...1. После тяжелых боев на рубеже Ниж. Подпольный, Арпачин, Манычская, Красный части механизированной группы на 15 час. 26 января занимают следующее положение:

а) 3-я гвардейская танковая бригада и 2-я гвардейская мотострелковая бригада 3-го гвардейского танкового корпуса достигли северного берега р. Маныч против Манычская; обе бригады имеют танков КВ — 4, Т-34—1, Т-70—1, противотанковых орудий — 2; 18-я гвардейская танковая бригада имеет танков Т-34 — 4, Т-70—4, активных штыков — 50, противотанковых орудий — 2; находится в Елкин — мой резерв. 19-я гвардейская танковая бригада (без танков) находится в Елкин.

б) 2-й гвардейский механизированный корпус достиг Манычская, Красный; имеет на ходу танков Т-34—4, Т-70—4.

в) 5-й гвардейский механизированный корпус из района Федотов ведет наступление на Тузлуков; корпус имеет танков Т-34—2, Т-70—5, орудий ПТО—7, активных штыков — 2200.

2. Части механизированной группы 24, 25 и 26 января вели упорные бои с превосходящими силами противника, подошедшими с юга в составе 120—150 танков, 3—4 полков мотопехоты при очень активной поддержке авиации и артиллерии. В этих боях части понесли большие потери как в личном составе, так и в материальной части и артиллерии. 5-й гвардейский механизированный корпус потерял убитыми и ранеными всех командиров бригад...»

В заключение товарищ Ротмистров докладывал:

«...Противник, опасаясь захвата силами механизированной группы Батайска, на участок Манычская, Красный подвел крупные части из основных сил кавказской армии с задачей отбросить войска механизированной группы, подошедшие уже к Ольгинская за рекой Маныч.

Части механизированной группы, в результате сложившейся обстановки и тяжелых потерь, сейчас самостоятельных активных действий вести не могут».

Все дальнейшие усилия овладеть Ростовом и Батайском в январе не привели к желаемому результату.

27 января командующий войсками Северо-Кавказского фронта генерал И. И. Масленников специальным

письмом просил об увязке взаимодействия наших стрелковых частей с кавалерийской и танковой группами Северо-Кавказского фронта, так как пехота этого фронта двигалась от них на удалении 80—100 километров. Поддержание связи было возложено на командующего 28-й армией товарища Герасименко, которому было приказано увязать свои действия с действиями подвижных групп 4-го механизированного корпуса и 5-го кавалерийского корпуса 44-й армии Северо-Кавказского фронта, поддержать их действия стрелковыми частями, чтобы эти подвижные группы не оказались в беде, и вместе с ними добиться успеха левым флангом 28-й армии. С 3 февраля 44-я армия Северо-Кавказского фронта вместе с 4-м механизированным и 5-м кавалерийским корпусами была передана в состав Южного фронта.

Отступавшие под ударами наших войск немецко-фашистские захватчики, применяя обман, шантаж, главным же образом силу, угоняли население Северного Кавказа в Германию. Фашисты стремились запугать советских людей, внушали им, что советские войска будут жестоко расправляться с теми, кто побывал на территории, оккупированной врагом, что в Германии им будут созданы все условия для жизни и работы. Вместе с населением фашисты угоняли скот, вывозили хлеб и т. д.

Требовалось разоблачить лживые заявления оккупантов, вселить в измученных оккупацией людей уверенность, что они скоро будут освобождены, мало этого, нужно было поднять их на активные действия против немецко-фашистских захватчиков.

С этой целью Военный совет фронта обратился к населению, временно находившемуся под пятой оккупантов, с воззваниями, отпечатанными на двух листовках большим тиражом. Воззвания были распространены самолетами по всей территории Северного Кавказа, оккупированной немцами.

Поскольку эти документы сыграли известную роль в ходе дальнейшей борьбы против оккупантов, привожу их полностью:

«К старостам, к русским полицейским, служащим городских управлений и комендатур, КО ВСЕМ ТЕМ, КТО ОБМАНУТ НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, КТО ИЗ-ЗА СТРАХА СЛУЖИЛ ВРАГУ.

Обманом и угрозами немецко-фашистские захватчики завлекли вас в свои сети. Обманом и страхом они заставили вас служить себе, идти против своего народа, против Родины. Подлый враг толкнул вас... на гибельный путь.

Хотя немцы еще и бесчинствуют на нашей земле, но их дело проиграно. Красная Армия разгромила немецкие войска под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе и отбросила их на 450—500 километров к западу. На всех фронтах Красная Армия наступает... На юге советские войска стремительно продвигаются к Харькову, Донбассу и Ростову. 18 января Красная Армия прорвала блокаду Ленинграда. Повсюду немцы удирают, и недалеко время, когда немецко-фашистские захватчики будут окончательно вышвырнуты с нашей советской земли.

Что же теперь делать вам? Не рассчитывайте и не надейтесь на немцев. Они не помогут вам. Они бросят вас, выкинут, как негодный хлам.

Мы говорим вам открыто и прямо: ваше преступление перед Родиной велико и, если вы будете продолжать помогать немцам, вам не уйти от сурового наказания. Однако вы можете получить от Советской власти прощение, если начнете честно служить советскому народу.

Что же для этого вам нужно делать? Вредите немцам во всем и всячески. Укрывайте от них скот и продовольствие. Обманывайте немцев. Давайте им ложные сведения. Прячьте людей, которых разыскивают немцы. Помогайте партизанам. Сообщайте им и Красной Армии о всех намерениях врага. Рвите вражескую связь: телеграфные и телефонные провода. В одиночку и группами разрушайте железнодорожные пути. Уничтожайте вагоны, приводите в негодность паровозы. Истребляйте военное имущество немцев. Поджигайте немецкие склады. Если увидите, что вам грозит опасность от немцев, скройтесь вместе с семьями в других селениях. Добывайте у врага оружие, организуйте партизанские группы и разрушайте тылы врага. Истребляйте немецких разбойников.

Если будете действовать так, Родина, Советская власть простят вас, и ни один волос не упадет с вашей головы».

Другое воззвание было обращено к советскому населению временно оккупированных немцами областей.

«КТО УЙДЕТ К НЕМЦАМ — ТОТ ПОГИБНЕТ!

Дорогие товарищи! Наши отцы и матери, братья и сестры!

Для фашистских гадов наступил час расплаты. Красная Армия бьет и гонит немцев на Дону, на Северном Кавказе и на Центральном фронте. Бандитская армия Гитлера трещит по всем швам.

Спасаясь от могучих ударов Красной Армии, немецко-фашистские мерзавцы пытаются обмануть вас. Они говорят, чтобы вы уходили вместе с ними. Они заявляют, что Советская власть будет наказывать тех, кто остался в селах и городах, занятых немцами. Не верьте подлому вранью немцев!

У Советской власти, у Красной Армии одна цель: очистить нашу землю от гитлеровской нечисти, поскорее освободить вас от ненавистной фашистской неволи и вернуть вам спокойную, радостную жизнь, какой вы жили до войны.

А чего хотят злодеи-немцы?

Они заманивают вас в ловушку. Немцы угоняют вас с родной земли в Германию, а там заставят вас по 18 часов в сутки гнуть спину на немецких помещиков и фабрикантов. Молодых и здоровых мужчин немцы пошлют в Африку или в другие страны. Всякого, кто уйдет с немцами, ждет неминуемая гибель. Одни умрут с голода, другие от фашистских пыток, третьи от пуль. Ведь тысячи советских людей, насильно угнанных немцами в Германию, уже погибли в фашистской неволе от голода и мучений. Поэтому не поддавайтесь на фашистскую провокацию. Сделайте все, чтобы немцы не угнали вас насильно.

Помните, товарищи: дело немцев безнадежно проиграно. Красная Армия успешно очищает советскую землю от фашистских захватчиков. На юге наши войска подходят к Харькову, Донбассу, Ростову. 18 января части Красной Армии прорвали блокаду Ленинграда. Наши союзники — англичане и американцы бьют гитлеровцев в Северной Африке и готовят открытие второго фронта в Европе.

Товарищи! Ни в коем случае не уходите с немцами. Если уйдете, пропадете. Оставайтесь все на своих ме-

стах. Вам нечего и некого опасаться. Советская власть — это ваша родная власть! Никто, нигде и никогда не подумает наказать вас за то, что вы оставались в тех районах, в которые пришли немцы. Мы знаем, что вы не смогли уйти с Красной Армией. Мы знаем, какие страдания и муки вынесли вы под немецким сапогом. Теперь час вашего освобождения близок. Ждите прихода вашей родной Красной Армии и всеми средствами помогайте ей в борьбе против гитлеровцев. Не давайте немцам увозить хлеб и угонять скот. Разрушайте мосты и дороги, по которым будут удирать немцы. Поджигайте немецкие склады с боеприпасами и продовольствием. Помогайте партизанам громить фашистских разбойников!

Красная Армия наступает. Она несет вам освобождение от тяжелой фашистской неволи. Она несет вам радостную и счастливую жизнь на родимой земле».

Немецко-фашистские захватчики свирепствовали. Гитлеровские изверги грабили и разоряли мирное население станиц и хуторов. Так на хуторе Крылов Ростовской области немецкие разбойники выгнали из домов колхозников и отняли у них все личные вещи. Гитлеровцы забрали в колхозе всех лошадей, быков, коров, а мелкий скот и всю домашнюю птицу порезали. Фашистские молодчики расстреляли колхозницу-орденоноску Пелагею Марковскую вместе с сыном и мужем, двух подростков. Фашисты учиняли зверские расправы с попавшими в плен ранеными бойцами и командирами. Чем хуже себя чувствовали на оккупированной территории фашисты, тем больше они свирепствовали.

В последних числах января наше наступление на Ростов проходило очень медленно. Немцы, подтянув большое количество танков и мотопехоты, оказывали упорное сопротивление. Части 2-й гвардейской армии отбивали в день по нескольку контратак немецкой пехоты и танков.

Несмотря на тяжелое состояние частей, испытывавших недостаток в артиллерии, танках, боеприпасах, горючем и пополнениях, войска фронта продолжали упорные бои, с тем чтобы выполнить приказ Ставки Верховного Главнокомандования.

Мы бросили в бой все наличные силы и средства. Войска сражались мужественно, умело. Но противник также прилагал все усилия, чтобы удержать в своих руках Батайск и Ростов. Против войск фронта действовало 11 ди-

визий противника и около 285 танков. Их боевые действия прикрывались сотнями самолетов.

К 3 февраля 5-я ударная армия вела бои на рубеже реки Северный Донец от хутора Усть-Быстрый до станицы Кочетовская с частями 294-й пехотной, 22-танковой, 306, 336-й пехотных, 7-й авиаполевой дивизий, имевших до 120 танков, удерживая плацдарм на западном берегу реки Северный Донец.

2-я гвардейская армия продолжала бои на восточном берегу Дона от станицы Семикаракорской до станицы Манычской, у хутора Красного в 10 километрах западнее колхоза «Красное Знамя», захватив на западном берегу Дона плацдарм. Перед ее фронтом действовали части 11-й и 12-й танковых и 16-й моторизованной дивизий противника.

51-я армия сражалась с танковыми частями противника на рубеже Рудухина Балка, Раково-Таврический.

28-я армия на рубеже Ракитный, Зерноград, Мечетинская вела бои с частями 23-й танковой дивизии, моторизованной дивизии СС «Викинг» и 71-м резервным мотополком.

В ходе наступательных боев в январе войска фронта нанесли значительный урон противнику. Было захвачено 125 танков, 28 самолетов, 148 орудий, несколько продовольственных и вещевых складов, взято в плен много солдат и офицеров. За этот период потери врага составили: солдат и офицеров — 24 856 человек, самолетов — 181, танков — 387, орудий — 219, бронемашин — 163. Эти большие потери понесли 306-я и 336-я пехотные, 11, 17, 23-я танковые, 16-я и СС «Викинг» моторизованные дивизии. В ходе наступательных боев войска фронта очистили от противника территорию около 100 тысяч квадратных километров и освободили сотни населенных пунктов, в том числе около 30 крупных.

Еще к концу декабря 1942 года, когда заканчивался разгром группировки Манштейна, мое здоровье резко ухудшилось.

Читатель, наверное, помнит, что прибыл я в Сталинград с незажившими еще ранами, пообещав лечившему меня профессору Когану строго соблюдать предписанный мне режим. Едва ли стоит говорить, что никакой режим в условиях Сталинграда соблюдать было невозможно. Раны на ноге не только не зажили за это время, но

еще больше разболелись. К началу февраля, продержавшись на ногах более шести месяцев, я окончательно вышел из строя. Требовалось немедленное стационарное лечение. Было очень досадно оставлять командование перед взятием Ростова, когда завязались бои на его ближних подступах.

Ставка Верховного Главнокомандования, и прежде всего И. В. Сталин, не знали о состоянии моего здоровья, так как я всячески стремился скрыть это не только от Ставки, но и от близких мне по службе генералов и офицеров. Люди, правда, видели, что я прихрамывал и ходил опираясь на палку, но всем своим поведением, и прежде всего подвижностью, я всегда давал понять, что мое ранение ни в коей мере не затрудняет исполнение мною служебных обязанностей. Теперь же я вынужден был доложить Ставке все, что называется, начистоту, так как чувствовал, что мое состояние может в какой-то степени сказаться на успешности управления войсками. И. В. Сталин сказал мне тогда, что считает смену командующих в весьма напряженный момент операции делом нежелательным. И я, наверное, вынужден был бы остаться, если бы как-то в конце января на командном пункте фронта в Большой Мартыновке Никита Сергеевич не оказался случайно свидетелем одной из процедур, которым меня в последнее время подвергали врачи. До этого Никита Сергеевич тоже не все знал о моем состоянии.

В последующие дни он летал в Москву. Будучи на приеме у И. В. Сталина, он доложил ему о моем состоянии. В результате этого было получено распоряжение Ставки о моей отправке на лечение в Цхалтубо. Помню, по возвращении из Москвы Никита Сергеевич говорил мне: «Поедешь, подлечишься, нечего оставаться до завершения Ростовской операции, впереди еще много дел, нашей армии не один Ростов у немцев брать нужно, останется еще множество городов и у нас в России, и в Польше, и в Чехословакии, и в самой Германии. Здоровье вернешь — принесешь больше пользы».

Простились мы очень тепло: расцеловались и крепко обнялись. Никита Сергеевич проводил меня. Машина тронулась. Незаметно для окружающих я смахнул слезу. Трудно было расставаться с войсками, с фронтовыми товарищами, с которыми довелось пережить столько тя-

желых невзгод, а затем радость победы, первой полной победы над врагом за эту войну. Особенно тяжело было расставаться с Никитой Сергеевичем. Работая с ним рука об руку в течение шести месяцев, мы стали настоящими боевыми друзьями. Дружба эта закалилась в дни тяжелых боевых буден Сталинградской битвы, события, которое едва ли можно пережить дважды в жизни.

Нельзя забыть никогда этого поистине исторического полугодия.

Никита Сергеевич постоянно справлялся о моем здоровье, когда я находился на излечении. Одна из его телеграмм сохранилась у меня, приведу ее здесь.

«Генштаб РККА

Генерал-полковнику Антонову

12.4.43 г.

Посылаю через Вас письмо генерал-полковнику т. Еременко А. И. Адрес тов. Еременко я не знаю, а поэтому убедительно прошу Вас переслать это письмо тов. Еременко.

Н. Хрущев».

Вот это короткое, но теплое письмо:

«Дорогой Андрей Иванович! Хотелось бы узнать, каково состояние Вашего здоровья, как протекает лечение? Каково Ваше самочувствие? Писать мне можно на «долину».

Желаю Вам быстрого выздоровления и как старому солдату скорого возвращения в строй.

До свидания.

Н. Хрущев».

5 февраля наши части вновь вплотную подошли к Батайску. В ночь на 7 февраля наши разведчики, проникнув в расположение обороны противника, установили слабо защищенные участки, на которых гитлеровцы, спасаясь от мороза (стояли сильные холода), оставили лишь боевое охранение; основные же силы были оттянуты в населенный пункт. В полночь наши части внезапным ударом преодолели вражеские оборонительные рубежи, и к утру город Батайск был освобожден. Наши войска захватили до тысячи вагонов различного имущества и несколько тысяч пленных.

Завязались бои непосредственно за Ростов. Они носили крайне тяжелый и напряженный характер. Против-

ник занимал господствующий правый берег Дона; наши же части наступали по открытой низменной местности, простреливавшейся во всех направлениях. Наступление на город было решено начать также ночью. 8 февраля саперы закончили укрепление переправ через Дон. В полной темноте наши войска форсировали реку и сосредоточились для атаки на льду под прикрытием береговых обрывов. В 3 часа ночи начался штурм вражеских укреплений. Подступы к Ростову опоясывались окопами и противотанковыми рвами; большинство домов в городе было превращено в доты и огневые точки с круговым обстрелом; основные городские магистрали были заминированы, заграждены проволокой, рогатками, ежами и другими противотанковыми и противопехотными препятствиями. Подступы к укреплениям прикрывались сильным огнем артиллерии, минометов и стрелкового оружия.

Как только враг установил, что Дон форсирован нами, его артиллерия, минометы и бомбардировочная авиация взломали лед на реке. Это не остановило богатырей Сталинграда. В дерзновенном порыве наши воины прорвали первую полосу обороны противника и, расширив плацдарм на правом берегу, овладели прибрежными улицами южной части города и вокзалом. Первыми ворвались в город части подполковника Ковалева, подполковника Сиванкова, подполковника Дряхлова, майора Дубровина. Впереди атакующих подразделений, следуя боевому опыту и традициям сталинградцев, шли штурмовые группы. Дом за домом, улицу за улицей отвоевывали советские воины у врага.

Генерал-фельдмаршал Манштейн, подтянув в город новые силы, сосредоточив в нем большое количество танков и пехоты, а на ближайших аэродромах — бомбардировочную авиацию, предпринял отчаянную попытку выбить наши войска из города. В результате ожесточенных контратак противнику удалось кое-где потеснить некоторые наши подразделения. В течение дня враг атаковывал нас 6—7 раз. Некоторые кварталы переходили из рук в руки по нескольку раз. Наши воины, укрепившись на узкой полосе берега, дрались как львы. Истекая кровью в контратаках, теряя технику, враг ослабевал.

В боях на улицах Ростова славой покрыли себя солдаты батальона старшего лейтенанта Мадояна, захва-

тившие станцию Ростов-Главная и удерживавшие ее до подхода основных сил. Смелыми действиями отличились штурмовые группы офицеров Щербины и Вирченко. Станцию Ростов-Берег дерзким ударом захватила рота старшего лейтенанта Казакова. Немало славных подвигов совершили здесь советские летчики, в числе которых отважно сражались товарищи Погорелов, Перепелица. Как всегда, впереди были коммунисты.

В то время как в Ростове шли кровопролитные уличные бои, части генерала Цветаева опрокинули врага на правом берегу Северного Донца и решительным штурмом овладели городом Шахты. На следующий день стремительным ударом части генерала Чанчибадзе захватили «столицу» донского казачества — город Новочеркасск. Это явилось серьезной угрозой для вражеских войск, все еще отчаянно сопротивлявшихся в Ростове. Теперь над ними был занесен удар и с северо-востока. Одновременно были перерезаны железная и шоссейная дороги Ростов — Таганрог. Подтягивать резервы гитлеровскому командованию становилось все тяжелее, а натиск наших войск все возрастал.

Большую помощь армии оказали народные ополченцы, партизаны, многие ростовчане, героически дравшиеся с врагом. Высокий патриотизм проявляли женщины. Жительницы железнодорожного района Петренко, Рогожкина, Субачева и другие, выйдя из подвалов и укрытий, помогали воинам, спасали раненых.

В ночь на 14 февраля наши воины выбили гитлеровцев с последних рубежей. Остатки разбитых войск Манштейна с позором покинули город. Над Ростовом вновь взвилось родное Красное знамя, знамя победы и освобождения. Со слезами радости встречали ростовчане своих избавителей. На многолюдном митинге горожан, происходившем в Кировском сквере, выступил тепло встреченный присутствующими Никита Сергеевич Хрущев. Жители города поклялись отдать все свои силы возрождению родного Дона и города Ростова.

В самом конце войны мне довелось еще раз командовать войсками бывшего Сталинградского, бывшего Южного фронта. Он стал называться уже 4-м Украинским. Менялись названия, но оставались неизменными доблесть, мужество и героизм воинов этого прославлен-

ного фронта. Воины, стоявшие насмерть у стен волжской твердыни, штурмовавшие Ростов, теперь преодолевали почти неприступные Карпатские горы.

Уже всюду торжествовал мир. В связи с безоговорочной капитуляцией фашистской Германии воины всех фронтов прекратили боевые действия. Герои же обороны Сталинграда, штурма Ростова, перехода через Карпаты в труднейших условиях «приводили в чувство» фашистского фанатика Шернера, отказавшегося сложить оружие; его полчища находились на территории дружественной нам Чехословакии.

Пользуясь случаем, я выражаю воинам этого прославленного фронта, с которыми по воле партии мне выпала честь делить тяжелые боевые будни и радость побед, чувство теплой, душевной признательности.

Я всегда считал, что самым большим счастьем, самой большой удачей, выпавшей мне в жизни, было то, что Коммунистическая партия и советский народ доверили мне командование войсками на одном из важнейших участков советско-германского фронта в критический момент и что с помощью партии, с помощью всего народа, благодаря высокой сознательности и непревзойденным боевым качествам наших советских воинов, нам удалось здесь положить начало разгрома гитлеровской военной машины. Я горжусь также тем, что эту почетную и трудную задачу мне довелось выполнять рука об руку с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

☆

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ЕРЕМЕНКО

(биографическая справка)

А. И. Еременко родился 14 октября 1892 г. в бедной крестьянской семье в селе Марковка, Луганской области (бывшая Харьковская губерния).

Призванный в 1913 г. на действительную службу в царскую армию, он с начала первой мировой войны направляется на фронт, где в первых же боях получает ранение; за проявленную отвагу его производят в унтер-офицеры. После Февральской революции он активно участвует в работе полкового комитета в качестве уполномоченного от своего подразделения.

Возвратившись вместе с дивизией с румынского фронта на родину, тов. Еременко едет к себе на Украину, в Луганскую область. То были тревожные дни, когда на Украине начали хозяйничать немецкие оккупанты, когда то там, то здесь стали возникать белогвардейские банды. В такой обстановке, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы складывать оружие. И тов. Еременко становится во главе партизанского отряда, который в конце 1918 г. вливается в Красную Армию. С тех пор и начинается его непрерывная служба в рядах Советских Вооруженных Сил.

В декабре 1918 г. Андрей Иванович вступает в Коммунистическую партию.

С января 1919 г. он — Марковский военный комиссар, заместитель председателя Ревкома. С июня 1919 г. А. И. Еременко сражается с белогвардейцами в составе первых советских конных формирований. В должностях начальника бригадной разведки, начальника штаба полка, помощника командира полка 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии принимает участие в разгроме Деникина, в войне против панской Польши, в борьбе с Врангелем и бандами Махно.

За участие в боях гражданской войны ВЦИК награждает А. И. Еременко орденом Красного Знамени, а затем орденом Ленина.

В 1923 г., после успешной учебы в Высшей кавалерийской школе, А. И. Еременко назначается командиром 55-го кавалерий-

ского полка 14-й кавдивизии Затем снова учеба: курс единоначальников при Военно-политической академии имени В. И. Ленина и Академия имени М В. Фрунзе, после которых Андрей Иванович некоторое время командует 14-й кавалерийской дивизией, а с 1938 года — 6-м казачьим корпусом. Корпус принимает участие в освобождении Западной Белоруссии и Литвы.

С декабря 1940 г. по июнь 1941 г. А. И. Еременко — командующий 1-й отдельной Краснознаменной армией.

Великая Отечественная война. Лето и осень 1941 года. Вражеские полчища гитлеровцев рвутся в глубь страны, к Москве. А. И. Еременко руководит войсками фронтов: Западного (с 29 июня) и Брянского (с августа). В тяжелых условиях проводится Смоленское оборонительное сражение, в результате которого наши войска на месяц приостанавливают наступление гитлеровцев на восток. В столь же сложной обстановке Брянский фронт, прикрывая Москву с юго-запада, ведет бои с танковой группой Гудериана. По излечении после тяжелого ранения А. И. Еременко назначается командующим 4-й ударной армией, которая в составе Северо-Западного, а затем Калининского фронтов в суровых условиях зимы 1941 г. успешно осуществляет стремительную наступательную операцию на Андреаполь, Торопец, Велиж. Здесь снова тяжелое ранение, но еще 23 дня А. И. Еременко остается в строю, до завершения операции.

В начале августа 1942 г. автор уже в роли командующего войсками фронта на сталинградском направлении. Здесь под его командованием Юго-Восточный и Сталинградский фронты успешно осуществляют целый комплекс оборонительных операций, вошедших в историю под общим названием «героической обороны Сталинграда». В дальнейшем Сталинградский фронт принимает активное участие в контрнаступлении, завершившемся окружением сталинградской группировки гитлеровцев, и ликвидации попыток деблокировать окруженных. С января 1943 г. А. И. Еременко — командующий Южным фронтом, в который входит часть армий Сталинградского фронта. Фронт с боями наступает на Ростов. Этому периоду (август 1942 г. — февраль 1943 г.) и посвящена настоящая книга.

С апреля 1943 г. А. И. Еременко командует Калининским фронтом, который в этот период осуществляет Духовщинскую и Невельскую наступательные операции. В начале 1944 г. Отдельная приморская армия под командованием А. И. Еременко совместно с 4-м Украинским фронтом освобождает Крым от фашистских захватчиков. Армия с боями освобождает южное побережье Крыма от Керчи до Севастополя (420 километров). В результате стремительности удара войск армии противник не сумел разрушить Крым-

ские здравницы. Новое легкое ранение автора не прерывает его боевую деятельность.

С апреля 1944 г. А. И. Еременко уже во главе 2-го Прибалтийского фронта. Войска фронта наносят удар на идрицко-режицком направлении, а затем во взаимодействии с 3-м Прибалтийским фронтом освобождают Латвию и ее столицу Ригу. После завершения этой операции в марте 1945 г. А. И Еременко назначается командующим войсками 4-го Украинского фронта. Войска фронта освобождают территорию дружественной Чехословакии, овладевают промышленным районом Моравска Острава и рядом городов на пути к столице Чехословакии. Почти одновременно с войсками 1-го Украинского фронта маршала Конева 4-й Украинский фронт вступает в Прагу с востока. Этим войскам принадлежит честь разгрома последней группировки гитлеровцев, которая после капитуляции фашистской Германии все еще продолжала оказывать сопротивление.

После окончания Великой Отечественной войны А. И. Еременко командует (последовательно) войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского военных округов; с 1958 г. он — генеральный инспектор Министерства обороны СССР.

Боевые заслуги А. И. Еременко высоко оценены. Советское правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза, наградило тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени и многими медалями. За руководство войсками по освобождению Чехословакии и Польши он награжден высшими орденами этих стран.

Андрей Иванович Еременко — депутат Верховного Совета Союза ССР всех созывов, начиная с 1946 г. С XX съезда Коммунистической партии Советского Союза он — кандидат в члены ЦК КПСС.

В марте 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета тов. Еременко присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

☆

ОГЛАВЛЕНИЕ

☆

А. И. ЕРЕМЕНКО ★ СТАЛИНГРАД

СТАЛИНГРАД

А. И. ЕРЕМЕНКО

А. И. ЕРЕМЕНКО

СТАЛИНГРАД